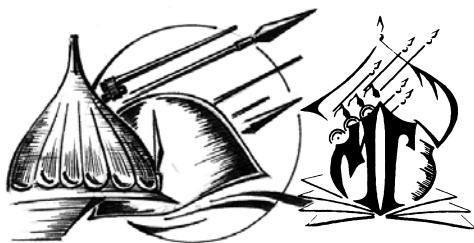

Россия, Русь! Храни себя, храни!

9
2010



Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

Григорий ТРУБАЧЕВ. Прыжок через пропасть. Рассказ	3
Александр ПОЛЯКОВ. Великаны сумрака. Роман. Продолжение	47
Иван ТЕРТЫЧНЫЙ. Рассказы	220
Нина БОЙКО. Короткие рассказы	228

ПОЭЗИЯ

Валерий САМАРИН. Тяжесть росы. Стихи	174
Нина СТРУЧКОВА. Шумят сады. Стихи	178
Игорь КУНИЦЫН. Мои острова. Стихи	180
Олег ДЕМЧЕНКО. Рубежи. Стихи	184
Татьяна ШОРОХОВА. Пронзая солнце. Стихи	188

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир БОЯРИНЦЕВ. Проект «Эйнштейн»	13
Надежда КУЗИНА, Анатолий СТАРОСТИН. Николай Костерин – Максвелл XX века	29

Людмила ФИОНОВА, Владимир БОЯРИНЦЕВ, Анатолий САМАРИН. Кому и за что дают Нобелевские премии	37
Сергей РОДИН. Украинская угроза. Что делать	191
Роман ПЕРИН. Несостоявшийся раввин Вольф Мессинг	214

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Андрей САВЕЛЬЕВ. Где выход из либерального тупика?	125
Николай СОМИН. Русская идея обязывает	153
Виктор ИЛЮХИН. О российской интеллигенции	166

ОСОБЕННЫЙ ПУТЬ РОССИИ

Владимир СМЫК. Сталинская модернизация и национальный опыт	241
---------------------------------------------------------------------	-----

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Александр РАКОВ, о. Иоанн МИРОНОВ. Нам нужна скромность	256
------------------------------------------------------------------	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Наталья БЛУДИЛИНА. Постмодернизм: глубина пустоты	267
------------------------------------------------------------	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ЧЕРКЕСОВ. Мгновенный взгляд	272
Владимир ДЕСЯТНИКОВ. Дневник русского. Продолжение	276

ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ ПРОПАСТЬ

РАССКАЗ

Он родился весенним днем среди кустов терновника, где пырей соткал плотный настил из пожухлых листьев. Молодая мать, красивая вороная кобылица, с трудом развернула свое тело, перегрызла пуповину и принялась любовно обли- зывать своего первенца. Через час жеребенок слегка обсох и попробовал встать. Передние ножки поставил вертикально, слегка раздвинув в стороны, поднатужился, но левая задняя подвернулась, и он снова оказался на траве. Полежал. Опять попытался подняться. На этот раз все ножки выпрямились, он, слегка покачиваясь, посмотрел на мать, и когда она тоже встала, нырнул ей под брюхо.

Но только на второй день кобылица допустила его до вы- мени. Жеребенок долго сосал, а потом, согретый материнс- ким телом, уснул. Солнце оторвалось от горизонта и двину- лось в свой извечный путь. Дул тихий восточный ветер. Рос- ший большими кулисами чабрец дурманил медовым аро- матом. Пара куропаток, отбившись от стаи, мостила в кудря- вом терновнике гнездо. И, сколько хватало глаз, виднелась древняя монгольская степь.

Когда жеребенок основательно окреп, мать повела его к стойбищу. В этой бескрайней степи, прежде густо населенной кочевниками, те-



ПРОЗА

перь оставалось совсем немного тех, кто не желал расставаться с традициями и обычаями своих предков. Остальные переехали в города и жили новыми требованиями, которые диктовал им двадцатый век.

Старший табунщик Челеду первым заметил вороную кобылицу.

— Наша красавица пришла! — показал табунщику Батахоу. — И потомство привела.

Кобылица подняла голову и горделиво заржала.

— Сейчас открою, — подходя к воротам загона, сказал Челеду.

Жеребенок при виде людей прижался к материнскому боку и зорко следил за ними. Батахой подошел к нему ближе.

— Ишь ты, какой большеголовый. И грудь мощная. Настоящий монгол.

Так у жеребенка появилось имя: Монгол.

Недалеко от загона стояли юрты. Жизнь этого небольшого общества, кочующего по степи, держалась на выращивании лошадей; молодняк пригоняли на рынок, и там покупатель решал: брать лошадь на мясо или в хозяйство.

На другой день Монгол с матерью были отправлены в табун маток, охраняемый и управляемый полудиким жеребцом. Табун находился на альпийских лугах Хангола и Хэтейя. Вороной жеребец встретил их радостным ржанием. Подбежал к кобылице, ударил о землю передними копытами, высоко вскинув голову с богатейшей гривой; обнюхал жеребчика, лизнул его, и, увлекая их за собой, повел на сочные травы овсянки, маточника и дикого лука.

Лошади, пасшиеся поблизости, подбегали знакомиться с новичками, но стоило хоть одной приблизиться к жеребенку, как молодая мать, пригнув голову, скалила зубы, пятилась задом и била задними копытами.

В первые дни жеребенок не отходил от матери. Но вскоре табун повернул к стойбищу, и вместе с другими жеребятами Монгол побежал по степи. Это был очень долгий пробег! Во время передышек Монгол пил материнское молоко и тщательно пережевывал срезанную резцами траву.

Набираясь сил, Монгол стал присматриваться к жеребяткам. Понравилась ему рыжий жеребчик и кобылка с белой звездочкой на лбу. Они вместе бегали наперегонки, и Монгол намного опережал своих сверстников. Он был неутомим.

В верховье реки Орхон Звездочка угодила ногой в глубокую нору сурка. Упав, она попыталась выдернуть ногу, но не смогла и заплакала. Крупные слезы катились из ее глаз. Монгол несколько раз обежал вокруг нее, а потом, заржав,

кинулся прочь. Он стрелой мчался к табунщикам. Добежал, закружил возле юрты, ржал, и все время делал движения в сторону, где находилась Звездочка. Табунщики сначала не поняли, отчего жеребенок ведет себя беспокойно. Но, наконец, один из них догадался: он куда-то зовет!

Когда за Монголом они примчались к беспомощной кобылке, извлекли из норы ее ногу, старший табунщик удивленно сказал:

— Надо же, какой умный!

Рыжий жеребчик тоже ухаживал за Звездочкой, дрался с Монголом, кусался, становился на задние ноги и бил копытами. Но Монгол был сильнее.

Тем временем табун начал потихоньку двигаться к северной части пустыни Гоби. Во главе шло несколько опытных кобылиц, сзади бежал жеребец, подгоняя молодняк, а в середине — все остальные лошади.

По следу табуна двигались волки.

Ветер дул в сторону преследователей, и жеребец не чувял опасности. Но как-то под вечер, когда табун остановился на отдых, а ветер резко переменял направление, опасность почувяли кобылицы. Подали сигнал; и тотчас жеребец организовал круговую оборону. Лошади встали головами к центру круга, прикрыв жеребят, и приготовились бить хищников задними копытами. Жеребец вихрем носился вокруг них, ни одной не давая шархануться в сторону. Волки с остервенением кидались на него, но он, разворачиваясь к ним грудью, вертелся и раздавал им удары направо и налево.

Хищники рассредоточились вдоль круга, выжидая удобный момент: внутри кольца жеребят, пожилые кобылы, к ним можно подобраться и вынудить табун к бегству. Этого боялся и жеребец. Он молнией метался вокруг кольца, напоминая табуну о своем присутствии.

А волки подступали все ближе. Делали резкие скачки, шелкали зубами, пытаясь сорвать табун на бег. Жеребец ни на секунду не останавливался. Весь мокрый, он кружил и кружил вокруг кобылиц. Казалось, у него неостанет сил, но к середине ночи произошло чудо: из табуна выскочил Монгол! Смело и решительно он начал выполнять все то, что делал жеребец. Фыркал, громко стучал копытами, носился вокруг кольца. Эта гонка продолжалась до наступления утра. Волки, чувствуя, что к кобылам не подступиться, решили напасть на жеребца или Монгола.

И вот в предрассветной мгле Монгол увидел летевшего на него волка. Он резко отскочил в сторону, развернулся к волку спиной, лишив его возможности вцепиться в горло, и ког-

да волк, в промашке, пролетел мимо, ударил его обоими копытами с такой силой, что тот отлетел на несколько метров. С востока разворачивалось яркое зарево, волки начали отступать, а Монгол, как заведенный, все бегал и бегал вдоль кольца обороны!

Но вот совсем рассвело. К Монголу подбежал жеребец, заржав, оповестил табун, что опасность миновала. Подошла Звездочка, радостно гарцуя. Лизнула Монгола в морду, помахала хвостом...

Табун двинулся дальше.

Со стороны пустыни дул горячий ветер, но там, где встречался поток холодного воздуха из Сибири, образовывались кучевые облака, погода резко менялась, и землю окутывал плотный туман. Мокрые, продрогшие, лошади мерзли; пали от холода два жеребенка и пожилая кобыла. Впервые Монгол, делавший большие пробежки вдаль от табуна, столкнулся с шакалами. Они пожирали падаль.

Он кинулся прочь, но почувствовал укус в шею. Наперерез Монголу выскочили сразу четыре шакала, чуть дальше караулили остальные. Монгол крутнулся, сбросил с шеи врага, ударил кого-то копытом, вскинулся на дыбы, ломая преследователям позвоночники, и все-таки два шакала вцепились Монголу в хвост. Ударом задней ноги он убил хищников. Затем кинулся на вертевшихся рядом, то становясь на задние ноги, то делая бешеные скачки. Шакалы в панике побежали, и Монгол, догоняя, топтал их, обрушивался на них всей массой, перегонял и убивал! В табун вернулся ликующий и возбужденный.

Постоянно меняя место выпаса, табун к следующей весне дошел до северной части Гоби. Табунчики начали отбивать окрепший молодняк, гнать на продажу. Пришел черед и Монгола. Вновь сформированный табун потихоньку погнали до Улан-Батора и дальше в Малайку, куда на торги съезжались покупатели из Монголии, Казахстана, Узбекистана, Киргизии и России. Больше всех закупала Россия.

К осени табун был на месте. С большим трудом удалось загнать молодых жеребцов на площадку, обнесенную бревнами. Сильнее всех сопротивлялся Монгол. Он свирепо показывал зубы, бросался на табунчиков, и лишь Звездочка, спокойно пройдя в ворота, заставила его пройти за ней следом.

Торги начались на второй день. Монгола из-за высокой цены на него, сразу никто не купил, но, чувствуя смертельную опасность, он забился в дальний угол загона и тревожно ржал. А когда на следующий день на его глазах застрелили рыжего жеребчика, не желавшего идти на убой, Монгол ночью выбил ногами верхнее бревно ограждения, перескочил

через него и увлек за собой Звездочку. Всю ночь они бежали в степь. В одном из предгорий остановились у небольшого каньона. Передохнули. Спустя несколько дней добрались до бывшего хозяйства монахов-отшельников. В двух километрах было озеро. Полуразрушенные постройки немного защищали от ветра, и беглецы решили остаться здесь. Молодые сердца так мощно гоняли по телу кровь, что Монгол и Звездочка благополучно перезимовали. Монгол окреп, возмужал. Когда солнце обласкало пригорки, они со Звездочкой двинулись дальше. Вскоре нашли свой табун.

Тут Монголу пришлось вступить в бой с жеребцом за право первенства. Этот бой Монгол проиграл, но отбил ночью одиннадцать кобылиц и увел их за собой в степь. В серых лучах рассвета табунщики увидали, как породистый жеребец гнал впереди себя пленниц.

Для начала решили дать им хорошенько напиться, затем разделились на группы и встали в разных местах. Началась погоня!

Монгол сначала бежал с кобылицами, но вскоре, нагруженные водой, они принялись отставать. Монгол остался один и бежал с такой скоростью, что табунщики не успевали. Гон длился до полудня — Монгол не показывал ни малейшей усталости. Табунщики меняли коней, а он все бежал и бежал. Преследователи отстали, но с рассветом снова помчались за ним. Распустив по ветру гриву и хвост, Монгол бежал неумоимо. Ему давали возможность напиться, и снова гнали, надеясь, что он не выдержит. Однако Монгол был словно выкован из железа.

Пять дней табунщики ловили его, невольно восхищаясь его выносливостью! Наконец старший табунщик сказал:

— Хватит. Его возьмет только пуля.

Но табунщик Батахой не согласился:

— Он устал уже. Я догоню.

Оседлав очень быструю кобылицу, Батахой продолжил преследование. Лошадь летела как вихрь, но жеребец, как и прежде, шел на недосягаемом расстоянии.

Тогда табунщики придумали хитрость: там, где Монгол останавливался на водопой, вырыли на тропе очень длинную, глубокую яму.

Жеребец пришел только на другой день. Табунщики, выскочив из укрытия, погнали его на яму, но Монгол спокойно ее перепрыгнул.

— Это не конь, это чёрт! — разозлился Батахой.

В ту же ночь, отбив от табуна кобылиц, Монгол вместе с ними ушел в степь.

Снова табунщики гнались за ним. Обнаружив его в каньоне, устроили слежку. Монгол кружил и метался во все стороны, удерживая пленниц. Загнал их к обрыву. В этот момент высочили из-за камней четыре табунщика, и в воздухе засвистели лассо. Жеребец фыркнул, взлетел вверх и гордо встал в лучах солнца!

— Вперед! — крикнул Батахой. — Теперь не уйдет!

Их кони рванули по тропе вверх. Монгол, отступив назад, сделал разбег, и — завис над пропастью!

Когда его ноги коснулись скальной площадки, он заржал и присел на них. Глаза пылали безумием!

... И вот уже только зеленый след на росистой траве.

Табунщики сгрудились на том месте, откуда взлетел Монгол. Преодолеть такую пропасть было невысказано.

— Все! — махнул рукой Батахой. — Пусть угонит для себя кобылиц и живет на свободе.

Вернувшись к загонам, они рассказали об этом старику Урсулу. Он внимательно выслушал. А вскоре начал копать у водопада яму. Поодаль врыл в землю столб, привязал к нему лассо, протянув петлю далеко по тропе, тщательно замаскировав. Для приманки пустил молодую стреноженную кобылицу пастись поблизости. Залез в яму и положил возле себя запасное лассо.

После долгих ожиданий кобылица, наконец, призывно заржала, и Урсул увидел жеребца. Монгол часто останавливался, осматривался, но ржание кобылицы побороло его осторожность. Описав возле нее два круга, он встал, приблизил свой нос к ее носу, переступая с ноги на ногу, пока задняя не оказалась в петле, — Урсул дернул лассо, и жеребец упал. Несмотря на отчаянную борьбу, он не смог вырваться. Из ямы вылезла маленькая фигурка табунщика и быстро накинула второе лассо на передние ноги Монгола. Ловким движением Урсул стянул ноги вместе.

Разъяренный Монгол продолжал биться в путах, все тело его сотрясалось от судорог. Урсул тоже дрожал. Он немного ослабил веревки; жеребец, почувствовав это, вскочил, но тотчас же повалился на землю. Осторожно старый Урсул дал Монголу подняться, и теперь жеребец, подпрыгивая на передних ногах, двигался туда, куда его гнал Урсул. Монгол яростно ржал, делал бешеные скачки, бока покрылись пеной, смешанной с кровью. Он падал. Он бросался из стороны в сторону... Но порывы делались все слабее.

— Ну вот, теперь мы тебя обуздаем, — сказал Урсул, сам вымотанный не меньше Монгола.

Добравшись до стана, он закрепил петлю на шее жеребца,

освободил от пут его ноги, и Монгол рванулся на волю! Петля не пустила. Монгол грянул всем телом, захрипел, выкатывая петлю, потом взвился на дыбы, — нет, аркан держал крепко!

Монгола охватил ужас! Солнце разбилось перед глазами, упали горы!

Петля затягивалась все сильнее — и вдруг Монгол метнулся не в сторону от людей, а к людям. Они шарахнулись, петля ослабела, жеребец глотнул воздуха и поволок табунщиков по земле. Но, стискивая в руках аркан, Урсул приблизился сбоку. Причмокивая, негромко бормотал:

— Не бойся, Монгол, стой, стой!.. — Дотянулся до него, погладил по морде, и — коротко, не оборачиваясь, приказал чабанам: — Уздечку! Стой, Монгол, стой, умница, — прикрыл глаза жеребца ладонью, накидывая узду. Монгол захрапел, рванулся, но Урсул ухватил его за верхнюю губу. — Накрутку!

От боли Монгол присел на задние ноги. Холодные железные удила загремели на губах и впились в их углы. На спину Монголу набросили седло, подтолкнули рывками, стиснули ремнями грудь.

Невыносимая боль в губах не давала ему вздохнуть. Он не заметил даже, как один из табунщиков сел на него; он очнулся только тогда, когда накрутку убрали. Несколько минут он стоял, ничего не соображая, и вдруг, скосив глаза, увидел на своей спине человека! От испуга жеребец рванулся вперед, и удила разорвали губы. Монгол взлетел на дыбы, злобно заржал, пытаясь скинуть с себя наездника, но аркан, который держал под стремянем другой табунщик, не дал ему этого сделать. Монгол побежал по кругу, ожидая, что круг разомкнется, а табунщик понукал его плетью и бил каблуками сапог.

Вечером, не расседывая, а лишь немного ослабив подпругу, его поставили у коновязи на выстойку. Повод уздечки был крепко намотан на луку седла, и голову приходилось держать прямо и ровно. Лечь на землю в таком положении было невыносимо.

Так Монгол простоял всю ночь. Набухшие губы были раздерганы, под потником ломило набитую спину, саднило бока.

— Не обижайся, друг, — сказал ему утром Батахой. — Жизнь, это такая штука, что подкует на все четыре ноги. Проголодался? Пить хочешь? Сейчас.

Монголу пришлось привыкать к седлу. Вскоре он его почти не чувствовал.

Хозяином Монгола стал табунщик Хучур. Он полюбил жеребца, вовремя поил и кормил и очень ласково с ним разговаривал. Но Монгол не представлял жизни без воли! Хучур

знал это и, выпуская его пастись, накладывал на передние ноги путы. Однажды Монгол, не вытерпев, перегрыз веревки. Он летал по степи, как ветер, вдыхал ароматы трав, любовался солнцем, счастливо ржал. Он пробегал целый день и всю ночь; затем вернулся к Хучуру.

— Не сбежал? — удивился Хучур. — Что ж, не буду накладывать путы. Ты умный конь!

А потом подошел день, когда животных стали готовить к продаже. Вместе с другими табунщиками на рынок поехал Хучур верхом на Монголе.

Торговля шла бойко. Она уже подходила к концу, когда к Хучуру приблизились двое мужчин.

— Продайте коня?

— Не могу.

— Мы дадим хорошие деньги. Ваш конь будет работать в цирке. В Москве.

У Хучура было много детей, и старшая дочь собиралась замуж. Подумав, он согласился. Он представлял, что такое «хорошие деньги», но столько, сколько ему заплатили за жеребца, он в глаза не видел! Его буквально осыпали деньгами!

Теперь Монгола гнали в Улан-Батор. Легкая тележка катила по пыльной дороге, в ней сидели покупатели, а рядом бежал сказочной красоты вороной жеребец. Встречные останавливались, заглядывались на Монгола. В Улан-Баторе его поместили в отдельный бокс и насыпали в кормушку овса. Монгол не прикоснулся к еде; он ждал своего хозяина. Однако никто не приходил, а в соседних боксах хрустели овсом лошади и громко перебирали ногами.

Утром явился конюх, поругал Монгола:

— Что ж ты, дикарь, ничего не ешь? На волю хочется? Привыкай. Гулять придется только на манеже.

В середине дня его вывели из бокса, и он увидел замкнутый круг и ступени амфитеатром. Сначала его одного водили по кругу, потом привели другого коня. Тот по взмаху хлыста становился на задние ноги и ходил по манежу на полусогнутых.

— Ну? Видел, как надо работать? — спросил дрессировщик Монгола.

На спину ему закрепили седло, и какой-то парень, вскочив на Монгола, заставил его бежать. У Монгола мельтешило перед глазами, к горлу подкатывала тошнота, а парень гонял и гонял его. И когда Монгол уже готов был упасть, парень спрыгнул.

— На сегодня хватит, — сказал.

Жеребца снова отвели в бокс, дали овса, но Монгол, пожевав немного, отвернулся.

Каждый день шли тренировки. За правильное исполнение номера Монгол получал сахар, и это несколько мирило его с новыми обстоятельствами. Его научили ходить на задних ногах, подниматься по ступенькам к специальной площадке, делать переход с одной площадки к другой, перепрыгивать через барьеры... И вот в Улан-Баторе появились афиши: «На арене цирка дикий мустанг!» Монгол имел огромный успех!

Вскоре его повезли в Москву.

В Москве он сначала выступал со старыми номерами, затем научился выполнять сальто, вручать женщине, сидевшей в первом ряду, цветы, возить на спине акробатов. Их было четверо. Затем стало шестеро. После тренировок у Монгола разламывалась спина, и когда на него поставили еще двух акробатов, он сбросил их. Пришлось уступить Монголу, хотя дрессировщик и так понимал: восемь человек — чуть не тонна на спине жеребца — это уж слишком!

Цирк начал готовиться к выступлению за границей.

— Ну что, дикарь, поедем удивлять Европу? — улыбался Монголу дрессировщик.

И Монгол удивил. В Берлине, когда мэр города, любясь его красотой, угостил жеребца сахаром и потрепал гриву, Монгол во время выступления вручил цветы не той женщине в первом ряду, которой всегда вручал, а, потянув носом и пройдя по проходу ко второму ряду, вручил их мэру и его жене. Зал разразился бурей аплодисментов! Утром все газеты рассказывали о Монголе!

После Германии выступали во Франции, а затем стали готовиться в Англию.

На дворе снова была весна. Пятая весна Монгола. Монгол затосковал. Даже в такой дали он словно чуял запах степи, где легкие наполняются прозрачным воздухом, где можно всласть бежать во весь дух, валяться в траве и пить чистой озерную воду.

— Ну, что задумался? — спрашивал его конюх. — Скучаешь по родине? Ты уж забудь ее, брат. — И шутя прибавлял: — У нас тут овес да сахар, а там что?

Плыть в Англию пришлось на пароме. Для Монгола отвели небольшой закуток, обнеся крепким брусом. Конюх надел на жеребца недоуздки и привязал к столбу. Пока шла остальная погрузка, Монгол успел пережевать ремень, подошел к ограждению, обнюхал, повернулся задом и, что есть силы ударил по верхнему брусу копытами! Брус разлетелся в щепки. Монгол разбежался, перепрыгнул через борт парома, и, оказавшись в воде Ла-Манша, поплыл к берегу. Вода была

ледяной, но он даже не замечал. На берегу отряхнулся и кинулся прочь от пристани!

Он бежал на восток, бежал туда, куда подсказывало ему сердце. При малейшей опасности, словно вихрь, уносился вперед. Почти не спал. Он ненавидел людей!

Каждый день он преодолевал громадные расстояния, не чувствуя ни малейшей усталости. Словно крылья выросли за его спиной. Впереди были реки Маас, Рейн, Эльба, Одер, Висла, Днепр, Дон, Волга... он преодолел все. Он добрался до монгольских озер!

И только тут дал себе отдых.

Потом двинулся к стойбищу, где безошибочно нашел юрту Хучура.

Первыми его увидели дети.

— Папа! Папа! — подбежали к отцу. — Там красивый вороной жеребец с недоуздом на голове!

Хучур сразу узнал Монгола.

— Артист прибежал! Я же читал о тебе — ты за границей сейчас, на гастролях. Жалко, но надо тебя вернуть.

Но за Монгола вступилась жена Хучура:

— С ума ты сошел! Дай ему кобылиц и отпусти на волю. Он заслужил. А какое потомство будет!

На другой день Хучур отбил от табуна семнадцать кобыл вместе со Звездочкой, и Монгол, заржав от счастья, вихрем понесся вокруг них, подгоняя, уводя все дальше и дальше в горы, откуда берет свое начало река Орхон, туда, где в густом терновнике дала ему жизнь вороная кобылица — его молодая мать.

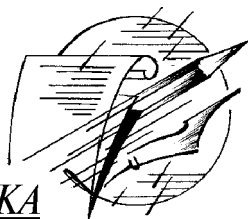
ПРОЕКТ «ЭЙНШТЕЙН»

Более ста лет назад, в июле 1905 года в журнале «Анналы физики» вышла статья, в которой излагалась теория относительности, решавшая проблему электродинамики движущихся тел. Автор — рядовой служащий патентного бюро Альберт Эйнштейн.

И вот в течение всего столетия не стихают споры о подлинном авторстве Эйнштейна при создании гипотезы, которая стараниями национально определенных средств массовой информации превратила молодого неспециалиста в гения всех времен и народов, в создателя «бессмертной» и «неопровержимой» *теории относительности*.

Но восемью годами ранее произошло событие, которое наложило отпечаток на все следующее столетие: состоялся первый сионистский конгресс.

На заданный самому себе вопрос: «Почему именно я создал теорию относительности?» Эйнштейн ответил в национально-ироничном духе: «Нормальный взрослый человек вообще не задумывается над проблемой пространства и времени. По его мнению, он уже думал об этой проблеме в детстве. Я же развивался интеллектуально так медленно, что пространство и время занимали мои мысли, когда я стал уже взрослым. Ес-



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

тественно, я мог глубже проникать в проблему, чем ребенок с нормальными наклонностями».

В 1931 году в сборнике «100 авторов против Эйнштейна» Дж. Кремер писал: «Я не знаю, был ли вообще в истории науки случай подобного массового внушения и заблуждения известных ученых в столь невероятном масштабе. Кажется невысказанным, чтобы математики, физики, философы и просто разумные люди могли бы на мгновение позволить внушить себе нечто подобное».

Чтобы понять, почему такое случилось, надо рассмотреть не только научную, но и общественно-политическую обстановку того времени.

Итак, в 1897 году состоялся первый сионистский конгресс. Движению, вышедшему из подполья, нужно было знамя. В свое время роль знамени подчеркивал известный финский писатель М.Ларни, который считал, что знаменем может быть и женская юбка; и чем выше это знамя, тем больше народу под ним собирается.

Здесь же надо было создать образ — образ главного гения всех времен и народов, образ, чей авторитет был бы на уровне Моисея, который вывел еврейский народ из Египта, на уровне Авраама — родоначальника евреев (кстати, основоположник легального сионизма Теодор Герцль в «еврейской сотне» занимает даже не призовое, а только восьмое место).

И такой человек был найден. Все остальное было внедрением информационных технологий, делом больших денег и широкомасштабной техники массовых информаций.

Как писала газета «Дуэль» (1998, №30), «Имя его перевозносилось массами, зачастую не имевшими никакого представления о физике, и в особенности, конечно, евреями. Эта национальная подоплека хорошо чувствовалась, вызвала законное отторжение...»

О нем самом, его жизни, деятельности, общественно-политических взглядах, написаны сотни капитальных трудов, но только в немногих из них дается более или менее объективная оценка этого человека, рассказывается о его поступках, приводятся его высказывания, нарушающие установившиеся представления о нем как об «общечеловеке», ученом, любящем отца и мужа. И все-таки сквозь наслоения разного рода выдумок можно увидеть истинный портрет человека, беззастенчиво присвоившего чужие труды, абсолютно благодарного, сломавшего судьбы родных и близких.

Мысль о существовании удивительного, гениального ученого, почти пророка, была настолько вбита в головы людей, а образ Эйнштейна так широко использовался и продолжает

мелькать в прессе и на телевизионных экранах, в рекламе пива, криминальных телевизионных сериалах, что любая попытка по достоинству оценить деятельность крупнейшего афериста от науки вызывает раздражение не только у обывателя.

В случае с обывателем — все понятно и объяснимо. Но другое дело — научная, физическая общественность. Она далеко не однородна. «В физике образовалось новое течение: релятивисты — ярые сторонники теории относительности Эйнштейна. Завязалась борьба сторонников и противников (антирелятивистов) злополучной теории, которая продолжается до сих пор» (Н.Е.Кузина, А.С.Чирва «Теория Эйнштейна как вирусная программа». «Русский Вестник», 06.12.2007).

При этом релятивистов ничуть не беспокоят обоснованные доказательства, показывающие физическую несостоятельность основных допущений теории относительности (в первую очередь, допущение о невозможности в движении превысить скорость света, а также произвольное неприятие положения о существовании мирового эфира — «физического вакуума» в специальной теории относительности и допущение его существования в общей теории относительности).

О значении теорий Эйнштейна для мировой науки и жизни человечества свидетельствует небольшая заметка «Курьез», опубликованная во французском журнале «La Recherche» (2006, №394):

«Исаак Ньютон победил в споре с Альбертом Эйнштейном в результате опроса, который провело Британское королевское научное общество, задав вопросы: кто внес больший вклад в науку и сделал больше для человечества — английский физик XVII века или немецкий физик?»

Исаак Ньютон, как показал опрос, оказал большее влияние на науку и человечество, чем Альберт Эйнштейн, — свидетельствуют результаты опросов, выполненных Королевским научным обществом и объявленных 23 ноября 2005 года.

Эти опросы сделаны в рамках дебатов «Эйнштейн против Ньютона» в популярной лекции, прочитанной в Королевском обществе в Лондоне по случаю празднования года Эйнштейна.

Участников опроса, как не имеющих отношения к науке, так и ученых, просили ответить: кто, по их мнению, внес больший вклад в науку, Эйнштейн или Ньютон, и кто оказал большее влияние на человечество.

В общей сложности в голосовании приняли участие 1363 человека, присутствовавших на лекции, и 345 ученых — членов

Королевского общества, которые отвечали на вопросы по электронной почте.

На первый вопрос: кто сделал больший вклад в науку? — ответ был таким:

*присутствовавшие: Ньютон — 61,8%; Эйнштейн — 38,2%;
ученые: Ньютон — 86,2%; Эйнштейн — 13,8%;*

На второй вопрос: кто оказал большее влияние на человечество? — ответ был таким:

*присутствовавшие: Ньютон — 50,1%; Эйнштейн — 49,9%;
ученые: Ньютон — 60,9%; Эйнштейн — 39,1%.*

В этой связи возникает вопрос, почему 2005-й год был назван «годом Эйнштейна»?»

В одной еврейской семье в Германии родился мальчик. Был он хилым и слабым, развивался очень медленно — только в семь лет начал произносить короткие фразы. Но ребенка надо было учить, поэтому, как водится, наняли ему скрипичных преподавателей, но они не смогли воодушевить ребенка. Правда, когда ребенок вырос, он играл на скрипке в составе квинтета, в который еще входили юрист, математик, переплетчик и тюремный надзиратель.

Ребенок рос, после начальной школы поступил в гимназию, где до него долетели первые брызги антисемитизма. Не то чтобы это касалось лично его, но он уже тогда проникся ненавистью к национализму и стал убежденным интернационалистом.

Закончить гимназию ему не удалось — учителя не понимали глубины его ответов из-за чрезвычайно замедленной речи и, хотя юноша запасся «бумажкой из нервного диспансера», был издан приказ о его отчислении (за год до окончания).

Но юноша был упорным и закончил другую гимназию и со второго захода поступил в престижный институт. Уже в те времена распространенным было мнение: если еврей и нееврей получили на вступительных экзаменах одинаковые оценки и оба не были приняты, то нееврей не поступил по причине собственной дурости, а еврей из-за антисемитизма.

В институте математику преподавали специалисты мирового класса. Но математика не интересовала юношу, преподаватели не видели его на лекциях, а экзамены, по его собственным словам, он сдавал с помощью своего приятеля Гроссмана, однако студенческие занятия выработали у него некую живость ума, хватку и умение осваивать чужие результаты, особенно в тех случаях, когда всю трудоемкую и черновую работу за него могли сделать другие.

После получения диплома его при институте не оставили, так как защитил он его на три с плюсом, хотя все его друзья остались при институте. Он пытался преподавать физику, но почему-то никто не хотел у него учиться, и два года прошли в поисках случайных заработков.

Соплеменники помогли юноше устроиться в патентное бюро, где при желании и должной сноровке можно было правильно определиться в выборе направления для научной деятельности.

Работа в патентном бюро, как в то время, так и позднее давала возможность быть в курсе всех новейших разработок в науке и технике и, следовательно, при желании посмотреть, что и где плохо лежит.

Молодого патентоведа заинтересовала гипотеза, предложенная двумя известными учеными (Х.Лоренцем и А.Пуанкаре) и объясняющая возникшие в физике противоречия. Эта новая гипотеза была им опубликована без ссылок на предыдущие работы ученых.

Опубликованная статья Эйнштейна не вызвала протестов у французских ученых, которые посчитали претензии молодого автора просто несостоятельными. А зря!

После этого начинается «раскрутка» молодого автора в мировом масштабе, а как это практически делается, простые «россияне» могут видеть на примере «раскрутки звезд» шоу-бизнеса. Как говорил один из специалистов: дайте мне сто пятьдесят тысяч долларов, и я из кривого и хромого сделаю телезвезду!

Но пока продолжалось формирование образа ученого мирового уровня, молодой человек еще несколько лет продолжал работать в патентном бюро.

Интересная деталь — не сохранилось никаких записей и черновиков его первых работ.

Наконец, настал момент, когда уже можно было «порадеть родному человечку», устроить его на профессорскую должность.

Выборы на эту должность в двух разных университетах проводились по единой схеме: фавориты-конкуренты отказывались от конкурса, оставляя должности молодому ученому.

Время шло, выходили новые его статьи с разными соавторами. В этом плане система работала четко: когда у молодого гения возникали математические трудности, он немедленно получал помощь от ученых евреев, фамилии которых (как соавторов) в повторных публикациях из текста изымались.

Наконец, международный сионистский комитет посчитал возможным представить молодого гения на соискание Но-

белевской премии. Нобелевский комитет не мог дать премию за развитие гипотезы Лоренца—Пуанкаре, поэтому присудил ее ему за описание физического закона фотоэлектрического эффекта, разработанного русским ученым А.Г. Столетовым. В преодолении математических трудностей ему оказала помощь жена-сербка, окончившая тот же институт: будущий гений пообещал ей отдать денежную часть Нобелевской премии. И действительно, денежная часть премии была использована им как средство давления на жену для получения согласия на развод.

Естественно, имелись критики и противники развиваемых гением теорий; так, один из них писал, что они представляют собой пример опасного влияния еврейских кругов на изучение природы, так как используют математическую болтовню, составленную из старых сведений и произвольных добавок. Но тогда уже усиленно насаждалось мнение, что все нападки на теории гения были частью большого заговора против демократии и прогресса. С противниками поступали круто: одного из них посчитали необходимым обследовать психиатрически, а на другого впоследствии пытались представить материалы в гестапо по причине его возможного еврейского происхождения.

Сам же гений всю жизнь оставался противником национализма и истинным интернационалистом. Известен факт — когда к нему за помощью обратился польский еврей с просьбой устроить его на работу в университет для преподавания физики, гений ответил, что в системе Академии это трудно сделать (все они антисемиты!) и порекомендовал его другому ученому, даже не спросив, имеет ли этот польский еврей хоть какое-нибудь представление о физике. Чем не пример интернационализма? Потом он писал, что стал принимать активное участие в международном сионистском движении после 1-й Мировой войны.

В двадцатых годах закончилось формирование образа гения всех времен и народов, и он с новой женой-еврейкой (троюродной сестрой по отцу и двоюродной по матери) в начале тридцатых годов перебрался в Америку, где евреями-миллиардерами был создан специальный институт, что позволило гению до конца дней своих заниматься поисками философского камня — фальсификацией единой теории, описывающей все физические процессы.

Фотография гения всех времен и народов с высунутым языком обошла все печатные издания мира. Гений был прав, показав «своими» теориями длинный язык всему ученому и неученому человечеству.

Создается впечатление, что на старости лет у Эйнштейна стала пробуждаться совесть, в 1948 году он писал: «Пусть никто не думает, что великое создание Ньютона может быть ниспровергнуто теорией относительности или какой-нибудь другой теорией. Ясные и широкие идеи Ньютона навечно сохраняют свое значение фундамента, на котором построены наши современные представления».

И не себя ли он имел в виду, когда писал: «Нет ни одной идеи, в которой я был бы уверен, что она выдержит испытание временем».

Своей внезапной славой Эйнштейн обязан средствам массовой информации, как известно, в своем подавляющем числе принадлежащим еврейскому капиталу. Заголовки английских и американских газет выглядели так: «Революция в науке», «Новая теория строения вселенной», «Ниспровержение механики Ньютона», «Лучи изогнуты, физики в смятении. Теория Эйнштейна торжествует».

Научные экспедиции, базировавшиеся в Собрале, деревне на севере Бразилии, и на острове Принчипе в Гвинейском заливе, зафиксировали искривление звездных лучей вблизи Солнца — факт, якобы предсказанный общей теорией относительности. Когда об этом доложили в Королевском обществе в Лондоне, сообщение произвело фурор. Президент Королевского общества объявил теорию относительности высочайшим достижением человеческой мысли.

Средства массовой информации создали из Эйнштейна образ мудреца и оракула, и теперь его внимания домогался весь мир. Сам Эйнштейн в конце 1919 года писал: «От меня хотят статей, заявлений, фотографий и пр. Все это напоминает сказку о новом платье короля и отдает безумием, но безобидным». Здесь Эйнштейн ошибался: это безумие оказалось занятием не только не безобидным, но и весьма прибыльным.

В его честь называли сигары, младенцев, телескопы и башни, непрерывным потоком шли письма... Кто только не писал Эйнштейну: доброжелатели, религиозные психопаты, шарлатаны, просившие денег, общественные организации и движения, искавшие его поддержки, школьники...

Но такая навязчивая реклама, как мы это видим в наше время на основе телевизионной рекламы, вызывала и отрицательное впечатление о рекламируемом гении. В 1922-м Эйнштейну даже пришлось отказаться от заранее намеченного доклада, после чего он писал Планку: «Я принадлежу к той группе лиц, на которую **в народе планируются покушения...** Вся сложность моего положения в том, что мое имя слишком

часто появляется в газетах, а это настраивает **чернь** против меня. Тут не поможет ничего, кроме терпения и — отъезда...» (выделено мной. — В.Б.).

В этом коротком тексте содержится несколько интересных моментов:

а) налицо мания величия — опасность быть закиданным гнилыми помидорами или тухлыми яйцами возводится в ранг покушения на жизнь:

б) для человеколюба Эйнштейна народ является чернью:

в) он понимает, что для ученого, чьи претензии на авторство сомнительны, главное — вовремя смыться.

В 1923 году из Цюрихского университета ушел великий физик Х.Лоренц, и факультет, находившийся в городке Лейден, остался без руководителя. Эйнштейн стал нобелевским лауреатом в 1922 году. Казалось бы, более достойного претендента на занятие освободившейся должности не было, но Эйнштейн отказался принять это предложение. И здесь речь может идти не столько об угрозынии совести, сколько о сознании Эйнштейном той роли, которую он сыграл в отношении научных достижений Лоренца.

Когда в год 70-летия Эйнштейна вышла его книга «Сущность теории относительности» (первое издание в 1949 году), то «Нью-Йорк таймс» написала: «Новая теория Эйнштейна дает ключ к тайнам Вселенной». Выдающийся английский физик, открывший электрон, создатель одной из первых моделей строения атома Д.Д. Томсон в своих воспоминаниях писал, что теория относительности возбудила интерес к ней и ученых, и широкой публики. Лекции по этой теории собирали огромные аудитории, книги мгновенно раскупались. В среде аристократов и религиозных деятелей стало модным поговорить о теории относительности. Считалось, что эта теория имеет прямое отношение к религии, поскольку в ней было много таинственного. Сам же Томсон говорил, что она «ничего общего с религией не имеет» и является не такой фундаментальной, как уравнения Максвелла, из которых можно получить все те конкретные результаты, лишь заявленные в «теории» Эйнштейна. Хотя в физике существуют определенные правила, которые не позволяют принять на веру те математические разработки и формулы, которые не подтверждены опытным путем, или те явления, которые противоречат физике. Но в случае с Эйнштейном нарушались все традиции.

Однажды сын спросил Эйнштейна, почему он присутствует не на научном конгрессе, а на сионистском. Ответ был таков: «Потому, что я еврейский святой».

Сионистские убеждения «святого» возникли не на пустом месте. Эйнштейн с ранних лет прекрасно знал, судьбу какого народа он разделяет. Когда в 1901 году еще молодым человеком он думал о преподавательской работе, то писал, что, по его убеждению, *«антисемитизм, распространенный в немецкоязычных странах, окажется для него одним из основных препятствий»*.

В детстве Эйнштейн так проникся религией, что отказывался есть свинину, а в одиннадцать лет слагал гимны Господу и пел их на улице. В письме 1920 года он пишет, что школа была достаточно либеральной, и, как еврей, он не подвергался никакой дискриминации со стороны учителей. Потом он скажет, что до конца осознал свою принадлежность к евреям только после Первой мировой войны, когда его «вовлекли» в сионистское движение.

Тогда его «вовлекли» в движение, то есть, сделав известным, стремились эту известность максимально использовать. Но вся предыдущая его деятельность характеризовалась неизменной сионистской поддержкой всех его действий и направлением ему своевременных рекомендаций.

Национализм Эйнштейн ненавидел тогда, когда речь шла о нееврейском национализме. Но вот что он писал о еврейском национализме: **«Именно национализм ставит целью не власть, но благородство и цельность; если б мы не жили среди нетерпимого, узколобого и дикого люда, я был бы первым, кто отверг бы принцип национализма во имя идеи о едином человечестве»**.

В словах Эйнштейна четко просматривается «двойной стандарт», двойственный подход к одному и тому же явлению, характерный для иудаизма, или, другими словами: что позволено еврею, то недопустимо для гоя.

Мнение противников Эйнштейна, которого в лучшем случае можно считать только популяризатором теории относительности, узнать совсем не просто, так как научные статьи подобного плана не публикуются в широко известных научных изданиях. Попытки же издать научно-публицистические работы наталкиваются не только на цензурные рогатки, но на цензуру кланово-финансовую. Однако в наше время достоянием научной общественности все же становятся взгляды на проблему Эйнштейна известных русских и советских ученых.

Профессор А.К. Тимирязев, сын знаменитого русского ученого К.А. Тимирязева, будучи незаурядным популяризатором научных знаний, подробно излагал основные положения теории относительности Эйнштейна с обширными цитатами из него.

В одной из своих работ А. К. Тимирязев писал в 1924 году: «Мы уже много раз указывали на то, как мало у нас способов подойти к опытной физической проверке результатов этой теории, и насколько сомнительны достигнутые в этом направлении результаты. Никто не будет, конечно, возражать против гипотез, против «умозрений», отправляющихся от фактов и порой далеко забегающих вперед и побуждающих нас идти на поиск новых фактов.

Но ценным является только такое «умозрение», которое, в конечном счете, может быть проверено на фактах. Выводы же теории относительности тщательным образом от такой проверки забронированы. Эйнштейн поставил себе задачу построить мир таким, каким ему хочется, и он достиг шумного успеха только потому, что его гипотезы — с физической точки зрения необоснованные — не могут быть при современном состоянии науки проверены.

Пусть все эти гипотезы укладываются математически в очень стройную систему. Математик говорит — у Эйнштейна только одна идея: все системы координат равноправны, и больше ничего. Но физически сколько в этом гипотез! В специальном принципе — требование постоянства скорости света представляется недоказанной гипотезой.

Далее: требование изменения размеров движущихся тел и изменения хода часов при теперешней технике не может быть доказано. Допущение, что под действие силы тяжести пространство становится неевклидовым и притом в различной степени — в зависимости от величины действующих масс — опять ничем не доказанная гипотеза.

Наконец, требование, чтобы центробежная сила получалась при вращении Вселенной вокруг Земли, не доказано, и, наконец, не доказано, что при этом Земля — ничтожнейшая песчинка по сравнению с миром бешено летящих вокруг нее звезд — должна создать гигантское поле тяготения; физически, все это гипотезы, гипотезы и гипотезы, которых никто и никогда не проверял...»

А. К. Тимирязев отмечал: «В современной теоретической физике получилась неприятность, вдруг пропала грань, отделяющая систему Коперника от системы Птолемея!» Однако подобное убийственное замечание сторонники Эйнштейна называют просто «расхожим примером».

А. К. Тимирязев приветствовал и пропагандировал результаты новых интерференционных экспериментов, подтверждающих влияние движения Земли на скорость света и тем опровергающих основное допущение теории относительности.

Речь шла об опытах Д. Миллера в 1921—1925 годах. Тимирязев отмечал принципиальную важность результатов Мил-

лера: «*Вся специальная теория относительности перестала существовать, так как она построена на преобразованиях Лоренца—Эйнштейна, эти преобразования опирались на принцип постоянства скорости света, а этот принцип теперь опровергнут 9000 тщательнейших измерений!*»

С опровержением теории относительности А.К.Тимирязев выступил на V съезде русских физиков в Москве (декабрь 1926 года). Однако реакция съезда на этот доклад была отрицательной, о чем специально позаботился А.Ф. Иоффе.

Но подобной отрицательной оценкой доклада дело не ограничилось: Гамов направил письмо-донос И.В. Сталину с просьбой разобраться с А.К. Тимирязевым и Б.М. Гессеном, а через год после этого уехал на Сольвеевский конгресс вместе с женой и оттуда на родину не вернулся.

Академик Иоффе также писал в своем доносе, что группа А.К. Тимирязева стремится превратить МГУ **в центр реакционной физики**: «*Ведь зачеркнув теоретическую физику Фока, Френкеля, Тамма, Манделъштама, Ландау и их учеников, мы вычеркнем без остатка всю советскую теоретическую физику...*»

Интересен взгляд на теорию относительности К.Э. Циолковского. В заметке под названием «Библия и научные тенденции Запада» в 1935 году Циолковский писал: «*Эйнштейн в своей теории относительности (релятивности) приходит, между прочим, к следующим выводам. Вселенная имеет ограниченные размеры — примерно 200 миллионов световых лет. Теперь это опровергнуто уже фактически астрономией. Размеры Вселенной, по мере развития науки, все более и более расширялись и в настоящее время перешли эйнштейновские пределы. Указание на пределы Вселенной так же странно, как если бы кто доказал, что она имеет в поперечнике один миллиметр. Сущность одна и та же... Мы не знаем ограниченности во времени. И сам Эйнштейн признает его неограниченность в прошедшем и будущем. Но раз время беспредельно, то как же может быть ограничено пространство!*»

Циолковский не мог пройти мимо проблемы одновременности в теории относительности: «*Особому рассмотрению должно быть подвергнуто представление о «мгновенности» времени... Что такое мгновенность? Мгновенная передача импульсов от одного конца стержня к другому. Говорят, что такой мгновенный процесс совершается вне времени, но только в пространстве. Но опять-таки это неверно, ибо мгновенность может быть одной тысячной, одной миллионной или одной миллиардной и так далее секунды. Значит, никакой мгновенности не существует, и физики не должны пользоваться этим*

ложным термином. Мгновенность, как и одновременность, в покоящихся и движущихся системах суть проявление нашего крайнего невежества! Серьезно говорить о мгновении просто нельзя, ибо она только удобная форма, принятая для «объяснений» событий.

Особенно странной мне кажется «мгновенность», которой оперирует Эйнштейн в своей теории относительности. Конечно, никакой мгновенности в природе не существует, и то, что он относит за счет понятия «вне времени», происходит в ничтожные доли секунды, как искусственной единицы, и за счет пространства, как он справедливо полагает. Если время как явление природы существует, то ничто не может быть вне времени, ибо это — бессмыслица. Если время не существует, тогда из него нельзя создавать обязательный фактор движения системы и украшать земными часами все космические стержни, а Минковскому из абстрактного понятия времени делать четвертую координату, которую приставляют к трехмерному пространству. Надо согласиться, что это удобная конструкция, особенно для электродинамики, но **насколько она реальна — это еще никем не доказано!**» (выделено мной. — В.Б.).

Циолковский чрезвычайно здраво оценивал роль теории относительности: «Чисто математические упражнения, может быть, и любопытные, как забавнейшая игра человеческого ума, представляют в действительности бессмыслицу, которой отличаются многие современные теории, начало которым было положено примерно в середине прошлого века. Успешно развиваясь и не встречая должного отпора, бессмысленные теории одержали временную победу, которую они, однако, празднуют с необычайно пышной торжественностью! Будучи в целом безумными, эти теории кое-что помогли объяснить. Но они зарвались и достигли своего апогея... Они не приводят к реальному познанию природы, а, наоборот, уводят человека в мир парадоксов, где уже никто (даже и сами авторы этих теорий) разобраться не может. Я не верю им, когда они говорят, что все выводы теории относительности им понятны. Я ведь тоже интересовался общей и специальной теорией относительности и делю их на две части: доступную уму человека и непостижимую уму...»

Израильский публицист Исраэль Шамир так характеризует особенности ведения споров защитниками релятивистской теории относительности: «Прежде всего рациональный аргумент оппонента перевернут и искажен, затем увязан с морально неприемлемой позицией, и на заключительном этапе оппонент уничтожается. Это один из секретов еврейского

преимущества: евреи ведут спор как одержимые. С пылом, страстью и яростью, совсем не так, как учил Сократ. Человек вменяемый ограничивается цитированием своего оппонента и критикой его аргументов, одержимый норовит щепиться зубами в горло».

В борьбе с противниками теории относительности в варианте Эйнштейна применяются самые разнообразные методы, которые меняются в зависимости от времени и обстоятельств и могут быть классифицированы так:

а) прямой подлог и использование чужих научных результатов (последнее — на протяжении всей жизни главного гения всех времен и народов);

б) очернение людей, критикующих теорию относительности в варианте Эйнштейна;

в) политическое давление — обвинение в антисемитизме, фашизме, черносотенстве, написание разного рода политических доносов;

г) подтасовка научных данных, якобы подтверждающих общую теорию относительности;

д) «организационные меры», запрещающие критиковать теорию относительности;

е) использование любых бранных и оскорбительных слов в адрес «злопыхателей».

Вот характерный пример — ответ академика РАН Е.Б. Александрова на статью критика релятивизма Н. Булавина: *«Я просмотрел (с трудом) газетную публикацию об Эйнштейне, и могу сказать, что это не более чем подборка завистливых сплетен с антисемитской подоплекой...»*; *«Не приходится удивляться ссылкам «просветителя» Булавина на В.В. Кожина, автора журнала «Наш современник»: это издание отмечено черносотенностью...»* Может ли настоящий, уважаемый и уважающий себя ученый вести дискуссии в таком стиле?

Вспомним, что в зародыше информационно-технологической кампании «Эйнштейн» лежал подлог и использование чужих научных результатов: есть свидетельства, что «основополагающая работа» по теории относительности была написана Эйнштейном вместе с его женой-сербкой Милевой Марич. Работа была выполнена так, будто бы автор до всего «дошел своим умом», не имея при этом ни опыта научной работы, ни способности к ней. Вся жизнь Эйнштейна свидетельствовала о том, что «гений» не знал математики (в необходимом для такой работы объеме) и пользовался трудом евреев-математиков, в необходимый момент появляющихся для оказания «гуманитарной помощи». А очернение противников теории шло самым примитивным образом: их обвиняли

просто в некомпетентности, в консерватизме, неумении и нежелании понять новое в физике и, конечно же, в **антисемитизме**. На них оказывалось и политическое давление. В Германии — это донос в гестапо на человека, имеющего, возможно, еврейские корни в каком-то поколении. В Советском Союзе — донос в НКВД с просьбой «принять меры»: известно, что донос Гамова, сбежавшего в США, стоил жизни одному из противников теории — Гессену.

Всё, сделанное Эйнштейном, сделано не им.

Великий французский ученый Анри Пуанкаре, получивший основные соотношения теории относительности (в том числе и знаменитое уравнение, связывающее энергию с массой и скоростью), в отличие от Эйнштейна великолепно знал математику, что позволяло ему делать строгие выводы, а не получать результаты «из общих соображений», как это делал Эйнштейн.

Славу великого ученого этот «гений» приобрел благодаря международным сионистским кругам, и вся деятельность Эйнштейна, начиная с юности, проходила при ежедневной поддержке «международного еврейства», как писал об этом Г.Форд.

Полная неспособность Эйнштейна как ученого особенно ярко проявилась в период, когда имя его уже сделали легендой, а научное направление, развиваемое им даже с помощью ученых евреев, оказалось тупиковым, поиском «философского камня».

Нобелевская премия присуждена Эйнштейну «...за *открытие закона фотоэлектрического эффекта и за его работы в области теоретической физики*», потому что так было надо международному еврейству, а не по причине выдающегося характера его работ. Кроме того, дана она, на самом деле, **за описание одного из законов**, объясняющих фотоэлектрический эффект.

Гению всех времен и народов была свойственна привычка мгновенно использовать чужие научные результаты, выдавая их за свои собственные. Это проявилось как в первых публикациях, так и в случае с Гильбертом, когда Эйнштейн заявил, что соотношение получено им «из общих соображений». Именно так он скрыл свою неспособность дать строгий математический вывод формулы, ранее сделанный Гильбертом и простодушно сообщенный Эйнштейну. По словам Гильберта, если бы в то время германская почта работала бы не так хорошо (в смысле быстроты доставки корреспонденции), то у известных соотношений Эйнштейна был бы другой автор. В этих словах дана оценка Гильбертом эйнштейновской способности присваивать чужие результаты.

Эйнштейну была свойственна абсолютная (а не относительная!) неблагодарность по отношению к тем людям, которые содействовали формированию его публичного образа, будь то семья, жены, любовницы, учителя, помощники, коллеги, уступившие ему свои профессорские должности (но ни один биограф не пишет, под каким давлением были сделаны эти подарки).

Поддержанию авторитета «гения» способствовали организационные, цензурные меры, принятые как в редакциях соответствующих журналов, так и Президиумом Академии наук СССР, решением которого запрещена публикация критических материалов по теории Эйнштейна.

Ни одна комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований до сих пор не может организовать научную конференцию по поводу «эпохальной статьи» Эйнштейна, что поставило бы точку в спорах о его «гениальности» и истинности его гипотезы. На протяжении ста лет сначала средствами печати и радио, а теперь с помощью кино, телевидения, рекламных материалов и разными электронными средствами массовой информации вбивается в головы людей образ доброго, мудрого, заботливого, всезнающего Эйнштейна. А.А. Тяпкин в статье «Об истории возникновения «теории относительности» отмечает: *«Бывший советский профессор, специалист по теории твердого тела Марк Азбель писал в своих «Иерусалимских размышлениях»: «В России мы привыкли к образу добродушного, всепрощающего, всепонимающего, скромнейшего Эйнштейна. А в жизни это был человек, плохо понимавший возможность чьей-либо правоты, кроме своей собственной; резкий и нетерпимый в споре, готовый прислушаться к мнению лишь немногих избранных. Узнав это, меньше удивляешься тому, что у Эйнштейна никогда не было настоящих учеников, что он не создал и не оставил школы».*

В лучшем случае Эйнштейна можно рассматривать как раскрученного популяризатора идей релятивизма. В худшем случае — как родоначальника нового типа ученого, человека, хорошо понимающего, где и что можно присвоить, и не смотря на то, что его неоднократно хватали за руку, знающего, что настоящие ученые как люди творческие и интеллигентные эту руку не отрубят.

Интересно, что вскоре после смерти Эйнштейна Филипп Франк и Джералд Холтон решили организовать симпозиум в память Эйнштейна. И тут они обнаружили большой пробел в истории науки начала века — о влиянии трудов Эйнштейна на ее развитие почти ничего не было написано.

Не пора ли честно признаться:

— научная общественность не смогла противостоять массовой информационной-пропагандистской кампании по превращению жулика от науки во всемирного гения;

— не смогли ученые-физики сказать: т.н. «Общая теория относительности» — это не «образец физической теории», а физическая **липа**.

И возникает вопрос: не пора ли международному еврейству попросить прощения у обманутых массовой пропагандой людей за выдвижение в категорию величайших ученых околонуучного мошенника в особо крупных размерах?

Надежда КУЗИНА,
Анатолий СТАРОСТИН

НИКОЛАЙ КАСТЕРИН — МАКСВЕЛЛ XX ВЕКА

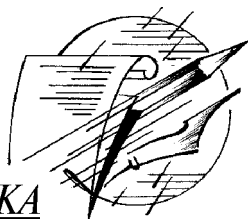
И может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

М.В. Ломоносов

В этом очерке пойдет речь о выдающемся русском физике Николае Петровиче Кастерине (1869—1947), чье имя было несправедливо вычеркнуто из истории российской науки по одной-единственной причине: он решительно отвергал «теорию относительности» Эйнштейна и разрабатывал собственную альтернативную теорию, основываясь на классических принципах знаменитого английского физика XIX века Максвелла.

Н.Кастерин был первым физиком в истории науки, кто подвергся административным мерам подавления своей творческой деятельности из-за несогласия с теорией Эйнштейна. В роковой день 15 июня 1938 года состоялось объединенное заседание физиков и математиков Академии наук СССР, на котором был вынесен окончательный приговор теории Н.Кастерина: «Академия не считает возможным: 1) дальнейшее финансирование работ Кастерина и 2) издание работ Кастерина, хотя бы в дискуссионном порядке».

Начиная с 50-х годов и вплоть до горбачевской перестройки сторонники те-



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ории Эйнштейна — релятивисты — пользовались разнообразными методами подавления физиков-антирелятивистов, не согласных с этой тупиковой теорией.

В 1953 году в МГУ им. М.В. Ломоносова была закрыта лаборатория А.Тимирязева, в которой проводились антирелятивистские исследования. Именно в ней под защитой А.Тимирязева работал Н.Кастерин до последнего дня своей жизни. В 1954 году вышел приказ министра высшего образования СССР В.Елютина: «О мерах по улучшению подготовки кадров физики в МГУ». А «улучшение» состояло в том, что разогнали антирелятивистский Ученый совет физического факультета, отстранили от должности декана факультета А.А. Соколова, уволили с работы профессоров-антирелятивистов Н.С. Акулова и Н.Ф. Ноздрева.

С тех пор релятивизм стал государственной политикой в сфере науки и образования. Ученые, не согласные с этой политикой, подвергались различным мерам воздействия. Одних подкупали «пряником»: если они соглашались с теорией Эйнштейна, то имели шанс карьерного роста. На тех, кто «пряником» не соблазнялся, давили «кнутом» административных репрессий (запрет публикаций, научных исследований, угрозы увольнения с работы), уголовных репрессий (в случае подпольного издания антирелятивистской литературы). И, наконец, медицинские репрессии («психушки») применяли к самым упорным оппонентам.

После 1985 года с началом горбачевской перестройки в печати стали появляться признания на эту тему. Профессор А.Денисов рассказал о случаях административного давления, сотрудник Русского аналитического центра Е.Нестеров поведал о допросе в КГБ и карательной психиатрии.

Некий Бронштейн (племянник Троицкого), секретарь отделения Академии наук, признался: *«Только за один 1966 год Отделение общей и прикладной физики АН СССР помогло медикам выявить 24 параноика... каждый год в академии наук с завидным постоянством поступает несколько десятков манускриптов, опровергающих Эйнштейна».*

Для контраста сравним карательное решение этого секретаря по отношению к «графоманам и гипотезоманам» с уважительным отношением А.К. Тимирязева к «ученым из народа»: *«В личном фонде А.К. Тимирязева в архиве МГУ сохранилось огромное количество... писем от таких людей. Спектр научных интересов... их работ очень широк — от изощренных математически проработанных опровержений теории относительности, работ по квантовой механике... до безграмотных «открытий» школьного уровня... С некоторыми из ученых-*

любителей А.К. Тимирязев вступал в переписку... В середине 20-х годов А.К. Тимирязев выступает на совещании Ассоциации содействия науке и технике с докладом «Роль и труды самоучек в науке и технике» и положительно отозвался об идее создания «центральной организации самоучек» и специальной лаборатории при ней».

Возвращаясь вновь к Н.Кастерину, скажем, что противостояние между ним и Академией было жестким и недвусмысленным. Фактически он не сдавал своих позиций до последнего дня, несмотря ни на что.

А начиналось все с того, что в 1917 году молодой тогда профессор физики Новороссийского университета Н.Кастерин написал письмо Н.Е. Жуковскому, «отцу русской авиации». В нем он смело предложил свой вывод уравнений Максвелла. Н.Е. Жуковский одобрил идею Н.Кастерина. Этот эпизод отражен в статье самого Н.Е. Жуковского «Старая механика в новой физике». Одобрение знаменитого ученого надо понимать только так: Н.Е. Жуковский дал свое благоговение на антирелятивистский вызов Н.Кастерина.

Через год в «Известиях Российской Академии наук» была опубликована статья Н.Кастерина **«О несостоятельности принципа относительности Эйнштейна»**. Критическая статья резанула диссонансом среди всеобщего бума восторгов и реверансов Эйнштейну. Отечественные релятивисты признали статью ошибочной. Это был первый звонок в судьбе Н.Кастерина. И пошло-поехало. В 1922 году случилось нечто непредвиденное: он попал в черные списки высылаемых за рубеж по делу о преподавателях высшей школы. В этом году преподаватели и студенты Московского высшего технического училища (знаменитой «Бауманки») устроили забастовку, протеста против увольнения Наркомпросом своего выборного ректора. Реакция Ленина на забастовку была лаконична: «Ударить сильно», то есть уволить и выслать за границу профессора Бауманки, а заодно «почистить» и другие вузы. Н.Кастерин попал в списки высылаемых за границу. Он был уволен со всех должностей сразу.

Однако комиссия (ВЧК) в составе Каменева, Курского и Уншлихта списки высылаемых «уточнила». В результате «уточнения» высылку Н. Кастерина отменили. Знаменитый «философский пароход» отправился к дальним берегам без пассажира Н.Кастерина.

С 1922 года Кастерин работает в НИИ физики (НИИФ) при МГУ и продолжает исследования с целью построения собственной теории. Контуры ее приобретали все большую четкость и определенность. Н.Кастерин не делал тайны из

этого и активно обсуждал свои изыскания с коллегами. И постепенно в институте разгорелся спор вокруг теорий Эйнштейна и Н. Кастерина.

Возникло жесткое противостояние двух групп: с одной стороны, тандем антирелятивистов — Тимирязев—Кастерин, с другой — релятивисты А.Иоффе, Л.Мандельштам, Я.Френкель, С.Вавилов.

Кстати, о тандеме: А.К. Тимирязев — сын того самого знаменитого ученого-биолога К.А.Тимирязева, имя которого присвоено Сельскохозяйственной академии в Москве. Тимирязев-сын занимал ряд ответственных постов в Наркомпросе, в ректорате МГУ, был академиком Коммунистической Академии, состоял в ВКП(б) и в редколлегии журнала «Под знаменем марксизма». В противоположность ему Н.Кастерин по своим убеждениям был скрытный «черносотенец», то есть человек старой формации, беспартийный и к тому же патриот России.

И тем не менее тандем состоялся: **А.Тимирязев взял на себя роль непримиримого критика теории Эйнштейна, а Н.Кастерин создавал собственную альтернативную теорию.**

По мере развития конфликта к обеим группам примыкали все новые и новые участники. К тандему Тимирязев—Кастерин примкнули академик В.Ф. Миткевич, директор НИИФа — В.И. Романов и другие. Но будем откровенны, гораздо чаще физики предпочитали делать свой выбор в пользу всюду прославляемой и навязываемой теории Эйнштейна. В итоге большинство сотрудников оказалось в оппозиции к руководству института.

Между прочим, в отчете о работе института в 1925—1926 годы дана такая оценка Н.Кастерину: *«Из достижений Института следует прежде всего отметить работы Н.П. Кастерина по теории электромагнитного поля и специально по теории световых квантов».*

Пик активности конфликта в стенах НИИФа пришелся на конец двадцатых годов, когда 15 сотрудников (в основном академики и доктора наук) написали письмо в Наркомпрос о неблагоприятном положении дел в институте якобы *«в результате... деятельности А.К. Тимирязева».* В письме выражалась просьба о проверке работы НИИФа. Комиссар просвещения просьбу академиков незамедлительно выполнил.

В марте 1930 года «рабоче-крестьянская инспекция» подробно обследовала работу института и сделала потрясающий вывод: *«НИИФ... является в значительной степени паразитической организацией... Вся эта групповая борьба... была по сво-*

ему объективному содержанию вредительством по отношению к строительству социализма».

В. Романова отстранили от должности директора НИИФа, а вслед за ним ушел из института и Н.Кастерин. Его уход многие сотрудники восприняли как протест против смены руководства института.

Забегая вперед, скажем, что через 8 лет В. Романов был репрессирован и провел в заключение 5 лет. После освобождения уехал в Уфу и преподавал физику в Башкирском пединституте. Скончался в 1954 году. Был реабилитирован в 1958 году.

Итак, из института Н. Кастерин ушел, но причин для паники не было, ибо Н. Кастерин счастлив был в друзьях. Одним из них был С.А. Чаплыгин — ровесник Н.Кастерина, почти земляк его (Н.Кастерин родился в Калужской области, а С. Чаплыгин в соседней Липецкой области). Оба — выходцы из простого народа, оба одновременно поступили в МГУ и учились на одном факультете, на одном курсе. Вот там и сдружились.

Однако С. Чаплыгин, в отличие от друга, сделал блестящую карьеру: академик, Герой Соцтруда, директор ЦАГИ. Последнее обстоятельство особенно важно было для Н.Кастерина. Старый друг помог ему устроиться работать в ЦАГИ. Именно там Н.Кастерин начал эксперименты с вихревыми движениями по проблеме образования смерча, изучению его аэродинамики.

В 1930 году Н.Кастерин ушел из института, а конфликт вокруг его теории остался — и в институте, и на физическом факультете МГУ. Наконец под давлением научной общественности Академия наук вынуждена была вмешаться. 9 декабря 1936 года на особом совещании при Академии наук Н.Кастерин доложил свою теорию.

Он очень тщательно готовился. Интересно свидетельство А. Тимирязева о том, что Н.Кастерин в течение двух с половиной дней излагал свою теорию ему и академику Чаплыгину. Для доклада были заготовлены очень длинные таблицы на обойной бумаге, и они разматывались им по мере изложения.

Мы не располагаем протоколом особого совещания и не знаем состав его участников. Но знаем точно: по итогам совещания Академией наук был опубликован доклад Н.Кастерина «Обобщение основных уравнений аэродинамики и электродинамики» — главный труд ученого. Такой обнадеживающий итог совещания — свидетельство того, что релятивисты при всей их агрессивности и сплоченности не смог-

ли овладеть инициативой и убедить хотя бы большинство академиков в своей правоте. Поэтому был дан ход публикации доклада Н.Кастерина.

В 1936 году новым директором НИИФа стал член-корреспондент АН СССР А.С. Предводителев, антирелятивист. Это обстоятельство значительно укрепляло позиции группы А.Тимирязева, прежде вытесненной Гессеном с ведущих позиций в институте. Через год была создана «Лаборатория профессора А.К. Тимирязева». И Н. Кастерин благополучно вернулся в НИИФ.

Между тем обсуждение его теории продолжалось. На страницах научной печати релятивисты выдали целый пуд критических статей, которым активно противостоял А.Тимирязев, говоря: *«Это новое направление, которое будет в дальнейшем развиваться»*. Но в стенограмме заседания Ученого совета в 1937 году есть выступление И.Тамма: *«Содержание работы Кастерина было разобрано и детально проанализировано Президиумом Академии наук, дирекцией ФИАН, теоретическим отделом ФИАН с участием профессора Френкеля и был сделан следующий вывод: псевдонаучная деятельность Кастерина вредна и дискредитирует советскую науку»*.

21 мая 1937 года на заседании Ученого совета НИИФа после откровенной и страстной дискуссии провели голосование: кто «за» и кто «против» теории Н.Кастерина. Голоса разделились ровно поровну.

На следующий год состоялся общеинститутский коллоквиум по статье Н.Кастерина. Бурное обсуждение и накал страстей лишь подтвердили раскол института на два лагеря. Огонь конфликта никак не утихал.

Это вызвало серьезное беспокойство в Академии наук, которая сама давно уже стала осиным гнездом релятивизма в стране. Академик А.Иоффе писал: *«Главной опасностью, грозящей нанести серьезный вред советской физике, я считаю поход против современной науки, предпринятый реакционной группой Тимирязева, Миткевича, Кастерина. ... Поход той же группы против западной науки и пропаганду на советской почве физических идей фашистских мракобесов Штарка, Ленарда, Венельта и др., проводимую Тимирязевым и Кастериним»*.

Академик А.Иоффе использовал старый прием полемики: из-за отсутствия собственных аргументов обложить оппонента идеологическими ярлыками — «фашизм», «мракобесие».

Ответ А.Тимирязева не заставил себя ждать: *«Защита идеализма акад. Иоффе и его единомышленниками еще яснее выступает в той бешеной ненависти, с какой встречается этой группой всякий крупный успех в нашей науке, если только... этот*

успех идет вразрез с идеалистическими установками современных физиков-идеалистов. Чего стоит, например, следующий выпад акад. Иоффе против Кастерина: «Задачу сконструировать нерелятивистскую физику взял на себя Кастерин, широко рекламируемый проф. Тимирязевым»?»

Беспокойство Академии усилилось: ситуация с обсуждением теории Н.Кастерина выходила из-под ее контроля. Потребовались срочные административные меры, о которых мы уже говорили в начале очерка: финансирование Н.Кастерина прекратить, никаких публикаций не допускать. Вот так «весомо, зримо, грубо» взяли за горло ученого-новатора.

Прошло полгода после разгромного выпада Академии. Насколько тяжело пережил свою неудачу Н.Кастерин — мы можем только догадываться. Но все-таки он был боец по натуре, и отказываться от своих убеждений не собирался. Поэтому он пишет длинное доверительное письмо А.Тимирязеву с просьбой: *«Устранить мои материальные затруднения и притом устранить немедленно»*. В письме есть, между прочим, любопытные строчки: *«Когда-то Ваш отец и покойный Петр Николаевич Лебедев, Ваш учитель, писали и не раз говорили, что русские физики должны шесть дней в неделю отрабатывать барщину, чтобы получить право седьмой день употребить для собственно творческой работы. Разве в настоящее время... это не изжито уже?...»*

Ответом на это письмо стало трудоустройство Н.Кастерина в 1938 году в НИИФе. Он вновь счастливо вернулся к своим экспериментам по вихревому движению воздуха, и на протяжении 10 лет (вплоть до самой смерти) разрабатывал эту тему вместе с сотрудниками в лаборатории А. Тимирязева.

В 1943—1947 годах Н.Кастерин, А.Тимирязев и др. **впервые в мире** провели экспериментальные исследования вихревого поля искусственного воздушного смерча, в том числе по аэродинамике, связанные с движением со сверхзвуковой скоростью.

В 1946 году опять сменилось руководство института: директором стал некто С.Т. Конобеевский, релятивист. Опять начались бесконечные притеснения, попытки закрыть лабораторию А.Тимирязева. Но он упорно сопротивлялся, выступал на партбюро института: *«Ряд лабораторий подвергся нападкам, это именно те лаборатории, в которых работающие смеют иметь свое мнение в различных областях науки, не совпадающие с мнением руководящей головки Академии наук... Экспериментального исследования вихревого поля до сих пор еще не было — это первое исследование. Группа академиков добивается разгрома этих работ»*.

Профессор Николай Петрович Кастерин ушел из жизни в 1947 году под шум очередной схватки с релятивистами. Ушел настоящий ученый-боец. Но А. Тимирязев и в одиночку продержал боротся. Ему удалось на время спасти свою лабораторию от закрытия. Однако в 1953 году ее все же закрыли при переезде физического факультета МГУ из центра Москвы с улицы Моховой на Ленинские горы.

Яркая жизнь Н. Кастерина оставила след в памяти его современников. Приведем отрывок из дневника выдающегося ученого В. Вернадского, в течение многих лет близкого знакомого С. Чаплыгина. Содержание отрывка — долгая беседа В. Вернадского и С. Чаплыгина о Н. Кастерине, состоявшаяся в 1928 году. Скупые строчки дневника лишь отчасти передают эмоциональный настрой беседы. С. Чаплыгин сердечно переживал за Н. Кастерина, за его вынужденные неудачи, спровоцированные безмерным нагнетанием релятивизма в физике. Не раз С. Чаплыгин помогал ему, был его последовательным единомышленником. Вот эти строчки: *«Вчера говорили с Сергеем Алексеевичем Чаплыгиным о Кастерине. Он считает его гениальным; думает, что он прав в своей критике Эйнштейна. Кастерин пришел к своим заключениям давно, еще при жизни Жуковского. Он изменил уравнение Максвелла, воспользовавшись принципом Гамильтона*. В этом измененном виде уравнения дают объяснение всем явлениям при сохранении целиком идей и уравнений Ньютона».*

С. Чаплыгин знал интересные подробности символического эпизода с письмом Н. Кастерина Н. Жуковскому: *«Кастерин написал письмо Жуковскому, где он тогда изложил свои идеи... Жуковский сперва возражал, но в конце концов вывел то же уравнение Кастерина по новому, своему методу. Сперва вычисления Жуковского не сошлись с вычислениями Кастерина, но последний указал ошибку у Жуковского и тогда получилось тождество».*

Собеседникам было более чем очевидно, что выступать против релятивизма — то же самое, что кричать против шквального ветра. Никто не услышит.

* Гамильтон (1805—1865) — британский физик и математик, профессор астрономии и директор астрономической обсерватории Дублинского университета, президент Королевской академии Ирландии и член-корреспондент Петербургской академии наук. Один из основоположников современных алгебры и механики (уравнения Гамильтона).

Людмила ФИОНОВА,
доктор физико-математических наук
Владимир БОЯРИНЦЕВ,
доктор физико-математических наук
Анатолий САМАРИН,
кандидат философских наук

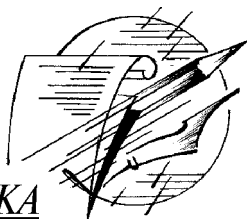
КОМУ И ЗА ЧТО ДАЮТ НОБЕЛЕВСКИЕ ПРЕМИИ

Полезно вспомнить историю возникновения «самой престижной в мире премии». А. Нобель — третий сын Эммануэля Нобеля родился в 1833 году. Его отец в 1842 году переехал в Петербург, где занялся разработкой торпед. В 1859 году этим стал заниматься второй сын — Людвиг Нобель. Альфред, вынужденный вернуться в Швецию с отцом после банкротства семейного дела, посвятил себя изучению взрывчатых веществ, особенно безопасному производству и использованию нитроглицерина. Таким образом, все семейство Нобелей тяготело к производству оружия.

В 1862 году было проведено первое успешное испытание вещества — будущего динамита или «безопасного взрывчатого порошка Нобеля» и была подана заявка на патент. В Швеции А. Нобель открыл завод «Нитроглицерин», ставший основанием его собственной промышленной группы по производству взрывчатых веществ, затем была создана целая сеть заводов в Европе.

На заводах, принадлежащих семье Нобеля, произошло несколько взрывов, в одном из которых в 1864 году погиб младший брат Альфреда Нобеля Эмиль и еще несколько рабочих.

От производства динамита, других взрывчатых веществ и от разработок нефтяных полей Баку (Товарищество «Бр.



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Нобель»), в которых Альфред и его братья Людвиг и Роберт играли весомую роль, Альфред Нобель накопил значительное состояние.

В 1880 году имело место публичное столкновение Д.И. Менделеева с Людвигом Нобелем — владельцем механического завода в Петербурге и главой нефтяного Товарищества «Бр. Нобель» (братом Альфреда Нобеля, который также был пайщиком Товарищества) — крупнейшего производителя керосина в России. В этом производстве бензин и тяжелые остатки считались бесполезными отходами и уничтожались. И вот эти-то бросовые остатки Д.И. Менделеев предложил превращать в масла, которые в три-четыре раза дороже, чем керосин. Это наносило удар по нефтяной империи Нобелей, так как их российские конкуренты могли бы успешно соперничать с ними.

Побывавший на заводе Нобеля много лет спустя М.Горький писал: «Нефтяные промыслы остались в памяти моей гениально сделанной картиной мрачного ада...», а русский промышленник В.И. Рогозин, касаясь обстановки на промыслах, отмечал, что все там происходило «без счета и расчета».

В.И. Рогозин поддержал Д.И. Менделеева в дискуссии с Л.Нобелем и в соответствии с рекомендациями ученого начал на построенном на Волге заводе полностью перерабатывать нефть, получая из нее кроме керосина смазочные масла хорошего качества. Полемика проходила в то время, когда Л.Нобель играл не последнюю роль в назначении бакинских градоначальников, что, естественно, затрудняло дело передовых русских промышленников.

Последние годы жизни А.Нобеля были отмечены рядом скандалов: при организации рынка сбыта бездымного пороха А.Нобель продал свой патент Италии, за что правительство Франции обвинило его в краже, а его лаборатория была закрыта. Затем был скандал в связи с его участием в спекуляциях при неудачной попытке прокладки Панамского канала. Современники называли А.Нобеля в прессе «миллионер на крови», «торговец взрывчатой смертью», «динамитный король».

В 1888 году (за восемь лет до реальной кончины) в одной из французских газет появилась ошибочная публикация некролога А.Нобеля (газетчики перепутали Альфреда с его старшим братом Людвигом, умершим 12 апреля) с порицанием изобретения динамита. Считается, что именно это событие подтолкнуло А.Нобеля к решению учредить премию, чтобы не остаться в памяти человечества «злодеем мирового масштаба».

В ноябре 1895 года в Париже А. Нобель подписал завещание, согласно которому большая часть его состояния должна была пойти в Фонд Нобелевской премии, который составил 31 миллион крон. В завещании А. Нобель так излагал свою волю: на проценты от его капитала присуждать премии тем, кто принес наибольшую пользу человечеству. Премии полагалось присуждать в пяти сферах: медицине, физике, химии, литературе и миротворчестве.

Мало кто знает, что существовала еще и специальная премия брата Альфреда Людвиг Нобеля для России, поскольку 56 лет из 66 лет он прожил в России. В 1889-м году Русское техническое общество и Товарищества нефтяного производства «Бр. Нобель» учредило золотую медаль и премию имени Людвиг Эммануиловича Нобеля. С этого времени по 1917 год золотая медаль и премия вручались раз в пять лет за исследования и разработки в области науки и техники.

В конце марта 2007 года в Санкт-Петербурге состоялось присуждение возрожденной премии имени Людвиг Нобеля. Первыми лауреатами стали поэт Е. Евтушенко, писатель Ч. Айтматов, летчик-космонавт А. Леонов, гроссмейстер А. Карпов, балетмейстер В. Васильев, руководитель Центра реабилитации В. Дикуль, начальник департамента инвестиций и строительства ОАО «Газпром» Я. Голко, вице-президент Спасум Юнеско СПб В. Скворский.

Если до революции премия Людвиг Нобеля вручалась за научные и технические достижения, то теперь категория награждаемых расширилась таким образом, что вручается за общие заслуги перед демократическим режимом. Именно поэтому столь странен список лауреатов премии, среди которых нет ни одного ученого. Вручение премии превратилось в некий демократический междусобойчик «творческой» интеллигенции.

И деятельность Комитета по присуждению широко известной премии имени Альфреда Нобеля также полна несправедливости. Хотя капитал, положенный в основу будущей Нобелевской премии, был оплачен русской нефтью и трудом русских рабочих, инженеров, ученых, русские становились лауреатами в редчайших случаях.

Отсутствие среди нобелевских лауреатов Д. И. Менделеева — гениального создателя Периодического закона — позорнейший факт в истории комитета и ярчайшая характеристика его деятельности: при присуждении премии научные заслуги претендента не являются определяющими. Доктор геологических наук А. М. Блох в статье «Нобелиана Дмитрия Менделеева» («Природа», №2, 2002 г.) пишет, что Дмитрий

Иванович трижды (1905, 1906, 1907 гг.) выдвигался на Нобелевскую премию, но премия не была ему присуждена под тем предлогом, что открытие было сделано им давно. И вся мировая научная общественность, словно подражая Нобелевскому комитету, печется о том, чтобы скрыть заслуги русских ученых: почти во всех странах мира Периодический закон Менделеева обычно публикуется без упоминания фамилии его автора.

Роль русских и советских ученых за весь период существования Нобелевских премий целенаправленно преуменьшалась и замалчивалась «мировой научной общественностью». Русофобия Нобелевского комитета проявилась и в присуждении премий 2009 года: в коллективы лауреатов по биологии и химии «забыли» включить русских ученых — авторов разрабатываемых идей.

По состоянию на 2009 год только 19 граждан России и СССР получили Нобелевские премии — значительно меньше, чем представители США (304), Великобритании (114), Германии (100) или Франции (54).

1904 г. Физиология и медицина. И.П. Павлов. «За работу по физиологии пищеварения».

1908 г. Физиология и медицина. И.И. Мечников. «За труды по иммунитету».

1956 г. Химия. Н.Н. Семенов. «За исследования в области механизма химических реакций».

1958 г. Литература. Б.Л. Пастернак. «За значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа».

1958 г. Физика. П.А. Черенков, И.Е. Тамм, И.М. Франк. «За открытие и истолкование эффекта Черенкова».

1962 г. Физика. Л. Д. Ландау. «За пионерские теории конденсированных сред и особенно жидкого гелия».

1964 г. Физика. Н.Г.Басов, А.М.Прохоров. «За фундаментальные работы в области квантовой электроники, которые привели к созданию излучателей и усилителей на лазерном принципе».

1965 г. Литература. М.А. Шолохов. «За художественную силу и цельность эпоса о донском казачестве в переломное для России время».

1970 г. Литература. А.И. Солженицын. «За нравственную силу, с которой он следовал непреложным традициям русской литературы».

1975 г. Экономика. Л.В. Канторович. «За вклад в теорию оптимального распределения ресурсов».

1975 г. Премия мира. А.Д. Сахаров. «За бесстрашную под-

держку фундаментальных принципов мира между людьми и мужественную борьбу со злоупотреблением властью и любыми формами подавления человеческого достоинства».

1978 г. Физика. П.Л. Капица. «За базовые исследования и открытия в физике низких температур».

1990 г. Премия мира. М.С. Горбачев. «В знак признания его ведущей роли в мирном процессе, который сегодня характеризует важную составную часть жизни международного сообщества».

2000 г. Физика. Ж.И. Алферов. «За разработки в полупроводниковой технике».

2003 г. Физика. А.А. Абрикосов, В.Л. Гинзбург. «За создание теории сверхпроводимости второго рода и теории сверхтекучести жидкого гелия-3».

Заметим, что А.В.Абрикосов на момент вручения премии был гражданином США.

Нередко присуждение Нобелевской премии выходцам из России носило чисто политический, антирусский или антисоветский характер. Премии был удостоен разрушитель Великой Державы СССР М.Горбачев, который ныне всячески обласкан своими западными друзьями, — на Западе он и лечится, и кормится, читая лекции, тема которых звучит так: «Как я разрушал Советский Союз». И Б.Пастернак получил премию не за свои неплохие стихи, а за посредственный, резко антисоветский роман «Доктор Живаго».

Еще пример из области литературы. Так пишет «поэт» Иосиф Бродский о своей бывшей Родине — России:

*Се вид Отечества, гравюра.
На лежаке — Солдат и Дура.
Старуха чешет мертвый бок.
Се вид отечества, лубок.*

*Собака лает, ветер носит.
Борис у Глеба в морду просит.
Кружатся пары на балу.
В прихожей — куча на полу.*

Такое «правильное» отношение к России не могло быть оставлено Нобелевским комитетом без внимания — И.Бродский был удостоен звания лауреата. Несомненно, важную роль сыграл и тот факт, что И.Бродский эмигрировал и к моменту присуждения ему премии российского гражданства не имел.

Великие русские писатели Л. Толстой и А. Чехов не удостоились чести получить премию, а вот заслуживающий премии Иван Бунин был отмечен Нобелевским комитетом скорее всего потому, что эмигрировал из России.

Ярким примером литературных предпочтений Нобелевского комитета является присуждение премии по литературе в 2004 году австрийской писательнице Э. Елинек, страдающей наследственным расстройством психики. Ее творчество, по отзывам критиков — смесь порнографии и садизма. Подчеркнем эти слова — «по отзывам критиков», ибо широкая публика отмеченные высокой премией произведения, как правило, не читает.

Премия 2009 года присуждена немецкой писательнице Г. Мюллер — автору книг: «Горячая картофелина — это теплая постель», «Женщина живет в пучке волос», «Сторонний взгляд, или Жизнь — это пердеж в фонаре». Видимо, Нобелевскую премию в области литературы следует переименовать так: «За заслуги в деле дебилизации населения».

Даже Л. Радзиховский в статье «Нобелевская верхушка айсберга» вынужден был весьма мягко заметить: «Измельчание ученых и писателей (и даже, как ни странно, политиков) по сравнению с первой половиной XX века — несомненный факт».

На вопрос «Почему русским не дают Нобеля?» часто приводятся экономические соображения: поскольку фонд формируется как ежегодные проценты с основного Нобелевского капитала, размещенного в финансовых организациях, в основном американских, Нобелевский комитет не может этого не учитывать. Недаром количество лауреатов-американцев существенно больше, чем лауреатов — неамериканцев. Продолжим эту мысль, задав вопрос: а в чьих руках находятся американские деньги? Ни для кого не секрет, что финансовые организации США находятся в руках евреев, поэтому столь велик процент евреев среди американских, и не только американских, нобелевских лауреатов.

Об этом пишет С. А. Фридман в книге «Евреи — лауреаты Нобелевских премий» (М., 2000 г.). Кстати, в книге С. Фридмана указано, что и заместивший Д. И. Менделеева в 1906 году в списке лауреатов Фердинанд Фредерик Анри Муассан был евреем. Он сделал весьма частное открытие — выделил свободный фтор.

Вот данные о национальном составе лауреатов, взятые из статьи Л. Радзиховского «Шведская Симхас Тора» (газета «Еврейское слово» №41, 2004 г.). Как отмечается в статье, из всех живущих ныне 220 лауреатов: 82 еврея, 62 американца, 15 немцев, 11 англичан, 6 китайцев и т.д.

Приведем еще одну цитату из той же статьи: «Как известно, Нобелевские премии присуждаются с 1901 г. (по экономике — с 1969 г.). Так вот, от общего числа лауреатов евреи составляют: по физике — 26% (среди американских лауреатов — 38%), по химии — 19%, (среди американских лауреатов — 28%), по медицине и физиологии — 29% (среди американских лауреатов — 42%), по экономике 38% (среди американских лауреатов — 53%)».

Л. Радзиховский с упоением вычисляет: «Этот удивительный результат становится просто сумасшедшим при пересчете «на душу населения». Заметив, что «евреи со своими 26% составляли в XX веке примерно 0,26% населения Земли». Итого: их «нобелевская плотность» — 1 лауреат на 100 тыс. человек!» Для англосаксов и немцев эта плотность, по расчетам Л. Радзиховского, составила 1 лауреат на 1 миллион. А начинается его статья словами: «Итак, в этом году шведы сами себя превзошли: из 12 нобелевских лауреатов семеро — евреи! Если брать только науку — 6 из 10... Можно было бы подумать, что шведы таким образом отметили праздник Торы...» Поясняем: «Симхас Тора» — «Праздник Торы» — иудейский праздник, посвященный завершению чтения Торы в синагогах, совпавший в 2004 году с датой присуждения Нобелевских премий.

На основании этой статистики автор делает вывод: «Евреи, “народ Книги”, тысячи лет изучавшие Талмуд, конечно, идеально приспособлены к интеллектуальной деятельности. Поэтому они охотно идут в науку, среди них процент ученых (в том числе нобелевских лауреатов) куда выше, чем среди большинства европейских наций». Заметим, что эта статистика выдает крайнюю озабоченность Л. Радзиховского национальным вопросом и ясно свидетельствует, что этот вопрос является важным и для Нобелевского комитета.

А вот как объясняет присуждение Нобелевской премии А. Эйнштейну, известному плагиатору, В. Бобров («Дуэль» №43, 1998 г.): «...активное проталкивание Эйнштейна в нобелевские лауреаты и его безмерное восхваление как якобы величайшего гения всех народов и времен — все это своего рода реверанс... за участие физика в сионистском движении на протяжении многих десятилетий».

Характерный пример подбора кандидатов на Нобелевскую премию был дан Л. Ландау: «*Такую благородную премию, которой должны удостаиваться выдающиеся умы планеты, дать одному дубине Черенкову несправедливо* (справка — Павел Андреевич Черенков открыл новый эффект, получивший его имя. — Авт.). *Он работал в лаборатории Франк-Каменецкого в*

Ленинграде. Его шеф — законный соавтор. Их институт консультировал москвич И.Е. Тамм. Его просто необходимо приплюсовать к двум законным кандидатам» (цитируется по книге Кору Ландау-Дробанцевой «Академик Ландау»).

Традиционная деятельность Нобелевского комитета — задача денег и славы своим людям. Так, премия за деятельность в области экологии была присуждена члену еврейской общины США, бывшему вице-президенту США А.Гору, вклад которого в дело охраны природы ограничился съемкой посредственного фильма.

Вершина цинизма Нобелевского комитета — присуждение премии мира 2008 года бывшему президенту Финляндии М.Ахтисаари, который является автором проекта создания независимого Косова, т.е. отторжения от Сербии ее исконных земель. Награждение человека за грубое нарушение международного права есть глумление над гуманистическими нравственными установками, над цивилизованными нормами жизни человеческого сообщества.

Таинственными для общественности стали мотивы присуждения Нобелевской премии мира президенту самого воюющего государства в мире — США Бараку Обаме. Формулировка его заслуг Нобелевским комитетом шокирует: «За экстраординарные усилия в укреплении международной дипломатии и сотрудничество между народами». Б.Обама стал лауреатом всего через девять месяцев после вступления в должность, а номинирован был гораздо раньше, т.е. времени для приложения «экстраординарных усилий» он просто не имел. Это наглое глумление над общественным мнением, характерное для господствующей в мире финансовой системы, отчетливо показывает, кто является хозяином Нобелевского комитета и определяет его политику.

Слова «нобелевский лауреат» для людей, понимающих ситуацию, уже давно не звучат гордо. Зачастую премии присуждаются за малозначительные и просто сомнительные исследования, а нобелевские лауреаты, назначенные «великими», становятся героями казусов. Так Дж. Стиглиц, лауреат премии по экономике, с помощью математических формул доказывал, что глобальный экономический кризис, который мир переживает сегодня, в принципе невозможен. Приведем слова другого нобелевского лауреата — А.Эйнштейна: «Нет ни малейшего шанса, что ядерную энергию когда-нибудь можно будет использовать. Для этого потребовалось бы, чтобы атомы распались по нашей воле...» (1932 г.) Это было сказано всего за тринадцать лет до взрыва первой атомной бомбы.

Как пишет доктор технических наук Ф.Ф. Менде в статье «Ошибаются ли нобелевские лауреаты?», присуждение премии обеспечивают «группировки, называемые научными школами, но в значительной части они состоят из посредственностей, карьеристов и дельцов, никакой научной ценности не представляющих. Цели, которые они преследуют, — это захват господствующего положения в данной отрасли знаний с целью доступа к материальным ресурсам. В их задачи входит также борьба с инакомыслием, максимальная консервация существующего положения дел в науке и подавления любых новых идей, которые могут повредить их господствующему положению... Типичным примером является группировка... академика В.Л. Гинзбурга... Она контролирует все основные научные издания по физике в России... В борьбе за власть и деньги группировки подобного типа прибегают к самым унижительным методам...»

О личных качествах покойного нобелевского лауреата В. Гинзбурга рассказал доктор физико-математических наук А. Рухадзе («События и люди, 1948—1991 годы», М., 2001 г.): «Что мне не нравилось в В. Гинзбурге? В первую очередь, его национальная ориентация. Как-то он сказал, что «при прочих равных условиях он к себе, естественно, возьмет еврея».

Хотя критика в адрес Нобелевского комитета постоянно нарастает, репутация Нобелевской премии как самой почетной в мире тщательно охраняется как «научными» кланами, так и ангажированными СМИ. И высшая научная администрация, чутко отслеживающая «генеральную линию», боготворит «нобелевку». Совсем уже анекдотичный пример верноподданничества демонстрирует академик Н. Добрецов в статье «Лекарство для РАН» («Российская газета» от 18 мая 2007 г.) — рассуждая о деятельности новосибирского Академгородка, он пишет: «У нас пока всего один нобелевский лауреат — это академик Александр Витальевич Канторович, математик и экономист. Но, по оценкам самых разных специалистов, их должно быть не менее шести». Какие «специалисты», по каким формулам вычислили это загадочное число «шесть»?

Для думающих людей слова «нобелевский лауреат» отнюдь не звучат гордо, ибо нобелевское лауреатство означает лишь принадлежность к определенному мафиозно-националистическому клану, не более.

Приведем еще одну цитату из статьи Ф.Ф. Менде: «Присуждение Нобелевской премии переводит ученого в разряд почитаемых, обожествляемых и неприкасаемых. Этот процесс канонизации еще при жизни обогнал даже церковь, где канонизируют только после смерти. Можно ли считать, что

существование такого явления в науке, как присуждение Нобелевских премий, приносит ей пользу? Думаю, что многие согласятся, что сам этот процесс далек от объективности и справедливости».

Деятельность Нобелевского комитета не только несправедлива, но и опасна, ибо комитет принимает активное участие в формировании не просто лжеэлиты, которая, прикрываясь высоким званием лауреата «самой престижной премии», занимает высокие места в руководстве науки, экономики, политики.

Всевластие нобелевского клана привело к тому, что мировая наука оказалась ввергнутой в состояние кризиса, что проявляется в снижении уровня и эффективности научных исследований, которые часто катятся по инерции, не реагируя на быстро меняющуюся ситуацию в мире, не решая насущных, жизненно важных задач человечества.

Наука в этих условиях перестала исполнять свою основную функцию — обеспечивать человечество правдивыми знаниями об окружающем мире.

Всевластие этого клана в мировой науке душит действительно талантливых ученых. Ведь не они, не нобелевские лауреаты должны будут спасти человечество от экономического коллапса и от надвигающейся экологической катастрофы.

ВЕЛИКАНЫ СУМРАКА

РОМАН

Глава десятая

— Мама! Мамочка! — кричала в спальне больная Соня, в изнеможении сбросив на пол горячую подушку. — Опять рука... Эта рука... Она тянется, тянется... Из воды. А вода красная... Почему?

Варвара Степановна, задыхаясь, уже вбежала к дочке с успокоительным питьем, с утоляющим жар свежим капустным листом, намазанным липовым медом; в стакане плескался горьковатый настой княженики.

— Выпей поскорее. Снова приснилось? Растревожилась, радость моя... Сейчас, сейчас... — хлопотала мать, отдавая распоряжения проснувшейся прислуге.

Третий день жар терзал пятилетнюю Соню, и каждую ночь докучливо являлся один и тот же сон: из зеленоватой поначалу воды, которая вдруг расходилась багровыми кругами, поднималась к самому лицу (ужас: сейчас коснется!) детская ручка и тут же исчезала в мутной глубине.

В деревянном уютном Пскове Перовские жили чуть больше месяца. Льва Николаевича назначили здешним вице-губернатором; губернатором же был Валериан Николаевич

Продолжение. Начало в №7-8 за 2010 г.

ПРОЗА



Муравьев, брат знаменитого генерал-губернатора Восточной Сибири графа Муравьева-Амурского. Дома Перовских и Муравьевых отделялись только дощатым забором, сквозь шель которого Соня со старшим братом Василием во все глаза рассматривали тенистые аллеи и тропинки, сбегаящие к затравевшим берегам большого пруда.

Иногда в чужом саду происходило удивительное: нарядный красивый мальчик ехал по дорожке в разноцветной коляске — почти настоящей! — и сам правил запряженным в нее мулом. Достаточно было отодвинуть держащуюся на одном гвозде доску, чтобы оказаться рядом и, возможно, даже прокатиться... И за этим дело не стало.

Мальчика звали Колей, ему было лет семь-восемь и, кроме мула, он владел деревянным паромом; паром призывно покачивался на изумрудной ряби пруда.

Больше всего новым друзьям обрадовалась старая бонна Коли немка Эмма Фридриховна. Теперь ее освободили от участия в морских сражениях, и можно было спокойно посидеть в тени за вязаньем, пока юные капитаны боролись с солеными штормами и коварными пиратами, перемещаясь на пароме от одного берега к другому.

В тот день было ветрено и прохладно. Но бой разразился не на шутку. Коленька Муравьев придумал: он — великий адмирал Ушаков, на линкоре «Святой Павел» побеждающий турецкого капудан-пашу Эски-Гасана близ острова Фидониси. Маленький «адмирал» приказал команде — Васе и Сонечке — калить ядра и встать левым галсом к противнику. Детское воображение разыгралось, с линкора открыли бортовую пальбу, да такую, что османский флагман «Капудания» бросился наутек на всех уцелевших парусах, увлекая за собой разную плавающую мелочь — шебеки, галеры с галиотами.

— Ура! — кричал «флотоводец» Коленька Муравьев.

— Ура! — кричали его верные матросы, и Соня кричала громче всех.

Вася и Сонечка на миг отвернулись (а если враг какой маневр замыслил?), «Ушаков» полез на командирский мостик, успевая при этом раскачивать паром (ядра вспенивали горячее море!); когда бомбардиры снова были готовы идти за своим «адмиралом», то с ужасом увидели, что его нет на палубе. Сонечка только заметила, как справа у парома в мутной глубине выдохнула, запузырилась вода, и еще заметила шлепающий прыжок лягушки с берега и мелькнувшую в раске судорожно изогнутую детскую руку.

Вася и Соня оцепенели. В чувство их привел дикий крик бонны Эммы Фридриховны. Брат испуганно закурил голо-

вой, словно бы ожидая помощи. Увидел: старик-садовник, стоя в лодке, торопливо отталкивался веслом от мостков; ломкое весло соскальзывало, дрожало в непослушных руках. Долго, слишком долго! Не успеть...

Васенька скинул лаковые башмачки и прыгнул в воду. Все остальное увиделось Сонечке точно во сне. Вначале из воды показалась рука Коли, потом мокрая голова с обесцвеченными страхом глазами, потом вынырнул старший брат. Соня, что было сил, потянула несчастного «адмирала» на себя, да так, что лопнула курточка. Вдвоем им все же удалось вытащить Николая на доски парома. А тут уже подоспел на площадонке садовник, подгребали вплавь лакеи и какие-то косматые мужики.

Сам губернатор, строгий граф Муравьев, прослезившись, расцеловал Сонечку в обе щеки, а старшему Васе крепко пожал руку: какие, дескать, герои! Сына спасли, единственного...

От холодного ветра, от перенесенного ли, — но Соня свалилась в лихорадке, в злой, как сказала няня, кумохе, которая трясла ее, кумовала, целую неделю. Ночами ей снилась помертвевшая рука, торчащая из багровых водяных кругов. Почему-то рука тянулась к ее пылающему фолликулами горлу. Но утром, когда бред отступал, девочка всякий раз находила на подоконнике букетик полевых цветов; их приносил хороший мальчик Коля Муравьев, влюбившийся в свою спасительницу — по-детски трогательно и застенчиво.

...Какие странные воспоминания. Откуда? Ведь с той поры минуло целых тринадцать лет. Возможно, причиной тому — пруд в Кушелевке, такой же большой, как в губернаторском саду графа Муравьева.

Здесь, на даче под Петербургом, Соня Перовская жила в дружной компании радикалов-пропагандистов. Впрочем, ей нравилось больше — социалистов-революционеров. Конечно же, рядом с ней была и верная подруга Саша Корнилова, с которой они учились на женских Аларчинских курсах при пятой мужской гимназии. Какое прекрасное лето они провели в Лесном, сняв вместе с другими курсистками, девицами Вильберг и Лешерн, две комнаты неподалеку от химической лаборатории профессора Энгельгардта. Девицы где-то раздобыли последнюю книжку «Дела», где сообщалось из Швейцарии: «Русская студентка Сулова, с блеском окончив университет в Цюрихе, получила диплом доктора медицины...»

Вот он, пример для подражания! Как, должно быть, вытянулись лица у противников женского образования в России. А еще примеры — новые люди, разумные эгоисты: Рахметов из «Что делать?», Елена из тургеневского «Накануне». Да,

да, именно — накануне! Ведь непременно что-то должно случиться в империи, и скоро случится, и тусклая жизнь в семейном кругу, тоскливое порабощение родительской — а в будущем и супружеской — властью рассеется точно туман над Невой, рухнут оковы. И нужно готовиться к этому будущему..

Подруги сделали короткие стрижки. Девица Лешерн дымила папиросами «Вдова Жоз». Соня выпросила у брата рубашку и шаровары. Вильберг прятала игривые глаза под синими очками. А Саша Корнилова щеголяла в настоящих смазных сапогах.

Боже мой, какой же скандал устроил Лев Николаевич Перовский, когда с Варварой Степановной они вернулись из Бад Цвишенана! Настроение и без того было прескверным: отстранение от должности Петербургского губернатора и перевод на безликое место в Совет при министерстве внутренних дел. Увы, не по силам оказалось ему предотвратить злодейского покушения на священную жизнь Государя. Этого... Этого мерзавца Каракозова. Кажется, бывшего народного учителя? Хотя нет, учителем был другой мерзавец, Соловьев. Но не он, губернатор Перовский, спас тогда Царя, а — точно в насмешку — пьяноватый мастеровой в загвазданной чуйке.

И вот новая напасть: родная дочь, любимая Соня связалась со стриженными нигилистками. Да и табаком от нее за версту несет. Кажется, все они хотят быть народными учительницами. Хороши учительницы, нечего сказать! А после серьезного разговора дочь вспылила, хлопнула дверью (невиданно!) и ночевать опять убежала к этим... в синих очках на прыщавом носике и вольномыслием в голове. Что ж, плоды женского образования...

От переживаний Лев Николаевич надолго слег. Старый доктор Оккель посоветовал:

— Успокойтесь. И... выдайте дочери паспорт. У нее, видите ли, энтузиастическое стремление. Гормоны юности... Отпустите с Богом. Иначе... Иначе лекарства не помогут.

Перовский с невольным всхлипом приподнялся над подушками, тяжело перевел замутненный взгляд на стоящую в дверях заплаканную Варвару Степановну, с мольбой и страхом взирающую на супруга, и махнул бледной рукой: подайте, дескать, бумаги... И тут же написал Соне отдельное удостоверение, заверенное в министерстве этим же днем.

Радоваться бы Сонечке (паспорт получила; свободна теперь!), да что-то мешало вполне почувствовать эту радость. Она вошла в родной дом украдкой, через черный ход, зная, что Лев Николаевич, еще слабый от болезни, ненадолго от-

был в присутственное место. Гнала от себя, жестоко и зло, настаивающую жалость к отцу, нарочно вспоминая пыльный неуют его большого кабинета, по которому он недавно бегал, противно заламывал руки, кричал на дочь, взывая к ее разуму; вспоминала и гулкие коридоры отцовского министерства, где не встретила ни одного нормального лица — все только рыла — кувшинные, аршинные, неудобобытные, с тускло-тупыми глазами, не люди, а тени, перемещающиеся вдоль мрачных стен гадкой мышью побегом. (Это же Пушкин: «жизни мышья беготня...»). А может, она просто хотела увидеть — только мушиную тоску кабинета, только мерзкие физиономии, только бессмысленную суету? Вот-вот, и ничего другого.

Она изгоняла из памяти все, что было связано с отцом: как тот играл с ними, детьми, в кавалеристов, превращаясь в резвого скакуна, как дарил на именины синие гродетуровые платья, как рядился в Деда Мороза с мешком, из которого так и сыпались сласти. А сказки на ночь? А смешные истории за воскресным обедом?

Нет, нет и нет! Ничего... Все прочь.

Она вошла в свой дом, чтобы обнять мать и уйти оттуда навсегда. Потому что...

Потому что у обитателей ветхой дачи в Кушелевке были совсем другие лица. Особенно у студента Медицинской академии Марка Натансона — с его всегда пылающим взором, чуть всклокоченной смоляной бородой, порывистой походкой и властным зычным голосом, перекрывающим многоголосицу собраний. Собственно говоря, Натансон и пригласил вчерашних курсисток Перовскую и Корнилову пожить, поучиться в кушелевской коммуне. Он сразу понял: из девушек будет толк. Понятное дело, революционный.

И не ошибся. На первом же занятии Соня с успехом прочла реферат по одной из глав «Политической экономии» Милля с примечаниями самого Чернышевского. Реферат понравился всем — Лопатину, Чарушину, красавцу Чайковскому и, разумеется, самому Натансону: тот просиял смуглым лицом.

— А не пора ли поразмяться? — воскликнул возбужденно.

Все гурьбой бросились по ступеням в сад, где стояли простенькие гимнастические снаряды. Сонечка первой схватилась за кольца, раскачалась, ловко перевернулась (спасибо брату за шаровары) и, не удержавшись, упала прямо в объятия Натансона. Кровь прилила к пухлым полудетским щекам, губы задрожали; сквозь бороду Марка она заметила, как сильно и часто пульсирует артерия на жилистой шее глав-

ного коммунара, почувствовала, как напряглись кисти его рук. И еще заметила короткий отчужденно-испепеляющий взгляд Ольги Шлейснер, невесты Натансона. Станный взгляд, который она не поняла. Наконец, Марк пропустил ее. Сад пестро и звонко закружился вокруг, нехотя пропустили голоса друзей, сквозь листву забренчала гитара и, кажется, Михрютка пропел:

*Эх, влепят в наказание
Так ударов со ста.
Будешь помнить здание
У Цепного моста!*

«У Цепного? Да там же III Отделение... Жандармы... Что со мной?»

Что с ней — Соне было неясно. Но почему-то страстно захотелось работать. Захотелось тут же составить реферат всей миллевской «Политэкономии» (что там — одна глава!), снова разжечь самовар, да так, чтобы все поняли: она не барышня-белоручка. Но лучше, конечно, за ночь законспектировать «Исторические письма» Миртова-Лаврова и под утро расплакаться все над тем же местом: «каждое удобство жизни, которым я пользуюсь, каждая мысль, которую я имел досуг приобрести или выработать, куплена кровью, страданиями или трудом миллионов...» И чтоб Марк расплакался. И Саша тоже, и Коля Чарушин, и Михрютка, и даже красавец Чайковский. Ведь все они — одна семья, единомышленники, понимающие друг друга с полуслова. Да разве это не настоящее счастье?

И при чем тут Натансон? Наверное, ни при чем. Что-то вообще изменилось в Соне. Если бы им с Корниловой с месяц назад сказали, что они войдут в коммуну, куда прежде вообще не брали женщин, подруги бы громко рассмеялись. Мужчины? Они их просто презирали. И что же теперь? Видела бы ее строгая феминистка Берлин с курсов у Аларчинского моста. Видела бы, как ловко ее, надежду курсов, поймал Натансон...

Соня, отложив книгу, с хрустом потянулась на поляне, озорно тронула травинкой загорелую щечку Сашеньки, задремавшей над письмом Бакунина к Сергею Нечаеву в подпольной газете «Виселица». Сегодня к вечеру на даче ждали гостя из Москвы — Льва Тихомирова; его уехал встречать на вокзале Чарушин.

О Левушке Перовская уже слышала. После ареста Клячко и Цакни он выдвинулся в Москве на первые роли. Интересно, какой он?

От раскидистой яблони расплзались вечерние изумрудные тени. Где же Чарушин, Тихомиров?

... Чарушин встретил Льва все в тех же синих консервах. Они прошли по широкому Литейному мосту, а после по Выборгской двинулись вверх по Неве. Быстрым вращающимся взглядом Тихомиров успевал охватить все: и стирающих с мостков белье костлявых прачек, и греющихся в пыли гусей, и смеющихся у трактира молодых рабочих, и мещанина в синей суконной свитке, который, как показалось, слишком долго о чем-то расспрашивал рыжеусого городского и косил глазом на широко шагающих «скубентов».

«Дались ему эти очки, — раздраженно подумал Лев. — Внимание привлекают...»

— Настоящие революционеры владеют своим воображением, — словно бы уловив его мысли, бросил Николай. — Спокойно...

— Настоящие революционеры считают, что конспирация — это скромность, — не зло парировал Левушка. — Правда, тщеславие этого не переносит.

— Bravo, Тихомиров! — добродушно рассмеялся Чарушин. — Все чисто. Никаких филеров. Или вам мерещатся агенты московского генерала Слезкина? Да вот и дача...

Скрипнула калитка, щеки нежно тронула сирень. Серые глаза Левушки округлились и забегали еще быстрее. Такого он не видел: на траве у дорожки возлежала целая группа молоденьких девиц, враз повернувших светлые личики навстречу вошедшим; но главное — все барышни были одеты в мужские рубашки и шаровары. Невольно шагнул к самой красивой.

— Это наша Саша Корнилова, — упал рядом на траву Чарушин. — А это Сонечка Перовская. У нее отец бывший губернатор. Гневается и зовет дочь нигилисткой... — улыбнулся чуть покровительственно.

— Я не нигилистка! — вспыхнули милые голубые глаза с трогательно опущенными к вискам веками. — Мы все...

— Вам не нравится слово? — присел рядом Тихомиров.

— Не нравится. Потому что... Это Нечаев нигилист. Нигилист живет для себя, для своего счастья. Понимаете?... Революционер ищет счастья для других. И приносит в жертву свое собственное. Его идеал — жизнь, полная страданий. И, возможно... Возможно, смерть мученика...

Как же может вмиг измениться прекрасный, влекущий к себе чистый нежный лик! Как может затвердеть легкая линия вздрагивающего подбородка, как могут сжаться до кинжальной остроты мягкие пухлые губы; в их уголках залягут

упрямые, какие-то беспощадные, злые складки, — такие, наверное, были у Шарлотты Кордэ, заносащей стилет над сердцем обреченного Марата.

В глазах Левушки промелькнул страх. Он невольно отшатнулся.

— Не правда ли, Соня и ее подружки напоминают первых христианок? — Натансон пружинистой походкой сбежал по крыльцу. — Ну, здравствуйте!

— Наверное... — вздрогнул от его голоса Левушка.

— Именно! — тряс его руку глава кушелевской коммуны. — Ибо тоже порывают со своим развращенным, бездуховным кругом и... И вступают в братский союз отринувших соблазны денег и наслаждений. Так?

— Конечно...

— Пройдемте в дом. Обсудим наши дела, — энергично пригласил Натансон.

Вдруг Перовская сорвалась с лужайки и в несколько легких шагов опередила их.

— Пойдите. Ноги вытирайте как следует! Я тут мыла... — Нахмурилась, музыкальным пальчиком показала на влажную тряпку. Прямым изучающим взглядом уперлась в Левушкины глаза. Марк рассмеялся:

— Такие у нас порядки. Не волнуйся, Соня! — Но при этом послушно топтал у порожка старые крестьянские портки. Тихомиров тоже подчинился. Перовская одобрительно качнула белокурой головкой и сбежала с крыльца. Лев смотрел ей вслед. Она оглянулась, губы капризно дрогнули, и вот уже голос ее, точно колокольчик, зазвенел под яблоней.

Вошли. Бросилось в глаза: герань на подоконнике, холщовые занавески с разноцветными каемками, длинные свежеструганные лавки вдоль стола (для сходок?). Натансон не умолкал:

— Вот что поражает, Тихомиров. Саша Корнилова — дочь богатейшего питерского заводчика, Перовская — аристократка, ей на роду написано в театрах да на балах манерничать. И оставили все, ушли, чтобы... Нет, воистину, кто не способен быть бедным, тот неспособен быть свободным!

Договорились, что завтра же Тихомиров отправится на Большую Морскую к князю Петру Кропоткину; у того хорошие связи с фабричными рабочими.

Кропоткина Левушка знал еще по Москве. Помнится, удалой Рюрикович затащил его в свое родовое поместье: «погулять, серых уток пострелять». Только не уток, а волков. «Знаете, Тихомиров, волки превосходные конспираторы! — хитро прищурился Петр. — У них можно многому поучиться...»

Снег был нежный, перистый, чуть осажженный инеем. Пока князь отдавал распоряжения загонщикам, Тихомиров, долго просидевший в городе, опьяненный свежим ветерком, безотчетно двинулся в чащу, пересекая неясную звериную много-следицу. Идти было хорошо, легко. Он как-то потерялся во времени, в снежном шелесте. И вдруг..

Совсем рядом он увидел серую собаку, смотрящую прямо на него желтоватыми умными глазами. Левушка легонько присвистнул, махнул рукой, но собака и ушами не повела. Он хотел было выломать ветку, чтобы прогнать наглого пса, и похолодел от догадки: волк! Надо уходить. Повернулся и обмер: путь к отступлению перекрывал еще один зверь, покрупнее; видимо, самец. Тронул ремень ружья, и тут же заметил, как дрогнул волчий задривок. И что же? Звать на помощь? Стрелять? Он не стал поднимать ружье. Отвернулся с бьющимся сердцем, посмотрел в небо. Медленно опустил взгляд, поймал желтый блеск зрачков исчезающей за кустами волчицы. Резко обернулся: матерый самец тоже пропал, точно растворился в мгlistом воздухе; лишь дрогнула, рассыпая крупу, еловая ветка.

Тихомиров обессилено прислонился к сосне. Томило смутное предчувствие.

А не так ли — бесшумно, словно растворяясь в дымке Летнего сада или Маросейки — скоро и они, мятежные народо-вольцы, будут уходить из-под самого носа жандармов, а иные, Желябов или Кравчинский, остановят яростно набегающих врагов не одними револьверами, но и холодным, почти волчьим взглядом, брошенным напоследок. И он, Левушка, постигнет эту науку. Филеры кинутся вдогонку, но им навстречу лишь пропоет незапертая дверь, запоздало скрипнет ступенька черного хода, под быстрыми ногами потаенно зашуршит на бульварах листва, простучит с Семеновского плаца конка, в вагоне которой только что был нигилист, и вот уж нет его, и никого нет, ничего не видно в вихрях все скрывшей метели.

Князь был старше Левушки лет на десять. Честно говоря, ему льстило знакомство с Кропоткиным, аристократом до мозга костей, окончившим Пажеский корпус потомственным гвардейцем, начавшим службу (добровольно!) в Амурском конном казачьем войске, путешественником в неизведанные земли, исследователем Дальнего Востока, доставившим в Географическое общество бесценный материал. И вот теперь — революционер, бунтующий против, казалось бы, незыблемых основ, бесстрашно ходивший в самые глухие фабричные районы, набросив на плечи засаленный полушу-

бок, в котором рабочие принимали его за своего. Или делали вид. Князь научился лугать подсолнухи, играть на ливенке и сбивать нацеленным плевком поставленный на попа спичечный коробок.

Впрочем, жил Кропоткин почти роскошно, окруженный дорогими вещами и книгами. Вышел в халате, обнял Левушку за плечи — чуть снисходительно, с барским добродушием.

— Ты не поверишь, Тихомиров, — смаковал утренний кофей. — Больше всего меня огорчило тогда, что у офицеров Амурского войска мундир без петличек и папаха из собачьего меха. Ха-ха... Но главное: шаровары серого сукна! Как у презренных фурштатов, обозников... Ах, молодость! Может, коньяку? Так сказать, опрокиданту. Ха!

Кольнуло: Кропоткин обратился на «ты», точно член царской семьи к флигель-адъютанту.

Обрадованный свежему человеку, князь говорил и говорил:

— Ах, Тихомиров, я тебя с рабочими, с ткачами сведу. Послушай «Думу ткача», Синегуб написал. «Мучит, терзает головушку бедную грохот машинных колес; свет застилается в оченьках крупными каплями пота и слез...»

Князь изящно взмахнул звонким колокольчиком. Вошел лакей с вазой, наполненной свежей клубникой. Кажется, роса блестела на ягодах. «Ну, просто слеза. Слеза ткача», — не к месту подумалось Левушке.

— Угостись, Тихомиров, — пригласил князь. — Скажу тебе: все народы хороши. Вернее, низшие классы. А портят их только высшие. Не так ли?

Помня о наказе кушелевских коммунаров — попытаться склонить Кропоткина к денежному взносу в фонд кружка, Лев смиренно пробормотал что-то неопределенное. Кажется, повторил свою мысль: мол, лично для него человечество делится на классы людей умных, одаренных и глупых и бездарных. Вот поэт Кольцов из крестьян, а лучше, чем Пушкин.

— Скажу более, Тихомиров, — вдруг перешел на жаркий шепот хозяин квартиры. — Все открытия делаются рабочими. Все идеи, обновляющие мир, рождаются в головах рабочих. Ваши ученые, философы только подслушивают их и ловко формулируют, как свои открытия!

Левушка раскрыл рот от удивления.

— Но и вы сами, князь, из высших, из пажей...— сказал осторожно.

— И что из того? Я уйду. К народу, к ткачам. Я все отдам! — резко отодвинул кофейник Кропоткин.

— Пока все не надо. Но... Кружку требуется сумма... На дело. На издание книг, — подловил князя Левушка; перед мысленным взором предстали строгие лица Натансона и Чайковского.

— Хм... Знаете, а не дам!

— Отчего же?

— Потому что берегу деньги на более важную минуту, — зашагал по персидскому ковру Кропоткин. — Все, что мы теперь делаем — пропаганда социализма, издание книг — на это деньги найдутся. Дадут богатые, буржуа. А вот когда придет время вооружить рабочих, чтобы уничтожить буржуа, тогда никто и гроша ломаного не даст. Вот для чего я держу свои двадцать тысяч!

«Да, не слишком густо для княжеского состояния!» — мотнул головой Тихомиров.

Князь изящным движением закурил сигару; окутанный облаком сладковатого дыма, уставился в окно.

— А книги... — сказал задумчиво. — Я прочел твои «Сказку о четырех братьях» и «Пугачевщину».

— И что же? — нетерпеливо закрутил глазами Лев.

— Не сейчас, — озабоченно глянул на часы Кропоткин. — Завтра мы с Синегубом будем в Кушелевке. Там все и обсудим. Поезжай на штаб-квартиру, в Казарменный. Возьмешь «Песенник», он только что вышел из печатни...

Он долго блуждал по пыльным переулкам. Наконец в который раз остановился у почерневшего деревянного домика; из окна его окликнули — нежно и певуче: очаровательная Варенька Батюшкова пряталась за геранью, и герань эта была не просто цветком, а знаком безопасности.

Кроме барышни, в неудобной, грязной квартире находились мелкорослый рабочий с перевязанной щекой и приехавший из Москвы Дмитрий Клеменц. Возбужденный Клеменц тут же взял Левушку в оборот. Из распечатанной пачки он вытянул брошюру «Песенника», нашел нужный стих и, ловко ухватив гитару с бантом, стал напевать тенорком на голос «Когда я был аркадским принцем»:

*Когда я был царем российским,
Актрис французских я любил;
Продав в Америке владенья,
Я им подарков накупил.*

Маленький рабочий громко рассмеялся, куражливо оглядывая Тихомирова и Батюшкову. Лев невольно поморщился.

— Ну, как? — повернулся к нему Клеменц. — Я сочинил. Тут моего много. — И снова ударил по струнам. Затянул на мотив бурлацкой «Дубинушки»:

*Ой, ребята, плохо дело!
Наша барка на мель села.
Царь наш белый кормщик пьяный,
Он завел нас на мель прямо!*

Наверное, Тихомиров чего-то не понимал, но куплеты показались ему бездарными и грубыми. Конечно, он не был монархистом, давно считал, как и его друзья, что Россию спасет революция, которая и принесет долгожданную республику; он знал: царизм — это яснее ясного — прошлогодний снег. И все же...

Он взял брошюрку. Клеменц не умолкал. Лев пролистнул несколько страниц. Одно было понятно: эти полтора десятка стихотворений (если так их можно назвать!), в общем-то, глупых, заигрывающих с народом, наделают много вреда. Крестьяне насторожатся: над Государем насмеются, стало быть, и в Бога не веруют? Государь-то наш пригожий, известное дело — Помазанник, да только окружили его мироеды-зложелатели, все эти чиновники, семя крапивное, министры с дворянами да со станowymi приставами — вот и дерут три шкуры с оратая-хлебопашца. А Государь ничего не ведает. Это раз. А два: к чему понапрасну власть злить? Если «Песенник» уже распространяется, то непременно последуют репрессалии. И возможно, очень скоро.

Тихомиров не ошибся.

Помнится, нудил вкрадчивый августовский дождь. Веранда дачи протекала, и все ушли в комнату. Клеменц еще на станции выпил четвертинку полугару — в целях профилактики от инфлюэнцы — и теперь разгоряченно наскакивал на Левушку, вернее, на его «Сказку о четырех братьях». Его поддерживал князь Кропоткин; у того был свой вариант концовки.

Нет, сказка понравилась всем. Сергей Синегуб даже воскликнул: «Твое! Твой жанр, Тихомиров!» Но что это? Почему четыре брата, натерпевшись от эксплуататоров, сходятся на границе Сибири и горько плачут? Именно — плачут!

— И это вместо того, чтобы идти по деревням и проповедовать бунт! — кричал Клеменц.

— Тихомиров, ты помнишь Яшку Стефановича? — вторил князь. — Он в своем Чигирине носится с идеей поднять народ. Пусть и царским именем...

— Царским? — вспыхнул Лев. — Вы же песни выпустили, смеетесь над царем. Не понимаю.

— Ты что, за деспотизм? — подловил его Клеменц.

— Чушь какая! Сами ведь знаете... — обиделся Левушка.

— Ну, ты и загнул, Дмитрий! — подал голос в защиту Тихомирова сидевший в стороне Синегуб. — Лев — прекрасно выработанная боевая единица нашего кружка. И он...

— Кто спорит? — поднялся Кропоткин. — Просто... Просто мы разочарованы. Не плакать следует, а к восстанию звать, в топоры!

— Иной раз слеза... И слезы чего-то значат... — задумчиво произнес Синегуб.

— Мне кажется, Бог и царь для крестьянина очень связаны, — крутил запонку Левушка. — Да вы же были на даче у Долгушина, где тайная печатня!

— Положим. И что же? — нетерпеливо бросил Клеменц.

— У него на полке крест, аверху надпись: «Во имя Христа». А на поперечной перекладине: «Свобода, равенство, братство», — голос у Левушки зазвенел; Долгушина он уважал, хотя многие считали его книжником. — Если мы отрицаем царя, то мы отрицаем и крестьянского Бога. Отпугнем мужика, навредим нашему делу. Я так думаю...

— Эх, любит фразу Долгушин... — хмыкнул Клеменц.

— А вот и нет! — поднял палец с фамильным перстнем князь Кропоткин. — Сие не в его натуре. Сложно все, сложно... Крест — символ искупления, а революция — выплеск святого гнева. Да, революция просит жертв — так иди на крест! Революция борьбы кровавой требует — рази мечом. За свободу, за равенство и братство. Понятно?

Концовку Левушкиной сказки все же переделали. Вошедший Натансон тоже принял участие в правке. Больше других кипятился Кропоткин, снова призывающий к немедленному бунту, созданию подпольной организации с деспотическим центром.

— Ай да князь! — хохотал Клеменц. — Центр ему.. Генералов от революции, наполеонов в начальство над нами. Какой вы анархист? Это ж мы больше анархисты...

— Зато я более вашего революционер! — невозмутимо парировал Кропоткин

— А это что? Нет, Тихомиров, ты знаешь, как я тебя люблю, но... Концовка «Пугачевщины» тоже никуда не годится! Вы послушайте: «Единственное средство помочь горю — это так устроить народ, чтобы он сам управлял своими делами, за всем смотрел и всякое начальство сам выбирал...»

За окном прокричала женщина — хрипловато, громко: «Хозяин!»

— Это молочница. Я сейчас, — успокоил Натансон, поспешив на голос. — Князь, не обижайте Тихомирова...

— Какие обиды! Дело принципа, — пожал плечами Кропоткин. — Предлагаю другую редакцию: «Одно средство помочь горю, чтобы народ управлял всеми до единого своими делами без всяких начальников...» Не выбирал даже, а вовсе без начальства обходился.

— Анархизм. Чистейшей воды! Как бы возрадовался ваш кумир Бакунин, — прошелся-пробежался по комнате Клеменц. — Путаник вы, князь. То против всяческих начальников, то нам в кружок оных навязать хотите. По-вашему, народ без них обойдется, а нам, революционерам, никак нельзя. Да вы...

Он не договорил. В палисаднике ударил револьверный выстрел, и тут же сдавленно и страшно закричал Марк Натансон:

— Братцы, жандармы!

Левушка прильнул к окну и увидел, как дюжие усачи пригибают к земле уже обезоруженного Натансона, а молодой офицер грубо тычет ему в лицо мятую книжку «Песенника»; книжку Тихомиров сразу узнал. «Эх, Марк! На пустячке попались. Гадости про царя распевали. Глупо, глупо...» — застучало в висках. Увидел размытым боковым зрением: позеленевший Кропоткин рвет из кармана короткоствольный «виблей».

— Отобьем! Их всего-то... Беру офицера!

— Вы с ума сошли, князь! — почти повис на его руке Клеменц; затем метнулся в полумрак дальней комнаты.

— Нет, дело швах. Гляньте, за забором филеры... — выдохнул Синегуб. — Что скажешь, Тихомиров?

— Не знаю... Где Клеменц?

В соседней комнате что-то загремело; раздался надрывной, задыхающийся голос Клеменца:

— Помогите! Ну же...

Бросились туда, постыдно толкаясь в дверном проеме. Взъерошенный Дмитрий с помощью топорика уже поднял тяжелую половицу, теперь рвал из-под плинтуса другую. Молча, сипло дыша, мешая друг другу, вытянули доску, потом еще одну.

— Там ход... Прямо к реке... Натансон показал... — хрипло частил Клеменц, втискивая рыхловатое тело в затхлую черноту. — Лампу, лампу зажгите!

— Ход? Откуда? — зачем-то спросил Левушка.

— Да не все ли равно! Сектанты, кажется, жили. Давно! — заорал из-под пола Клеменц. — Ах, сигнал безопасности... Занавески сорвите!

Синегуб сдернул, швырнул их Тихомирову; тот поймал, сунул зачем-то в карман пиджака и полез вниз за Сергеем. Князь, с сожалением оглядев взведенный к бою револьвер, последовал их примеру.

На веранде гремели грубые голоса, стучали жандармские сапоги, кто-то настойчиво требовал:

— Где сообщники? Открывайте двери!

Снова шаги, скрип несмазанных петель. Но это — все глуше и глуше.

— Видите, никого! Я здесь один... — нарочно громко сказал где-то над их головами Натансон.

— Поспешим же... — зашипел в полумраке Клеменц. — Тихомиров, потяни за веревку. Да вон за ту! Чтоб ковриком доски прикрыло... Пошли!

Прыгающий свет лампы выхватывал заплесневелые стены, плясал под ногами; откуда-то сбоку вывалилась жирная крыса и долго бежала рядом с чуть было не пропавшими пропагандистами. Левушка споткнулся, упал, расцарапав ладонь о мелкие камни; его поднял князь и почти потащил к тускло мерцающему впереди свету.

Тайный ход вывел их прямо на берег реки. Под столетним дубом у костра сидел неряшливо одетый человек с прилипшей к губе папиросой. Одной рукой он ворошил палкой догорающий хворост, другой привязывал утлую плоскодонку к наспех вбитому кольшку. На шум человек пугливо обернулся, и Тихомиров узнал его: Зборомирский! Тот самый, бывший семинарист, что сжарил и съел мышь, охваченный «духом отрицанья, духом сомненья». Левушка кинулся к нему, перехватив скорый взгляд Клеменца на лодку.

— Что жарить? Опять? — нервно хохотнул Левушка.

— Ты? — выпучил непромытые глаза Зборомирский. — Тихомиров?!

— Да я, я, кто ж... Мы тут...

Клеменц по-хозяйски подбежал к плоскодонке, попытался отвязать ее, но узел не поддавался, и тогда Кропоткин, побагровев, вырвал забитую в берег палку вместе с веревкой. Синегуб уже сидел за веслами.

— Постойте... Моя лодка! — заволновался Зборомирский. — Не дам!

— Ну что ты, Мотя! — вспомнил имя бывшего приятеля Тихомиров. — Ты ж съел мышку во имя грядущей революции. Теперь лодку отдай, и тоже во имя... И тоже на алтарь! — Он положил руку на плечо «отрицателя»; скосив глаза, увидел, как лезут в плоскодонку Клеменц с Кропоткиным, машут руками: давай, мол! — Не бойся, у того берега оставим твою посудину. Считай, еще одну мышь съел...

Лодка пошла быстро, рывками. Зборомирский с разинутым черным ртом смотрел беглецам вслед. И вдруг закричал: — Вы радикалы? Погоня? Я жертвую...

— Тише, тише...

— Не расслышал! — орал Зборомирский. — Я молотобойцем на Патронном... Тугоухость, Тихомиров! Моя мастерская-переплетная уничтожилась. С вами хочу..

— Тише, мыши, кот на крыше! — расхохотался успокоившийся Клеменц. Поочередно оглядел друзей и сперва замурлыкал, а следом грянул во весь голос:

*Царь наш белый кормщик пьяный!
Он завел нас на мель прямо.
Чтобы барка шла ходчее,
Надо кормщика в три шеи...*

«Ходчее... Тьфу ты!» Левушка отвернулся. Лодка отплывала все дальше.

Зборомирский продолжал кричать, но слова его уносил поднявшийся ветер. Да и Клеменц, будь неладен, пел все громче и громче.

Глава одиннадцатая

Полночи Антону Ивановичу Лидерсу снилось, как кто-то, неразличимый, тренькает в темном углу на гитаре и фальшивым тенорком напевает навязчивое: «Ах, этот черный кабинет, сгубил меня во цвете лет...» И Лидерс протестовал, беспомысленно зарываясь в горячие подушки, — безголосо и тоскливо. Протестовал, потому что это было неправдой. Не сгубил его «черный кабинет», а, напротив, возвысил — из скромного чиновника, по секретной части употребляемого, до начальника перлюстрационного пункта в самом Санкт-Петербурге, где под его руководством полтора десятка молчаливых работников с помощью жаркого пара и нагретой на огне проволоки снимали восковые печати с писем, вскрывали их и читали, дабы выявить антигосударственные элементы в обществе, распознать злокозненное противуправительственное движение или даже (страшно сказать!) само гнездилище царубийственных замыслов.

Насчет гнездилищ — тут удача сопутствовала редко. Люди чаще слали друг другу всякую глупость — про любовь, измены, карточные долги, заклады-перезаклады земли, неблагодарность детей, прочитанные книги. Конечно, книга книге рознь. Если издание душеполезное, прививающее юноше-

ству нравственные устои, то и славно; а ежели брошюрка злоумышленная, с душком нигилизма, то есть, отрицания и сомнения — тут дело другое, и соображения автора письма и кто он такой и к кому пишет — все это крайне важно, поскольку шаг за шагом, адресок за адреском, и (а вдруг!) можно выйти на опасную сеть преступного заговора.

Антон Иванович дело свое знал и любил. К тому же сотрудники «черного кабинета» получали хорошее жалование — не только по гласным своим должностям, но и из особых тайных сумм.

Лидерс устроил так, что перлюстрация писем производилась самым секретным образом, не подавая даже вида, что таковая существует. Потому что... Да потому что инструкция гласила: «Надобно, чтобы никто не боялся сообщать через почту мысли свои откровенным образом, дабы в противном случае почта не лишилась доверия, а правительство сего верного средства к узнанию тайны». Словом, получатель не должен был и догадаться, что конверт вскрывали.

Тайна... Сохранить тайну «черного кабинета» — вот что занимало Лидерса. И — о, счастье! — под утро ему приснилось то, над чем он мучился долгие дни. Приснилось устройство для вскрытия писем — ясно, подробно; Антон Иванович даже почувствовал приятный запах свежеструганного дерева. Да, дерева, ведь устройство было совсем простым: тонкая отполированная палочка размером с вязальную спицу, как бы расщепленная наполовину. Но что же далее? Даже во сне Лидерс сосредоточился и насторожился. И вот рука, невесомо и воздушно, ввела палочку под клапан конверта, разрезом захватила письмо, намотала на приспособление и...

«Боже мой, как же все просто!» — вертелся в пролетке не выпавшийся Антон Иванович и торопил, торопил кучера.

Устройство было изготовлено быстро. Взволнованный начальник «черного кабинета» лично выбрал письмо для первого опыта. Подчиненные сгрудились вокруг и почтительно, затаив дыхание, следили за каждым его движением.

Непосвященному выбор письма мог показаться случайным. Но это было не так. Многоопытный взор Лидерса выхватил из стопки, казалось бы, обычный серый конверт; Антон Иванович взял его, коротко взвесил на узкой ладони, чуть шевельнул ушами, словно не только прошупывал, но и прослушивал упрятанную под бумагой крамолу. В затылок начальнику сопел первономерной дешифровщик Ратаев — талантище, да что там — воистину гений! Все было подвласно ему: хитроумная полибия, шифры перестановки, числовые ключи Гронсфельда, гамбеттовская криптография...

Запахло разогретым воском. Печать сняли легко. Затем сам Лидерс взялся за дело, в точности повторяя явления провидческого сна.

Когда отполированная палочка проникла под клапан конверта, Антон Иванович почти задохнулся от странного сладострастия. Посидел, успокоил сердце и, легко накрутив на палочку первый листок, извлек его на свет. Следом второй и третий. На выпуклом лбу Лидерса желтовато блеснула испарина, впалые щеки забугрились алыми пятнами.

Первый лист был испещрен столбцами цифр и буквенной несуразицы, выведенной, впрочем, почти каллиграфическим почерком.

— Криптография. Шифр... — не удивился Антон Иванович. — Ратаев!

У Ратаева сразу же отрешенно помертвели бесцветные глаза, и он почти носом уткнулся в закодированную бумагу. Зато на втором и третьем листах не было никаких хитростей. Лидерс с первых же строк понял, что это сказка; собственно говоря, вверху так и значилось: «Сказка о четырех братьях». В левом углу увидел пометку: автор Л. Т. с поправками К. К. Досадливо передернул плечами: что за причуда — четыре брата? Испокон было три: старший (умный), средний (так и сяк), младший — зряшный, вроде, дурачок, который после всех и околпачит.

Но тут-то совсем иное: «Уж вы встаньте, встаньте, мужики честные... вы почувте свою силу могучую, поднимитесь и... уничтожьте всех своих недругов». И кто же недруги? Да всякое начальство — становые, чиновники с помещиками, жандармы. Вот так сказочка — пуше бунтовской прокламации будет!

— Ратаев! — не оборачиваясь, позвал Лидерс. — Кто ж такие?

— Имена раскрыты, Антон Иванович, — спокойно ответил Ратаев. — Князь Кропоткин пишут к дворянину Лизогубу. Про сказку какую-то уведомляют, что принадлежит перу разночинного студента Тихомирова. Но шифр, скажу я вам, так себе. Поди ж, корпел сей вольнодумный князь, старался, да все уловки хинью пошли... — самодовольно усмехнулся дешифровщик.

Менее чем через час Лидерс уже сидел в просторном кабинете начальника штаба Отдельного корпуса жандармов генерал-адъютанта Мезенцева.

Николай Владимирович пребывал в благодушном настроении. Он только что вернулся из Ямбургского уезда, где при церкви святой Екатерины артельщики заканчивали строи-

тельство каменной сторожки и деревянного домика для при-чта. Работы велись на пожертвования генерал-адъютанта, а еще раньше на его же деньги храм обнесли валом и укрепили булыжником.

Мезенцев исповедовался и причастился Святых Тайн; молился в тот вечер долго, и молитва была теплой, после нее нахлынули воспоминания — о детстве, гвардейской юности, службе в Преображенском полку, о боевых переделках на Балканах, в охваченной бунтом Польше. Его радовало и то, что к месту припомнились строки из служебного циркуляра III Отделения: «охранение прикосновенности прав и спокойного совершения обрядов Церкви Православной». Да, да, конечно, и для этого он служит! И не он один — все сотоварищи по Корпусу. Радовало и лицо настоятеля отца Кирилла — загорелое крестьянское лицо мудреца и исповедника, — с которым они после долго пили чай; батюшка говорил, а Мезенцев слушал, и тихая речь иерея успокаивала напряженные нервы, рассеивала сомнения, укрепляла ослабевшее сердце.

— Вот ведь как, вот ведь, — прихлебывал священник из широкого стакана. — Забывают высоковоленные, что источник власти на земле один — Бог Всемогущий. Республику им... Обезумели в упоении мятежа, коего основа — грех гордыни, восхищение права Божиего на самовластье. Власть не для себя существует, а ради Бога...

«Да я же это знал. Но отчего стало так покойно на душе?» — думал Мезенцев по пути в Петербург.

Он оборвал воспоминания, вслушиваясь в доклад начальника «черного кабинета». А тот, видя отрешенный взгляд Николая Владимировича, никак не мог собраться с мыслями.

— Говорите же, Антон Иванович! — ободрил Лидерса генерал-адъютант. — Ибо перлюстрация... Ни во что не вмешиваясь, она все открывает. Никем не видимая, на все смотрит, не правда ли?

— Истинно так! — подхватил Лидерс. — И Государь узнает сокровенные чувства подданных и нужды их, и слышит и вопль невинного и замыслы злодея.

— Каковы же замыслы?

— Расшифрована тайнопись...

— Тайнопись... — дрогнули губы Мезенцева; он снова задумался. — Удивительно, и Христос ведь говорил загадками, притчами. Тоже шифр? Согласитесь, Антон Иванович! И не всякому открывается. Вот, к примеру.. Вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано... а иное упало на камень... А иное, вы помните, упало на добрую землю. И... Принесло плод сторичный.

Нет, никак он не мог забыть впечатление от беседы с отцом Кириллом.

— Но... Установлены имена нигилистов... — лицо Лидерса от напряжения пошло пятнами.

— Похвально, — рассеянно улыбнулся генерал-адъютант. — И кто же сеятель? Снова шифр? Притча? Конечно, Сын Божий! Он не перестает сеять доброе в наших душах. Он вышел не затем, чтобы погубить земледельца или выжечь страну, но затем только, чтобы сеять. А эти... Да, ваши злоумышленники — что они, преисполненные гордыни, сеют?

— Я давеча докладывал... — вздохнул Лидерс. — О Кравчинском. Вскрыли послание. Тоже написал... «Сказку о Мудрице Наумовне». Еще о копейке. Потаенные книжонки...

— Как же, помню! — встал из-за стола Мезенцев. — Сей надменный санкюлот додумался: в сказочной форме первый том «Капитала» представил — для критики устоев. К борьбе за народное освобождение призывал.

— «Капитал» — это что немец Маркс написал?

— Он, бестия великомудрая! А наш шельмец, Лопатин, перевел, — генерал-адъютант задохнулся от негодования.

«Что ж, — думал Мезенцев, бесшумно и нервно шагая по персидскому ковру, — что ж, с пропагандой социализма в артелях и на фабриках у радикалов ничего не вышло. Да и как же могло выйти? Ведь хороший рабочий в Питере в год получает не меньше армейского подполковника. А плохой... Ну тот, что «подай-принеси». Так и у него, у бедняги, доход такой же, что и у сельского фельдшера, учителя в школе первой ступени или у этого... Терпеть их не могу! (Брезгливо передернул плечами генерал). У репортеришки-поденщика. Так-то... К тому ж у рабочего, особенно у того, который из деревни недавно, — надел земли в собственности. И чего же ему бунтовать в городе? Чего слушать студентика в синих очках? Все верно. Но...»

Николай Владимирович остановился у огромного портрета Государя, словно бы желая пред царскими глазами утвердиться в своей догадке. Лидерс смущенно покашлял, но генерал-адъютант, не обратив на него внимания, вновь зашагал по кабинету.

Без сомнения, вдруг понял он, все эти студенты и курсистки отныне ринутся в деревню — куда ж еще-то? «Деревня, где скучал Евгений...» — отчего-то припомнилось пушкинское. Вот-вот: скучал! Ах, уж эта наша русская скука. С ее редькой, что непременно с хреном или революцией, что, ясное дело, с кровушкой. Правда, и тут у французикув переняли: не революция, а инсurreкция! Эта наша мечтательность —

сладковатая, маниловская: а не выстроить ли мост с лавками для купцов, но лучше — подземный ход провести и... Да уж этот ход! Опростоволосились: в Кушелевке радикальскую дачу окружили, но злоумышленники скрылись именно через подземелье; одного Натансона лишь и взяли... Что ж, в деревню пойдут инсургенты новоявленные. Будут мужика да его деток с толку сбивать. Вот и готовятся — сказочек насочиняли! Тоже мне — афанасьевы. Усыня-Горыня-Дугиня...

Не знал генерал-адъютант Мезенцев, что попал в точку, что о том же в эти минуты пишет в Париже беспокойный эмигрант-провидец Александр Иванович Герцен: «Прислушайтесь — со всех сторон огромной родины нашей, с Дона и Урала, с Волги и Днепра, растет стон, поднимается ропот — это начальный рев морской волны, которая закипает, чреватая бурями, после страшно утомительного штиля. В народ! к народу! — вот ваше место, изгнанники науки...»

— Осмелюсь попросить вас... — вдруг нарушил молчание начальник «черного кабинета».

— Что там? Извольте, — закурил на ходу сигару Мезенцев. У столика остановился, выпил рюмку коньяку, вполоборота бросил учтиво привставшему Лидерсу: - Не желаете? Как говорит мой камердинер — для контенансу.

— Нет... Благодарю покорнейше. Я относительно моего племянника, Петра Рачковского. Закасал в Одессе, в канцелярии у полицмейстера, теперь в Пинеге. А юноша способный. Двинуть бы...

— Рачковский... Рачковский... — рассеянно повторил Мезенцев. — Ступай-ка, Антон Иванович. Я подумаю. Но... О вашем рвении будет доложено графу Шувалову.

В те дни Левушка Тихомиров тоже многого не знал. К примеру, что после доклада неведомого ему Лидерса имя его попало в особый «Алфавит лиц, политически неблагонадежных». Правда, изгнанником науки он не был, поскольку занятия в университете бросил исключительно по своей воле. Его закрыла столичная радикальская жизнь, более значительная (так казалось), яркая, чем тихая практика в анатомическом театре. Единственное, что мучило, — это письма матери; отвечая, ему все так же приходилось врать, и когда Христина Николаевна писала, что по-прежнему молится за сына Святителю Митрофану Воронежскому, на него наваливалась бессонница, и от подушки почему-то снова тоскливо пахло малиновой пастилой, которой мать угощала его, оставляя в гимназии среди чужих людей. В Керчи, совсем одного...

Словно бы оправдываясь, он думал: «Мама молится, она верует. Религиозные подвижники прошлого ждали прише-

ствия Царства Божия. Но и мы верим. Да, мы верим в осуществление царства труда и справедливости с помощью социальной революции, которая принесет миру немедленные перемены...»

Немедленные — по-другому и быть не могло.

Сергей Синегуб приободрял: «Сказки для крестьян — это твое! Скоро двинемся. Работай!» Но не успел Левушка, не успел.

По решению кружка он теперь жил у Синегуба в деревянном доме за Невской заставой. Честно говоря, место было самое дрянное, квартирка тесная и грязная. Чтобы добраться, приходилось пересечь почти весь город, обойти Семянников завод, а там хлебать киселя едва ли не до Бугорков. Хлепать — это буквально: улицы сочились липкой грязью. Но собрание постановило: переехать с Петербургской стороны, чтобы помогать Сергею в пропаганде. Зато через стенку поселилась очаровательная в своей строгости Соня Перовская; поселилась не одна, а с Рогачевым, крутоплечим социалистом из Орла, и именно это обстоятельство изрядно портило кровь Тихомирову. Ночами он просыпался, ревниво прислушиваясь к малейшему шороху за почерневшими от времени бревнами. По утрам всматривался в улыбочивое Сомино лицо, словно бы пытаясь разглядеть едва уловимые следы тайных чувственных бурь, любовной истомы, но ничего этого не было и в помине. Отставной поручик Рогачев работал на Путиловском, ворочал, дабы войти в доверие к пролетариату, расплавленный чугун черной гнутой кочергой. А Соня — для полиции она его жена — в тяжелых мужских сапогах носила ведрами воду с Невы, готовила обеды на всю артель, а вечерами давала уроки «еометрии» и «еографии» смуглым жилистым ткачам, успевая вернуть словцо и «про политику». Усталые ткачи подремывали, дремал и Рогачев, и Соня будила их звонкими хлопками линейки.

Долгое это дело, революционная пропаганда; долгое, словно неспешное русское чаепитие. Главное — сахарком не пересажарить, сушку подложить по вкусу и блюдечко ненароком не разбить. Спугнешь, расстроишь беседу, и начинай все сначала. Тем более, после сладкого могут плеснуть и горького...

Ах, и сдалась ему эта Перовская! Да и вообще, голубоглазую губернаторскую дочку прозвали Захаром — за мрачное выражение умненького личика, когда она донимала собравшихся на тайное заседание кружковцев за принесенную на сапогах грязь. Но иногда Левушка ловил на себе ее пристальный, изучающий взгляд, порой вспыхивающий мимолетной нежностью. Или про нежность он придумал? И тут еще этот поручик-литейщик Рогачев...

Успокоился он только тогда, когда Соня, не отрываясь от работы, бросила: «Бабник!» — о Клячко, успевшем по выходу на свободу завести сразу две любовные интрижки. Было ясно: эта барышня не из тех, кто разменивается на всяческие амуры. И Рогачев здесь ни при чем. Но все же полушутливо спросил:

— А знаете ли, Соня, ваш Флеровский утверждает: цель человечества — плодить жизнь на земле.

— Нет-нет, это ошибочно! — вспыхнула она, сбросив бабий платок.

— Отчего же?

— А как же счастье? — посмотрела Перовская исподлобья. — Наибольшего счастья люди могут достичь, если индивидуальность каждого будет уважаться и...

— Опять Флеровский?

— Нет... Это... Это я. — Кровь бросилась к ее еще по-детски пухлым щекам. — Наступит время, и каждый человек будет сознавать, что его счастье неразрывно связано со счастьем всего общества. Понимаете... Высшее же счастье человека — в свободной умственной и нравственной деятельности.

«Вот тебе и Захар!» — хмыкнул Тихомиров.

А может, ему, сыну военврача, пехотного трудяги, просто льстило внимание столбовой дворянки, чей род восходил к легендарному графу Разумовскому? Как льстило знакомство с Кропоткиным, князем Рюриковой крови, аристократом до последней запонки, бывшем пажом, чью манеру снисходительно улыбаться и грассировать в самых острых спорах он старательно перенимал.

Но и это обдумать Левушка не успел.

Потому что жандармский майор Ремер уже получил предписание для проведения обыска в выслеженном филерами центре крамолы и злокозненной агитации, а именно — на квартире Синегуба.

В мгlistую полночь 12 ноября 1873 года к дому № 33 по Смоленской слободе скрытно подъехали экипажи. Сергей и Левушка не сразу услышали лошадиное фыркание, приглушенные голоса. За перегородкой спала Лариса Чемоданова, жена хозяина квартиры. А они сидели за столом, говорили о сборах в деревню: с каким ремеслом сподручнее пойти — печниками, сукновалами, бондарями или углежогам? Потом Синегуб прочитал новые стихи. И Тихомиров, решившись, прочитал свои:

*Ты помнишь дом за Невскою заставой?
Там жили бедность, дружба и любовь;*

*Друзьям нужда казалась забавой,
И вместо дров их часто грела кровь.*

— Стихи? Мне? — растрогался Сергей, зябко поводя плечами, укрытыми битым молюю поддегузиком. — Как-то грустно. Словно прощаешься... Грела кровь? Кровь, кровь... — повторил задумчиво.

Затуманенным взглядом скользнул по окнам и вдруг больно вцепился в Левушкину руку: мутные фигуры перебежали от ворот к крыльцу; тускло блеснули форменные пуговицы: они, гости из «лазорезового ведомства» — жандармы! Проснулась испуганная Лариса, прижалась к мужу.

Ворвались. Загремели, затопали. Запах табака, бриолина, ваксы.

Обыск продолжался почти три часа. Обшарили все углы, перетрогали каждую вещь — ничего.

Стало быть, не зря полдня они сжигали крамольные стихи, дневники, записки — все, что могло навредить во время визита непрошенных гостей с револьверами и шашками. Как чувствовали! Самые ценные книги и брошюры Перовская увезла на извозчике. Близорукая Лариса, вплотную поднося листок к темным от расширенных зрачков глазам, оценивала каждую бумагу. Но близорукость-то и сыграла злую шутку...

Майор Ремер разочарованно вздохнул, потер набрякшие веки. Что ж, надо уходить: не пойман не вор. Он тяжело шагнул к двери, и тут взгляд его упал на лубочный ящик в неприглядном углу комнаты. Дал знак унтеру.

— Зряшный мусор, ваше благородие, — развел руками Синегуб; стриженный под горшок, с едва пробивающейся бородкой: ни дать, ни взять рабочий, намедни прибывший из деревни. (Разве скажешь, что это помещик Екатеринославской губернии?) Он был спокоен.

Посыпались мятые бумажки — такими в съестных лавках завертывают селедку с колбасой или соленые огурцы с вареной картошкой: вполне фабричный обед! И вдруг...

Яркие строчки (красные чернила!) ударили по глазам Сергея. «Да это же черновики двух моих стихотворений! Почему? Как? Значит, жена, не разглядев, бросила их туда же... Все пропало!»

Майор Ремер понимал в поэзии толк. Он и сам баловался. На день ангела начальника штаба Отдельного корпуса жандармов Мезенцева сочинил ему такой виватный акростих, что генерал-адъютант прослезился. Ремер ждал: к Рождеству дадут подполковника.

Жандарм, не спеша, почти бережно расправил листок и прочел вслух, с немецкой отчетливостью произнося каждое слово:

*Мы под звуки вольных песен
Уничтожим подлецов.
Палача царя повесим,
С ним дворянство и купцов!*

— Как страшно! Но вы совсем забыли про нас, бедных жандармов? — натянуто улыбнулся. — Что с нами-то будет? Впрочем... Сияла ночь. Луной был полон сад... Это мне ближе. А знаете, композитор Чайковский считает Фета явлением совершенно исключительным. Благоуханная поэзия! Но тут..

Ремер поиграл темляком шашки, брезгливо поморщился:

— Соки народа... Стало быть, довольно... Ха-ха... Им повишину сосать. Гадость... Это бездарно, господа! Бьюсь об заклад: рабочие вы не настоящие...

Втолкнули в «черную карету», повезли. Два жандарма впереди, хмурыми лицами к арестованному; двое — по бокам: прижали тесно, ни вздохнуть, ни выдохнуть.

А дальше — допрос в разных комнатах. Прокурор заявил Левушке почти торжественно:

— Вы обвиняетесь в принадлежности к тайному сообществу, имеющему цель ниспровергнуть существующую форму правления... Обвиняетесь в преступном заговоре против священной особы Его Императорского Величества...

Потом его вели темными узкими проходами, дошли, наконец, до низкого свода, откуда шагнули в сырую душную камеру. Вокруг тотчас бесшумно забежали в войлочных ботинках унтер-офицеры крепостной стражи. Тихомиров велели раздеться догола. Бросили на лавку арестантское платье: фланелевый халат грязно-зеленого цвета, длинные плотной вязки шерстяные чулки, желтые туфли, да такие огромные, что совсем не держались на ногах.

Снова пошли по коридорам. Ввели в одиночную камеру. В окне Левушка успел поймать силуэт трубы монетного двора. Та-а-ак... Значит, его камера в юго-западном углу крепости, в выходящем на Неву бастионе.

За спиной захлопнулась массивная дубовая дверь с «глазком». Унтер повернул ключ. Тихомиров остался один в мрачной и тесной камере.

Как густо, как отвратительно выкрашен покрытый войлоком пол. Потрясенному, раздавленному, ему вдруг показалось, что в неподвижном спертom воздухе на миг пахнуло за-

лежалой малиновой пастилой. Той самой, керченской. Тоска охватила Левушку. Он ткнулся горячим лбом в оклеенную желтыми, под цвет башмакам, обоями стену.

Казалось, жизнь остановилась. Слава Богу, потом стала приходить Соня Перовская. Она назвалась его невестой, и от этого сладко билось измученное арестантское сердце.

Глава двенадцатая

Агент наружного наблюдения Елисей Обухов пребывал в унынии: стоило выслеживаемому нигилисту попасть на Невский и приблизиться к Морской улице, как злодей тут же исчезал без следа. Конечно, Обухов был рад, что недавно разгромили целое гнездо пропагандистов за Невской заставой, и, ясное дело, не без его участия, но то, что хитрый Клеменц и не менее хитрый Бородин (по слухам князь Кропоткин) водят его за нос, — это выводило агента из себя. Елисей был парень не промах, он за Вырищей домик построил, где хозяйствовала добродетельная и работающая жена — огородничала, поросят с курочками выращивала, варенья из ягод варила. И он давно приметил, что пропадают социалисты аккурат у дома доктора Ореста Веймара, хирурга с широчайшими знакомствами и связями. На свой страх и риск Обухов сел на хвост раздушенному красавцу, но его карета подкатила к парадному подъезду Зимнего дворца, откуда вырывались звуки торжественной музыки: начинался праздничный бал. Ну и куда ему, агенту наружки? Вздохнул, да и вернулся.

Надо сказать, судьба улыбалась Оресту Эдуардовичу, но и он сам бесстрашно шел навстречу судьбе. Отличился на войне с турками, командуя военно-полевым госпиталем, и не только командовал — забрызганный кровью день и ночь оперировал раненых, спасал солдат и офицеров, землешапцев и дворянских отпрысков. Супруга наследника престола Мария Федоровна, покровительствующая госпиталю, поднесла хирургу свой портрет, украшенный бриллиантами; с тех пор Веймара называли не иначе как «цесаревнин доктор». За балканскую кампанию был осыпан наградами, да какими — орденами св. Анны на шее, св. Станислава в петлице и даже св. Владимира с мечами, и на звезде последнего ясно читалось: «Полезьа, честь и слава».

На балу во дворце Веймар много танцевал. И главное — с красавицей цесаревной, ошастливевшей его двумя контрдансами.

Затем отправились играть в карты к князю Голицыну. И после второго лабета, не слишком-то огорчившего доктора,

выпивший шампанского Мезенцев шепнул про Кропоткина: вот, дескать, даже среди таких фамилий встречаются отщепенцы; да, славу Богу, есть у нас преданные престолу рабочие-ткачи, которые и донесли...

— Представьте себе, сей князь одержим идеей крестьянского бунта в Поволжье. Оттуда думал идти со смутьянами на Москву. Хорош Рюрикович!

Сколько же раз доктор прятал в своей клинике попавшего под слезку Кропоткина! «Что делать? Следует предупредить Петра. Успеть бы...» — сославшись на приступ мигрени, заторопился домой Веймар.

В последние дни Кропоткин, Кравчинский и Клеменц жили тревожно и нервно. Полиция разгромила рабочий кружок на Выборгской стороне, в марте арестовали целую группу распропагандированных ткачей во главе со Степаном Кузовлевым; прихватили и бывшего студента Низовкина, который, выгораживая себя, выдал оставшихся на свободе.

Загадочные незнакомцы теперь бродили вокруг дома Кропоткина, заходили к нему под невероятными предлогами. Один из них, назвавшись коммивояжером, хотел купить лес в его степном тамбовском имении, где деревьев-то было раз, два и обчелся. Князь потом увидел в окно, как коммивояжер вышел на Малую Морскую, махнул рукой; к нему приблизился сутуловатый человек в рабочей чуйке. Кропоткин вздрогнул: неужели ткач Кузовлев? Почему? Ведь он заарестован!

«Нет, оставаться здесь больше нельзя», — рвал князь бумаги. Хорошо, что он уже выступил в Географическом обществе, и великий геолог Барбот де Марни тут же предложил ему место председателя отделения физической географии. Наивный старик: он верил, что главное для докладчика — новый взгляд на делювиальный период в рассеивании валунов по северной и средней России.

Но древний ледник разнес валуны только по северной и средней части. Идеи социализма и анархии нужно разнести по всей Империи.

Князь вскочил в дрожки. На Невском он оглянулся: погоны не было. У дома Веймара увидел доктора, торопливо садящегося в экипаж. Окликнул, но Веймар не услышал. И тут заметил, как по проспекту вскачь за ними несется другой извозчик. Сердце забилося, и не зря. Из догнавших дрожек высунулся все тот же ткач Кузовлев.

— Постой, Бородин! Подожди... — замахал руками.

«Кузовлев? Провокация? Или... А вдруг ткача только что освободили и он спешит сказать что-то важное?» Князь при-

казал остановиться. И напрасно, напрасно! Какой-то серо-ликий господинчик, сидевший рядом с ткачом, тут же очутился на подножке и закричал в ухо:

— Господин Бородин! Князь Кропоткин, вы арестованы! — И стал тыкать в лицо мятую бумагу с печатью городской полиции.

Боковым зрением князь заметил, как со всех сторон к ним бегут полицейские. «Как же их много на Невском!» — подумал почти равнодушно.

Хорошо, что уничтожил письмо от Войнаральского, ободряющее письмо — в Москве заведена тайная типография; теперь прокламации, брошюры можно печатать в России. Надо бы дать еще тираж тихомировской «Сказки о четырех братьях», да и «Пугачева» бы — ведь к ним князь тоже руку приложил.

«Как там Тихомиров, Синегуб? Интересно, отвезут в Литовский замок или в Петропавловку? В какой-нибудь равелин или редоит... Если в крепость, то значит, ближе к друзьям...»

Дрожки тронулись.

Он вспомнил про другой листок из письма Войнаральского: так, ничего особенного — без политики, с невинной приятельской болтовней. Лучше бы и от него избавиться — от греха подальше. Князь потихоньку смял бумагу в кармане и, выждав, когда серый господин отвернулся, бросил комок на мостовую.

— Ваше благородие! Господин Обухов! — привстал на задних дрожках ткач. — Они-с письмо замыслили выкинуть. Я поднял!

— Молодец, Кузовлев! — самодовольно бросил филер. — Предъявим прокурору. Целковый получишь...

В эту минуту мимо проехал экипаж Веймара. Поравнявшись с арестованным, сбавил ход; Кропоткин увидел, как бесстрашный доктор, вопросительно вскинув на него глаза, шарит рукой за отворотами пальто. «Да ведь он отбивать меня начнет! Пропадет же...» Подал знак другу: не делай, мол, глупостей, проезжай... Веймар кивнул. Князь заметил, как трудно дается ему бездействие. Доктор вытер побледневшее лицо платком, что-то сказал кучеру, с усилием шевельнув отчаявшимися губами.

Лошади унесли экипажи в сырую невскую мглу.

В первые недели Кропоткин пел в крепости. Мертвая войлочная тишина убивала. Он вставал на табурет, тянул к окну шею, стараясь уловить хотя бы малейший звук с близкой Невы. Все было напрасно. Тогда он запел — вначале тихо, по-

том громче и громче. Запел назло часовым, смотрителю — куплеты из «Руслана и Людмилы»: от печального «Не проснется птичка утром» до наполненного негой и страстью романса Ратмира «Она мне жизнь, она мне радость». Часовые испуганно покрикивали из-за двери: «Нельзя! Не извольте петь!»

— Когда же мы виделись с тобой, Кропоткин? Верно, в опере... — вдруг вырос на пороге камеры брат царя, великий князь Николай Николаевич. Он появился в крепости без свиты, с одним лишь адъютантом. Нахмурился: — Ты, камер-паж, замешан в радикальских делишках, и вот теперь... в этом ужасном каземате распевашь Глинку. Стыдись!

— За Глинку стыдиться? — усмехнулся узник. — Видите ли, мои убеждения...

— Убеждения? — перебил Николай Николаевич. — Ты хочешь завести в России революцию?

Как сказать? Что ответить? Мысли путались. Сказать «да», значит, признаться во всем. С нарастающим раздражением он представил, как вечером великий князь небрежно бросит Александру II: «Ах, все эти Шуваловы-Мезенцевы, все их следователи и филеры гроша ломаного не стоят. Кропоткин наотрез отказался давать показания. Я же поговорил с ним четверть часа, и он во всем признался...»

Высокий гость прошелся по камере, ставшей еще теснее от его осанистой гвардейской фигуры. Приблизился вплотную к Кропоткину, с приятельским покровительством положил на плечо руку:

— Стыдно теперь? А? С этими безбожниками, с разночинцами... Что общего у тебя?

— Они не безбожники, — с плохо скрываемым бешенством ответил Кропоткин. — Разве социалистические идеалы не сродни христианским?

— Вот как? Да только Христос велит человеку раздать свое имущество, а социализм велит ему экспроприировать имущество других, — снова нахмурился Николай Николаевич. — Неужели ты не видишь разницы?

— Меня допрашивал следователь. Больше мне нечего прибавить. Оставьте меня! — грубо оборвал беседу Кропоткин. Неприятное волнение охватило его. И, кажется, он понял причину волнения: Христос, социализм, имущество. Ведь не нашелся, не возразил...

Великий князь вспыхнул. Светлые бакенбарды его натопорщились. Стремительно повернувшись на каблуках, он почти выбежал из камеры.

Если о Кропоткине хлопотали многие — все Географическое общество, лично профессор Барбот де Марни, брат Алек-

сандр, поднявший на ноги научный мир столицы, «цесаревнин доктор» Веймар, всегда любезно принимаемый при дворе, — то замолвить слово о Левушке было некому. В виде исключения князю выдавали бумагу и чернила, и теперь он снова мог работать. Александр II написал на прощении: «Разрешаю. До заката». Всем остальным — и Тихомирову тоже — приходилось довольствоваться небольшой грифельной доской. Левушка был и этому рад, но каково же было сочинять, зная, что скоро все это придется стереть. Но он писал, упражня слабеющую от недоедания память, мучительно пытаясь сохранить ускользающее навсегда.

Почему-то ему снился цирк Чинизелли (тайно встречался с Лизогубом), и там — глумливое кривлянье размалеванных клоунов, которые гнались за ним, настигали в конце узкого крепостного коридора. Потом испуганного, задыхающегося вытаскивали на арену и заставляли тоже кривляться; при этом развязные, дурно пахнущие паяцы непотребно ругались, хохотали и звонко хлестали друг друга по свекольным щекам. Он уговаривал их, он кричал, разрывая рот в немом крике: «Постойте, остановитесь! Вы же братья мои по человеческому роду! Не бейте друг друга...» Наконец, клоуны врывались в его камеру, все так же дрались, и Левушка силился сказать бесстыдникам, что они люди и, значит, каждый из них несет Божий образ в душе, но, избивая ближнего, высмеивая его, они оскорбляют Его... Отчего он так думал во сне, Тихомиров не понимал. Слова застревали в горле, сбивали дыхание. Вспыхивала настойчивая, привычная мысль: как же трудно будет перевоспитать подобных людей для грядущей жизни в коммуне!

Сон и явь путались. По камере струился тусклый тюремный рассвет.

Шли недели, месяцы. К опухшим суставам прибавился кашель, который терзал его по утрам. Левушка вспомнил врачебную практику отца: Тихомиров-старший рассказывал об офицере, надолго попавшем к горцам в плен и спасшемся от чахотки тем, что старался кашлять как можно реже. Теперь он тоже из последних сил сдерживал приступ, дышал мелко и часто, а если было невмоготу, впивался зубами в подушку, в край серого одеяла — до скрежета, до стога; тело судорожно билось, текли слезы, но он терпел, зная, что только так можно сберечь пузырьки разрывающихся легочных альвеол.

И еще — он много ходил: десять шагов из угла в угол, это уже не худо. А пройдешься туда сюда полтора раза — вот и верста. Прикинул: можно в день делать до семи верст: две

утром, две перед обедом, две после обеда и одну на сон грядущий. Чтобы не сбиться, придумал: спички! Да, если положить на стол с десяток спичек и, проходя мимо, передвигать одну, потом другую, то наверняка не собьешься со счета. Главное — ходить надо скоро, но в углу поворачиваться медленно, иначе закружится голова; и поворачиваться непременно то через левое плечо, то через правое.

Старый незлобивый смотритель Богородский принес в камеру речного песку, и Тихомиров теперь ходил не просто так — горстями переносил песок с места на место, занимая тягучее время этим странным делом.

«Сизифов труд. Бочка Данаид без дна, которую не наполнить. Может быть, я схожу с ума? Нет, нет! Я не сумасшедший, я не сумасшедший! Нет!»

Каждые четверть часа звонили часы на крепостной колокольне: сперва «Господи, помилуй», потом «Коль славен наш Господь в Сионе», а в двенадцать добавлялось протяжное «Боже царя храни». Еще одна четверть и еще. Болело сердце. Он чувствовал, как уходит время. Время его жизни — бесплодно, напрасно. Напрасно ли?

Хорошо, что перевели в другую камеру, а то можно было и в самом деле тронуться умом от тишины. Возникли иные звуки, начались долгие перестуки древоточцев — так подумалось: соседей по тюрьме, условленную азбуку которых он быстро постиг. И помог ему совсем неожиданно сын смотрителя Коля, с восхищением поглядывающий на Левушку во время коротких прогулок по глухому двору. Юноша незаметно сунул ему в руку записку от Синегуба: как уж тому удалось раздобыть огрызок карандаша? Но Синегуб писал: «Рецепт от декабриста Бестужева. Раздели азбуку без лишних букв на 6 строк по 5 букв в каждой. Вот так: 1) а, б, в, г, д 2) е, ж, з, и, к 3) л, м, н, о, п 4) р, с, т, у, ф 5) х, ц, ч, ш, щ 6) ы, ь, ю, я, й. Сначала стучи номер строки, а после букву в ней. Обнимаю тебя. Сергей».

И тут сын смотрителя сообщил: сбежал князь Кропоткин! Крепостные рavelины и редюиты словно взорвались несмолкающим, восторженным перестуком отчаянных узников-древоточцев.

— Удалось, Левушка! — радостно тормозила его снова пришедшая на свидание Перовская. — Но что с тобой? Ты удручен, Тигрыч, милый? Чем же?

Конечно, надо бы прыгать от счастья. Но прыгать не было сил, поскольку силы уходили на пересыпание песка и «спичечные версты» в камере, что, впрочем, помогло избавиться от опухоли суставов. Какая-то странная, полудетская обида

горько и неподвластно закипела в сердце. Он понимал, что это несправедливая обида, но ничего поделать с собой не мог.

«Как же, Рюрикович! Пажеский корпус... Грассирует, с фрейлинами да с камерфрау вытанцовывает. Простака-жандарма высмеял, что счел за запрещенную книгу «Les revolutions du Globe» — «О геологических переворотах». А денег на дело пожалел. Кажется, и с князем Урусовым дружбу водил. А этого Урусова выслали в Лифляндию. Так на вокзале его провожал репортеришко, наваливший передовицу в «Московских ведомостях», утверждающую: вот, мол, уровень развития социалистов понижается и скоро свет спасения заблещет из окон публичных домов! Тут же все напились до положения риз и у вагона кричали: «Виват, республика!» Впрочем... Наверное, я несправедлив. Нервы...»

— Дай срок, и тебе побег устроим. Просто... Просто Кропоткина удалось перевести в Николаевский военный госпиталь, — жарко шептала на ухо Соня. — Из госпиталя проще уйти. Доктор Веймар купил Варвара. За 2500 рублей.

— Какого еще варвара? — спросил отрешенно.

— Это жеребец. Атласно-вороной. На нем увезли князя. Веймар держит рысака в татарсале... — Перовская с упоением принялась рассказывать о подробностях рискованного предприятия.

Если б знал многоопытный филер Елисей Обухов, если б только знал...

Но 29 июня 1876 года у него был заслуженный выходной. Из вырицкого домика приехала супруга с сыном Федей, чтобы всем вместе наконец-то сходить в цирк. Федя цепко держал за нитку старый полуспущенный воздушный шарик и грыз сладкого петушка на палочке. Елисей пообещал сыну, что купит новый шар у Гостиного Двора: там всегда их было полно. Но удивительно: сегодня — ни одного! А Феденька уперся: обещали — купите; такой же красный, большой...

Обухов кинулся на поиски. Под аркой на него буквально налетел растрепанный багроволицый человек. Извинившись, налетевший еще пуще завертел головой и пробормотал: «Да где же эти шары, будь неладны? Что за каверзы с камуфлетами? Эх...»

«Товарищ по несчастью. Где-то я его видел...», — добродушно усмехнулся Елисей, пробегая вперед и зорко выискивая торговцев. Клеменца он не узнал. Наверное, потому, что был на отдыхе, расслабился служивой душой, и к тому же третьего дня за проказы он лично прописал сыну ижицу (попросту — выпорол), и вот теперь думал, как бы загладить вину. Крик Феденьки заставил

его остановиться. Обухов увидел, как «товарищ» пытается отнять у сына шарик, но мальчишка не отпускает, рвет нитку на себя; отважная супруга машет зонтиком перед носом обидчика, поскольку своего не только не отдаст, а из осьмины четвертину выгонит, из блохи выкроит голенище. Но не тут-то было! Елисей и глазом моргнуть не успел, как ловкий бесстыдник выхватил красный шар, прыгнул на извозчика и исчез на Садовой. Ну что с ним делать? Не из «смит-вессона» же пулять?

Да, знать бы агенту «наружки» Обухову, куда помчался социалист Клеменц, он бы и из револьвера прицелился, лихача-кудрявича свистнул и пустился бы в погоню. Но он вытер сопельки Феде, купил ему еще одного петушка, и семейство отправилось в шапито.

А шарик, разбойно добытый Клеменцем, не просто шарик — условный сигнал, придуманный романтичной барышней Лешерн фон Герцфельд, что любила щегольнуть в мужских сапогах, подымить папирсой и вместе с подругой Соней Перовской, грустившей о Тихомирове, ела вареную конину; впрочем, не просто ела — боролась с предрасудками.

Сигнал был предназначен для князя Кропоткина, который приготовился к побегу из тюремного госпиталя и с нетерпением ждал, когда над забором взлетит запущенный друзьями красный шарик, и это будет означать: «Все в порядке. Пролетка на месте. Решайся же...»

Теперь князя выпускали на прогулку каждый день. Он выходил на заросший травой широкий двор — с будками для часовых, тюремным зданием и протоптанной охранниками тропкой, по которой ему и надлежало бродить взад-вперед целый час, жадно посматривая на открытые настежь ворота. Вот уж была мука — эти ворота! Сквозь них он видел улицу, пролетающих лихачей, неторопливых прохожих. Князь глубоко, до боли в груди вдыхал звонкий июньский воздух, с трудом отводил глаза от распахнутых, зовущих на волю ворот и от этой подступающей близости свободы дрожал, точно в костоломной лихорадке.

Ходил он по-прежнему медленно, чуть загребая сапогами. И тут князь хитрил: за месяц, проведенный в госпитале, он окреп настолько, что впору бы и бегать. Но бегать было нельзя. Внимательное начальство тут же распорядилось бы о переводе выздоровевшего арестанта обратно в крепость, в гиблый редюит, в каменный мешок прогулочного дворика, где мелькнула, вспыхнула радость — ромашки пробились у бани, и он, помнится, тут же невольно шагнул к цветам, но сразу отскочил: оба сторожа и унтер с криком кинулись к нему: «Назад! На тротуар!»

И еще была радость: залетел воробей с выдранным хвостом. Наверное, у пичуги тоже не слишком-то сложилась судьба...

План побега Кропоткину передала свояченица Софья Николаевна — вот уж кого он не ожидал увидеть! Отважную Сонечку жандармы давно разыскивали по другому делу. А она, кокетничая с офицером стражи, изящным движением протянула Петру Алексеевичу золотые часы «Le Audemars», и когда уходила из госпиталя, то крикнула в окно с бульвара:

— А вы, Петруша, часы-то откройте! Проверьте, ходят ли?

Под крышкой часов, в зашифрованной записке все было обозначено и уточнено. Определен и день: 29 июня. И от этой даты у князя навернулись слезы — день первоверховных апостолов Петра и Павла, его день, его праздник. Спасибо, друзья. Клеменц, Юра Богданович, Саша Левашев, Соня Лешерн, братья Веймары, Марк Натансон, Арон Зунделевич...

Вечера, оставшиеся до побега, князь потратил на то, чтобы научиться быстро, хотя бы в два приема, сбрасывать длинный фланелевый халат. Бежать в этом зеленом балахоне было невозможно. Да что там бежать — он и ходил-то, держа подол на руке, точно фрейлина шлейф амазонки. Пришлось даже подпороть швы под мышками.

Князь напоминал старательного рекрута, выделяющего на плацу ружейные артикулы под строгим оком унтер-офицера.

Раз! И сброшен шлейф с руки. Два! И халат на полу. И снова: «Раз! Два!»

Но этот красный воздушный шарик... Полуспушенный старый шарик, отнятый Клеменцем у сына агента наружного наблюдения Елисея Обухова... С одной стороны пустяковая ребячья забава, казалось бы, чуть было не погубила дело, вынудила перенести побег на завтра, с полной переменой плана рискованного предприятия, а с другой — этот ничтожный шарик, как ни странно, спас Кропоткина. И все потому что...

Да потому что, сколько ни бились Клеменц с Богдановичем, шар Феденьки Обухова никак не хотел взлетать. Кинулись в ближайший оптический магазин, купили конвертер для добывания водорода, накачали им шарик, но все напрасно: оказалось, газ следовало бы просушить, а времени не было. К тому же Кропоткина уже вывели на прогулку. И он во все глаза смотрел на забор: когда же над ним появится условный знак?

Тогда Соня Лешерн решила: приладила шарик к зонтику, подняла его над головой и несколько раз прогулялась вдоль стены, в надежде, что князь заметит. Опять неудача: хрупкая барышня не вышла ростом; вот и не взмыл сигнал там, где давно ждал его истомившийся арестант.

Прогулка закончилась. Кропоткин вернулся в палату. И хорошо, и слава Богу. Поскольку, как на беду, в этот день узкий переулок у госпиталя был запружен дровяными возами — пешеходу не протиснуться, не то, что пролетке с беглецом. Всех участников дела поймали бы тут же.

Но и медлить нельзя: на примелькавшуюся пролетку уже косилась стража. Решили: завтра, все случится завтра...

Еще не было и четырех, а на тротуарной тумбе сидел Зунделевич и ел из пакетика вишню. Стоило в конце переулка появиться возу, зоркий Арончик тотчас же прекращал жевать и выплевывать косточки. И сразу Левашев прятал в карман огромный белый платок, и скрипач в окне старой дачи резко обрывал зажигательную мазурку Аполлинария Контского. Дачу сняли за неделю до назначенного дня; в домике хозяйничали «супруги» — барышня Лешерн и брат Ореста Веймара — Эдуард, превосходный музыкант.

Наконец, снова вывели Кропоткина. Тот привычно тащил на руке зеленую полу халата.

Главная опасность — не часовые, вышагивающие по двору, а солдат у госпитальных ворот, стоящий как раз напротив места, куда уже подъехала пролетка. Юра Богданович быстро выяснил, что служивый одно время помогал в лаборатории, и тут же завел высоконаучный спор. Тема была серьезная: вторичнобескрылые паразитические насекомые с колюще-сосущим ротовым аппаратом, распространенные по всему миру; попросту говоря — вши человечьи, головные и платяные.

— А ты, любезный, видал, какие у нее коготки, у бестии этой? — наседал на солдата Богданович. — Под микроскопом-то, а?

— А то! Я ж ее, как только заступил, под энто стеклышко и сунул, — воодушевился от близкой темы часовой. — Когти загнутые, а во рту крючки. Жуть! Ни дать, ни взять — имаго!

— Да ты ученый малый! — рассмеялся Богданович, косясь на прогуливающегося по двору Кропоткина: когда же он решится? когда? — А знаешь ли, какой нюх у этой твари? Вот уж кого вошь полюбит — пиши пропало. Только к нему и будет ползти.

— Не то заливаешь, барин? Что она, баба влюбчивая, чтоль?

— Эх, Фома ты неверующий! Мы сами опыт проводили. Крутили шельму во все стороны, а она ползет к одному и тому ж... И еще...

В этот момент из окна серенькой дачи грянула бешеная мазурка: Эдуард Веймар дело свое знал. Музыка кричала, звала Кропоткина: путь свободен, скорее! Зунделевич без

перерыва забрасывал сочные вишни в рот, косточки вылетали точно пули: да, путь свободен. Широкое напряженное лицо Богдановича снова приобретало оттенок раскаленного томпакового самовара.

Князь по тропинке медленно приближался к воротам. Богданович увидел, как Кропоткин оглянулся, посмотрел на охранника, остановившегося в нескольких шагах от него; солдат уставился на ворон, что-то не поделивших в углу двора.

Раз-два! — упал на траву зеленый арестантский халат. Князь рванулся к распахнутым воротам. Богданович шагнул ближе к часовому, заслоняя от него бегущего товарища.

— Ну и хвост у нее, вот такой! У вши...

— Какой еще хвост? Сказок тут не сказывай! — возмутился откровенной выдумкой солдат. — Ничего под стеклышком не было, сам смотрел.

— Ну, ты, брат, даешь! — горячился Богданович. — У тебя, должно быть, зрение слабое, как у вши. Хвоста не разглядел. Наврал, поди, про микроскоп? Кто ж тебя к нему подпустит?

— Что? Я?.. — задохнулся взмокший от обиды и умственных усилий охранник; он в сердцах пристукнул ружейным прикладом.

А Кропоткин продолжал бежать. Разгружающие с возов дрова крестьяне вдруг заголосили: «Глянь-ка, побег! Ишь, шельма продувная, лови!» За князем ринулись часовые и сидевшие на тюремном крыльце солдаты. Один из них оказался ловчее других и уже выбрасывал вперед ружье, стремясь догнать беглеца хотя бы штыком.

Скрипка играла, захлебывалась в сумасшедшей мазурке. Побледневшая барышня Лешерн фон Герцфельд, ломая тонкие пальцы, металась у раскрытого окна серенькой дачи, глядя во все глаза, как под музыку бородатый князь несется к пролетке, запряженной рослым Варваром, роскошным призовым рысаком.

В пролетке сидел человек со светлыми бакенбардами, такими знакомыми бакенбардами, что выскочивший на улицу Кропоткин на мгновение замер: «Что?! Не может быть! Великий князь Николай Николаевич? При чем тут?.. Провокация?»

Совсем близко за спиной затопали сапоги преследователей. И тут господин с бакенбардами оглянулся, и князь узнал в нем доктора Ореста Веймара; тот сжимал в руке длиннотвольный «медвежатник».

— Скорее, князь, скорее! — закричал, вращая побелевшими глазами, «цесаревнин доктор». — Чего вы тащитесь, как беременная улитка? Ну же!

Рысак рванул с места в галоп так быстро, что Кропоткин чуть не выпал под ноги солдат, на бегу загоняющих в стволы боевые патроны. Лишь крепкая пятерня Веймара, с треском вцепившаяся в рубаху, удержала его. Пролетка понеслась по Слоновой.

На повороте князь оглянулся. Успел увидеть, как часовой пытается вырваться из объятий Богдановича, силится вскинуть ружье, но Юра что-то кричит ему, размахивает перед носом своими длинными руками, мешает прицелиться. Но выстрел ударил. Пуля пролетела высоко, теряя напрасную силу где-то у кожевенных мастерских. А доктор, не мешкая, на полном ходу уже натягивал на голову беглеца тесноватый цилиндр, набрасывал на плечо пальто, все так же крича кучеру: «Гони! Гони!»

У какого-то питейного заведения два жандарма вытянулись, отдавая честь военной фуражке Веймара. И тогда кучер прыснул, повернул довольное раскрасневшееся лицо; князь опешил: на облучке восседел сам Марк Натансон!

Стоял тихий розовый вечер.

Вначале заехали в цирюльню, где Кропоткину сбрили бороду, а после — покатали на острова, к Данону: кто ж из инспекторов III Отделения догадается искать беглеца в роскошной ресторации, отмечающего удачное предприятие в компании друзей устрицами и фуа-гра под игристое шампанское?

Глава тринадцатая

Но вот уже и его чудесное освобождение позади, и процесс «193-х» (Дело о пропаганде в Империи) тоже, а Тихомиров все никак не может опомниться: не всякого узника самодержцы лично на волю из крепости отпускают.

Правда, к суду его тоже привлекли, однако тут же оправдали; ну, почти оправдали: отдали под административный надзор полиции с определением обязательного места проживания, и это место давно звало его, пробивалось в сердце в бурные дни радикальской жизни и, особенно, — в томительные месяцы неволи. Ему вскоре надлежало ехать домой, в Новороссийск, к измученной ожиданием маме, к недоумевающему отцу, под их опеку.

А на третий, кажется, день воли — выстрел Веры Засулич в петербургского градоначальника Трепова. Горячая возлюбленная киевского бунтаря Боголюбова отомстила злодею, который распорядился высечь розгами ее жениха, не сломленного Домом предварительного заключения. О покушении

Тихомиров узнал на Невском, у Гостиного двора. Нахохлившиеся от стужи извозчики хрипло переговаривались — с ухмылками, чуть злорадно. О барышне какой-то, что из дамского револьвера пульнула в генерала. Левушка остановился, спросил подробности.

— Как звать-величать запоматывал, — повернулся косоглазый бородач. — В упор била, пуговица на мундире всмятку...

— Эх, Ероха, врешь ты много, а перевернуть не умеешь! — встрял костлявый извозчик с моргающими красными глазами. — Пряжку девица энта продырявила. Знамо, куда-раскуда целила! (С многозначительной ухмылкой). Потому как ссильничал барышню енерал. Вот! Поделом, стало быть...

— Значит, тебе барышню жаль? — спросил Тихомиров.

— Чуток если. Она ж из господ... — признался красноглазый. — Тут другое. А пошто он нас притесняет?

— Как же? — удивился Левушка. — Градоначальник?

— Истинно он! — подпрыгнул на козлах Ероха. — Строгости по упряжи ввел. То удила ему не те, то сбруя с вожжами. Глазом не моргнешь — штраф. А то и бумагу отымут...

— Вот и получил! Бог шельму метит.

Домой, домой! Что может быть слаше? Разве что пухлые губы Сони, которые временами вдруг отчужденно твердели в поцелуе; Перовская рассеянно отводила глаза, куда-то топорливо убегала, называя множество мелких дел, требующих ее участия.

Но он был слеп. Он просто очень устал. После одиночки в крепости и в Доме предварительного заключения его утомляли люди, даже самые близкие, самые любимые. Что ж, беги, Сонечка, беги, родная, переживай за товарищей, которым меньше повезло — за Ковалика, Рогачева, Войнаральского... За тех, кто умер во время следствия, за тех, кто сошел с ума. Или за Ипполита Мышкина, владельца типографии на Арбате, организатора побега (жаль, неудачного!) Чернышевского из Виллойска; того самого Мышкина, что под ободряющие реплики худющего адвоката Александра произнес свою знаменитую речь: «Наша цель заключается в том, чтобы создать на развалинах существующего буржуазного строя тот порядок вещей, который удовлетворял бы народным требованиям...» А как? Конечно, путем социальной революции; ибо власть сама никогда не откажется от насильственно присвоенных ею себе прав. Да что там: бунт — вот единственный орган народной гласности...

Мышкин добавил перцу, назвав Особое присутствие Правительствующего Сената «домом терпимости», и получил де-

сять лет Новобелгородского централа с последующим переводом на Карийскую каторгу.

Тихомиров написал домой о невесте, о Сонечке; о том, что летом приедет вместе с ней. Христина Николаевна ответила незамедлительно: ждем с нетерпением, и вина отец заготовил изрядно («того самого, твоего, сынок!»); вот только любит ли невеста сальтисон — ведь губернаторская дочка, какие у нее вкусы? Хотя сальтисон мы готовим все так же, по-нашему: на каждые три ножки берем одну куриную филейку. Это чтоб красивее было, когда за стол с Сонечкой сядете. Как разрежешь, просто глаз не оторвешь! Ну, и, само собой, желатину в меру...

Нет-нет, Перовская встретила его с той же радостью, что и других отпущенных на свободу товарищей. Но в том-то и дело (он это ревниво понял) — так же, как и других; как и Корнилову, Морозова, Кувшинскую, как всех остальных, снова спорящих до утра в дрянных номерах Фредерикса, а потом в квартире на Знаменской. А ведь он ждал совсем иного; она была его невестой, ему хотелось побыть с ней вдвоем. Он думал, что и она хочет того же. Он любил ее и знал наверняка, что и она его любит.

Но Соню теперь охватило другое страстное желание: во что бы то ни стало освободить Ипполита Мышкина; в радикальском деле Мышкин был фигурой невзрачной, малоприметной. А на суде его точно подменили — так уж заклеил сатрапов и их приспешников, что только держись.

Потемневшие глаза Перовской снова полыхали синим огнем.

Раз или два, не стесняясь Саши Корниловой, она, нервно поведя плечами, вдруг усмехнулась:

— У тебя, Левушка, вон какой покровитель! Самодержец всероссийский. Взял и выпустил. Да как-то не до конца...

— А не попросить ли у него и за Мышкина? — подыграла Корнилова.

Ах, вот оно что! Какое-то глухое раздражение охватило теперь и Тихомирова. Выходило, что Государь, освободив его из крепости, заодно порушил его личную жизнь. Или почти порушил? Невольно, конечно...

«Какое мне дело — вольно или невольно! Тоже мне: слон в посудной лавке. Верно: что для него, деспота, маленький человек, судьба его, чувства его? В конце концов, кто просил меня освобождать?» — гневно ворочался, страдая от бессонницы (плохо помогал даже хлорал-гидрат), Левушка, враз забыв, как плакал от нахлынувшего счастья в тот день, когда Александр II, задержав на узнике чуть насмешливый взгляд, произнес почти невероятное: «Отпустите его!»

Так уж получилось, что месяца два вокруг Перовской и Ольги Натансон толкалось человек сорок недавно освобожденных кружковцев. Потом Ольгу арестовали, и на какое-то время вся столичная революция собралась под началом взбодраженной первой ролью Сонечки. Она тормозила людей, что-то придумывала второпях, воевала с «троглодитами», предлагала создать свой кружок — на основе пропагандистского общества отошедшего от дел Чайковского, ищущего теперь вместе с Маликовым богочеловечество где-то в прерии Северной Америки. Но измученные одиночками вчерашние узники лишь слабо и как-то блаженно трясли головами, заранее соглашаясь со всяким Сониным словом, смотрели на нее, юную и порывистую, ласково, с мутноватой нежностью в глазах, и думали только об одном: отдохнуть бы, осмотреться, успокоить надорванные в равелинах и редюитах сердца. Потом, конечно, можно снова за дело, но теперь... Нет уж, увольте!

Да и тех, кто представлял деловую ценность, было всего ничего: сама Перовская, Дмитрий Клеменц (он ухитрился избежать ареста), Николай Морозов да он сам, влюбленный Тихомиров.

А Соня все твердила: хоть что-нибудь, только не спячка, только не спячка.

И от этого синего пожара в ее глазах Левушка страдал еще больше.

Он запомнил, он хорошо запомнил: громко, недобро рассмеялась Перовская, когда Морозов рассказал о том, как выпрашивали тихомировскую «Сказку о четырех братьях» костромские крестьяне, едва ли не вырывая брошюрку друг у друга. В то шальное лето 1874-го, когда студенты, облачившись в сермягу, ринулись в деревню, в народ, а Тихомиров уже полгода сидел в Петропавловке, Коленька был еще на свободе и, конечно, тоже не остался в стороне. Тем паче грудной контральто Липы Алексеевой звучал все проникновеннее, напевы звали в гущу русской жизни; ее тонкая сильная рука так ласково и требовательно лежала в его руке — в ту лунную ночь, когда они сидели рядом у окна ее опустевшей комнаты и говорили, говорили. Говорили о том, что всякий честный человек должен посвятить себя благородному делу — уменьшению народных страданий.

Кем Морозов только не был — и пильщиком, и кузнецом, и всяким там сукновалом-углежогом. В поле между деревнями Борисово и Афанасово наткнулся на мужиков, отдыхающих в тени под телегами. Вынул из холщовой сумки книжки. Просиял, увидев, как жадно потянулись раздавленные

работой пальцы к «Сказке о четырех братьях» (вот, дескать, расскажу Тихомирову, порадую!).

— А еще дашь, человек милый? — прищурился плешивый малорослый крестьянин.

— Отчего же, дам! — воодушевился Морозов; подумал: «Значит, всходят первые ростки. Пробуждается народ. А там, глядишь, и полыхнет...» Спросил, раскладывая брошюры: — Выходит, грамотные? И много у вас таких?

— Нет, не обучены. Вот сын у Степки — тот горазд! А мы — нет.

— К чему же вам книжки? — опешил Коленька.

— Как к чему? А на раскурку? Бумажка-то хороша, городская...

Это было произнесено так искренне, с такой подкупающей простотой, что Морозов даже не успел рассердиться.

И вот теперь Соня смеялась над Тихомировым, над сельскими хитрованами и, стало быть, над «Сказкой о четырех братьях», над «Сказкой», которой недавно восхищалась вместе с Синегубом, которую тайно пронесла в камеру, чтобы прочесть ему, любимому и страдающему, самые удачные места. Уж лучше было бы, если б кто другой посмеялся. Хотя бы весельчак Клеменц, но только не она.

После двойной дозы мерзкого хлорал-гидрата приснилось: они с братом поднялись высоко, надо бы возвращаться, но он повис над пропастью. А где-то внизу — Соня, и ее гулкий голос зовет, зовет в пронизанную лучами бездну...

Соня засобиралась в Приморское, к матери. На вокзале он подарил ей букетик золотистых иммортелей. Непременно — иммортелей, потому что цветы эти, сколько ни засушивай, они все одно остаются точно живые.

— Как живые, да не живые... — задумчиво сказала она. — Прости меня, Левушка! — Голос ее дрогнул, в глазах погас неистовый синий пожар; недолгая тихая нежность засветилась в них.

— Что ты, что ты, Соня! — обнял ее Тихомиров.

— Странно... Так странно! — вздрогнула Перовская от удара вокзального колокола.

— Скажи мне, что — странно?

— Коля Муравьев когда-то мне тоже дарил иммортели. Теперь он прокурор, растет по служебной лестнице. Да я тебе рассказывала, помнишь? Быстро, говорят, растет... Я книжку открыла, а оттуда засушенные цветки выпали. Ну, право же, как будто вчера он принес. Странно, не правда ли?

Опять этот Муравьев! И на что он ей только сдался? Прокурор...

Куда-то глубоко под сердце снова вполз, тревожно угнез-
дился там щемящий ревнивый холодок.

Зато... Зато, если на время позабыть про книжки Миртова
и пропаганду за Невской заставой, если скинуть с плеч по-
тертый плед и снять синие революционные очки-консервы,
то все в этой жизни не так уж и плохо.

Соня уехала и писем не присылала. Что поделаешь, на
Кавказ он отправился один, без невесты. В голове засела глупая
поговорка, услышанная в рабочей артели: жених да не-
веста парочка, что твой баран да ярочка...

Потом, через сорок лет, совсем в другой жизни — уже при
большевиках, уже при отходе белой гвардии! — в дневнико-
вых откровениях он назовет то лето 1878-го светлым, радост-
ным и беспечальным. Через сорок лет он признался себе: по-
ехала бы с ним Соня, и все было бы по-другому, все было бы
мучительно, нервно; каждый день был бы наполнен новыми
требованиями и терзающими тревогами — то по слишком
медленному восстановлению кружка, то по открытию тай-
ной печатни взамен разоблаченной, то по отсутствию гекто-
графа для выпуска листовок. Снова и снова корила бы она
себя (а заодно и его, Тихомирова), что, служа сельской фельд-
шерицей, мало прихватила в больнице медицинских щип-
чиков: как уж они хороши для захвата букв в типографии!
Скорость набора прокламаций возрастает чуть ли не вдвое...

В Ростове он с наслаждением утонул в сочной мякоти ар-
буза, купил дыню, пахучую тарань. Сидел на берегу, слушая
шум базара, отдыхая глазами на изумрудной пойме, уходя-
щей в теплую сиреневую дымку к самому Батайску, все боль-
ше погружаясь в бездумно-сладкое созерцание рыбацких
фелюг, дымящих буксиров, редких костерков, от которых
аппетитно тянуло наваристой ухой, тянуло запахами детства.

Затем поезд мчал его по степной Владикавказской дороге,
и пестрая мелькающая равнина разворачивалась, кружилась
за вагонным окном, и голова Левушки молодо кружилась от
необъяснимой радости, надсаженная тюрьмой грудь сладко
ныла, наполняясь упругим воздухом солнечного разнотра-
вья с примесью ковыльной пыли. И в этой пыли, чудилось
ему, бежит, весело лаает вслед верный пес Орелка, давний друг
ребяческих забав.

«Орелка! Орелка! Иди домой! Иди...» — кричит он собаке,
и та пропадает куда-то; степь вдали упирается в горную цепь
с плоско срезанной Столовой горой (и вправду — стол!), за
которой поднимаются сияющие снежные вершины, а за
ними, вернее, над ними высится он — древний седой Казбек.
Тихомирову повезло: облака ушли, и панорама горы откры-

лась вся целиком. Там не было сияния, не было солнечной игры. Там не было суеты. Казбек стоял чисто белый, пугающий своей спокойной недвижимой громадой.

У Левушки забилось сердце. Он вздрогнул от догадки: значит, есть в мире то, что нельзя изменить, нельзя порушить. Можно лишь смотреть, созерцать — бесстрастно и смиренно. И как хорошо, что человеку не по силам повлиять на это замершее величие. Как хорошо... Но так ли — хорошо? Эта мысль растревожила его.

Додумать он не успел. Принесли чай из буфета. Он долго, с удовольствием пил его, всматриваясь в наплывающую окрестину Владикавказа.

Что ж, деньги пропали — наживешь, время пропало — не вернешь. Денег у него никогда не было, а времени... Вот уж этого добра теперь — хоть отбавляй. Поэтому часть пути от Владикавказа Тихомиров решил пройти пешком. К тому же, если честно, он и спешил домой, но и медлил, оттягивал встречу со стареющими родителями; какое-то беспокойство томило душу.

Он прошел Дарьял, бездонную пропасть бешеного Терека, его одежду трепали ветры вершин, он чуть не замерз по дороге от Сиона до Коби, отогревшись только в случайной сторожке шоссейного надзирателя, топившего печку казенными деревянными лопатами: «Спишем, еще дадут. Тут места каменистые, ни одного деревца...» Мимо него пронеслась окруженная терцами тяжелая дорожная коляска великого князя Михаила Николаевича, наместника Кавказа. Голова кружилась от студеного горного воздуха, пронизанного жаркими солнечными лучами. Галдели осетины в огромных серых папахах. В пыли мчались казаки с криком: «В набег!»

И вот теперь они сидят с отцом в родном теплом дворе под виноградной сенью, пьют кислый освежающий чихирь с легким привкусом спирта. Жаль только, что отец при встрече сказал то, чего он и ждал: «Возвращение блудного сына». Левушка поморщился. С кривой усмешкой скинул башмак с левой ноги; именно с левой — как на картине Рембрандта.

— Может, мне и на колени встать? — спросил отчужденно. — Если уж следовать сюжету великого голландца...

— Ну, ну, — миролюбиво замычал Александр Александрович. — Поговорим еще. С приездом! — Он крепко обнял сына и, показалось Левушке, обнял с каким-то потаенным всхлипом. Христина Николаевна, раскинув перепачканные мучкой руки, тяжеломерно семеня к калитке.

Отец снова разливает чихирь по стаканам. Уже давно стемнело. Лев видит в окне силуэт молящейся перед образами

мамы и знает, что она молится и Святителю Митрофану Воронежскому.

— А помнишь полковника Бараховича? Как он кочермы грабил, а? От него все тютюном воняло. А солдата Алексея? А Аграфену? — с наигранным восторгом начинает разговор отец.

— Помню, папа, ясное дело, помню, — натужно улыбается Левушка, понимая, что все еще впереди.

— А как с тобой на сатовку ходили, за брынзой? А после ты палец порезал, и я тебе его коллодиумом залил? Доброе средство. Немцы делали, в секрете рецепт держали. Да вот Фейербаха своего почему-то не таили: всякому — на-ка, Боже, что нам не гоже...

— Сдался тебе Фейербах. Он материалистом был, религию отвергал... — Левушке не хотелось говорить на эту тему.

— А вы что ж, не отвергаете? — хмурится отец.

— Мы считаем Христа величайшим революционером. Ведь он...

— Да неужто? Мне же всегда казалось, что первым революционером был сатана, Сатанаил Денница, — закуривает свою трубку старый военврач.

— Не согласен, — нервничает Левушка. — Вспомним Рахметова в «Что делать?». Его аскетизм, его... Ведь это герой, вышедший прямо из православной житийной литературы. Разве не так?

— Знаю, читал. Это ж Некрасов написал, что Чернышевский напомнил царям о Христе. Верно? Один из ваших договорился: дескать, знает трех великих людей — Христа, апостола Павла и Чернышевского. Просто рукоположение во второго Спасителя. Разве не смешно?

— Это Николай Ишутин сказал, брат Каракозова.

— Царевубийцы? — вскидывается отец. — Ну и сотоварищи у тебя, сын! Да не запоматывал ли ты, что сам Государь выпустил тебя из крепости? Ты писал, что меня он вспомнил... — чуть смущенно добавляет Тихомиров-старший.

Кровь гневно ударила в лицо, Левушка едва сдержался, чтобы не наругать родителю. Он залпом выпил стакан, встал из-за стола, возбужденно прошелся по знакомому с детства широкому, прогретому за день двору. «Соня, Соня... Где ты? Я хочу представить весь твой день — как ты просыпаешься, как пьешь чай, читаешь... И никак не могу. Что со мной? Нет, надо уезжать! Надо что-то делать... Вздохи мамы, разговоры с отцом. Но уехать нельзя, я под надзором. Подведу родителей. У отца будут неприятности...»

— Сознайся, сын, — глухо звучит отцовский голос, — должно быть, сладкая жуть охватывает от мысли, что делаете что-то опасное? Кровь бродит...

Александр Александрович дожидается, когда Лев снова садится за стол, и продолжает уже настойчивей и громче:

— Вот ты, радикал, Христа вспомнил. Но Царь-то вам не нужен — небось, республику, парламент подавай! А не задумывался ли ты, сынок, что царская власть — это и есть та точка, где встречается история человеческая с Божией волей? А?

— Давно известно: история развивается революциями. Чего проще.

— Ха, развивается взрывами, фурункулами, гильотинами? Не верю! Я вон у болящего сто раз брюхо прошупаю, прежде чем разрезать. А ты предлагаешь сразу располосовать, чтоб узнать, что там и как... — жадно глотает дым отец.

— Ты ошибаешься, папа, — зевает Левушка.

— Это ты... Вы ошибаетесь! Вы бьете в ту самую священную точку. И если будет по-вашему — история кончится! — Военврача злит, что сын зевает. — Не примет народ русский вашего парламента. А коли примет — Россию разорвет постоянная борьба за власть. Всякий выскочка с деньгой почитает себя достойным верховодить...

Левушке надоело слушать. Он хочет уйти. Встает из-за стола и тут замечает, что отца развезло, что он просто пьян.

— Почему Кассий завидовал Цезарю, а? — почти кричит Александр Александрович, придавливая пытающегося подняться Льва тяжелой рукой. — Скажи, господин социалист! Да потому что считал его не лучше себя, считал зарвавшимся честолюбцем. А наследственный самодержец не вызвал бы у Кассия зависти и злобы. Наследственный самодержец воцаряется, не затрагивая ничего самолюбия... Ибо само Провидение... При монархии о захвате власти могут думать лишь безумцы. В психиатрии это называется манией величия...

— Папа, тебе надо отдохнуть.

— Я бодр как никогда! — отталкивает отец кроткую Христину Николаевну, пришедшую увести разгоряченного супруга в дом. — Попомни, с республикой в России у вас ничего не выйдет! Выдумали: глас народа — глас Божий. А вот это не хотите, не хотите ли? Глас народа — Христа распял...

— Идем, Сашенька, идем, — все же уводит его Христина Николаевна. — И Левушке спать пора. В крепости, должно быть, не до сна...

— Мой отец был священником! И дед тоже... И прадед! — рвется уже с порога Александр Александрович. — Все хотели, чтоб и я сделался батюшкой... А я стал лекарем. А ты пошел дальше... Да! Не лекарем даже — ре-во-лю-ци-о-не-ром! Все правильно, сынок! Все правильно...

Не сразу узнал Левушка, что Перовскую арестовали прямо у матери в Приморском, что потом ее отправили в олонецкую ссылку, но по дороге она, перехитрив жандармов, сбежала (кажется, в Чудове) и с той ненастной ночи перешла на нелегальное положение.

Зашифрованную записку от Сони ему передал один из братьев Ивичевичей, Игнат, проездом оказавшийся в Новороссийске. Игнат тут же куда-то пропал, а Левушка с выскакивающим сердцем убежал в свою комнату, где трепетно развернул бумагу, хранящую (так ему казалось) нежность Сониных прикосновений, аромат ее свежего и легкого дыхания. Сквозь тайнопись проступило: «Я в Петербурге. Ты мне нужен. Жду с нетерпением...»

Он почти тотчас же — через два дня — помчался на этот, как ему показалось, страстно-нетерпеливый призыв. Из дома ушел тайно, ночью, оставив листок с одним прыгающим словом: «Простите...» Лев понимал теперь, что переходит какую-то роковую черту, которая, возможно, навсегда отделяет его от близких людей, от всех, кто живет «день да ночь — сутки прочь», от родительского дома с тенистым двором, от молящейся Святителю Митрофану мамы, от строгого и пристального взгляда отца; все это в одну густую южную ночь отлетело куда-то, освобождая место другой жизни, другому тревожному сердцебиению — нелегального революционера, снимающего конспиративные квартиры по подложному паспорту.

Что ж, он к этому готов. Зато... Зато они с Соней всегда будут рядом. А что может быть выше, радостнее, чем идти по пути борьбы за освобождение народа рука об руку с любимой и любящей женщиной?

В Петербурге Лев нашел Перовскую по новому адресу, указанному в зашифрованном письме.

— Как хорошо, что ты приехал! — кинулась к нему с поцелуями Соня; ему показалось, что она снова та же, какой была на свиданиях в крепости. — Вот тебе паспорт, ты теперь Кожин. Надо поехать в Харьков. Осинского арестовали, но остались бунтари, горячие головы — братья Ивичевичи, Саша Сентягин... С ними нужно поговорить... Во что бы то ни стало надо освободить Мышкина. Он нужен нам. Его авторитет... К тому же Ипполит революционно вполне выработан...

— При чем тут Харьков? И Мышкин при чем? — почти машинально спросил он, отвечая на торопливые поцелуи.

И вдруг все понял; сердце безудержно сорвалось в геленджикскую пропасть.

— Когда ехать?

— Завтра. Лучше нынче, ночным... — знакомый синий

пламень играл в ее глазах; тяжеловатые веки сильнее опустились к вискам, где все так же беззащитно бились нежные жилки. Как же он любил их целовать!

И все же приехал проститься. С дорожным саквояжем остановился у приоткрытой двери, переводя дыхание, чтобы сказать Соне что-нибудь беззаботное. Услышал голоса. Замер, кляня себя за подлое подслушивание.

— Зачем ты мучаешь Льва? — узнал Тихомиров грудной голос красавицы Маши Оловенниковой-Ошаниной. — Вы ведь собирались пожениться. Мне казалось, ты любишь его...

— Да, но... — вздохнула Перовская. — Мы были очень близки. Я понимала его с полуслова, особенно там, в тюрьме. Его такая нужная в пропаганде «Сказка о четырех братьях». Я выучила ее и на память рассказывала крестьянам. Да, в то прекрасное лето...

— И что же, Соня, что же?

— Ах, Маша! Понимаешь, в камере Лев был гораздо лучше: исхудавший, с пылающими глазами, страдающий. Вот главное — страдающий! Вылитый Лео из романа «Один в поле не воин» Шпильгагена. Нет, Рахметов. Или некрасовский Гриша Добросклонов. Каракозов перед казнью.

— Что ты! Каракозов морфинист! — воскликнула Оловенникова. — Он в Царя стрелял.

— Вечно ты, Маша, — укорила Перовская. — Я не разделяю его взглядов, но Каракозов погиб как герой. А Лева... В душевной крепости в нем было что-то от Иова многострадального. Но все кончилось. К тому же его освободил сам Царь. Правда, Тихомиров не любит говорить об этом...

— И ты не можешь простить?

— Наверное... Наверное, не могу.

Левушка, стараясь не скрипнуть половицей, тихо вышел из квартиры.

...Партию арестантов должны были везти через Харьковский острог в Печенег, в только что отстроенную каторжную тюрьму. Именно здесь, на этом маршруте, решено было отбить осужденных.

Надо сказать, что почти до конца 70-х годов русские революционеры разделялись на два крупных лагеря — пропагандистов-северян и южных бунтарей. Если первые в основном придерживались позиций журнала «Вперед», то другие жили и действовали по пламенному катехизису Михаила Бакунина, призывающему к безгосударственному общественному самоуправлению. В одном они сходились: в народничестве, то есть, в необходимости работать в гуще народных масс. Но именно здесь-то и разбегались их пути. Сдержанным северя-

нам народ представлялся чистым листом бумаги, на котором, по слову красавицы Фигнер, должно было начертать социалистические письмена. Они мечтали поднять массу умственно и нравственно — до своего уровня; непременно выработать из среды народа крепкое и сознательное ядро, чтобы после революции (а она обязательно случится!), опираясь на это ядро, проводить в жизнь справедливые социалистические принципы. Трудов своих пропагандисты не жалели.

Южные бунтари, посмеиваясь над пропагандистами, думали на свой лад. Не народ следует учить, а у него учиться. К тому же русский крестьянин — сам готовый социалист и давным-давно пригоден для радикальской революции.

— Да вы глаза раскройте! — наседали горячие харьковчане на только что приехавшего Тихомирова. — Ведь крестьянин, по сути, ненавидит существующий строй. И все время бунтует — то скрытно, то открыто. Против начальства, старого пристава, помещика...

Громче всех шумел вечно взъерошенный Иван Ивичевич. Он недавно отличился: убил в Ростове рабочего Финогенова, ставшего доносить в жандармское управление. Рискую попастся, Иван подошел к упавшему предателю и всадил ему в голову все пули револьвера.

— А что не так, Тихомиров? — кромсал он длинным, старательно отточенным кинжалом дорогую ветчину. При этом был беззаботен и весел, словно юный прапорщик на театре военных действий, уже с успехом побывавший в деле.

Левушка не успевал возразить, как с другой стороны на него давил Саша Сентянин, белокурый, изящный, точно английский денди.

— Вот что надо: слить в общий поток все мелкие разрозненные бунты. Это и есть задача интеллигенции! — тянул из стакана домашнее вино. — Тут все пригодится — и агитация, и сплетни, пусть даже сумасбродные, и разбойничество, и даже самозванщина. Да, да!

— Самозванщина? — удивлялся Тихомиров. — Это когда...

— Ты что, о Якове Стефановиче не слыхал? — вступал Игнат Ивичевич. — Яшка молодец! Представь себе, явился в Чигиринский уезд — будто бы тайным посланцем от самого Царя. Втюхивал тамошним мужикам: печалится, мол, Государь, ибо стоит за народ и хотел бы отдать ему всю землю и всю волю, да ничего не может сделать, поскольку окружен господами, которые его убьют, лишь только узнают о его намерениях.

— И верили? — подцеплял ветчинку Левушка.

— Еще как! — удало вонзал кинжал в истыканную столешницу Иван. — В его «Тайные дружины» деревнями записывались. А что: ведь Царь ищет помощи у народа. Для того и разослал по России своих людей, один из которых и есть он, Стефанович. Эй, Сентянин, да покажи ты питерцу манифест...

Сентянин изящным движением вынул из книги потертый листок. Тихомиров прочитал: «Царский манифест к земледельцам Чигиринского уезда Киевской губернии. Непрестанная двадцатилетняя борьба Наша за вас с дворянством убедила Нас наконец, что Мы единолично не в силах помочь вашему горю, и что только вы сами можете свергнуть с себя дворянское иго и освободиться от тяжелых угнетений и непосильных поборов, если единодушно с оружием в руках восстанете против ненавистных вам врагов и завладеете и всюю землею... Повелеваем: соединяйтесь в тайные общества, именуемые «Тайными Дружинами», с тем, чтобы подготовиться к восстанию против дворян, чиновников и всех высших сословий...»

Ничего себе, подумал Левушка, оглядывая роскошную снедь хлебосольных харьковских бунтарей. Должно быть, я слишком долго просидел в крепости. Я раздосадован, что меня выпустил на волю сам Александр П, а тут оказывается... Оказывается, что Царь — вот главный социалист, да еще и призывающий к восстанию! Показать бы Перовской сей манифест. Что бы она тогда сказала? Снова бы вернулась? С любовью, с нежностью, с желтыми имморталями, брошенными на прокламацию «К русскому обществу», которую в апреле отпечатали в Вольной типографии?

Как же, как же, он помнит: «31 марта 1878 года для России начался пролог той великой исторической драмы, которая называется судом народа над правительством. Обвинительный акт — это вся русская история, на страницах своих не представляющая ничего, кроме батожья, палок, плетей и шпицрутенов, с одной стороны, и систематического разорения народа «ради его государевых доходов» — с другой... Русское общество долго молчало...»

Это все о выстреле Веры Засулич. Все ликовали. И Сонечка особенно.

Даже самоубийство несчастного Григория Сидорацкого вызвало у нее какой-то странный восторг. Случилось это тотчас после суда присяжных, полностью оправдавших Засулич. В окружении возбужденных почитателей смелая киевлянка вышла на улицу. Крики, толкотня; отчаянные студен-

ты выказывают стремление отнести героиню до извозчика на собственных руках. Словом, волнение толпы, бестолочь многолюдья. Кто-то воскликнул: «Господа! Отдан приказ участковым приставам — разыскать и арестовать оправданную присяжными ...» Стычка с полицией. И во всей этой сутолоке — исступленно пылают черные глаза Сидорацкого, только что выпущенного из шестинедельного заключения в смиренном доме. Чувства переполняют, жарко на сердце. Происходящее пьянит; дрожат, слабеют руки, а в руке — револьвер, и тугой курок взведен. Стрелять. Надо стрелять. Рот разорван в немом крике. Все это невозможно пережить.

Сидорацкий, подпрыгнув (чтобы лучше разглядеть героиню?), стреляет себе в голову. Выстрел подстегивает нервы взбужденной толпы. А 4 марта — демонстрация на панихиде по бедному самоубийце. Говорят: застрелили жандармы.

А он свел счеты с жизнью от переполняющего счастья. Вряд ли для того, чтобы стать жертвой режима. Впрочем, обсуждался и такой вариант...

Левушка уписывал разные вкусности и не переставал поражаться: как же свободно, нараспашку, безо всякой конспирации жили харьковские бунтари. Жили где-то неподалеку от Сабуровой дачи, в приметном одноэтажном доме, окнами смотрящем прямо на полицейское управление. Зато с ними легко было договориться: будем освобождать Мышкина!

Наутро Тихомиров вместе с Ивичевичами отправились «производить исследования». Братья все и всех знали, поэтому запросто нашли пустой вагон в местном поезде, хозяйски расположились в нем со своими револьверами, а Левушке велели перейти в соседний второй класс, занять разговорами кондуктора и слушать. И слушать очень внимательно.

Состав уже хорошо разогнался, и тогда Иван и Игнат начали пальбу из всех стволов. А Тихомиров спокойно беседовал с усатым путейцем, который и ухом не повел.

На повороте прыгнули с поезда.

— Ну что, слышал выстрелы? — дохнул порохом Иван.

— Ровным счетом ничего, — ответил Тихомиров.

— Отлично. Если повезут по железке, дождемся спуска и отцепим вагон, — спрятал оружие Игнат. — Перебьем охрану. Видишь, стрельба не слышна...

Сентянин этот план забраковал: много шума; а не лучше ли просто подкупить кого-нибудь в Харьковской тюрьме? Вообще, нужна разведка, нужны немалые деньги. С этим Тихомиров был согласен.

Изящный, чуть барственный Сентянин после обильного и шумного ужина с вином извлек из шкафа отутюженную форму жандармского ротмистра. (К слову, сидела она на нем как влитая). Он был готов поехать в тюрьму, а там уж как выйдет...

Левушка высказался против — рискованно. Но на Александра посмотрел с уважительным удивлением; ведь думал: англоман-барчук, избалованный боннами в усадьбе, ни на что не годный.

В конце концов, удалось узнать дату, когда привезут Мышкина. Но в самый последний момент все изменилось: арестанта доставили в тюрьму тайно, ночью и всего на несколько часов, и на рассвете уже отправили в каторжную Печенегу. Долгие переговоры, «исследования» отчаянных Ивичевичей, готовность жаждущих подвига бунтарей, шифрованные телеграммы в Питер и ответы от Перовской — все оказалось напрасным.

А следом — новая беда.

В тот вечер Сентянин по делам кружка уезжал в Киев. Левушка проводил его до вокзала и теперь возвращался на квартиру. Он дошел уже до знакомого раскидистого платана, как вдруг услышал выстрелы. Кинулся вперед...

Дом Ивичевичей был окружен жандармами и полицейскими. Перебегая по двору, они стреляли из револьверов по окнам. Из крайней разбитой форточкой, заметил Лев, прицельно бил по нападающим оскалившийся Игнат. Разлетелось стекло справа, и оттуда из двух длиннотвольных «американцев» поддержал брата Иван. Над головой Тихомирова жадно впиалась в кору пуля, а рядом, вскрикнув, упал на затравевшую дорожку, засучил ногами крепкий усатый жандарм. Револьвер убитого упал прямо под ноги Левушки. Он машинально подхватил его.

— Уходи! Уходи, Тихомиров! — захрипел из окна Иван. — Не смей! Все одно — нам крышка!

Со всех сторон загрохотали выстрелы. Пули крошили стекла, ломали рамы.

— Уходи! Передай...

Надсадный крик Ивана оборвался на полуслове; Лев побелевшими глазами увидел, как дернулся бунтарь — раз, другой, и вдруг, мотнув чубатой головой, вывалился из окна в крапиву, тяжело и страшно продавив всящие осколки окровавленным лбом. Не помня себя, Тихомиров нажал на курок, целясь в спины наступающих на дом жандармов. Один из них рухнул в пыль, другие застывали, оглядываясь.

В эту минуту из дверей дома, покачиваясь, вышел Игнат.левой рукой с намертво зажатым револьвером он придержи-

вал правую, висевшую, как плеть; под мышкой белел сверток — небольшой, но увесистый. Пальба прекратилась. Над двором плыли сизые пороховые дымки.

— Взять социалиста! — приказал офицер.

И тут раздалось сиплое:

— Ваше благородие! Еще один злоумышленник. Он со спины зашел... — долговязый жандарм в надраенной медной каске ткнул пальцем в Тихомирова. Тот шагнул назад. И тут Игнат швырнул сверток под сапоги офицера и унтеров. Дрогнула, вздыбилась земля. На мгновение в дыму и пламени пропали все — и бомбометатель и голубые мундиры. Вопли, стоны. Чей-то дикий фальцет повис над двором — несмолкающий, гибельный.

А Лев все ждал: не встанет ли Игнат? Игнат не поднимался. Пора было уходить. Прощайте, веселые братья!

Он долго бежал по извилистым переулкам, потом шел по роще, спустился в овраг, где в глубоком от осенних дождей ручье утопил жандармский револьвер.

Потрясенный внезапной гибелью Ивичевичей, срывом предприятия, Тихомиров вернулся в Петербург. Соню он не узнал. Она набросилась на него, точно бешеная тигрица. Кляла его за неудачу последними словами. Безудержная кровь графа Разумовского, должно быть, вскипала в ней. Льву показалось, что еще чуть-чуть, и его в припадке самодурства ошпарят кипятком или отправят пороть на конюшню.

— Ты медлил, ничего не делал, — металась по комнате Перовская. — Что ж, если не удалось... Если даром погибли Ивичевичи... Тогда... Тогда будем освобождать Войнаральского! Только не спать...

— Это уже без меня! — Он развернулся, хлопнул дверью.

— Между нами все кончено! Все... — услышал на лестнице незнакомо-визгливый Сонин крик.

Этот крик он вспомнил, когда записал в парижском дневнике — о ней, о Соне: «Ума — немного, но масса убеждения, веры, самоотверженности и воли — правда, в низшей форме упорства. Уж что заберет в голову — колом не вышибешь. При этом огромная доза консерватизма: «на чем поставлена, — на том и стоит». Ума творческого немного или даже вовсе нет, но очень много ума практического, житейского, который так нужен во всякой организации. Таковы, по всей вероятности, разные хлыстовские «богородицы».

Неужели и через годы, через неодолимо-смертную ледяную пустыню, над которой качнулась в апрельский день петля виселицы на Семеновском плацу, и замерла вдруг петля, натяну-

лась, ломая нежную шею (как он любил ее целовать!), — неужели и тогда не забыл, не простил несправедливой обиды? А может быть, именно так, недоброй, насмешливой фразой, он заглушал настойчивую, то и дело возвращающуюся боль? И не хотел, не мог в этом признаться. Даже самому себе? Потому что... Впрочем, довольно.

И он писал, писал неровным падающим (в геленджикскую пропасть?) почерком; перо рвало бумагу.

Близорукие глаза пощипывало от слез.

Глава четырнадцатая

В студеной Пинеге, что в Архангельской губернии, политические ссыльные тепло, шумно провожали временного судебного следователя Петра Рачковского. Провожали любезного друга в Петербург, давали адреса соратников-социалистов и рекомендательные письма к ним. И как не дать: в Пинеге двадцатишестилетний Петр Иванович вел себя крайне либерально, подчас даже вполне радикальски, в узком кругу показывал письма от «столпов» — Бакунина и Ткачева, с особым выражением читал вслух бакунинское: «У нас нет отечества. Наше отечество — всемирная революция».

Симпатию вызвало и то, что молодой следователь решительно отверг протекцию своего троюродного дяди, влиятельного в столице начальника «черного кабинета» (все об этом знали!) Антона Ивановича Лидерса, вхожего в апартаменты недавно назначенного шефом жандармов генерал-адъютанта Мезенцева. Добрый дядюшка настоятельно советовал бедному племяннику послужить «лазоровому ведомству», уже и место присмотрел, но Рачковский ответил ему насмешливой запиской, которую под веселые реплики и аплодисменты огласил в компании ссыльных.

Само собой, Петр Иванович успел нажить себе немало врагов среди местного начальства. Но и это льстило самолюбию, поднимало авторитет. Одно омрачало торжественные проводы. Здесь, в захолустной Пинеге, его неожиданно отыскала ветреная красавица Ксения Шерле, бывшая супруга, еще в Одессе сбежавшая от Рачковского с более платежеспособным любовником, и вот теперь, похоже, желающая снова вернуться к «чернявенькому котикю». Разумеется, если этот «котик» заполучил хорошее место, может содержать любимую жену, не изводя ее, несчастную, голодом и нищетой, не попрекая рублем, истраченным на заколки.

Следователь заволновался: скорее надо уезжать, скорее! Впрочем, волоокая мадам Шерле вслед за письмом могла и

сама объявиться в любой момент и где угодно. И поэтому Рачковский всю дорогу настороженно вертел головой, видя в каждой выходящей из соседнего купе даме неотразимую Ксению Мартыновну. Господь милывал — пока все обошлось.

В Петербурге Петр Иванович появился в элегантном сером пальто, твердой черной шляпе, с тростью в руке; высокий, плотного сложения брюнет с большими усами и щегольски подбритыми баками вошел в актовыв зал университета, где гремел многоголосо и юно студенческий бал. Привел его порывистый Бух, заканчивающий свою яростную книгу «Земля — народу». Оживленный Бух подводил смущенного Рачковского то к Тихомирову, то к Морозову, беседующему с мрачноватым Георгом (так себя называл) Плехановым, то к Семенскому; последний хотя и давно закончил курс и служил судебным приставом Петербургского окружного суда, но со студенчеством дружбу водил. И не просто водил — помогал деньгами юным социалистам, прятал их в своем доме от филеров, хранил в подвале запрещенную литературу.

Здесь, на балу, Тихомиров и познакомился с Александром Михайловым, тут же взгромоздившимся на стул с бокалом янтарного тенерафа.

— Господа! Господа, п-п-рошу в-в-нимания! — вскричал с легким заиканием; стул от каждого произнесенного слова потрескивал под полноватым телом.

Заговорил бойко, чуть развязно, перехватывая бокал из одной руки в другую — о русском произволе, о беззакониях в тюрьмах, о кровожадном шефе жандармов Мезенцеве; ведь именно III отделение решительно опротестовало ходатайство суда перед Царем по делу 193-х — о значительном смягчении наказания для многих осужденных. Заговорил и о маленькой героической женщине, которая, рискуя жизнью, карающим выстрелом наказала надругательство над человеческой личностью.

— Господа, пьем за здоровье Веры Засулич! Ура! — Михайлов осушил бокал и спрыгнул со стула.

Тихомиров заметил, как засияли глаза нового знакомого Рачковского, как тот восторженно кинулся жать руку оратору. Это слегка покорило: ишь, с минуту назад представился, а уж лезет, чуть ли не с объятиями...

— Пойми, Лев, засиделся человек в своей Пинеге, — защитил Рачковского Николай Морозов. — К тому же Бух его привел. А уж он-то людей чувствует... Я о другом. Саша Михайлов попросил с тобой потолковать.

— О чем же? — спросил нетерпеливо.

— Видишь ли, в Питере почти два года действует народническая организация «Земля и Воля».

— Знаю, наслышан. Перовская говорила.

— Да, Соня все еще пытается собрать чайковцев, — пожал плечами Морозов. — Напрасно время тратит. Коли есть сплоченная организация, конечный политический и экономический идеал которой — анархия и коллективизм. И название, по-моему, превосходное.

— Ну, как, поговорили? — уверенно приобнял их сзади незаметно подошедший Михайлов. — Согласитесь, Тихомиров, пора нам объединять силы в кулак. Но организация может быть сильной лишь тогда, когда опирается на народные требования и не насилует выработанного историей экономического и политического идеала русского человека.

— Согласен. Я об этом думал в заключении, — кивнул, вращая глазами, Левушка, легонько освобождаясь от фамильярных объятий. И продолжил — решительно: пусть, мол, знают, с кем имеют дело; зря, что ли, в крепости спичечные версты вышагивал да песочек пересыпал? — Полагаю, что коренные черты русского народа весьма социалистичны. Уверен: если бы желания и стремления народа были бы сейчас осуществлены, то...

— То это бы легло крепким фундаментом успешного социального дела в России, так? — с улыбкой продолжил Михайлов.

— В общем, да, — чуть раздраженно повел плечами Тихомиров: генеральства над собой не терпел давно.

— Но мы здраво оцениваем обстановку, — как ни в чем не бывало взял с подноса новый бокал Михайлов; хозяйским жестом предложил Тихомирову последовать его примеру. — Поэтому.. Поэтому мы суживаем наши требования до реально осуществимых в ближайшем будущем. И наши требования — это народные требования в данную минуту. Мы пришли к выводу, что они сводятся к четырем главнейшим пунктам...

Боковым зрением Левушка увидел, как в широко распахнутые двери вошел долговязый Леон Мирский, за участие в демонстрации отчисленный из медицинской хирургической Академии. Мирский темными ищущими глазами оглядывал сверкающий огнями и улыбками актовый зал и при этом бережно вел под руку роскошную блондинку с высокой прической, которая тоже вертела воздушной головкой по всем сторонам.

Михайлов негромко говорил о том, что ближайшая цель «Земли и Воли» — народное восстание, что кружок делится на общины, говорил о безусловном принесении каждым членом всех своих сил на пользу делу, всех средств, связей, сим-

патий и антипатий, и даже своей жизни. Разумеется, Тихомиров и Перовская будут приняты, причем, приняты вне общих правил, без голосования — как подлинная аристократия грядущей революции.

И в эту минуту раздался торжествующий крик спутницы Леона Мирского:

— Петенька! Рачковский!

Недавний житель Пинеги как раз оживленно беседовал у благотворительного буфета с двумя Александрями — Баранниковым и Квятковским, деятельными землевольцами. Рисуясь, показывал все то же письмо от великого Бакунина, в тихом Берне грезившего о безгосударственных формах организации жизни русского общества. Свобода, равенство, справедливость для трудящихся, и безо всякой эксплуатации. Так и только так! И хорошо бы сорганизоваться людям не в угнетающее личность государство, а на социально-политических началах самоуправления, автономии и свободной федерации индивидов, общин, провинций и наций; и, конечно, на началах социализма...

— Как же это гениально, господа! — горячился Рачковский. — Свобода без социализма — несправедливость, социализм без свободы — рабство!

— Да, да... — осторожно кивал Баранников. — Однако... Я не согласен, что такое общество возможно сразу после социальной революции. Ибо...

Но побледневший, ставший меньше ростом Рачковский уже не слышал его. Втянув крупную голову в плечи, он пробивался в толпе к спасительному выходу. Следом, срывая боа с горячих плеч, летела за любимым страстная мадам Шерле. И она настигла беглеца. Крепко взяла его под руку и под вопрошающие взгляды прогрессивного студенчества гордо вывела его из зала.

— Воистину, социализм без личной свободы — рабство! — расхохотался, кивнув на удаляющуюся пару, Саша Баранников.

— Прав, ох, прав старик Бакунин, — согласился Квятковский.

На другой день собрались в конспиративной квартире Дворника (так звали землевольцы Сашу Михайлова).

— А Войнаральского мы непременно попытаемся освободить, — твердо сказал тот и озорно глянул на Перовскую. — Да и Соня просит...

Тихомиров поймал на себе короткий обжигающий взгляд Сони. В глазах ее бушевал негасимый, все пожирающий пожар; на миг показалось, что сполохи пугающего пламени пляшут на выцветших обоях бедно обставленной комнаты.

Но не знали они, что в тот же вечер в Харькове на снятой уцелевшим южным бунтарем Людвигом Брантером квартиры корпели над поддельной печатью Сентянин, Рафаил и взмокший от напряжения хозяин. Резина то дыбилась под резцом, то крошилась, нарушая контуры знаков; а потом, сделав оттиск, заметили, что в слове «губернское» пропустили целых две буквы «ер». Пришлось начинать сначала. Взбодрялись кислой капустой из бочонка и ледяным квасом из погреба, и к рассвету все-таки изготовили предписание жандармского управления — с подписью-птичкой начальника оно (Рафаил не зря учился у местного живописца; пускай не Рафаэль, но все же...).

И в два часа пополудни к мрачному зданию Харьковского централа подкатила закрытая карета, из которой на булыжную мостовую легко соскочил молодцеватый жандармский офицер и, решительно звеня шпорами, вошел в караульную. О том, что это Саша Сентянин, было известно лишь Брантеру, сидевшему за кучера, и Рафаилу, с «бульдогом» притаившемуся в глубине экипажа.

Не выспавшийся унтер уткнулся в фальшивое предписание, постигая ее заковыристый смысл: «Предъявителю сей бумаги... поручику Угрюмскому.. выдать арестанта Войнаральского Порфирия Ивановича... с целью препровождения в управления... для дачи дополнительных показаний...» Похоже, бумага возымела действие: Сентянина проводили в особую комнату, попросили подождать. Более того, ему предложили чаю с баранками, и Александр отработанным офицерским кивком принял предложение.

Стояла июльская жара. Сентянин расстегнул летний мундир и принялся за третью баранку. Он совсем успокоился.

Между тем узника седьмой камеры Войнаральского уже выводили в коридор, снимали железо, готовя к доставке в управление.

Но в эти минуты не один только социалист Сентянин пил чай в Харьковском центре. Утренним поездом из Петербурга прибыли трое филеров, посланных в помощь местным жандармам для розыска остатков подпольного кружка Осинского, в который входили убитые в перестрелке братья Ивичевичи и злоумышленник Сентянин с уцелевшими товарищами.

За старшего в группе был опытный агент Елисей Обухов, а у Обухова шурином служил тюремным комендантом: как не заглянуть, гостинцы столичные да родственные поклоны передать, о здоровьице как не справиться?

После дюжины стаканов потянуло Елисея на мочегон. Вышел он, двинулся, как покороче, через комнату, в которой

маячил караульный, а у окна сидел молодой офицер и тоже чаевничал. «Ишь ты, шеголек!» — подумал про себя. Вслух буркнул по привычке: «Здравия желаю, ваше благородие...» Но что-то царапнуло, что-то насторожило. А что — понять пока не мог. Лицо? Да ничего, вроде, с усиками. Мундир? Как влитой сидит; портного, поди, за можай загнал. Та-а-ак... Впрочем, ерунда. Должно быть, и шурин заждался. Чего торчать в клозете? Запахи тут...

Мундир, мундир... Почему же тогда забилося сердце, озноб пробежал по позвонкам?

Возвращаясь, угостил папироской солдата, спросил о пустяке, а сам впился глазами в жандармский китель уминающего баранки офицера. Прощупал по квадратикам. Ну, конечно, конечно! Вот она, петличка! Ах, ты, дурочка ты моя!

Вспомнил: с месяц как циркуляр вышел — об изменениях в форме. Прежде не было в петличке золотистой нитки, а теперь вот ввели. Мелочь, конечно, блажь начальственная, но приказал сам шеф жандармов генерал-адъютант Мезенцев — куда деться? Милейший человек, говорят, и любит красивое.

А у этого офицера, с баранками, в петличке сверкающей ниточки нет как нет. У всех есть, а у этого отсутствует.

«Ряженный? Формы новой не нашлось? Социалист? Они любят всяческие кунштюки выделять...» — застучало в висках. Обухов тихо вышел из комнаты, но ненадолго.

Третью баранку Сентянин дожевать не успел. Широко отворились двери, и в комнату по двум направлениям — справа и слева вдоль стен — начали втекать жандармы и охранники, забирая в кольцо переодетого бунтаря, легкомысленно пренебрегшего мелочами в форменной одежде. Все это двигалось почти торжественно, точно в эпической опере «Князь Игорь», и сильно напоминало выход мягко ступающих половецких ханов и их верных сторожевых, впрочем, готовых к схватке.

— Соблаговолите предъявить документы! — прогремело над ухом Сентянина.

— Не понимаю. Почему не готов арестант? — еще делал удивленное лицо бунтарь, а сам, враз все понявший, судорожно тянул из кобуры «смит и vesson».

И все же он успел сделать три выстрела, смертельно ранил немолодого стражника. Даже сумел вскочить на подоконник, отбиваясь от нападающих начищенными сапогами, но крепкий прыгучий филер (это был Елисей Обухов), захлестнув петлей ноги, сорвал Сентянина на пол, придавил лицо к грязным половицам; кто-то выкручивал руку с револьвером, толстые пальцы рвали мундир, выискивая по карманам спрятанное оружие.

— Прочь! — хрипел Сентянин. — Я — секретарь Исполнительного Комитета социально-революционной партии!
Тут же взяли и Брантера с Рафаилом.

Перед Левушкой и его друзьями стояла огромная корзина, битком набитая револьверами новейших заграничных систем. Ее с трудом притащил лакей Ореста Веймара из магазина «Центральное Депо оружия», который занимал бельэтаж докторского особняка на Невском.

— Вот, господа, выбирайте! — жестом пригласил «цесаревнин доктор».

Руки Михайлова и Морозова тотчас потянулись к массивному «американцу». Как истинный знаток и ценитель оружия, Морозов крутанул барабан и сунул большой палец в ствол, и палец легко вошел в сияющее грозным холодом отверстие. У Клеменца горели глаза. Тихомиров поежился.

— Медведя уложить можно... — сказал подсевшим голосом.

— А лошадь? — нетерпеливо повернулся Михайлов к Николаю.

— От такой пули свалится. А если обыкновенной бить, то еще верст с десять проскачет... — Морозов ловко держал «медвежатник», и было видно, что расставаться с револьвером ему не хочется.

— Берем? — озабоченно нахмурился Михайлов.

— Берем, берем, — потянулся к «американцу» Дмитрий Клеменц.

К «медвежатнику» прибавили еще пару стволов, поменьше.

— На мой счет, господа, на мой счет! Подарок. Чем могу... — оживленно потирал руки белокурый красавец доктор Веймар. — Прошу отобедать. Запросто, по-товарищески, со стерьлядкой волжской.

Веймар в организации «Земля и Воля» не состоял, но все равно был своим. А потому за обильным обедом перед ним не таились. Несмотря на арест Сентянина, решили отбить заждавшегося Порфирия при перевозе его из центра на станцию. Напасть на жандармскую тройку замыслили в степи между Харьковом и Чугуевом: двое верховых выскочат навстречу, перестреляют лошадей (в голову, из веймаровского «медвежатника»); следом же за Войнаральским будет ехать тарантас с «кучером» Адрианом, «армейским капитаном» Баранниковым и «статским» Фроленко, который прибудет на помощь из Одессы. Помимо названных землевольцев, в Харьков отправятся сам Михайлов, Морозов, Квятковский, Ошанина, Медведев и Перовская.

— Зачем так много, Саша? — по привычке заволновался, услышав имя Сони, Тихомиров; серые глаза пустились в мигающую беготню.

— Много? — ковырнул стерлядку Михайлов. — Да нам только квартир потребуется — не меньше трех, конспиративных! Перовская поедет со мной под видом жены...

«А стерлядка-то у доктора давешняя! Хотя... И что с того? Но костей-то откуда столько? Далась эти кости... Не от них щекочет в горле, дыхание перехватывает. Соня... Под видом жены... Они будут жить в одной квартире с Михайловым. Не с Оловенниковой Машей. Впрочем, та с удовольствием принимает ухаживания Баранникова... Нет, надо все выкинуть из головы. Пора забыть Соню. Не хватало, чтоб мной баба командовала...»

— Я не поеду, — изрядно отпив шабли, вдруг буркнул Левушка (а кислот вино-то, кислот!) — У меня...

— И хорошо, хорошо! — перебил Михайлов. — Я сам хотел тебя просить. Ты, Лев, наша литературная сила. Нужно поскорее отредактировать программу «Земли и Воли». Возьмешься?

Лев молча кивнул. Поймал ревниво-беспокойный взгляд Морозова: кажется, тоже хотел бы называться «литературной силой».

Затем, прикупив еще военно-полевой бинокль, всей компанией отправились испытывать оружие в тир на Подъяческую. Верховодил Морозов, но и Тихомиров тоже пальнул. Револьверы стреляли отменно, вот только «медвежатник» так отдавал, что чуть было не выскочил из Левушкиной руки. Поэтому метить приходилось гораздо ниже цели; пули с жутким воем бились в чугунную доску да с такой силой, что плавились, разбрызгивались, падали вниз горячими свинцовыми лепешками величиной с большие часы «Павел Буре» или на худой конец со швейцарский «Жакот».

Тихомиров поднял остывающую лепешку, долго держал на ладони, охваченный смешанным чувством ужаса и восторга.

На следующий день он плотно засел за редактирование программы «Земли и Воли». А в это время друзья его уже мчались в харьковском поезде.

Льву сразу не понравился двадцать второй параграф михайловского наброска — о расширении основного кружка, о принятии новых членов. У Дворника выходило, что новый член может быть принят в кружок не иначе, как за ручательством минимум пяти человек членов основного кружка, знающих лично вновь принимаемого.

«Ишь ты, — запальчиво принял на свой счет. — Зря я, что ли, в крепости сидел? Чуть чахотку не схватил. А они тут... И бегать теперь должен — за их ручательством?»

Он тотчас же — размашисто, резко — написал примечание: «Личное знакомство пяти человек с вновь принимаемым не составляет необходимости в том случае, когда принимаемый...»

Тихомиров задумался: прав ли он? ведь ему лично никто не говорил об испытании, о ручательстве. Хлебнув остывшего чая, все же решительно вывел: «...в том случае, когда принимаемый имеет историческую известность...»

Он и сам до конца не понял, почему прицепился к этому параграфу. Возможно, стало обидно не столько за себя, сколько за товарищей, которые придут в организацию. Придут бывалые пропагандисты с опытом, и что же — их, как мальчишек, станут испытывать? Нет уж, увольте!

Так ковырялся он в программе, а в те же часы на пыльной Змиевской дороге под Харьковом трещали револьверные выстрелы, дико кричали люди, и все эти звуки перекрывал страшный лай «медвежатника», огромные пули которого по касательной выбивали фонтанчики крови из крупов раненных лошадей. И все же лошади мчались и мчались, унося в жандармской кибитке несчастного Войнаральского под охраной двух унтеров; впрочем, нет, уже одного — другой унтер после выстрелов Морозова лежал на дне повозки, окровавленным лицом вниз.

— Прыгай, Порфирий! Прыгай! — кричал Морозов оцепеневшему арестанту и тормозил, тормозил Адриана, сидящего на облучке: — Догоним! Скорее! Ну же...

Но Войнаральский так и не сумел выпрыгнуть из кибитки. Унтер отстреливался. Пуля сбила с Баранникова фуражку, покатавшуюся в пыли прямо под ноги перепуганных хохлов-косарей, которые, сбросав косы, кинулись в рожь, словно это была не фуражка, а бомба.

Тем временем в специально нанятом доме ожидали исхода дела Перовская и Оловенникова. Чуть позже пришел Михайлов. Женщины готовили все необходимое для скрытия беглецов, бинты и вату для перевязки на случай ранений. Соня, и это было видно, очень волновалась. Но вот уже все разложено... Соня припала к окну.

— Смотри, а Маша спит, — тронул ее за плечо Дворник.

— Какое мужество, — прошептала Перовская. — А вдруг там перестрелка? А вдруг полиция едет сюда? И ее жених, Саша Баранников... Я бы так не смогла.

— Мужество? Нет, не знаю... — задумчиво сказал Михай-

лов. — Боюсь, что ей не жаль даже близких товарищей. И жениха. Нет, нехорошо это, нехорошо...

Он подошел к спящей, огорченно развел руками: «Наша Madame Roland!», намекая на мечтания помещицы Оловениковой о собственном политическом салоне, своей личной роли; авантюры она обожала, и сразу же согласилась поехать в Харьков, но войти в кружок «Земля и Воля» не захотела, полагая, что пропаганда в народе — глупости, и даже терроризация сама по себе — глупости. Нужен заговор...

Напрасно гарцевал на жеребце Квятковский, пытаясь встать на пути убегающих жандармов; жеребец заартачился, чуть не скинул седока, палящего в белый свет, как в копейку. Еще несколько минут, и жандармская тройка понеслась по горбатой улочке Ново-Борисоглебска, рассеивая последнюю надежду на спасение Войнаральского.

Удрученные провалом дела, к ночи вернулись в Харьков. Перовская, сжав побелевшие кулачки, плакала, не скрывая слез.

— Какая неудача, — причитала Соня. — Это с него все началось. Все с него...

— С кого? — рассеянно спросил мечущийся по комнате Михайлов.

— С Тихомирова... Ведь я и примкнула к «Земле и Воле»... Думала: только вы поможете, — проговорила Перовская...

Между тем на стол шефа жандармов генерал-адъютанта Мезенцева уже легла срочная телеграмма:

«Вчера в четыре часа утра в сопровождении жандармов Яворского и Погорелова отправлялся в Новоборисоглебскую тюрьму преступник Войнаральский. В восьми верстах от Харькова на них напали трое выехавших в бричке на паре лошадей и один верхом. Один из них был в офицерской форме. Первым же выстрелом опасно ранен жандарм Яворский... По розыску в Харькове найдена на постоялом дворе брошенная бричка с лошадьми, в ней офицерские мундиры — жандармский и армейский, разное оружие, пули, молотки, подпилки, съестные припасы... Генерал-майор Ковалинский».

А Левушка продолжал править программу организации. Чтобы отвлечься, размять ноги, выходил на прогулки. Однажды на Малой Итальянской к нему кинулся высокий темноволосый человек: Петр Рачковский — тот самый, что так смешно попался на студенческом балу в цепкие коготки очаровательной мадам Шарле.

— Тихомиров? — хлопал Льва по плечу вчерашний судебный следователь из Пинеги. — Как я рад! Как рад...

— Да-да, разумеется... — смутился Лев.

— Мы с Мирским вчера засиделись у Семенского. Много говорили о вас, о Михайлове, — не умолкал Рачковский. — Ведь вы знаете Семенского?

— Помню. Привлекался по делу о демонстрации...

— Верно! Его супруга Александра Константиновна вслух читала вашу «Сказку о четырех братьях». Все дамы без ума от этой вещи. Право же...

— Старая брошюра. Простите, я спешу.. — Тихомиров осторожно снял с плеча бесцеремонную ладонь.

— А я, представляете, оказался без средств, — вздохнул враз сникший Рачковский. — Вынужденно поместился воспитателем в доме генерал-майора Каханова. Еще посылаю корреспонденции в газеты.

— Сочувствую, но...

— Никто не помог. Даже дядюшка, Лидерс Антон Иванович... А он к самому Мезенцеву вхож. Все ж таки — начальник «черного кабинета»...

Рачковский осекся, поняв, что сболтнул лишнего. И тут же отклонялся с суетливой поспешностью. Оглянулся, зорко брызнув по сторонам черными глазами, крикнул вполголоса:

— Я, Тихомиров, как и вы за государственный переворот. И чтоб учредительное собрание созвать или диктатуру устроить. Смотря по обстоятельствам...

Станный субъект, думал Левушка, глядя на удаляющуюся фигуру Рачковского. И генерал Мезенцев тут, и «черный кабинет»... И при этом рекомендации от политических ссыльных, знакомства в социалистических сферах. Коля Морозов дружит с ним. Считает надежным. Бух — так тот обожает.

Тихомиров опустил голову и тотчас к неудовольствию своему заметил жирное пятно на лацкане пиджака: вот беда, обедал в кухмистерской, задумался и, пожалуйста, опять уронил капусту с ложки.

Он перестал смотреть на Рачковского, вынул платок и принялся яростно оттирать пятно. Поплевал на платок, но все без толку. Тогда, раздраженно хмыкнув, бросил зряшное занятие, резко развернулся на каблуках и быстро зашагал в сторону Невского проспекта.

Глава пятнадцатая

Следует заметить, что жандармский капитан барон фон Гейкинг был бонвиван вперемешку с жуиром: жил в свое удо-

вольствие, любил и ценил изящные вещи, породистых лошадей и красивых женщин, оттого и пропадал на скачках, мурлыкал в уборных танцовщиц, обожая при этом свою си-неокую супругу Клару Эльпидифоровну, которая все про-шала «котику-мурлыке» и души в нем не чаяла. Так и жил в теплом Киеве добрейший Густав Эдуардович — с чуть полно-ватым брюшком, предвещающим толк в кушаньях и винах; гулял себе после службы по скверам и бульварам, взирая на мир чуть заплывшими, не устающими радоваться глазами.

Но и это не все. Жандармский капитан был еще и либера-лом. Да-да! Не однажды предупреждал социалистов об обыс-ках и облавах, прятал от прокурорских глаз найденные за-прещенные брошюры, особенно благоволил к фрондерам-ук-раинофилам и лавристам, то есть, к сторонникам Петра Лав-рова, чьи «Исторические письма» не то чтобы читал, но ци-таты слышал и кое-что запомнил; и мог ввернуть про грехи отцов и будущую справедливость, про удобства жизни мень-шинства, которые куплены кровью, страданиями и трудом миллионов.

Говорил, грассируя: «Лишь бессильный и неразвитый че-ловек падает под ответственностью, на нем лежащей, и бе-жит от зла в Фиваиду...» Когда же потрясенное общество про-сило пояснений относительно Фиваиды, то тут же получало исчерпывающий ответ: «Ах, господа, кто ж не знает? Это пу-стынная местность в Верхнем Египте, где первые христиане предавались аскетической жизни...» И, умно прищурившись, отпивал золотистый премье крью, аппетитно закусывая вало-ванами с икрой.

Вот почему капитан Гейкинг ничего не понял, когда его благоуханной майской ночью ударили отточенным подсай-дашным кинжалом в бок. Удар нанес Григорий Попко (клич-ка «Грыщка»), сын тимошевского священника, член круж-ка непримиримых южных бунтарей, недавно примкнувший к «Земле и Воле».

Барон возвращался из ресторации, где в отдельном каби-нете провел сладостные часы в обществе юной особы, ус-пешно пробующей себя на сцене провинциальных театров. Ах, как же она восхитительно читала из... Кажется, из поэта Полонского: «Отчего я люблю тебя, светлая ночь, — так люблю, что, страдая, люблюсь тобой!» В глазах Густава Эдуардо-вича заблестели слезы. Он подошел к своему дому, сел на тумбу, шепча строки и вглядываясь в светлеющее небо. Где-то в высоких ветвях пел соловей.

Невысокий бронец с надменно запрокинутой головой на короткой шее приближался к капитану быстрыми шагами.

Гейкинг бросил на него рассеянный взгляд. Что-то знакомое было в фигуре прохожего. Барон не успел вспомнить, как острая боль в боку заставила его вскрикнуть. Увидел: брюнет убегал, наискось пересекая двор, часто выстукивая коваными каблуками.

Капитан судорожно выхватил полицейский свисток; пронзительная трель разбудила округу.

Небо потемнело. Соловей умолк. Сознание покинуло Густава Эдуардовича.

Сознание возвращалось к барону еще не однажды, и в последний раз вернулось на пятый день, 29 мая, перед самой кончиной.

Но даже и не догадывались радикалы, что на место убиенного фон Гейкинга будет назначен 28-летний армейский поручик Георгий Судейкин, который совсем скоро сокрушит кружки киевских бунтарей. А после и до Петербурга доберется.

— Ай да Попко! Молодец, Грыцька! — не скрывал радости Сергей Кравчинский. — Зарезал таки этого Гейкинга. Точно хряка животастого. И главное — скрылся...

Над Петербургом плыла белая ночь. Они сидели в старой конспиративной квартире на Большой Дворянской, в той самой, где два года назад Михайлов, Плеханов, Кравчинский, Натансон, Квятковский, Лизогуб, Аптекман и еще несколько товарищей основали организацию «Земля и Воля». А вот теперь и они здесь — Тихомиров, Морозов, Фроленко и Соня Перовская, с которой Лев старается не встречаться взглядом.

На столике перед Кравчинским — тускло сияющая россыпь кинжалов. Справа на краю — огромная сабля, пара эспадронов. Сергей, склонившись над оружием крупной кудрявой головой, трогает лезвия, приговаривает:

— Та-а-ак, офицерский русский кинжал... Длина клинка почти в аршин. Хорош... А это — черноморский, казачьего войска. Покороче будет, зато ширина — целый вершок. И весит — поболее фунта, поди... Теперь — нож поясной...

Михайлов с одобрительной усмешкой поглядывает на Кравчинского. Дворник знает, что на Сергея можно положиться, особенно в рискованном деле; характер — рыцарский, смелости — самой отчаянной, временами граничащей с каким-то детским легкомыслием. Помнится, прошлой зимой друзья задали ему хорошую трепку за то, что он, одетый в мужицкий полушубок, опаздывая на кружковскую сходку, пустился бегом прямо по середине Литейной. «Как ты мог?»

Это же подозрительно! В таком одеянии тебя схватили бы как обычного воришку...»

В большом восторге от Кравчинского и Коля Морозов. Вот встал, подошел к столу, взял кинжал, повертел с сияющими глазами и ловко вбросил в окованные металлом ножны.

— Подсайдашный? — спросил.

— Он, — кивнул Сергей, передернув широкими костистыми плечами. — Таким вот Гейкинга проткнули...

Тихомиров поймал выразительный взгляд Георга Плеханова. Видно, что и тому не по душе мясницкие настроения Кравчинского. Но ведь и Плеханов — тоже не паинька. Поздний отпрыск разорившегося в прах помещика, запойного пьяницы, безобразника и буяна, который о себе только так и говорил: я, мол, други мои, профершпилился! Проигрался, стало быть. И что от такого родителя может произойти? Правильно, щурился Георг: или революционер, или червонный валет.

И чего Кравчинский привязался к этому злосчастному Гейкингу? Поддержанный взглядом Плеханова, Тихомиров осмелел.

— Не знаю... А стоило ли убивать барона? Студенчество в Киеве не сочувствует... — сказал негромко.

— Что? — вскинулся Кравчинский. — Да он жандармом был! И, следовательно... Притом я член исполнительного комитета Осинского. И комитет поручил мне...

Тихомиров не ответил. Бросил короткий взгляд на Сергея.

«На кого же он похож? Точно: на мавра. Курчавые темные волосы, борода. И при этом — совершенно белокожий. Стать — богатырская. Женщины, поди, без ума. И все же... Не знаю, не знаю... Нет, убийство Гейкинга — большая однако мерзость. Да, надо бороться с правительством, готовить революционный переворот, но... Зачем же протыкать кинжалом беззащитного? Ведь, говорили, этот барон ходил по улицам совершенно открыто. И к службе относился без усердия, формально. А что, если...»

Соня куда-то засобиралась. Фроленко проводил ее до двери, задвинул засов.

Какая-то странная, тревожная догадка пронзила Левушку.

«Именно — потому что ходил открыто, без охраны? И потому, что, делая льготы политическим арестованным, чувствовал себя в безопасности... Его легко было убить. Если нет средств для подготовки сложного покушения, то почему бы не сделать то, что сделать просто? Чего проще — заколоть Гейкинга, который, не остерегаясь, ходит по улицам и извес-

тен всем в лицо? А комитет таким образом громко заявляет о своем существовании, о своем могуществе: вот приговорили, и вот казнили. И зачем-то написали в прокламации, будто капитан был жесток... Эх, не надо бы...»

Усилием воли он сбросил оцепенение. Увидел, как Кравчинский, поднявшись во весь немалый рост, размахивает саблей.

— Да я отрублю ему голову! Р-р-раз, и все... — вскричал Сергей.

Кому собрался рубить голову «мавр», Тихомиров не разобрал.

— Неужели мы для этого... Для этих убийств собрались в организацию? — услышал Лев дрогнувший голос Плеханова. — В деле «Земли и Воли» не должно быть подлости. Понимаете...

— Чушь собачья! — с грохотом бросил саблю на стол Кравчинский. — По-твоему, Георг, и Верочка Засулич совершила подлость, выстрелив в негодя Трепова? И южане Юрковский с Попко, казвившие шпиона Тавлеева? И, конечно, Осинский с Сентяниным, которые взяли да и прикончили провокатора Акима Никонова. Так? А вооруженное сопротивление полиции на Садовой в Одессе? Ковальский, Кленов и Виташевский — они отстреливались и убивали... Они, что, подлецы? А те, кто застрелил злобного жандармского полковника Кнопа? Тоже, да? Ответь мне, ответь!..

Кравчинский забегал из угла в угол, меряя комнату длинными угонистыми ногами.

— К тому же этот ваш Гейкинг не так прост! — замер Сергей у окна. — У него были списки людей по чигиринскому делу. А если бы начались аресты?

Лев вздрогнул: «Воистину мавр. Сейчас кого-нибудь за горло схватит. Вот тебе и любимец кружка. Кропоткин с Михайловым души в нем не чают. Почитают едва ли не за наивного, чистого ребенка...»

— Ты передергиваешь, Сергей! — встал побледневший Плеханов. — Просто я желал бы, чтобы мы не отклонялись от выработанной народнической программы. Ведь мы ставили ближайшей целью осуществление народного восстания. Мы условились, что коренные черты русского крестьянина вполне социалистичны... И он готов... Нужна пропаганда. Но не терроризация с кровью. Мы ведь не саврасы без узды...

— Успокойтесь, саврасы удалые! — примиряюще улыбнулся Михайлов. — В программе «Земли и Воли» есть пункт о необходимости дезорганизовать силу самодержавного государства и...

— Именно! — перебивая, крутанулся на каблуках Кравчинский. — Да вот же, вот!

Он кинулся к шкафу, выдвинул ящик, вынул исписанные листы.

— Пожалуйста, дословно, об общих задачах, пункт два. Ослабить, расшатать, то есть, дезорганизовать силу государства. Без чего, по нашему мнению... Слышите? По нашему с вами мнению... Без чего не будет обеспечен успех никакого, даже самого широкого и хорошо задуманного плана восстания. В этом я вижу смысл наших акций... По всем концам России погибают тысячи наших товарищей. Пора мстить за них. Довольно защищаться! Время нападать, расшатывать устои!

Кравчинский говорил горячо, убедительно. Тихомиров, ощущая нарастающее раздражение на самого себя, чувствовал, что Сергей прав, и коли уж взялись за гуж, надо идти вперед, отбросив сомнения; на войне не бывает без жертв (это и отец всегда повторял), а если боишься крови, возвращайся в родительский дом, где под виноградником так покойно пить чихирь с захмелевшим старшим врачом военного госпиталя, рассеянно внимая его рассказам про боевые переделки, и потом, засыпая, слушать, как мама читает вечернее правило, а потом просит Святителя Митрофана Воронежского о вразумлении беспутного любимого сына.

— И сказал Господь: истреблю с лица земли человек, которых Я сотворил... — вдруг услышал он голос Николая Морозова. — Видите? Даже сам Господь... Выходит, за терроризацию...

— Но разве об этом идет речь? Вы путаете Бытие с жестоким бытовым убийством, — развел руками Плеханов.

Лев вздрогнул. Какая-то тоскливая, выстужающая сердце тошнота внезапно подкатила к горлу. Показалось, что по неприбранной комнате поплыл приторно-сиротский дух малиновой пастилы, которой перепуганный гимназист давился перед прощанием с мамой. Он понял, что снова придется проститься — с чем-то очень важным. Что с бунтующего, нетерпеливо-знойного юга в холодную столицу Империи прорывается испепеляющий жар ненависти, выстрела в спину, отравленного кинжала, разрывного снаряда с гремучим студнем — простой жестянки с нитроглицерином, что «млеко любви» социалистов совсем скоро превратится в желчь мести, что, наконец, надвигается кровь, и она вот-вот прольется; и кровь эту благословит в «Набате» сам Петр Ткачев, сражающийся в Женеве с собственным помешательством: «Вместо того, чтобы поражать их палачей громами негодующего

красноречия, постараемся лучше поскорей поразить их Кибальчичевскою бомбою!»

Но нет еще бомбы, и Кибальчич еще не дышит ядовитыми парами в динамитной лаборатории в Басковом переулке. Только Феденька Юрковский, вернувшийся домой поздно ночью, уже потрясенно сказал сестре: «Ну, Галя, я убийца. Я только что убил шпиона...», — и зарыдал на ее плече.

Все будет совсем скоро. Но еще — только будет.

А Кравчинский уже крутит над головой страшным клинком. В 1875-м он участвовал в Герцеговинском восстании против турок, дрался в итальянской провинции Беневенто, а потому знал толк в сабельном ударе.

— Да, я отрублю ему голову прямо на улице. Генерал Мезенцев — шеф жандармов, а значит — глава шайки, держащей под пятой всю Россию, — горячился Сергей.

«Почему же он так спешит?» — думал Тихомиров и не находил ответа.

Решение об убийстве начальника III Отделения собственной его Императорского Величества канцелярии генерал-адъютанта Мезенцева было принято руководящим ядром землевольцев. Это была месть. В вину шефу жандармов ставилась отмена сенатского приговора по процессу «193-х», когда многим пропагандистам, проходящим по делу, ужесточили наказание. И Тихомирову досталось, хотя и не очень. Обидно было: ведь выпустили же, а после все-таки сослали на родину, под отеческий надзор.

К тому же в лице генерала удар наносился по высшему правящему слою. Впрочем, была и еще одна, похоже, самая главная причина. Но о ней не знал никто — ни сам Дворник, ни Плеханов (он выступал против), ни Лизогуб, ни Аптектман, ни Тихомиров с Морозовым и бесстрашным Фроленко.

Это был таинственный польский след. Злопамятный след разгромленного, но затаившегося в переулочках и костелах варшавского жонда.

Одиннадцать лет назад его агент поляк Антон Березовский пытался убить императора Александра II во время его визита во Францию. Не вышло. Двуствольный пистолет сорвало от слишком сильного заряда, и уклонившаяся пуля улетела щипать старые вязы Булонского леса. Теперь хорошо бы свести счеты с генералом Мезенцевым, когда-то служившим адъютантом у князя Горчакова, заместника в Польше. И притом служившего на совесть. В свое время Горчаков доносил Государю, что хотел бы назначить на должность варшавского обер-полицеймейстера энергичного Мезенцева. И объяснял: «Во все дни демонстраций я его посылал во

все места, где происходили беспорядки, и с тех пор его везде ненавидят, называя палачом...»

Что ж, палачу пора держать ответ.

Кравчинский нервничал, на ходу меняя орудия будущего покушения. От сабли отказался. В просторной квартире на Забалканском проспекте, в мастерской у влюбленной в темпераментного «мавра» художницы Александры Малиновской, Сергей подступил к Дворнику, оттащив того от нежных акварелей:

— Я придумал! Возьму с собой пару револьверов, шпаг, эспадронов. Подойду к Мезенцеву прямо на площади и вызову его... Да-да, заставлю его принять дуэль. Поступлю вполне благородно: пусть сам выбирает орудие смерти. Я хочу... Я должен встретиться с врагом только грудь с грудью! Это мой принцип.

Но и грудь на грудь он почему-то сходить не стал. Взялся за револьверы. Метался по городу, бледный, с темными пылающими глазами, точно вынырнувший из тяжкого кошмарического сна, измучившего его тягостными видениями. Не раз спрыгивал с конки, оставив на площадке недоумевающих Тихомирова и Морозова, в пять шагов вдруг догонял какую-то замедлившую ход карету, вскакивал на подножку, рвал цепкими руками дверку, жадно подавался вперед, внутрь, тыча в оцепеневший от ужаса мрак длинным стволом веймаровского «медвежатника».

Лев с бьющимся сердцем ждал выстрела, но выстрела не было; он видел, как Сергей прятал револьвер, ослабившись, извинительно приподнимал шляпу и с пружинистой ловкостью спрыгивал на мостовую. Однажды вечером он, так же отпустив карету, побежал за конкой, споткнулся и выронил «медвежатник», который, постукивая по булыжникам и рельсам, покатился под ноги изумленным прохожим. А Кравчинский, как ни в чем ни бывало, подхватил револьвер, поклонился случайной даме с мопсиком на руках и бросился за конкой, удачно притормозившей перед въездом на Садовую.

Нервно хохотал на площадке, обнимая друзей:

— Показалось, его карета, Мезенцева. Думал: ну, все, не упусти... Уж и стрелять хотел, присмотрелся, а там какой-то барин. Позеленел от страха, трясется. Хорошо, я его в полумраке разглядел, а не то...

От смеха «мавр» складывался пополам. Тормошил Тихомирова, Морозова.

— Я ему: «Извините, ошибся!» А он: «Ничего, ничего. Имею честь быть... С усерднейшею преданностью...» Так и прошептал: с усерднейшею преданностью... Ха-ха!

Левушка поежился: «А вдруг бы убил? Теперь веселится... Быть может, Сергей болен?»

Глянул на Кравчинского, на Морозова, и вдруг тоже расхохотался — громко, безудержно.

...Они приехали ночью. Двое в темных одеждах. Кравчинский встретил их на своей квартире, которую снимал по подложному паспорту. Тихие гости говорили с пришептывающим польским акцентом. Старший из них, одолевая лицевой тик, выложил на стол длинный четырехгранный стилет с удобной массивной рукояткой. Побледневший Сергей взял кинжал, сжал длинными сильными пальцами.

— Хорош... — вышептал тонкими губами.

— Для вас, по специальному заказу, — сказал старший. — Такие были у наших кинжалщиков, которые убивали русских солдат тогда, пятнадцать лет назад.

— Когда мы вышли на улицы Варшавы... — хрипло продолжил второй. — Под знаменами генерала Мерославского... Но надо ударить жандарма и крутануть стилет. Тогда будет наверняка.

— И еще. Входное отверстие при ударе очень узкое, — закончил старший. — Оно затягивается тканью и не дает кровоизлияния. Это очень хорошо. Мезенцев не сразу поймет, что произошло.

— Что ж, я все сделаю, — кивнул Кравчинский. — Нужен только повод, свежий случай. Нам сообщали: в Киеве скоро должны казнить нашего товарища Ковальского. Итак, мы отомстим. После выстрела Веры Засулич наше общество готово к самым крайним акциям...

— Красиво: ангел мести... — задавив напряженной улыбкой тик, окончил разговор старший.

Сына священника, члена южного «Общества народного освобождения» Ивана Ковальского по приговору военно-окружного суда расстреляли в Одессе 2 августа 1878 года.

В Петербург привезли его предсмертную записку. Кравчинский читал вслух, задыхаясь от рыданий. В глазах Перовской стояла голубая влага. Лев видел это и страдал, не понимая от чего больше — то ли от предсмертного приветия Ковальского, то ли от Сониных слез.

Бедный Иван писал: «Не будь мучеников, не будь начато христианство кровью, не пустило бы оно глубокие корни в общество. Но наша борьба выше, лучше, святее. Мы боремся прямо, непосредственно за истину...»

— За истину! Боремся... — жарко повторил Морозов.

Левушка тоже невольно подался вперед. Все зашумели. А молчаливый красавец-силач Саша Баранников еще крепче скрестил на груди тяжелые руки.

Сергей продолжил: «Мы сознательно действуем без всякой опоры на сверхъестественное. Тем прекраснее будет наша борьба. Тем плодотворнее будут ее результаты. Свет и теплота восторжествуют над мраком и холодом... Победа будет за нами!»

Третьего августа к покушению на шефа жандармов генерала Мезенцева все было готово. И даже орловский рысак Варвар был накормлен в тетарсале отборным овсом. Этот выведенный на конном заводе фон Фитингофа жеребец, купленный для революции доктором Веймаром, послужил уже неплохо: умчал от погони князя Кропоткина, а в новогоднюю ночь 1877-го — спас веселого студента-хирурга Ивановского, бежавшего из тюрьмы. И Преснякову, грозе шпионов, помог..

И надо же такому случиться, что именно в этот день, с редкими промельками солнца сквозь белесо-невесомые облака, Николай Владимирович Мезенцев, перелистывая в своем кабинете старые бумаги, вдруг наткнулся на инструкцию Мерославского для польских патриотов, в свое время найденную после подавления мятежа в Варшаве. В инструкции указывалось на русских нигилистов, на всяких там герценистов-лавристов-бакунистов и прочая, прочая как на лучших пособников освободительному польскому делу.

— Нет, вы посмотрите, друг мой, что он пишет! — возбужденно подался генерал к сидевшему напротив отставному полковнику Макарову, товарищу еще по прежней армейской службе. — Послушайте: «Когда цель будет достигнута, и Польша будет восстановлена, тогда мы этих пособников наших, если они в то время окажутся, перевешаем...»

— И хорошо бы, и славно бы! — отозвался полковник, поигрывая запонкой непривычного штатского костюма: он лишь два месяца как вышел на пенсию. — Вот вам нравы этих борцов за свободу. И приспешников своих готовы вздернуть. Что ж, поделом. Каину — каиново, Иуде — иудино.

Макаров помолчал, перестал крутить запонку, выжидательно глянул на генерала: «Осунулся. Забот полон рот. Безопасность государственная, жизнь Государя — все на нем... Нигилист из деревни в города перебежал, голову поднял. И все исподтишка, сзади ударить норовит. А Николай Владимирович привык к честному бою, открытому...»

А уж об этом седой израненный в боях полковник знал наверняка. Ведь генерал-адъютант Мезенцев не был профессиональным полицейским. Молодым армейским офицером он прославился во время Севастопольской кампании, плечом к плечу с Макаровым, в ту пору безусым прапорщиком,

рубились они с прорвавшимися на пятый бастион янычарами, оба были ранены в яростной сече при Черной речке: Мезенцев в предплечье, а Макаров — потяжелее, штыком в грудь, да так, что упал у валунов мертво. И Мезенцев спас товарища, вынес из-под огня и клинков.

В лазарете влюбился прапорщик Макаров в сестру милосердия Дашеньку Михайлову, что так небесно улыбалась и, ухаживая за ранеными, оказывала примерное старание. Потом девушку назвали Дашей Севастопольской и наградили золотой медалью на Владимирской ленте «За усердие». Где она теперь, полковник не знал. И поэтому вздохнул от нахлынувших воспоминаний.

Но знал полковник, что в Отдельный корпус жандармов принимали только лучших офицеров армии, и когда Мезенцева назначили на должность начальника III Отделения собственной его Императорского Величества канцелярии, Макаров порадовался за старого боевого товарища. Многие поразовались: судьба возвела на поприще государственной деятельности столь редкого по качествам человека — честного в высшем значении этого слова, шедшего по жизни прямо и смело, нигде и ни перед кем не скрывающего своих убеждений. И вот еще что важно: генерал, несмотря на свое высокое положение, никогда не изменялся в отношениях своих к старым товарищам. Это военный пенсионер Макаров особенно ценил.

— Завтра как обычно? Променады? — негромко спросил полковник.

— Непременно. К чему карета? — тронул седые пышные усы Николай Владимирович. — По Итальянской, на Невский, зайдем в часовню у Гостиного, по Михайловской... Нашей дорожкой, да?

Четвертого августа в 8 часов утра генерал вышел из своей квартиры. Макаров ждал друга у парадного подъезда. Они двинулись в сторону проспекта, при этом полковник по обыкновению шагал с левой стороны. Привычная прогулка началась.

И землевольцы пошли.

До этого сам Александр Михайлов выслеживал жертву.

От Морозова и Тихомирова «мавр» на сей раз отказался.

— Вы на меня действуете расслабляюще, — коротко бросил, проверяя на прочность петлю для стилета. — При тебе, Морозов, я дважды проходил мимо Мезенцева. Но так и не решился ударить. Адриан будет за кучера. Бердников за наблюдателя. Мы с Баранниковым сделаем дело...

Когда запрягли в дрожки Варвара, все залюбовались рысаком. Масти редкой, атласно-вороной; про такую говорят:

«графское серебро». Плечо мощное, отлогое, ноги — широкие в пясти, это если сбоку посмотреть, а спереди — узкие, в самый раз для быстрого бега.

Остановились у сквера, что примыкал к Михайловской площади. Кравчинский и Баранников сошли с дрожек. Сергей повернулся, увидел в конце аллеи мутновато-рыхлую фигуру сигнальщика Леона Бердникова; тот подал знак: начал обмахиваться шляпой. Стало быть, Мезенцев уже идет по Михайловской улице.

— Ты точно в Орел потом? — почему-то шепотом спросил Кравчинский.

— Решено. Маша Оловенникова номер в гостинице сняла. На имя сына священника студента Ипполита Кошурникова. У нас ведь с ней медовый месяц, — игриво шевельнул тяжелыми губами Баранников.

— Знаю. Женился Данила на скорую руку, — кивнул «мавр». — Пошли. Вон они...

На солнечной стороне улицы показались Мезенцев и Макаров. Постояли, оживленно беседуя. Вот генерал энергично махнул рукой, и приятели свернули в переулок; похоже, нынче решили сделать еще один круг. Кравчинский с Баранниковым замерли: это не входило в их расчет. Придется вернуться в дрожки и снова ждать. Лишние минуты сидеть на виду у прохожих, полиции глаза мозолить. Да и Варвар — жеребец приметный. Но делать нечего...

О чем же говорили в эти утренние минуты высокопоставленный сановник и скромный военный пенсионер? Мезенцев хмурился, и все возвращался и возвращался к оправданию Веры Засулич.

— Душа болит. Что-то опасное случилось в обществе, — беспokoился он. — Не могу понять, как могло в зале суда самодержавной России состояться такое глумление над высшими государевыми слугами? И столь наглое торжество крамолы...

— Воистину ужасный кошмерический сон, — соглашался полковник Макаров. — Высший предел потворства революции.

— Эта народница мотивы назвала: протест против унижения личности, против телесных наказаний. Ну, как-то еще можно понять... Пускай даже смягчение приговора. Но присяжные признали Засулич невиновной! Вдумайтесь: невиновной! Выходит, что теперь...

— Выходит, что можно покушаться на убийство, если... — продолжил Макаров. — Если убиваешь человека по... По благородным, идейным соображениям. Оправдание зла... Доднесь не было такого.

— Именно! Тут бы весь состав суда государевой волей со службы изгнать. Вместе с председателишкой, с этим болтливом Кони... Да, пока не поздно! А мы... И ведь дамы высшего общества и сановники в восторг пришли, когда ее отпустили. За такую ли Россию мы сражались, Макаров?

Полковник промолчал. Мрачно втянул голову в плечи.

— Ночью думал: а не слишком ли я был строг, когда убедил Государя усилить меры против пропагандистов? — развел руками генерал.

— По процессу «193-х»? Ничуть...

— И я так потом решил. Они же, эти студенты, — игрушки в руках врага. Прав Катков! Набедокурят, постреляют и — шашть в Англию. А там их привечают, как родных, — перевел дыхание Николай Владимирович. — И с чего бы это?

— Не по нраву Лондону Сан-Стефанский договор, — вставил полковник.

— Верно, друг мой! Одолели мы османов, освободили славян балканских. Значит, и свое там влияние усилили. Англия и позеленела от злости, требует пересмотра договора. Мы ведь на волосок от войны... Конечно, им на руку, когда революционеры бунтуют, устои расшатывают, ослабляют Империю. Глядишь, и пойдет Петербург на уступки...

— Изменники! Мальчишки... — раскашлялся Макаров. — Феферу бы им задать!

— Инфлюэнца? — обеспокоенно повернулся на кашель Мезенцев. — Вам полежать надобно.

Полковник беззаботно отмахнулся. Они уже подходили к углу Михайловской площади и Итальянской улицы. Солнце светило сквозь легкую дымку, светило ласково и спокойно.

— Помнится, в младенчестве кашель меня замучил, — улыбнулся воспоминаниям генерал. — Так я матушку все просил: как увидишь Ангелов во сне, попроси непременно, чтоб уж перестал...

— Детская вера — самая чистая, — подставил полковник мягкому свету широкое лицо.

Они двинулись в сторону часовни.

Высокий молодой brunet в сером пальто, в очках с тонкой золотой оправой, держа в правой руке свернутую трубочкой газету, внезапно вырос точно из-под земли перед настраивающимися на молитву приятелями.

— Вы генерал Мезенцев, не так ли? — впился в лицо раскаленными глазами.

Начальник III Отделения ответить не успел. Brunet, сделав резкий выпад, ткнул генерала в живот скрученной газе-

той, из которой хищно вынырнуло острое жало четырехгранного стилета.

Кравчинский хотел тут же вырвать кинжал, но вспомнил наставления полуночных польских гостей, и с силой крутанул стилет в дрогнувшем теле жертвы.

Сталь легко прошла через печень и заднюю стенку желудка. Настолько легко, что ни сам Мезенцев, ни полковник сразу и не догадались, что произошло. И все же Макаров с криком «Держи, держи!» ударил нападавшего зонтиком. Тогда другой брונет, крепкого сложения, ранее не замеченный, одетый в длинное синее пальто и пуховую шляпу, почти в упор выстрелил в полковника, но револьвер дал промах; пуля с визгом лишь выбила клоч ваты из пиджачного плеча.

Макарову вмиг представилось, что они с Мезенцевым снова в схватке при Черной речке; он даже ощутил в солнечном воздухе грозный запах пороха, раскаленного металла и крови. Привычным навыком рукопашного боя он выбил «бульдог» у злоумышленника; револьвер завертелся детской юлой под афишной тумбой. Полковник метнулся к оружию и тут заметил, что побледневший генерал одной рукой схватился за бок, а другой за фонарь и медленно сползает на тротуар. Макаров шагнул к другу, и сразу же получил удар в шею рукояткой револьвера. Широкая площадь вдруг стала мягкой, качнулась под ногами, и ослабевшие ступни противно увязли в пульсирующем ядовито-желтом мареве, которое неудержимо звало упасть в свою удушающую пустоту.

— Макаров! Макаров! — напоследок зацепилось сознание за сипловатый крик генерала; генерал покачивался у столба и большими глазами рассматривал руку. — Макаров, смотри, друг мой, крови нет! Нет крови... Просто ударили, просто ушиб...

Мезенцев улыбнулся белыми губами.

Полковник, пошатываясь, двинулся к нему. Размытым желтыми наплывами боковым зрением успел заметить: размашисто убегающие фигуры злоумышленников, дрожки с усатым кучером на облучке, мятую газету «Голос» на мостовой, огромного, почти сказочного коня редкой масти, уносящего (показалось: по воздуху!) ссутулившихся, подавившихся вперед лиходеев в переулки Невского проспекта. Все это виделось будто сквозь трепетный золотистый луч «волшебного фонаря» с картинками, магического фантаскопа, подаренного, помнится, отцом на Рождество.

Полковник крикнул лихача, с помощью подбежавших жандармов отвез раненного друга к нему домой. И даже сам почти внес его в квартиру.

Тут же послали за врачом. Но...

Четвертого августа 1878 года, в 17 часов 15 минут полудни генерал-адъютант Мезенцев скончался.

Не помнящий себя от горя Макаров яростно рвал манишку перепуганного дворцового лейб-медика, и снова, и снова выкрикивал:

— Он спас меня, а я нет! Он спас, а я нет! Там, на Черной речке... Понимаете? Черная речка, черные слезы... Прости, товарищ мой! Прости...

Назавтра рослый красавец Варвар снова стоял в татарсале и мирно жевал свой овес. А в квартире у художницы Малиновской землевольцы обнимали Кравчинского, и он, часто моргая глазами, словно бы стремясь изгнать из них новую беспокойную думу, с деланной развязностью кивал на свежий номер газеты.

Тихомиров взял со стола «Голос», прочел: «В кого направили они смертельный удар свой? В ближайшего советника Государя Императора, в лицо, обличенное высочайшим доверием, в человека, прямой и честный характер которого снискал ему глубокое уважение всех, его знавших и в Крыму под градом вражеских пуль, и в Варшаве, и в Петербурге, в Совете, вершащем судьбы всей России. Везде и всегда он пользовался любовью, — его, русского душою и сердцем, любили даже в Царстве Польском...» Затем передал газету Морозову, но Дворник забрал ее, прочитал вслух.

— Расписались либералы, — хмыкнул в наступившей тишине Кравчинский. — Не жандарм, а ни дать, ни взять — агнец кудрявый, ангел во плоти...

— Ответь мне, Сергей, — резко повернулся Тихомиров к Кравчинскому, испытующе глядя ему в глаза. — Без последнего... Без предсмертного письма Ковальского ведь ты бы этого никогда не сделал? Без казни товарищей...

Спиной почувствовал, как напрягся Коля Морозов.

Кравчинский встал, подошел вплотную к Левушке; тому показалось, что «мавр» как-то изменился, и белая кожа потемнела, глаза сверкали другим огнем; он даже стал выше ростом.

— Не сделал, — ответил глухо. — Ты прав, Лев. Не смог бы.

— Да казнь Ковальского уже превратила в Вильгельма Телля даже меня! — с полудетским восторгом вскричал Морозов.

— Ангел мести... — прошептал Кравчинский.

— Что ты сказал? — спросил Тихомиров.

— Да так, ничего... — вздохнул «мавр», поигрывая длинными сильными пальцами и рассматривая их с каким-то

новым интересом. Легким шагом сзади к нему подошла красавица Саша Малиновская, прижалась нежным лицом к плечу.

...Поезд прибыл в Орел рано утром. Теплый дождь падал с неба невесомой пылью, и Баранников зонтик раскрывать не стал. Извозчик за четверть часа доставил его к гостинице «Аркадия».

Лучшая ученица якобинца Зайчневского, грезившая инсurreкцией Маша Оловенникова (Ошанина по первому мужу, к слову, богатому рамоли) встретила нового супруга в волнующем полумраке просторного номера. На ней был такой пеньюар, что у Александра сбилось дыхание, и он сграбастал жену могучими руками.

— Ах ты мой топтыгин! Пусти... — кокетливо изогнулась она, пытаясь вывернуться из объятий.

— Как я ждал! Как ждал... — наступал Баранников.

— Постой. А ты все сделал? Закололи этого... Этого опльывшего кнура? — тонкая складка требовательно залегла на ее прекрасном челе.

— Исполнили. Отомстили... — задыхался Александр.

Машенька широко, влажно улыбнулась.

— Иди ко мне, — разрешающе шевельнула сочными губами. — Савка, ты сильный... — страстно прошептала подпольную кличку нового мужа.

*О состоянии русской нации
и путях выхода
из либерального тупика*

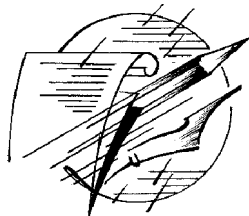
Андрей САВЕЛЬЕВ

**ГДЕ ВЫХОД
ИЗ ЛИБЕРАЛЬНОГО ТУПИКА?**

Симбиоз воров и рабов

Россия стремительно деградирует. Всякий, кто приставлен к реальному делу, не может этого не замечать. И только обыватель хочет думать о чем-то другом, поверив, что кризис прошел, что наступила стабилизация. Его морочат телевизионным наркотиком — зрелищем, где посредственные актеры играют крупных государственных мужей. Даже срывы актеров на примитивное хамство или невежественную отсебятину не могут поколебать обывателя. Ему не только не интересно, но даже неизвестно, что множество представленных для ублажения его взора имитаций государственной жизни служат только одному — успокоению казнокрадов, которым надо быть уверенными в том, что их казнокрадство никем всерьез не зафиксировано.

Путин и Медведев не могут отвечать на содержательные вопросы. Потому что подобная способность может быть связана только с опытом, которого ни тот, ни другой не имеют — с опытом реального руководства производственным или политическим процессом. По своей роли оба «диарха» такой практики не имели. Поэтому отвечают они только как артисты — заранее зная



ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

текст вопросов и выучив близко к тексту ответы. Кукловодят люди вроде Чубайса и Кудрина — непотопляемые. И, конечно, зарубежная закулиса, которой нет никаких препятствий в России, потому что большая часть российского национального достояния уже у нее в руках. Мы и не заметили, что получаем зарплату преимущественно уже от нее, а не от отечественных работодателей.

Целая свора олигархов бродит по стране и защищена армией правоохранителей. Что есть нынешняя власть в России, хорошо видно по тому, как вся эта свора выстроилась в очередь, чтобы высказаться о светлой памяти Егора Гайдара — одного из самых мерзких мракобесов и бездарей. Когда мы смотрим на лица, играющие в героев, мудрецов, острословов и правителей, то стоит вспоминать лицо Гайдара и то чудовищное разграбление страны, которое было связано с этим кумиром совершенно чужой нам власти. Кто помнит об этом, пусть расскажет тем, кто не знал. Не для того, чтобы закрепить в памяти имя этого новоявленного Герострата, а чтобы знать, что это и есть лицо действующего режима. В нем — средоточие всех его помыслов и стратегий. Что бы там ни говорили, какие бы законы ни подписывали, они — это Егор Гайдар.

У всей этой очевидной мерзости есть основательная подкладка, социальная база. Это рабство и скотство обывателя. Нытье о несчастьях «социально незащищенных» ведь имеет оборотную сторону: власть хочет, чтобы эти несчастья разрешил кто-то другой. И не рисковать своей головой. Да что там головой! Как у одного антигероя Достоевского: «Чтоб свет провалился, если мне чаю не испить». Собственно, все повторяется. Иудеи распяли Христа. И у каждого народа подобное бывало. И у нас готовы распять любого, кто пошевелит спокойствие бессовестности. Да еще грязью облить и клеветой имя запачкать. Это за милую душу!

Иногда толпа обывателей становится субъектом истории. Но лучше бы этого не было. Бунт бессмысленный и беспощадный... Обычно толпой руководят кукловоды. И они знают, куда ее направлять. Даже если люди думают, что пришли защищать Конституцию, в реальности они защищают что-то другое. Еще один значимый момент: на площади люди долго по своей воле не бушуют. Либо их кто-то кормит, либо через пару дней они расходятся сами. Современная история знает такие примеры. Последний — Майдан-2004 и последующие «майданы» с нанятыми флагоносцами. Все достаточно прозрачно. И только марксисты пытаются под социальную психологию и манипуляции закулисных групп подвести классовую теорию. Таковая теория и в XIX веке не была

достаточной для описания политических процессов, а теперь она вообще не имеет ничего общего с действительностью.

Бессознательность толп — установленный факт. Главный фактор — утомленность от собственного разума, который человек придумал как заглушать. Сознательно можно производить алкоголь или наркотики и получать от этого прибыль. Сознательно потреблять это зелье невозможно. Тем более, что оно само по себе предназначено для умерщвления сознания.

Безрассудность ведет к рабству. В одном случае — к соработничеству и сослужению в общенациональном или просто достойном деле. В другом — к зависимости постыдной и унижительной, которая, если становится привычкой, сама стремится унижать других. Рассуждать перед вечными истинами глупо. Им надо покоряться. А вот новоявленным рабовладельцам-олигархам и рабовладельцам-чиновникам покоряться не надо. Как раз исходя из этих вечных истин.

Оборотной стороной рабства является нигилизм. Из мифа о том, что русские всегда жили плохо, выводится ненависть к собственному Отечеству. Взамен ему подавай фантазии либо коммунистического свойства, либо либерального. Либо «светлое будущее» через большое кровопускание для русских, либо — лозунг «продадим Родину — и будем жить, как показывают в западных фильмах». На самом деле русский народ жил всю свою историю в войнах и нужде, но это была жизнь исторического народа — достойнейшая из всех возможных. Русские не были богаты, но были зажиточны. До большевиков русская семья могла прокормить десять детей (при них — примерно двоих, теперь — не более одного). При этом русская культура всегда была самобытным явлением, а в XIX веке, пожалуй, самым ярким явлением в мире. Русские военные победы — самые величественные после Древнего Рима. Русское госстроительство до большевиков — самое успешное в мировой истории. Теперь материальная нужда осталась, а гордость слиняла вместе с чувством Родины. В собственной стране, имя которой означает имя нашего народа, русские живут хуже всех других народов. Да еще подвергаются репрессиям именно за то, что они русские. Как со стороны этнических банд, так и со стороны совершенно чужой нам власти.

Подлость чиновника поддерживается хамством «маленького человечка». Он сидит себе у телеящика и смотрит всякую дрянь. Собственно, так было всегда (подобие «ящика» всегда было), если только народ не ставили под ружье. За Родину русские всегда воевали. И воевать будут. И даже при этом проклятом правительстве. Это показала война в Осетии.

А до того — в Чечне. «Косят» у нас от армии, а не от войны. Армия министра Табуреткина — содержание в рабстве у начальства и криминальные нравы. Это армия для сброда — под стать тому сброду, который ею командует. Армия рабов, которой помыкают воры — модель государства в целом.

Игра в цифры

Нас пытаются охмурять цифрами. Особенно всякого рода рейтингами. Читатели газет и прочих информационных сводок упиваются магией цифр. Если ложь облечена в цифры, то она трудно разоблачается. Особенно, если цифры обнаруждаются от имени науки.

Когда мы видим несгибаемые рейтинги правителей, мы должны спросить себя, кто же нам навязывает убеждение в непобедимости этих политических монстров? Ведь на поверку оказывается, что все эти «социологические службы» врали и перевирают все на свете. Даже когда публикуют «аналитику». Чем она наукообразней, тем спокойнее на душе у исполнителя властной воли. И спокойнее самой власти. Ведь высшие администраторы у нас заказывают подделку под действительность, а получив результаты, искренне верят, что действительность совпала с их ожиданиями.

Официальным цифрам верить нельзя. Независимых социологических служб у нас не осталось. Все эти распубликованные проценты порождены вольными или невольными извращениями методик. Точность любой цифры, даже если исключить прямые подтасовки, — плюс-минус половина от ее значения. То есть она может быть и вдвое меньше, и вдвое больше. Если же вопрос для респондента поставить грамотно, то заказчик не захочет платить — слишком уж реальность разойдется с его целями. Поскольку нас лишили знания о своей стране, то нам остается жить прежним образованием и верить собственным глазам. Нам говорят, что кризиса уже нет, что власть чрезвычайно популярна во всех слоях общества? Мы должны быть уверены, что это ложь.

В каком количестве власть может рекрутировать своих сторонников? Судя по процентам на местных выборах — очень немало. Примерно треть населения страны. Но если помнить, что выборы тоже представляют собой театральщину (противник подавлен и отстранен, а результаты фабрикуются, как заказали «сверху»), то и не так уж много. Действительный ресурс власти — не проценты на выборах, а численность поставленных под ружье или принятых на содержание. Первые важнее, потому что вторые разбегутся сразу, как только «вер-

тикаль» зашатается. Вооруженные силы бюрократии готовы «разбираться» с безоружными гражданами самым свирепым образом. Но как только табу на применение насилия со стороны граждан будет снято в той же мере, что и у милиции и прочих «правоохранителей», вся эта масса вооруженных людей расплывется по многочисленным бандформированиям (примерно как это описано в известном романе «Мародер»). Вот реальность, к которой нас ведут либеральные бюрократы и к которой мы должны готовиться.

Еще одной опорой власть пытается сделать молодежь, из которой так бойко формируют массовки для показа на телеэкране. Наймиты размахивают флагами, убеждая, что молодежь вся на стороне режима. И в большой мере это так. Ума молодым людям в созданной либералами системе занимать было не у кого. Поэтому молодые люди подчас путают ощущения личного успеха (естественный рост благосостояния с обретением минимальных профессиональных навыков) с состоянием страны. Кому-то стало лучше жить, и он уже готов думать, что жизнь страны налаживается. Эгоизм доказывает сам себе, что все вокруг «лохи», и «бери от жизни все». Поначалу это кажется так весело! Особенно если власть держит на прикорме. Но юность кончается, и выясняется, что у все еще молодого человека нет будущего. Как и у страны в целом, куда она управляется либералами. Это беда поколения, только что вступившего во взрослую жизнь — эгоистические иллюзии, источаемые неокрепшим рассудком, временно пребывающим в состоянии удовлетворения от личного успеха.

На самом деле от страны осталось «почти ничего». В столице порядка 2 млн. человек живут как европейцы, по стране — еще пару раз по столько. У остальных нет ни настоящего, ни будущего, а есть только тележик-дебилизатор, в котором успокаивается и умирает и без того слабый дух. Люди с самостоятельными суждениями и сильным характером видят ситуацию лучше. Проблема — в разобщенности этих обладателей трезвого взгляда на действительность. А также в том, что вопрос «Что делать?» убивается разнообразными политическими мифами.

И здесь снова вступает в действие лукавая цифра. Но теперь она, извлеченная из пыльных закровов, куда свалена агитпроповская продукция прежнего режима, должна доказать, что «раньше лучше было». «Раньше» — это при коммунистах и при Сталине. «Лучше» — уже потому, что хуже, чем теперь, некуда. Вываливают в «красной» публицистике прежнюю цифирь, которая столь же далека от тогдашней действительности, как цифирь теперешняя от нынешней. Толь-

ко теперешняя цифирь опровергается личным опытом, а прошлая кажется точным отражением «объективной реальности» хотя бы потому, что все меньше или совсем не осталось тех, кто на собственной шкуре прочувствовал вранье комбюрократии. Впрочем, для здравого рассудка нет надобности опровергать цифры, которые опровергнуты вместе с коммунистическим режимом, похравшим самого себя. Как ни препарируй лукавые цифры, они не меняют итога — краха режима, у которого не было здоровой государственной идеи.

Теперь пропагандистский обман с цифрами не менее энергичен, чем при коммунистах. Сейчас, как и тогда, при горячем желании скрыться от реальности можно цифрами оправдать все, что угодно. В прежнюю эпоху нас дурили цифрами в штуках и планами их дальнейшего роста, теперь — фантастическими темпами оценки российских активов в пересчете на доллары.

Да сдался нам этот рост, когда мы знаем, как народ живет! Если посмотреть на ситуацию «вживую» (конечно, не из окна правительственного лимузина и не в административном центре, где к приезду начальства заборы красят), то легко понять, что цифры — барахло. И тогда учение Маркса было бессильно, потому что неверно, и теперь все эти рассказы про модернизацию и удвоение ВВП — фальшивы. И вредны. Потому что обессиливают народ.

Может быть, так оно и нужно? Может быть, власти и хотят править обессиленным народом с поврежденной психикой? Ведь на их век хватит!

Ссудный процент — кошеева игла

Финансовая «аналитика» стала средством пропаганды. Всех заставляют размышлять о колебании курсов валют и биржевых индексах. Все это привязывает людей к фикциям и заставляет думать, что они и есть реальность.

Вся позитивная роль денежных знаков в том, чтобы служить средством учета и оборота товаров и услуг. Сейчас рубль этому не служит. Он стал в руках государства средством обмана страны. Вместо обеспечения оборота товаров и учета производственных затрат рубль служит «дяде» — зарубежному заказчику, выстроившему мировую финансовую систему. Теперь этот «дядя» спасает свою шаткую конструкцию, печатая доллары тоннами и бдительно наблюдая, чтобы его ставленники в других государствах не смели делать то же самое с национальными валютами. Ведь только в этом случае резаную бумагу можно будет обменять на реальные ценности. Или на национальный суверенитет.

Ключевая проблема — ссудный процент. Пока деньгам позволительно быть фиктивной ценностью и обменивать денежные суррогаты на реальные ценности, финансовая система будет поглощать все, что создано человечеством. И никакая экономика не будет эффективным производителем товаров. Собственно, кризис образовался только потому, что притормаживание научно-технического прогресса привело к раскрытию тайны мировой олигархии: до сих пор этот прогресс скрывал ее чудовищную неэффективность и присвоение большей части его результатов.

Упакованные в либеральную доктрину мозги восстают против идеи обнуления ссудного процента. Мол, это же «исламские банки»! А раз «исламские», то из этого не может выйти ничего путного, ибо исламские страны экономически чахлы! Не очень-то ловкое это умозаключение. Во-первых, у христиан есть собственные установки против ссудного процента, и нам незачем занимать их у ислама. Современная европейская цивилизация создана не ростовщиками, а подвижниками своего дела и учеными, создавшими современную науку, на базе которой действуют современные технологии. Азия только включилась в этот мир знаний, позаимствовала из него. Отсюда — взрывной рост Китая и Индии, ряда других стран. Но ислам здесь совершенно ни при чем. У ислама есть много чего, мешающего экономике. Одними «исламскими банками» создать современную техническую цивилизацию невозможно, это ясно.

Теперь и христианский мир, и исламский, и весь прочий погружается в пучину. «Новый Карфаген» — мировая олигархия — живет на ссудном проценте и обороте денежных суррогатов, пожирая практически все, что дает человечеству современная наука и технологии. И это — прямой вызов мировым религиям, христианству — прежде всего. Именно поэтому естественно соединяются вопросы веры и политэкономия, где на первом месте — наука, производство и национальный суверенитет.

Мировая финансовая система, в которую «Эрэфия» втянута с головой, создана жуликами от глобализма. Ее содержанки — умирающие европейские нации, ее рабы — весь остальной мир, включая Россию. Финансовый блок в правительстве — реальный хозяин страны, действующий вопреки нашим интересам, вразрез с задачами поддержания государственного суверенитета. Именно поэтому за десятилетие «путинских реформ» финансисты растащили колоссальные ресурсы, которые по случаю достались нам от высоких цен на нефть. Этих средств хватало бы на широкомасштаб-

ную модернизацию экономики, но их заморозили, а теперь под предлогом кризиса превратили в неликвидные активы или распределили среди олигархов.

Это беспрецедентная афера! И она — урок нам: фиктивные ценности, «богатства земные» — все пойдет прахом. Потому что лишено высшего смысла. «Не собирайте богатств земных», — сказал Спаситель. Стремление обрести такие богатства превращает нас в рабов мировой финансовой системы, которая создает для нас иллюзии — стремится всучить обманки, которые мы принимаем за истинные ценности. Мы становимся рабами «золотого тельца», обслуживая его жрецов — мировую финансовую систему, мировую олигархию и доморощенную бюрократию.

Стабфонд, разумеется, собирали не на «черный день», а чтобы украсть. Лучше всего для этого подходит время кризиса. Мол, на то и копили, чтобы израсходовать. Авложили в активы, которые по закуливному сговору просто обнулили или лишили ликвидности. Доходность зарубежных накоплений была ничтожная. А бизнес заглядывал в глазки правительству: может, все-таки своим дадут кредиты, а не чужим? Не дали. И что такое теперь разоренный бизнес, повязанный дорогими западными кредитами? А ничего — мирно «сжимается» и исчезает. Вроде бы ясно, что страну обобрали как липку. Но даже обобранные и разоренные бизнесмены чего-то еще ждут от властных «верхов».

Подавляющее большинство народа считает, что живет бедно или даже в нищете. Ну а как же быть богатым, если свою страну отдал на растерзание ворью? В этом случае любое богатство — скорее случайность. Или результат подлости и сотрудничества с тем самым ворьем, от которого народ приходит в бедность. Если есть воры, должны быть и обворованные. Терпим воров — непременно будем обворованными.

Тупик «левой» реставрации

Кажется, что теперь-то должно быть ясно, что разграбление страны скрывалось за лозунгами «демократизации», «правового государства», «свободы слова», «рыночных отношений» и т.п. Оказывается, неясно. Люди не понимают, что их бедность и униженность идут в комплекте с либеральными ценностями. Они хотят разделить: чтобы им лично все было по-либеральному, а всем остальным — сталинский закон и порядок. А так не бывает. Да и паровоз истории уже ушел. Согласившись на либерализм, народ согласился быть обманутым вчерашними коммунистами и перейти из одного рабства в другое, от одной бюрократии к

другой, от разорительного интернационализма к разорительному космополитизму.

Советский Союз, конечно, не был русским государством. Но он был государством. А «Эрэфия» — это уже и не государство, а так — территория с временной ликвидационной администрацией. И это играет на руку лжецам, расписывающим перспективы коммунистической реставрации. Мстительным натурам кажется, что придут сталинисты и отомстят либералам от всей души. Точно, отомстят. Но заодно и народу. Раз уж он решит, что ему после либералов нечего терять и ничего не жалко. Таких забивают насмерть даже без всякой видимой вины.

В СССР русским достаточно было вышвырнуть интернациональную идеологию, и все было приспособлено к тому, чтобы государство стало русским. Теперь же нужно не только вышвырнуть космополитов, но еще и поднимать страну из разлухи. Но коммунисты нам толкуют, что без их доктрины страну из разлухи никак не поднять. Надо бы спросить у этих толкователей: а как это они с такой замечательной доктриной профукали страну в 1991 году? Ведь все было у них в руках — армия, спецслужбы, СМИ, госбюджет. И почему из мобилизованных в партию миллионов никто не шелохнулся, не ушел в партизаны? Если они были такие самозабвенные защитники народа и государства, то почему они вели себя как стадо, ведомое на убой?

Ельцин и Горбачев — типичные коммунисты. И тут против факта не попрешь. Они рождены и выдвинуты компартией. Им компартия подчинялась. И эта же компартия обрушила страну в 1991 году. Партийные массы и пальцем не пошевелили, когда в Беловежье «распустили» Союз. Ну и какое же может быть после этого уважение к коммунистам? Никакого. Тупиковая доктрина, созданная основоположниками-русофобами и продолженная соглашателями с новой бюрократической генерацией.

Да, во все времена есть разные люди. Одни подлецы, другие — подвижники. Партбилет не гарантировал ни чести, ни бесчестия. В тупик одни шли по глупости, другие в силу своей догматической зашоренности, а третьи просто не поднимали головы от своего дела, которое делали хорошо, но не замечали, что страна при этом катится под откос, а замечательный профессионализм на отдельно взятом направлении стоит немного.

Компартия разложилась полностью — сверху донизу. И это факт непреложный. Отдельные люди могли сохранять честь и достоинство, но партия в целом стала трупом, заразившим страну миазмами разложения. Партия вырастила и

Собчака, и Путина и весь выводок комсомольцев-олигархов. В этом и заключалась ее «историческая миссия», которая исчерпана полностью*.

Коммунисты все время пытаются присвоить себе достижения народа. Мол, без них бы и городов не строили, и заводы не запускали, и в космос человека не запустили. И все время сравнивают с 1913 годом. Да, если считать количество достижений в телевизорах, то с тех пор прогресс огромен. Тогда, в 1913-м, не было, теперь — есть. Как будто без большевиков телевизор на свет не мог бы появиться! По-честному никто сравнивать не собирается; а если соберется, то должен будет экстраполировать тенденции имперской России. И придется сделать вывод, что без большевиков Россия была бы впереди всего человечества. Далеко впереди. Настолько, что никакое соревнование «систем» не было бы возможным. Да и не было бы никаких «систем». Не было бы кошмарной Второй мировой. Потому что военная машина Германии была бы сломана в 1917 году, и русские войска стояли бы в Берлине, в Вене, в Праге, в Константинополе. А уж телевизор и космический корабль были бы непременно.

Радетели утопического проекта восстановления того, что называют «советской властью» (такой власти коммунисты в реальности просто не допускали) хотят представить дело так, будто марксистская историософия просто не так понята: история, мол, несколько запоздала в сравнении с нашими ожиданиями, но идет своим чередом от капитализма к социализму. Мол, все равно с коммунистами только и будет хорошо жить народу. А до того — сплошная эксплуатация. И многие в это верят, потому что забывают, как на самом деле было при коммунистах. Зло вчерашнее кажется не так страшно, как зло теперешнее.

В этом заблуждении людей укрепляют те же либералы, которые подтасовывают историю хлестче коммунистов. Они вслед за коммунистами пытаются не допустить понимания того, что русские всю свою добольшеvistскую историю жили не хуже других народов. Уже потому, что Россия была русской страной, страной русского народа. Учебники советского периода, покрывая преступления большевизма, лгали: «До нас все было плохо, при нас все стало очень хорошо!» Теперь этот тезис подхватили либералы — столь же злобные

* В рубрике «Дискуссионная трибуна» мы публикуем материалы именно в формате заявленной дискуссии. Повторяем, редакция может не разделять взгляды авторов, но мы считаем нужным дать слово русским идеологам, озабоченным положением русского народа, имеющим свой взгляд на недавнюю историю России и предлагающим пути нашего дальнейшего существования.

враги исторической России. Поэтому русская история представляется сплошным черным пятном, а современность — выдающимся достижением, где даже президента выбирают «впервые в истории».

Коммунисты рассчитывают на историческую амнезию. И подсовывают теряющему элементарную образованность обществу примитивную идею классовой борьбы. Для этого они доказывают, что работников угнетает не бюрократия, а жестокий работодатель, который присваивает «прибавочную стоимость». Это примитивная ложь, рассчитанная на озлобленного эгоиста.

Работодатель должен быть жесток как хозяин своего дела. Он обязан противостоять уравнилельным настроениям, исходящим от бездарей и тунеядцев. Иначе его дело тут же загнется. И если он может быть хозяином, то единственное, в чем ему стоит отказать в материальном смысле, — в праве на роскошь. Его социальная функция — производить товары и услуги. Если этого нет, то и страны нет.

Настоящим врагом работника и работодателя является бюрократия — творящие произвол чиновники, обслуживающие олигархию. Именно бюрократия делает так, чтобы предприниматель все жилы вытягивал из работника ради минимальной рентабельности. Она не дает нам жить. И продолжаться это будет до тех пор, пока тревога о физических страданиях (от голода, холода, бандитизма и пр.) не заменится реальными страданиями и пониманием, кто в самом деле мучает нас. Пока народ смотрит в «волшебный ящик», у него мозг не работает, и болевые ощущения притуплены. Вот когда голод будет сильнее, чем интерес к очередному сериалу, произойдет подвижка в мозгах, и возникнет возможность выбора будущего. Если правительство будет находить возможность затыкать дыры в бюджете и обеспечивать рабов рабской похлебкой, рабы будут по-прежнему только постанывать, но терпеть. И на вопрос «доколе?» ответ будет: «Если так, то до смерти».

Социализм хочет подменить справедливость. На самом деле социалистический догмат — антипод справедливости. «Равное для равных, неравное — для неравных» — принцип справедливости, известный древнейшим культурам. У социалистов все наоборот.

«Моральный кодекс коммуниста» — остроумная придумка, которой коммунисты сами же устыдились. Действительно, мало ли какой фантазер сделает конспект моисеевых заповедей и вставит в партийную программу! Сразу его определять в христиане? Может, сначала предложить крещение принять, отречься от сатаны, крест надеть, молитву прочитать,

Евангелие? Какая такая справедливость, когда русских навратили на русских и к власти привели нерусь? Это справедливость по-социалистически? Нет, упаси Бог...

Русский народ никогда социализм не выбирал. У него не было выбора. И вообще народ выбирает только между традицией и нигилизмом: либо строит, либо рушит. Социализм — это антирусский строй, возникший на обломках разрушенной либералами-февралистами Империи. Советская власть была попущением и расплатой за грехи. Нынешняя власть — следующая стадия попущения за упорствование все в тех же грехах, которые при совласти (условно так называя тот период) еще не получили полного развития, а теперь развернулись вовсю.

Национализм против всех форм «левизны»

Журналистика с подачи «кремлевских мечтателей» проповедует линейное мышление: либо либералы, либо коммунисты. Эти две взаимосвязанные силы поддерживают друг друга в ненависти к России и продвигают мысль лишь по одной извилине: «левые» или «правые». Чтобы никогда не уступать власти тем, кто любит Россию, они стремятся не допустить у людей знания иного направления мысли, кроме двух разрешенных.

В политической науке признаются три классические идеологии: либерализм, социализм (коммунизм) и консерватизм (национализм). При этом в каких-то элементах любая идеология может найти аналоги у оппонентов. Но в своей сути три вектора тяготеют к собственным ценностным комплексам. Две идеологии в XX веке «отличились» — обрушили на Россию тяжелейшие испытания. И тем самым доказали, что являются для русских тупиковыми.

У приверженцев этих идеологий Родина отсчитывается от 1917 года или от 1991-го. Обе даты для нашего народа трагические — даты, с которыми связаны измены, развал страны, крах экономики, смертоубийства. И, казалось бы, надо видеть другой путь — путь Традиции, который в политике называется «национализмом» (или «консерватизмом»). Но нет, пока национализму пути к конкуренции с другими идеологиями закрыты. Потому что «по-честному» вести дела никто не собирается. По-честному национализм победит сразу же — на первых же выборах, где не будет фальсификации. Поэтому бюрократия по доброй воле не допустит на выборы ни одну партию, которая во главу угла ставит национальные интересы. Мракобесный марксизм — пожалуйста, анархический либерализм — пожалуйста, исламских фундаменталистов — милости просим. Но только не русских националистов!

Дурное поветрие среди молодежи — придуманный «национал-социализм», совершенно лишенный какой-либо интеллектуальной глубины. Его приверженцы — суть те же стародавние нигилисты, которые отбрасывают всю национальную политическую культуру, которая складывалась в России лучшими русскими умами. Можно назвать хоть полдюжины национал-социалистов, на учениях которых строится идеология? Розенберга с Гитлером? Родзаевского? Или кого? И на этой пустыне произрастает уродливая «флора» вновьпридуманных идеологических клише, которые в принципе не могут вдохновить русский народ и быть принятыми культурными слоями общества. Это маргинальщина без шансов на победу.

Откуда известно, что такое национал-социализм? От каких авторов? От тех, кто писал про «русский социализм»? Русский социализм — это Плеханов, меньшевики, эсеры. Это Бакунин и Герцен. Никакого другого «русского социализма» нет и никогда не было. Большевики — это социализм нерусский, антирусский.

Как только возникает «социализм», от национализма не остается ничего. Русского в социализме только место рождения — в глупых головах бездарей или в зловредных планах нигилистов. В социализме заложена классовая, а не национальная солидарность. Поэтому у социализма нет и не может быть никаких русских авторитетов. Зато они есть у национализма — русская философия, русская литература, немецкая «консервативная революция», французская «правая» социология.

«Широкое» понимание социализма (вне пределов большевизма и коммунизма) — дело Запада, где социализм и либерализм давно составляют единую систему взглядов. Вы нигде не найдете авторов социалистических текстов, которые устраивали бы русское национальное самосознание. Социальный гуманизм (проще — социальная справедливость) — западная концепция, причем весьма неглубокая.

Социальное и социалистическое — вещи из разных идеологических «карманов». Социальное — элемент любой государственной политики, любой политической программы. Социалистическое — идеология, основанная на противопоставлении общества государству (в либеральном социализме) или класса государству (в коммунистическом варианте). Путаница произошла из-за неверного перевода с немецкого. Когда Шпенглер писал «пруссский социализм», в нем не было ничего общего с социализмом как политической теорией. В нем было «социальное», «пруссский общественный порядок», «социализм имеет смысл только для немцев». На самом деле речь шла о национализме.

Гитлер со своим национал-социализмом был ставленником олигархии, международных и местных финансовых воротил. Гитлер строил химеру и продержался чуть более десятилетия. Он оседлал волну национального духа и направил ее в пропасть. Теперь Германия — оккупированная страна, немцы по большинству — люди без национального самосознания. Примерно так же «демократы» в России направили в пропасть русское самосознание нации в 90-х годах. Обещав избавление от комбюрократии, ахнули нам на голову свою либеральную бюрократию — коалицию изменников, казнокрадов и коррупционеров.

Национального без социального не бывает. Мы же не говорим «горячий огонь» или «мокрый дождь». Настоящему национализму нет надобности напоминать о социальном. Когда говоришь про вкус, то цвет — тема «из другой оперы». О социальном националист свободно рассуждает, полагая национальные интересы важнее интересов любых социальных групп, обеспечение национального суверенитета — выше задач социального обеспечения.

Говорить о социализме, будто бы монополизирующем социальные идеи и социальность как таковую, — значит, путать людей и самого себя. Да еще навешивать на русский национализм негатив германского национал-социализма. Термин этот специально вводят в оборот и навязывают. Многие попадают на этот крючок, предполагая, что подчеркивают «социальное», не замечая, что уже помечены штампом «гитлеристы». С точки зрения теории принятие такого термина нелепо, с точки зрения политической практики — самоубийственно.

Другое «левое» поветрие — попытки совместить либерализм и патриотизм. Проигранные либералами политические бои, в которых одни либералы переиграли других, кто-то хочет переиграть заново. При этом говорят, что у патриотов с либералами общий враг. Но это не так. Правящая олигархия продолжает исповедовать либеральные принципы. Но только для себя. Оппозиционные либералы хотели бы того же, но тоже только для себя. Не для нации. Они за свободу «личности», имея в виду свои собственные личности, а вовсе не за суверенитет нации.

Опальные либералы пытаются представить себя «правыми». Но либерализм от рождения — «левый». Он всегда был течением, антитрадиционалистским, революционным, разрушительным.

Радикально расхождение националистов с либералами по вопросу о сущности нынешней властной группировки. Либералы считают, что она антилиберальная, сформированная

чекистами, наследниками «кровавой гэбни». В действительности кремляне и есть распоследние либералы. Их альянс со спецслужбами был вполне идейным. Именно через КГБ раз за раз либерализма пробралась во власть.

Классики политической философии говорят, что в либерализме демократичны только термины. Либерализм порождает ту самую полицейщину и бюрократизм, в которых мы живем. Тирания олигархии — реальный либерализм. И никакого другого либерализма ни в России, ни в мире не просматривается. Он разрушает самосознание нации, а чиновников просто покупает. Любая власть вырождается в олигархию, если ей не противостоит нация. Это «железный закон олигархии».

Свобода истолкована либерализмом как свобода для себя и свобода в грехе. Это азбука. У национализма другое понятие о свободе, к либеральному отношения не имеющее. Сейчас заговорили о национал-демократии, противопоставляя ее как либеральной демократии, так и тиранической диктатуре, которую некоторые сильно опечаленные ситуацией люди хотят наклепать на голову собственного народа. В этом смысле термин удачен. Он говорит о том, что наш национализм не будет завинчивать все гайки, а, напротив, даст людям куда больше реальной свободы, чем при нынешней бюрократии. А с другой стороны, такой национализм не даст развернуться измене.

Сколько ни присягай отечественному производителю, ставка на «рыночные отношения» бита. Потому что эта идеология вовсе не предполагает эффективной для экономики конкуренции. Она предполагает видимый хаос базара под руководством закулисных манипуляторов. В таком «рынке» не может быть в принципе наращивания производства. Все только вопреки. «Рыночная экономика» — это экономика ростовщиков и торговцев. Национальная экономика — экономика производителя и инноватора. Поэтому экономические доктрины либералов и националистов совершенно несовместимы.

Либералы ратуют за «полный уход государства». Именно поэтому политика заменяется манипулятивными «технологиями», а взамен государству должна прийти власть олигархии. Для националистов совершенно несостоятельны мысли, представляющие государство как противоположность общества, а не его инструмент. Старая либеральная песня, верить в нее невозможно. Потерять или разрушить государство для русских — все равно что покончить с собой. Потому что государств гораздо меньше, чем народов. И есть считанные примеры, когда кому-то было выгодно вернуть народу

ранее утраченную государственность (Польша, Израиль). Это были не самые значительные народы. Русским, если они разрушат свое государство (пусть и захваченное олигархией, но по праву свое), никто не позволит воссоздать его вновь.

Русский национализм имеет глубокую интеллектуальную основу, но только теперь он начинает обретать ту продуманную базу «срединных» идей (прагматических задач текущего дня), которая делает его претензии на власть основательными. Прежде всего — для тех, кто создает экономическую основу общества и государства, для руководителей реального сектора экономики. Только теперь образуется поросль интеллектуалов, которые могут оперировать идеями из «Замкнутого торгового государства» Фихте и «Национальной экономики» Фридриха Листа, и отбивать наскоки либеральных монетаристов и марксистов-ленинистов, которые решили, что они навсегда поделили меж собой экономическую науку, да и все прочие науки об обществе.

Для националистов не существует «основного вопроса политэкономии», который навязывают нам две тупиковые идеологии: за частную собственность или против. Не всякая частная собственность благотворна для экономики, и любой запрет частной собственности окончательно невозможен и несостоятелен. Разумеется, есть люди, настолько дикие, что готовы поджечь свой дом, лишь бы он не был частным. Их психопатия служит оправданием для тех, кто продает этот дом непрошеным гостям.

Национальной модели экономики соответствует только такой статус частной собственности, который предполагает индустриализацию страны и широкое применение новых технологий. Владеть собственностью частным образом можно настолько, насколько частное лицо способно ею управлять. Стричь купоны и получать ренту — либеральные «свободы», противоречащие национальным интересам.

Национализм может быть только там, где нет интернационализма (непрерывной части социалистических учений) и космополитизма (без чего не существует либерализма). Тем самым национализм представляет собой самую решительную борьбу за государственный суверенитет и успешность национального предпринимателя. Либерализм и социализм, каждый по-своему, участвуют в формировании мировой олигархии. Либерализм — напрямую, социализм — в качестве «врага», оправдывающего существование либерализма.

Национализм не будет вырождаться в авантюру только при правильном отношении к национальности. Ведь национальность можно определять по-разному. Например, по ро-

дителям. Но какова национальность родителей, их родителей и так далее? Этот подход годится на пару поколений. Более ранних метрик не осталось. Таким образом придется верить родителям в их определении своей национальности. То есть их самоидентификации. Следовательно, самоидентификация — важнейший признак национальности. Второй признак — культурные стандарты. Прежде всего, язык. Третий — место жительства. Большая часть народа живет в определенной ландшафтной нише. Либо человек в ней пребывает (и одновременно — в культурном поле своей нации), либо он из этой ниши происходит, не теряя своего культурного кода. Тем самым: быть русским значит определять себя как русского и жить по-русски. Что значит жить по-русски? Это значит следовать тем принципам, которым следовали предки. Для русских православная вера — основополагающий признак народа. При желании можно ввести антропологические и генетические факторы. Они определяют биологическое родство с русским родом. Но эти методики сложны, противоречивы и не могут использоваться в массовом порядке. Тем паче, что биологическая русскость не гарантирует от враждебности к русскому народу. Как говорится, в семье не без урода.

Правили Русью и Россией люди русские, в этом нет никаких сомнений. А вот с большевиками пришла нерусь. Почти сплошная нерусь. Потом положение выправилось, но с либералами нерусь снова подняла голову. Одно из ельцинских правительств было почти сплошь еврейское. Теперь это не совсем так, но ничего не изменилось. Правят «Эрэфией» люди с русскими фамилиями и нерусским нутром. Им плевать на предков, плевать на культуру, плевать на русский народ. Но и народу, как мы видим, пока что плевать на то же самое, а также и на то, кто им правит. В этом и проблема. Тех, кто видит ситуацию и понимает ее как задачу для себя, очень мало. И возникает вопрос: достаточно ли этого, чтобы иметь шанс переломить ситуацию. Ситуацию, но не страну.

Националистам не надо страну ломать через колено, как это делали большевики и либералы. Она и без того сломана во всех направлениях. Тем не менее изживание «левизны» в русской государственности требует диктатуры — именно в том смысле, в котором ее понимали консервативные мыслители всех времен. Диктатура — не произвол, а строгий, порой жестокий закон, адекватный чрезвычайному положению.

Не приведи Господь взамен нынешнему режиму никакой парламентской республики, никакого «плюрализма», никакой «левизны»! Во главе страны диктатор националист, ко-

торый будет жесток к врагам Отечества, но при этом останется милостивым к народу. Репрессированными будут а) олигархи (чиновники, банкиры и прочая сволочь режима), б) бюрократия, которую надо будет массовым порядком сокращать.

Национализм предполагает, что есть общий интерес — интерес нации к суверенному существованию и оценке каждого по достоинству. Этот интерес возвышается над интересами разных групп. Разнородные интересы, включая эгоистические частные, в национальном государстве подлежат либо усмирению в рамках общенационального интереса, либо подавлению, если эти интересы не укладываются в общенациональный. Оценка по достоинству предполагает иерархию, принцип ранга. Люди неравны. Значит, социальная система принципиально не может существовать, если проводит в жизнь идею равенства. Равенство противоречит справедливости. Справедливость — это ранг, сочетание способности подчиняться и распоряжаться. Жизнь вообще устроена несправедливо. Справедливость приходит только к тому народу, который знает свои высшие цели и способен им служить. Нынешние поколения пока такой воли к жизни не проявляют. Поэтому власть в стране принадлежит олигархии — чиновникам-коррупционерам, банкирам-ворам, наркобаронам. Все это подлежит изничтожению. Но есть задача посложнее — введение личного эгоизма в необходимые рамки: заставить воспроизвести более дееспособное потомство, обеспечить иное качество общественной среды. Поскольку все прогнило (включая мозги), то диктатуре придется быть щедрой на розги. Иногда лучше выпороть прилюдно, чем в тюрьму сажать.

Впрочем, стадо останется стадом. Только научится знать границы дозволенного. А страну и нацию всегда держит «ведущий слой» — аналог дворянства, аристократии. Образование этого слоя и должно быть результатом диктатуры.

Православие и политический консерватизм

Консерватизм существует там, где в политике защищают традиционные ценности. Социализм и либерализм порождены враждебностью к традиции, и без этой враждебности обходиться не могут. Поэтому национализм (если он действительно печется о нации, какой ее нам Бог дал, а не о какой-то выдумке), самым решительным образом стоит на страже исторических завоеваний нации и самым жестоким образом готов подавлять расхитителей национального достояния.

Традиция, заключенная в праве, однозначно определяет, кем являются нынешние правители. Принцип континуитета (правопродолжения) обосновывает право на власть. Если отсчитывать это право от 1917 года, то нынешняя власть, получена из рук мятежников. Если от 1991-го — тем более. Власть легитимна, когда ее начала скрываются в легендарных временах и имеют божественную санкцию. Чтобы ее получить, надо воссоединиться с собственной историей до февраля 1917 года. Не только в каких-то литературно-культурных творениях, но и в практике государственного управления. Традиция состоит в продлении, а не в повторении. Что-то явно не сгодится для современности, а что-то является прямо необходимым. Необходимое должно быть возвращено, изжившее себя — легитимно отменено.

Православие — наше бесспорное и ценнейшее достояние. Религия живет дольше, чем народы. Поэтому современные поколения получили религию в готовом виде. И она нашими предками принята как **наша**. Сейчас заниматься размышлениями о том, что у нас была какая-то другая религия — значит опровергать своих предков, проявлять к ним крайнюю степень пренебрежения. Если кому-то угодно отречься от религии, то он отрывается и от традиции, автоматически попадая в стан «левых» — либералов или социалистов (коммунистов).

Увы, социалистические и либеральные иллюзии основательно покартели Русскую Православную Церковь в XX веке. Церковь теперь находится в еще более глубоком кризисе, чем государство. Священство разнообразно по взглядам, как и все остальные люди. В нем есть замечательные подвижники, есть борцы с внутрицерковной коррупцией. Есть знатоки права и истории, есть замечательные священники, тихо и незаметно делающие свое великое дело. Но одновременно — и есть имитаторы, чванливые чиновники в рясах, которые в Бога не веруют, а только грозно хмурят брови, исполняя требы.

Патриарх Алексей II как-то говорил о чудовищном кадровом кризисе в РПЦ. Только сделать ничего так и не смог. Не смог и не захотел защитить от церковной бюрократии епископа Диомида, который совершенно верно и точно поставил диагноз всем церковным нестроениям — экуменизм, царьборчество, сотрудничество с богопротивной бюрократией. Церковный народ в массе своей даже не узнал, что есть такой подвижник, восставший против архиерейских ересей и репрессированный церковной бюрократией. Теперь это можно оправдывать информационной блокадой и разобщенностью

людей. Даже непонятно, как в стародавние времена народ поднимался одним словом правды? Может быть, просто правда для большинства людей теперь от кривды уже неотличима?

Народное православие безотчетно. Народ в своей совокупности не мыслит, а чувствует. Он безотчетно религиозен. Но также и суеверен. В бытовой сфере он замещает здоровое рассуждение верой во всякую чепуху — гороскопы, народных целителей, обретение случайного богатства для себя лично и всей страны... Религиозность как безотчетно осознаваемая нравственная норма — спасительна. Но если остается только эта «безотчетность», то грани между верой и безверием не остается.

Наследие традиционной нравственности сохранялось и при коммунистах. Именно оно сыграло решающую роль в войне. Вовсе не советские агитки остановили наступление гитлеровских войск. Жизненные принципы, переданные через дедов и отцов, которые еще помнили крестьянский быт и росли под иконами и бревенчатыми потолками, стали основой поведения воина. Теперь поколения с остаточной нравственностью вымирают. А нового духовного творчества нет. Тут, как ни измеряй уровень религиозности, ясно, что он едва прощупывается.

Порой православными считают себя люди, следующие формальным правилам и даже находящие смысл веры именно в том, чтобы исполнять эти правила как можно «ближе к тексту». Подобная фарисейская форма православия бывает похуже смутной и шаткой религиозности. Особенно когда она оправдывает власть, которая будто бы вся «от Бога». А то еще и говорят, что «за гробом России нет». Это фарисейское извращение христианства. Подобные извратители просто утратили чувство Родины и родства с собственным народом. Это ложное православие, в котором люди пытаются жить как в скиту, но при этом не хотят становиться монахами. Я говорю им: вы не умеете быть русскими, значит, не сможете быть и православными. Национальное на сегодня скрепляет русских между собой сильнее, чем религиозное.

Есть путь России и путь отдельного человека через православие. А есть ли путь к православию? Надо ведь до православия как-то дойти? Теперь его не впитывают с материнским молоком, с ранних детских впечатлений. Этот путь состоит в том, чтобы сначала попытаться быть русским. Родиться русским — невелика заслуга. Быть русским в наше время — тяжелейшая ноша. Ведь подавляющее большинство русских в лучшем случае ходит в храм свечки ставить. Времена изменились. Русский и православный — эти понятия на сегодняшний день нетождественны.

У молодых ниспровергателей всего и вся часто появляется желание ниспровергнуть родную веру наших предков — православие. И заместить ее этнографической выдумкой — «родноверием». Точно как «национал-социалисты» играют в «штирлицев», так и «родноверы» играют в религию, которой никогда не было. Не осталось от тех стародавних и очень разнородных и вазимвраждебных верований славян никакой традиции. Сотни лет в этих богов никто не верует, и даже что означают их имена надежно забыто. Поэтому «неоязычество» — это повод не только ни во что не верить, но еще и клеветать на православие, выдумывая самые дикие «соображения» на его счет.

Православие — это ортодоксальное христианство, христианство от апостолов. В нем нет ничего «иудейского», что так бойко пытаются ему приписать. Древние ветхозаветные тексты одинаковы, но выводы из них у христиан и иудеев противоположные. Нет ничего более жестко противостоящего, чем православие и иудаизм. Соответствующий поклон на христианство — самый бесстыдный из бесстыдных.

Для нас православная вера — это также и путь к пониманию сущности и задач государства, господства, власти вообще. Власть — от Бога. Но одна — в помощь, другая — в попущение. Попущение — это способ вразумить, вернуть на пути истинные. Раб Христов — то же, что «сороботник», сотрудник, соратник. Но знающий свое место и свое достоинство в священной иерархии традиционной государственности. Всякий по-настоящему верующий православный — монархист и консерватор, противник всякого социализма (даже если это «христианский социализм») и всякого либерализма.

Монархия — не панацея от всех бед, но наилучшее устройство власти. Скорее принцип, чем набор рецептов государственного управления и национальной жизни. Есть легкий для чтения Иван Солоневич, более сложный Иван Ильин, совсем сложный теоретик Лев Тихомиров. Ими развернута подробная аргументация в пользу монархии. А против, собственно, либералы и марксисты.

Монархия — форма правления и сумма институтов и принципов. При монархии может быть и парламент, и свободные выборы, и свобода прессы. В общем, все, что сегодня подразумевают под понятием «демократия». Только все это должно действовать принципиально иначе, чем сейчас. В условиях монархии могут существовать самые разные политические течения. Лишь бы они не посягали на основы. В этом смысле возможна и политическая демократия. А уж национальная форма демократии — и подавно. Такая форма демократии

как раз для монархии очень сподручна. Ведь когда-то и понятие «республика» не противоречило понятию «монархия». Например, в имперском Риме. Был и принцепс, и демократия, и республика (общее дело). Принцепс был гарантом республики.

Осознанный монархизм столь же редок, как и глубокая православная вера. Чаще этим бравируют, чем на самом деле привержены идее. Был всплеск романтического монархизма в середине 90-х, но сейчас сошел на нет. В некоторых слоях общества число монархистов было до 20%. Осознанно выбирают монархию не более 5% населения. Но если во власти будут вменяемые монархисты, то распространение монархической идеи может произойти лавинообразно. Ведь современные республиканские институты с очевидностью демонстрируют свою несостоятельность.

Религия — основа мировоззрения. Но религия — это не идеология. А без идеологии государства не существуют. Наше попыталось так существовать в последние два десятилетия — и дошло до маразма. Потому что какая-то идеология все-таки есть. Но не у государства, а у олигархии. Государство и олигархия — антиподы, у них противоположные цели. В том числе и духовные. Государство немислимо без религии — той самой этики совместной жизни, которая теперь стала расходным материалом для бюрократии. Олигархия не может быть религиозна, она готова мыслить религию только как «опиум для народа» и торговать всякого рода индульгенциями. Поэтому задача нации — в обретении истинной, традиционной и укорененной в истории веры. Православие — не инструмент, а задание.

Русский национализм должен опираться на православие. Но в реальности он на православие опирается лишь в некоторой степени. Потому что состояние русской нации таково: сначала надо почувствовать себя русским, понять, откуда ты есть, вспомнить о предках, а потом и о их вере. Становясь русским, приближаешься к православию. Те же, кто просто считает достаточным перешагнуть порог храма и свечку поставить, забывают, что Россия — подножие Престола Божиего. Есть такое поветрие даже в священстве — отречение от России «в пользу Христа». Эти «ветреники» не понимают, что таким отречением уже приняли на себя иудин грех. Поэтому для русского человека важно сначала быть русским. А к вере русский человек непременно придет.

У русских националистов (традиционалистов, национал-консерваторов) на первом месте Бог и Нация. И только затем Держава, Родина. Вне нации — охлос. Нация — это демос,

находящийся под руководством национальной элиты (аристократии) и национального лидера (в идеале — легитимного православного монарха).

Русская организация

Сейчас происходит смена поколений в политике. Рассыпается все то, что создавалось в 90-е годы. В тупик зашли и организации, созданные в последнюю пятилетку. Причина: непонимание политических процессов, приверженность «левым» (советским) догматам, неспособность к самостоятельной работе в малых группах. Последнее — основа будущей сетевой структуры Русского движения.

Но чтобы сложилась политическая сила, нужна идеология и оргструктура единомышленников. Многие торопятся объединять все, что под руку подвернется. Оборачивается это непрочностью организации, легким внедрением провокаторов, разного рода бредятиной в головах. Шума много, проку — чуть.

Мы часто впадаем в иллюзию единства в протесте. А что за протестом? В чем позитивная программа? Пока у Русского движения таковой нет. Поэтому нужно идти к единству через знания. И поддерживать друг друга с национальной позиции, которая должна быть максимально высока. Это требует профессионального роста. Не только демонстрации верности России-Руси, но и способностей утвердиться в этой жизни, не потеряв себя.

Мы, как в коммунистические времена, должны ждать, когда во власти либо все распадется, либо найдутся толковые люди, которые понимают, что «путинский застой» — смерть для страны. Время не для шума, а для спокойной работы по сплочению рядов, по выработке общего мировоззрения. «Своих» совсем мало, и мы соблазняемся широкими форумами. Меня больше интересует круг «своих». Он рыхлый и вялый. На кого положиться, если дела примут крутой оборот? Ситуация развивается так, что скорее надо будет не с властью бороться, а спасать страну. А с кем? С бестолковой митинговой массовой?

Не секрет, что в русском движении чего только не встретишь. У каждого второго свои «тараканы» в голове. Людям, у которых есть здравый скепсис по отношению ко всякой экстравагантности и склонность думать и рационально выбирать позицию, надо как-то сбиваться вместе. Тогда маргиналия отодвинется на обочину.

У нас теперь все в дефиците. Но главное, в дефиците научно обоснованная общественная мысль. Придумать какую-

нибудь «доктрину» у нас может каждый второй. И придумывают — кто в лес, кто по дрова. Многие торопятся: лишь бы найти самую распоследнюю истину и быстренько к ней присоединиться. На поверку выходит, что несколько лет затрачиваются, чтобы увидеть, на какую же нелепость ушли годы.

К политическим боям нужно готовиться. Одним — тренировать ораторское искусство, другим — налаживать связи с вменяемыми чиновниками, третьим — с силовыми структурами (где уже стоит стена между руководством МО и офицерским корпусом), четвертым — поддерживать физическую форму и круг верных друзей. Важно лишь, чтобы каждый кулик не звал в свое болото, полагая, что у него-то сухо и светло, а у всех других — одна топь.

Русским надо не придумывать оригинальные доктрины (все равно придуманное будет разве что корявым пересказом уже не раз высказанного), а способность учиться, искать учителей и формировать авторитеты. Не надо на пустом месте строить свои собственные соображения и выдавать их за идеологию. Идеологу следует стоять на плечах гигантов, тогда он имеет шансы быть замеченным и услышанным в народе.

Вопрос «куда идти?» уже делает человека потенциальным бойцом. Одни при этом могут подождать и суетиться в одиночку, другие могут создавать организационные очаги, третьи — прибиваться к тому, что уже образовалось. Все это правильно. Особых проблем в самоорганизации нет. Проблема в людях и том, что у них в головах. А в головах пока каша. Поэтому «скоро уже» — слишком оптимистическая оценка. Что-то скоро, а на что-то и жизни может не хватить.

На вопрос «куда идти?» должен быть здравый ответ, а не вопль. И ответ этот нужен вовсе не бабе Дусе с кухни, а интеллекту нации. Глушить его воплями — то же, что усыплять телевизионным «мылом». Личный подвиг — слава; личный пример — достоинство, а укор другим своим подвигом и примером — пустое дело. В этом и ошибка лидеров. Сначала надо сказать «куда», а потом поднимать в атаку. Иногда ради пользы дела лучше ничего не делать. Есть такой вариант позиции в шахматах: любой ход приводит к ухудшению.

Если честно смотреть на ситуацию, мы выглядим жалко. Спасти нас от постыдной слабости может только народ, если ему на роду написано выжить, а не погибнуть. А народу нужна идея, за которой он пошел бы. Идеи движут миром. А воспринимаются от лидеров. И где наши, русские лидеры? Мы сами их начинаем изничтожать, стоит им только проклянуться из скорлупы забвения.

Мы слишком шепетильны по отношению к лидерам. Хотя и знаем, что власть не берут в белых перчатках. Большевики спонсировались Генштабом Германии, Гитлер — еврейскими деньгами и т.д. Понятно, что не всякий компромисс допустим. Политизированная тусовка раздроблена частными компромиссами: каждый свой компромисс считает допустимым, а чужой — нет. Из-за этого невозможно найти вождя, которого не облили бы грязью. А кого не обливают, тот на компромиссы либо не способен, либо не желает их в принципе. Отсюда — пустопорожный романтизм и постоянные поражения.

Перед политическим лидером встает вопрос: преодолеть брезгливость и рискнуть или потерять шанс, отойдя в сторону. И вот тот, кто рискует, в наших глазах порой становится чуть ли не предателем. Меж тем этот риск, бывает, со ставкой ценою в жизнь при минимальных шансах выиграть. А если ставка ниже, то выиграть вообще невозможно.

План на эпоху перемен

Прогноз в нынешней ситуации не может быть полным и точным в силу элементарной закрытости стратегической информации. Явно одно: власти не способны и не хотят управлять страной. Они хотят только грабить ее. Если своровать нельзя, то интерес пропадает, и закупленное дорогостоящее оборудование может быть свалено как металлолом. Они совершенно не занимаются хозяйством. Они и не могут, и не хотят. Это значит, что режим рухнет. Но может еще протянуть долго, занимая (как и Ельцин) за рубежом. И затыкая дыры в бюджете чужими деньгами, а рты — репрессиями.

В то же время, не стоит преувеличивать устойчивость режима. Он покоится на инерции самосознания имущественных «верхов», которые очень медленно соображают, что режим намерен раздеть их до нитки, и на политтехнологиях, убивающих социум. На случай противодействия самостоятельным общественным инициативам у кремлян есть лишь несколько тактических шагов: а) подкуп инициаторов и превращение организации в марионетку, б) формирование параллельной структуры, которой дают на время эксклюзивные возможности в СМИ и денег, чтобы перебить волну интереса, г) организация волны клеветы, чтобы распугать сторонников. Все это было бы сложно преодолеть, если бы подлость этих «технологий» не сочеталась с подлостью их исполнителей.

Кремлянские технологи работают не на результат, а чтобы освоить (и присвоить) деньги заказчика. Это их главное занятие — оправдывать любой результат и охмурять высшее

руководство страны. Провал симбиоза властных и привлас-
тных жуликов состоится с неизбежностью. В тот момент, когда
затрещит по швам солидарность «верхов».

Власть не падет в одночасье, а будет осыпаться кусками.
Неизбежен раскол и грызня за уменьшающийся «пирог». Они
выведут Россию на грань небытия в ближайшие годы или даже
месяцы. И тогда все решится: достанет ли у нас сил не дать
развалить страну, как в 1991-м? Или Россия ужется, отдав
сепаратистам и интервентам огромные территории? На этом
переломе будущее определится малозаметными факторами,
может быть, даже волей отдельного лица. Эпоха перемен
только на подходе.

Гражданской войны не будет, ибо воевать гражданам меж
собой нет никакого резона. Война может быть между бюрок-
ратическими кланами, которые будут нанимать банды голо-
ворезов для контроля той или иной территории с источниками
жизнеобеспечения. При крахе управления страной граж-
данам надо будет отбиваться от этих банд (примерно как это
было в Аргентине). А меж собой надо будет не воевать, а со-
здавать общины и дружины самообороны.

Большевикам, чтобы развязать гражданскую войну, по-
надобился «красный террор» — массовые незаконные убий-
ства по всей стране. Вот так, конечно, гражданскую войну
подпалить можно. Но история никогда не повторяется, в ней
много случайного. Организаторы «красного террора» потом
перебили друг друга. Вряд ли кто-то захочет по доброй воле
повторить этот сюжет для себя.

Интервенция? Она нам не грозит. Интервенты уже здесь —
вон, в центре Москвы сидят на госдолжностях и в офисах
крупных компаний. Никакая иностранная армия не нужна.
Современные войны выигрываются без армии. А с армиями
в основном проигрываются.

Вооруженный путь разрушения либеральной олигархии
возможен. Если это не авантюра, а реально рассчитанный
риск с хорошими шансами на успех. Такой расчет может быть
только у людей, имеющих в распоряжении значительные
людские и материальные ресурсы и современные вооруже-
ния. Это дело военных и обученных, а не отставников, с тру-
дом пробигающих стометровку. Дело гражданских — леги-
тимация режима, правовые реформы и концепции, инфор-
мационная политика и пропаганда и т.д. Как известно, на
штыках долго усидеть нельзя.

Выводить противников режима на баррикады, чтобы там
они все и полегли, безответственно. Напротив, всем предла-
гаю свернуть публичную активность и направить все силы

на внутреннюю работу, на разрешение идеологических и организационных проблем. На публичных акциях нас власти очень ждут. Не будем убожать их подобными подарками. Есть дела поважнее. Например, кристаллизация идеи, альтернативной тем, которые оправдывают олигархию или живут при ней оппозиционерами-приживалами.

Идеологические проблемы обширны в силу загаженности общественного сознания всякого рода мусором — марксистским, либералистическим, социалистическим и проч. Огромная проблема связана с извращениями и фальсификациями русской истории, которые были масштабно проведены коммунистами, а теперь продолжаются либералами. Большая проблема с приверженностью части молодежи плачевному эксперименту нацистов. Пути разрешения всего этого — дискуссии, публицистика, обучение. Ситуация влечет людей к национализму. Он — единственное спасение. Но только если он опирается на Традицию без всяких «социалистических» и прочих «левых» дополнений.

По большей части никого и ни в чем убедить невозможно. Позитив: новые поколения, которые с трудом вспомнят, кто такой был Маркс, Ленин или Гайдар. Негатив: невежество разрушает социум, новые поколения с трудом вспоминают, кто такие были Пушкин, Достоевский, Суворов, Менделеев. Беда: у России нет времени, чтобы забывшие ненужное обучились бы нужному. Ждать 10—20 лет значит дожидаться распада страны.

К каким решениям необходимо склонить тех, кому рассыпающуюся страну все-таки надо будет спасти? К чрезвычайному режиму, который соответствует сложившемуся чрезвычайному положению. Советское законодательство выброшено на свалку, теперь подходит срок годности либеральному законодательству.

Мы должны перейти к сочетанию волевого управления и действия чрезвычайных законов, чтобы выйти из исторического тупика. Поскольку чрезвычайное законодательство не разработано, волевое руководство остается главным инструментом. По Ивану Ильину, национальная диктатура предшествует восстановлению основ традиционной российской государственности. Без этого не обойтись.

Диктатура — результат легитимного решения. Нынешние правители России вовсе не диктаторы, а тираны — их легитимность на нуле, их правовые новации безосновательны, полномочия присвоены произвольно и бессрочно. Диктатор, понимающий, что надо делать, за четыре президентских года может изменить страну принципиально. Даже понять некоторые депрессивные отрасли, где достаточно просто разог-

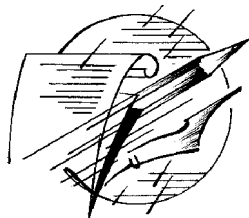
нать коррумпированное чиновничество. В краткий период диктатуры чистка власти должна приобрести системный характер. Аппарат всех уровней надо сократить раз в десять. Ввести строгий контроль за расходами семей чиновников и запретить им получать какие-либо доходы, помимо зарплаты. Изуверов и изменников — казнить. «Гуманные» меры по смягчению нравов ни к чему не приведут. Нужно волевое усилие. Причем «сверху». «Снизу» мозг граждан уже поражен телевидением, как раком. Тем же телевидением их надо и лечить. Право на доходы от полезных ископаемых должно касаться всех. Но это не повод, чтобы всем ручки сложить и быть рантье, пока недра не опустеют. Эти доходы просто не могут быть частными, вот и все. Направляться они должны на ключевые для страны проекты — на новую индустриализацию, развитие науки и высоких технологий, на вооружения и армию, на выход из демографической катастрофы.

Приоритета два: народонаселение и производство. Если говорить о социальной политике, то вся она должна быть демографической. То есть любые выплаты и пенсии должны быть направлены на разрешение демографической проблемы, в чем необходимо участие тех, кто получает от государства деньги. Например: пенсия по старости за присмотр за детьми. Пусть хоть на два часа в день. Налоговая система — исключительно для развития производства и стимулирование инвестиций. Например, такой принцип: за Уралом в России налогов нет. Возможны нюансы, но в целом принцип должен быть таков. Иначе не станет за Уралом России. А там уж придется отступать в границы Русской равнины, а то и Московской области.

Мы стоим на границе, за которой начинается новая эпоха, в ней России может не быть. Но если она преодолет «реформы» от Гайдара до Путина (а заодно и прихлопнет «красный реванш»), то у нас есть все шансы быть планетарными лидерами. Мы сами выбираем свое будущее. Не все вместе, но каждый. Если этого потенциала хватит, чтобы победить изуверов, Россия спасется. Если не хватит, то не будет страны — развалится еще раз на куски.

РУССКАЯ ИДЕЯ ОБЯЗЫВАЕТ

Констатируем почти очевидное: Россия гибнет, схлопывается, превращается, подобно Византии, из реальности в субъект исторической науки. Промышленность остановлена, армия развалена, наука ликвидирована, когда-то наше лучшее в мире образование теперь плодит чуть ли не дебилов, все импортное, в том числе и продовольствие, перекроют — и голод неминуем. Из нас высасывают нефть и газ, давая взамен бледно-зеленую бумагу. Мы — даже не колония, ибо уже не государство, а просто территория. И народ наш — уже не народ, а просто население, живущее сугубо личными интересами (да еще футболом) при полном безразличии к будущему нации. Везде страшная деградация — демографическая, умственная, культурная, нравственная. Нынешняя Россия напоминает козулю, на которую накинули удавку. И рвется красавица, мотает головой, хочет вырваться, но опытный охотник постепенно сдавливает веревку, и вот она уже на коленях, вот завалилась на бок и бьется в последних судорогах... Впрочем, скорее тут уместен образ, увы, куда более прозаический. Россия — это корова, из которой выдаивают последние капли молока. А она двигает челюстями и знать не хочет, что сзади уже стоит мясник, готовый ее порезать на мясо... Причем



ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

кошмар усугубляется. Если несколько лет назад подонки за сделанное им замечание сожгли человека на Вечном огне, то теперь за увещевание не мочиться в подъезде убивают священника. Вместо совести, чести, достоинства — деньги. Вместо любви, справедливости, жертвенности — снова баксы и еврики. Вместо честности, трудолюбия, ответственности — все те же деньги и деньги. Кажется, что любая деятельность — теперь лишь ширма, лишь способ добывания денег. Да и не кажется, а так оно и есть. В общем, такой безнадежной смуты, такой тотальной катастрофы Россия не претерпевала никогда.

Да как же так! Родина, горячо любимое Отечество, Русь Святая, Великая Россия! Да разве солнце твое закатилось? Это не умещается в сознании и многими отбрасывается: «Ведь и раньше не раз думали, что России хана, что уже она не поднимется. Однако ж она стоит себе; и сейчас как-нибудь выберемся». Но нынешняя ситуация — особая. Все предыдущие кризисы (о них будет сказано ниже) либо не затрагивали всей глубины народной, либо, как после Октябрьской революции, на месте разрушенного давали ростки нового, по-своему значительного. Нынешний же кризис, захватив всех, не дал никаких точек роста. Во всяком случае, их не видать — везде апатия, развал, мрак, грязь, мерзость. И сквозь них, как в угарном дыму, смутно виднеется наш народ — приватизированный, обманутый, тяжело гнувший спину, постоянно бедствующий и одновременно растленный, прилипший к телеящикам с жуткой, запредельной пошлостью. Причем гибнет не только простой народ, но и новорусская элита — несмотря на все награбленные богатства. Ее пустота, бездарность и недееспособность очевидны. Будучи прямыми виновниками нашего падения в пропасть, новорусские нувориши лишь вцепились зубами и когтями в собственность и ничего не делают, чтобы это падение (а значит — и собственную погибель) предотвратить. Гибнет, коллапсирует Россия, и сил, которые смогли бы препятствовать этому, не видно.

И все же надо взять голову в руки, думать, искать выход.

Прежде всего надо понять причины летального недуга. А причину, если мы и в самом деле христиане, надо искать не столько во вражьих кознях, сколько в себе, в своих грехах, в своем неисполнении воли Божией. И в самом деле, Господь сотворил народ русский, удивительный и прекрасный, одарил его многими поразительными качествами, дал возможность расплодиться и занять аж шестую часть мира. В об-

шем, дал ему статус народа богоизбранного. Но кому много дается, с того много и спрашивается: Господь требует от него осуществить замысел Божий о себе — русскую идею — замечательной красоты и высоты. Заметим, что созидание идеи любого народа — сотворчество Бога и народа, поскольку, дав людям (а значит, и народам) свободу, Господь, разумеется, помогает, но все же реализации ее ждет от свободной воли самого народа. Вот и народу русскому поставлена задача не просто осознать свою русскую идею, но и осуществить ее, реализовать в истории. Божественный источник русской идеи был понят давно. Четко об этом сказал еще в работе «Русская идея» (1888) наш замечательный философ Владимир Соловьев: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности».

Но какова она — русская идея? Вот тут уже разногласия. Впрочем, почти все русские интеллектуалы сходятся на том, что Россия должна хранить православие как наиболее чистую веру Христову. Безусловно, это верно, но уж слишком неконкретно. Все дело в том, как, в каком виде его сохранить? Ведь задача вовсе не сводится к тому, чтобы сохранить православие как музейную ценность (или, что то же самое, — только как богослужебную практику). Задача иная — сделать православие руководящим принципом, освящающим все стороны народной жизни: личной, семейной, экономической, государственной. А для решения этой задачи нужно созидание полноценного христианского общества.

Но если идти дальше, то сразу встает вопрос: какое общество можно считать подлинно христианским? Сразу попробуем это общество описать, причем как можно более простыми словами. По нашему убеждению, это общество должно быть охарактеризовано как *христианский социализм*. Можно и еще более конкретно: *православный социализм*. Разумеется, дело не в названии, а в том, что под этим понимается. Понимать же надо практически буквально. Как нас учили в школе? Социализм — это общественная собственность на средства производства. Вот и тут под социализмом понимается не размытая «социализация», а именно определенный экономический строй, в принципе аналогичный тому, который существовал в СССР (в сталинские времена). Слово же «православный» означает, что идеологию этого социализма образует не вера в коммунизм, как это было в Советском Союзе, а вера православная, вера в Господа Иисуса Христа, и именно ради Него и достижения Его Царства люди устраивают этот социальный строй. Устраивают, чтобы сохранить православие во всей чистоте и донести его до сердца каждого члена

этого общества. Заметим, что тут православие понимается не только как теория и практика личного спасения, но и как базовая идеология общества. Собственно, в этом нет ничего необычного. Именно так обстояло дело в Византии: там православие являлось государственной религией и образовывало идейный базис всего общества. То же самое было и в дореволюционной России.

Но вот тезис о том, что для торжества православия в социальном масштабе необходима общественная собственность и безрыночное хозяйство (а именно они составляет суть социализма), требует пояснения.

Начнем издалека. В чем кардинальное отличие русской цивилизации от западной? В том, что западный человек выше всего ставит собственную выгоду, наживу; для русского же главное — справедливость; она выше личной выгоды. Разумеется, абсолютизировать этот тезис не стоит — и на Западе есть справедливые люди, и у нас огромное количество эгоцентриков. Но речь идет о неких глубинных цивилизационных стереотипах, и думается, что тут два диаметрально противоположных мировоззрения, лежащих в основе противостояния Запада и России.

Конечно, западный человек в глубине души чувствует, что принцип справедливости бесконечно выше принципа личной выгоды. И более того, Запад пытался установить справедливость в своей социальной жизни. Вспомним утопии Мора и Кампанеллы, крестьянскую войну в Германии XVI в. под водительством Мюнцера, всякого рода утопических социалистов. Но на этом пути Запад потерпел поражение. Сначала ренессанс, а затем Французская революция и «великая трансформация» (термин К. Поланьи) положили в основу западного общества частную собственность и тотальный, объемлющий буквально все стороны жизни рынок. Принцип наживы, личного успеха, собственной выгоды стал не только господствующим, но абсолютно непререкаемым. Соответственно, приняв основы жизни, противоречащие истине Христовой, Запад, по существу, отказался от христианства, став исповедовать плюрализм. А само христианство деградировало, признав мамонические основы жизни за положительные христианские ценности.

В результате на базе комбинации «частная собственность плюс рынок» возник новый общественный строй с «либерально-рыночной» экономикой. Вот эту-то экономику христианство в принципе принять не может, ибо она на место Бога ставит мамону. А ведь Евангелие говорит абсолютно

четко: «Не можете служить Богу и мамоне» (Мф. 6, 24). Развернуть этот тезис можно, трояким образом охарактеризовав современную рыночную экономику. А именно:

1) *Экономика борьбы*. Она разделяет людей, ведя к атомарному обществу, обществу индивидуалистов и эгоистов, занятых собой и своей выгодой. Она ведет не к солидарности, а к войне всех против всех. Пусть это не «горячая война», а война экономическая, но от этого она не становится менее разрушительной. На ведение экономической войны человечество тратит огромные ресурсы (конкуренция, маркетинг, реклама, экономический шпионаж и проч.). И главное, нормой жизни становится не солидарность, а разобщенность.

2) *Экономика несправедливости*. Эта экономика несправедлива. Собственник получает блага не за труд, а лишь за факт обладания собственностью, конвертируя его либо в прибыль от предприятия, либо в ренту с земли, либо в ссудный процент — способы разные, но суть одна. А это означает эксплуатацию, поскольку на собственника работает кто-то другой. Факт несправедливости рыночной экономики давно и достоверно выяснен политической экономией. Это понимали и в XVIII, и в XIX, и в XX веках. И только фантастическая современная промывка мозгов мешает людям воспринимать эту истину как простую очевидность.

3) *Экономика растления*. Рыночная экономика провоцирует грех. Причем не какой-то один, а все грехи, ибо в рыночном обществе за деньги можно купить все, любые удовольствия. Грех в нашем падшем мире оказывается экономически выгодным, и потому раздувается до невообразимых пределов. Собственно, эксплуатация греха — главная «тайна» рыночной экономики и одновременно причина ее сатанинской живучести.

Если в XIX веке в основном обращали внимание на несправедливость и эксплуатацию человека человеком, то ныне главной проблемой становится «экономика растления», приводящая к духовной смерти подавляющее большинство человечества. И тут причинная зависимость жесткая: положив в основу частную собственность и рынок, который несравненно увеличивает силу и власть частной собственности, делая ее воистину всем и вся, мы в итоге получаем эгоизм, несправедливость, моральное разложение, разврат, жестокость общества.

Вот эта социальная причинность и свирепствует в России. Часто задаются вопросом: какова главная угроза существования России? Одни отвечают — коррумпированная бюрократия, другие — советский атеизм, третьи — пьянство

и наркомания. Все ответы правильные, но лишь частично. Все же глубинной сути они не ухватывают. Где же настоящий ответ? А он очевиден и заключается в безобидном и для многих очень привлекательном словечке «рынок». Именно он — глобальный рынок — и убивает Россию и ее народ. Как так? А очень просто: какую бы страшную нашу современную проблему ни привести, все упирается в рынок, деньги, мамону. Коррупция? — а что вы хотели? ведь деньги сейчас не просто главная, но единственная цель рынка. Пьянство, наркомания? — так ведь это же самые его прибыльные сегменты. Порнуха на телевидении? — так ведь какие бабки там крутятся! Строят в центре Питера кукурузу или фаллос Охта-центра? — помилуйте, там откаты непредставимые! И так все и вся. Что ни возьми — всегда окажется, что рыночно-денежное объяснение самое верное. Мамона нас настолько закабалила, что все — одни с наслаждением, другие с ненавистью — бегут за ней. Весь мир кружит вокруг мамоны свою страшную вакханалию. А та тщательно следит за поклонением себе, и поклонившимся дает богатство. И наоборот, если вы кланяться ей не хотите, то она отбирает средства к существованию, выбрасывает из социума, оставляет умирать голодной смертью. Именно мамона родит антихриста, если уже не родила.

Но вернемся к русской идее. Выполнила ли Россия завет Господа по ее реализации? Нет. Хотя нельзя сказать, что уж совсем не старалась, но результата она так и не достигла. А что происходит с теми, кто не выполняет волю Божию? Их Господь наказывает — неважно, будет ли это отдельный человек или целый народ. И наша русская история, если в нее всмотреться, полна таких наказаний.

Надо сказать, что предупреждения свыше нам давались не раз. Причем как раз в те моменты, когда уже народ не находил в себе сил земными средствами исправить положение.

Татарское иго. Тут речь шла о самом существовании Руси как государства (ибо только в рамках такого единого государства только и возможно создание праведного общества). Русь разлеталась на отдельные княжества и «перелеты» князей с менее престижного стола на более престижный уже не служили достаточным ее объединителем. Татарское иго не убило народ, но показало ему совершенную необходимость создания единого, централизованного, могучего государства. И государство было построено, причем максимально централизованное, с царем, т.е. по образу Царства Небесного. Это и обусловило дальнейшее расширение владычества Руси. Наказание пошло на пользу.

Раскол. Казалось бы, это событие трудно привязать к социальной истории Руси. Но думается, что привязка есть. Русские всегда воспринимали Бога сердцем, через красоту, но не через ум. Застой мысли, не только богословской, но и социальной и научной — увы, наша болезнь, приводящая к постоянному желанию бездумно брать что-то со стороны. И вот во времена Алексея Михайловича Русь, до этого успешно строившая свою цивилизацию, вдруг усомнилась в этой цели и стала (в лице верхов) изменять собственной идентичности. Появилась мода на западные одежды, началась реформа богослужения — лишь бы было как у греков. Народ отреагировал на это расколом, эсхатологически острым, но опять-таки ставящим букву выше смысла. Единство православия русского надломилось. Это был первый звоночек, нашим национальным сознанием почти не расслышанный. Лишь в самом конце XIX и начале XX века наши богословие и наука сумели освободиться от инородного влияния и расцвели. Но долгий период застоя дал о себе знать — наша социальная мысль так и не успела возвыситься до осознания сути русской идеи и, тем более, передать эти идеи властно-политической элите. Что и имело роковые последствия.

Октябрьская революция. Набиравшая силу централизованная Россия, старалась реализовать свою идею христианского социального государства. Долгое время она пыталась внедрить «раздаточную экономику», когда распределение благ делается не на основе рынка, а принципиально иначе — государством, которое стало раздавать земельные поместья за службу. Но так действовать оно могло только по отношению к тонкой прослойке населения — дворянам, в обязанность которых вменялась государственная служба. Остальная же масса населения должна была экономически (и даже буквально) обслуживать дворян, вплоть до крепостной зависимости. Но позже (при Петре III) обязательность службы помещиков была отменена, что больно ударило по принципу справедливости, державшему в равновесии все русское общество. Отмена же крепостного права привела к раскручиванию капиталистического маховика. Россия, забыв о своей русской идее, рьяно принялась догонять Запад в деле построения либерально-рыночной экономики. Народ русский очень хорошо почувствовал чуждость этого образа жизни, силясь, во что бы то ни стало, сохранить крестьянскую общину. Но, увы, наша власть оказалась неизмеримо ниже поставленной перед Россией задачи. Она думала, что крестьянская община стоит на пути к всеобщему благополучию, к вхождению России в семью цивилизованных народов, и, ста-

ло быть, общину нужно было сломать — это и старалась сделать столыпинская реформа. Однако вместо процветания Россия ждала экономическая и культурная оккупация со стороны Запада. Перед Первой мировой войной треть промышленности и более половины финансового капитала были в иностранных руках. Россия была в шаге от полного идейного краха русской идеи.

Тогда Господь не допустил этого — мамонический капитализм так и не наложил свою лапу на Россию. Но сил возвыситься до православного социализма у народа не оказалось. Социализм, идея которого гуляла тогда по России, был откровенно атеистическим; бывшие же в очень небольшом числе христианские социалисты-священники Церковь отлучались от служения и извергались из сана (свящ. Григорий Петров, архим. Михаил Семенов). Тогда в страшной социальной смуте были наказаны все — и власть, и элита, и Церковь, и народ. В результате в России установился особый, доселе невиданный социальный строй — коллективистский — с экономическим укладом в виде социализма, с опорой на общественную собственность, но с атеистической и даже богоборческой идеологией. Строй этот был противоречив: с одной стороны общественная собственность на средства производства и нерыночный принцип распределения поставили заслон (пусть частичный) мамонизму и разврату; но с другой стороны, в силу материалистической идеологии, строй этот был предназначен для достижения сугубо атеистических, земных целей счастья и благополучия.

Особо подчеркнем, что советская экономика была нерыночной. Настоящий рынок — это когда цена товара определяется рыночной конъюнктурой. В СССР же цена определялась директивно, чиновниками Госкомцен. К тому же критерием успеха была не максимизация прибыли, а выполнение плана. Это совсем другая экономика, не рыночная, а «раздаточная». Люди служили государству, и за это получали средства к существованию, только не меньшинство, как в Московской Руси, а все. И существовавший тогда «рынок» был лишь механизмом тотальной системы раздачи, а «деньги» служили средством справедливого, «по труду», распределения. Такая экономика, если она верно построена, может избежать тех страшных и неустрашимых пороков рыночной экономики, о которых мы говорили выше. Но у нее есть свои проблемы, лежащие в сфере мотивации труда.

Уже с первых шагов шествия нового строя большевики почувствовали, что он не может поддерживаться сам собой, естественным образом — уж слишком много у него против-

ников, ставящих свое выше общественного. Какая сила может обеспечить стабильность нового общества? Отвечая на этот вопрос, разумно обратиться к наследию нашего замечательного православного мыслителя Н.Н. Неплюева, который считал, что общество могут держать только три силы: любовь к человеку, корысть и принуждение. Стимул корысти, на котором держится весь западный мир, наш русский социализм отверг. Оставались любовь и принуждение. И обе силы большевики старались использовать.

Любовь к человеку... Нельзя сказать, что советский строй вовсе ее отрицал. Наоборот, о лояльных гражданах он все же заботился, давая не только моральные награды, но и материальные блага, скажем, бесплатные квартиры. Это можно рассматривать как «любовь к дальнему», что, хотя и не заменяет подлинной христианской любви, но в условиях тяжелой русской жизни отнюдь не маловажно. Но богоборческий идеологический фильтр полностью отрезал единственный живой источник любви — Бога. А потому любовь в коллективистском обществе вскоре высохла, выродилась в идеологические штампы, над которыми смеялись даже дети. Оставалось лишь насилие, принуждение. Оно и было применено как принцип хозяйствования, причудливо перемешиваясь с энтузиазмом. Однако принуждение принуждению рознь. Есть насилие ради насильника — это высшая несправедливость, с которой наш народ никогда не мирился. Но есть принуждение ради всех, ради сохранения целого, как вынужденность, как дань падшести человеческой — иначе не будет вообще ничего. И народ наш, понимая не только необходимость, но и справедливость такого принуждения, смирился с ним, впрягшись в социальную упряжку атеистического социализма, что и позволило Советской России достичь замечательных успехов.

Особенно потрясает стойкость нашего народа в Великой Отечественной войне. Эта Великая Победа показала кардинальное преимущество коллективистской экономики в эффективности. Всего за два-три месяца полторы тысячи предприятий были переведены за Урал и в Среднюю Азию, став давать оборонную продукцию. В кратчайшие сроки было спроектировано и налажено производство самых современных образцов вооружения. План, дисциплина и личная ответственность сделали, казалось бы, невозможное. Справедливость коллективистского строя была настолько глубоко воспринята народом, что, защищая его, он проявил невиданный доселе массовый героизм. Этот подвиг нашего народа — величайший во всей истории человечества.

Переворот начала 90-х. После смерти Сталина новое руководство, не понимавшее принципов функционирования коллективистского строя, резко ослабив принуждение (ликвидация ГУЛАГа), снова оказалось перед проблемой трудовой мотивации при социализме. И не придумала ничего лучше, как опять ввести, казалось бы, уже навсегда отброшенный фактор материальной заинтересованности, а проще говоря — наживы. Экономическая реформа 60-х ввела хозрасчет и самоокупаемость, разрушив своеобразный, но уже слаженно работающий социалистический механизм хозяйствования. Производство не стало эффективней, а вот коллективистская идеология была сильно размыта, а потом и исчезла вовсе. Благодаря теневой экономике личное обогащение снова стало набирать обороты и принцип наживы снова впитался в души людей. Наконец, ментальность всесильной бюрократии, управлявшей, но жаждущей еще и владеть, пришла в резкое противоречие с принципом общественной собственности. И последняя была ликвидирована в ходе контрреволюции начала 90-х. Эта чудовищная социальная и нравственная катастрофа и поставила Россию на грань бытия. Если в советский период надежда на то, что Россия все-таки реализует свою русскую идею, сохранялась, то сейчас, после двадцатилетнего господства мамоны в России, эта надежда стала эфемерной.

Раньше Россия с двух противоположных сторон пыталась все же исполнить свое метаисторическое (а лучше сказать — метафизическое) предназначение: со стороны православной, построив империю с Православием в качестве государственной религии, и со стороны социалистической, построив мощное социально-ориентированное государство с социалистической экономикой. И лишь трагичное неумение сочетать оба эти начала не давало России реализовать свое предназначение. Теперь же мы отошли от обоих начал: мерзопакостнейший либеральный капитализм не только уничтожает любые следы бывшего социализма, но и выстраивает под себя антихристианскую идеологию наживы, успеха, богатства, вседозволенности и растления, выдавая все это за норму жизни. Причем идеологию очень действенную, наживку которой заглотали и верхи и низы: в рынок погружены все, он тотально определяет содержимое душ и олигархической элиты, и простого народа, едва сводящего концы с концами. Первые хотят из миллионеров стать миллиардерами. Вторые — выбиться из нищеты в люди, иметь пару-тройку машин, квартир и вилл, ездить на Канары и лечиться в элитных поликлиниках, и они посылают проклятия первым, заграбаставшим все под себя.

Сбросить с себя удавку рынка народ и не может, да и не хочет. Так что сейчас мы дальше от реализации нашей русской идеи, чем в любой прошедший момент нашей истории. И естественно, перед патриотическими силами постоянно маячит неотвратимый вопрос: а что же делать?

И в самом деле, что же делать? Ведь надежд, что народ сметет эту мерзость, нет. Совки вымирают, а их место занимают люди совершенно иной ментальности, так что даже говорить об идентичности русского народа сейчас проблематично. Воистину грядут «новые русские» — неважно, богатые или бедные. И задача патриотических сил — не организовать революцию, а суметь отвоевать в душе этих новых «марсиан» уголок для подлинной русской идеи. Тогда остается надежда. Тогда, уповая на помощь Всевышнего, можно еще чаять в будущем воссоздания Святой Руси не в мечтах, а в исторических границах нашей Родины.

Но беда в том, что само понимание русской идеи затемнено даже среди лучших русских умов. Патриотическая среда расколота на «коммунистов», желающих восстановить советский строй с его социалистическим хозяйством и уныло-атеистической идеологией, и «монархистов», видящих идеал в православной монархии и дореволюционном сословном обществе и совершенно не понимающих, что частная собственность, за которую они вместе с дореволюционной Россией ратуют, неизбежно приведет ее в мамонизм — ведь это у нас прямо перед глазами. А ведь нужно не повторение пройденного (оно уже показало свою недостаточность), а творчество нового, еще не бывшего, созидание синтеза православия и социализма. Жизненную необходимость этого синтеза ощущает очень небольшая часть патриотических сил. А если и ощущает, то весьма расплывчато. Теория православного социализма совершенно не разработана, цели его не поняты, черты его не конкретизированы.

Особо следует сказать об отношении к русскому социализму нашей Православной Церкви. Ведь без Церкви никакого православия нет и быть не может. Но увы, наши батюшки упорно рассматривают православный социализм как ересь, как попытку построения рая на земле, что (якобы) запрещено книгой Откровения Иоанна. На самом же деле батюшки не верят в возможность подлинного возрождения России как великой цивилизации. Да оно им и не нужно — ведь они ведут свою паству в Царство Небесное, и любая социальная «утопия» только отвлекает от шествия по этому узкому пути. Они вполне довольны существующим положением

вещей: они уважаемы, независимы и от властей, и от своей паствы, имеют возможность заниматься своим душеспасительным делом. А что касается финансирования, то они прекрасно находят спонсоров, которые за спасение в вечности могут отвалить даже значительную часть своего богатства. Вот и получается парадоксальная ситуация — у нас все больше храмов и все богаче они украшены, и, тем не менее, все ниже общий уровень нравственности, образования, честности, все глубже погрязает народ в трясине мамонизма, все меньше шансов на возрождение России. Тут бы и задуматься батюшкам, что, может быть, и в самом деле их проповедь — все равно что сыпать в худой мешок: сколько ни учи добру, но мамоническое общество все равно будет учить другому, противоположному; что труд их в таком обществе все более походит на сизифов, и к воротам Царства они и в самом деле приведут не народ русский, а лишь «малое стадо». Впрочем, об этом и в евангельской притче о сеятеле сказано: «А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но заботы века сего и обольщение богатства заглушает слово и оно становится бесплодно» (Мф. 13, 22). Услышать смысл притчи надо не только слушающему, но и проповедующему: «терние» должно быть заменено доброй социальной землей — тогда и проповедь будет куда эффективнее. Но пока подвижек в церковной среде в направлении социализма нет, и не видно, когда они появятся. А раз Церковь вне идеи православного социализма, то вести о нем речь можно только теоретически.

Так что ситуация настолько серьезна, что вопрос «что делать» ответа в практическом плане не находит. Тогда необходимо сказать о том, «что будет». Будет же скорее всего скорбь и плач. Дело в том, что русская идея **обязывает**. Она — не пустое прекраснородушное мечтание, а тяжелый крест, возложенный на наш народ самим Господом. И самовольное схождение с этого креста в пошлую и плотскую рыночную экономику означает предательство Бога и безусловную гибель нашего народа. Этого Господь не хочет. И потому, несмотря на тяжесть ситуации и огромную удаленность нашего народа от выполнения данной ему свыше идеи, сама задача реализации православного социализма с русского народа все равно не снимается. А значит, следует ждать мощного действия Божиего, которое пробудит народ и создаст условия для воплощения этой идеи. Только действие это вряд ли будет мягким — состояние нашего народа настолько плачевно, что требуется жесткая встряска. Предугадать, что это будет — гражданская война, интервенция или что-либо другое — автор не берется. Можно лишь предположить, что нас постиг-

нет тяжелейший социальный катаклизм, перед которым все, что пережили мы за последние двадцать лет, — лишь мелкие неурядицы. Не дай Бог! Никто этого не хочет — у всех дети и внуки, по спидам которых и будет хлестать грядущее социальное ненастье. Но иного способа вывести народ из теперешнего тупика у Господа, по-видимому, уже не остается.

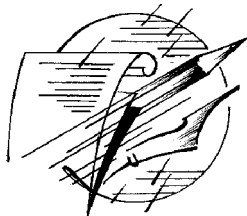
Но и отчаиваться не нужно. Господь милосерд и всегда сочетает наказание с возможностью вылезти из ямы. Может быть, именно после потрясений, после тяжелых потерь, как людских, так и территориальных, ментальность нашего народа претерпит изменения. И тогда будет возможно все — в том числе и православный социализм с православной монархией вкупе. Только надо крепко стоять в правде Божией, и непрестанно молить Его, дабы смягчил Он суд над Своим любимым и избранным, но уклоняющимся от Его воли русским народом.

О РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

События, произошедшие на рубеже столетий, вновь и вновь заставляют обращаться к вопросу о месте и роли российской интеллигенции в судьбе нашего Отечества. Тяжелые времена, окаянные дни обрушились на нас, и страна оказалась на изломе.

Меняются правители, но жизнь простого человека не улучшается. Нация вымирает, деградируя физически и нравственно, а в это время кучка дельцов и негодяев продолжает делить и перераспределять собственность, вцепившись мертвой хваткой в то, что не так давно называлось народным достоянием. Мы все являемся свидетелями не только невиданного доселе грабежа и казнокрадства, но еще и духовного отравления общества. Миллионы детей оказались бездомными, выброшенными из процесса воспитания и обучения. В массовом порядке уничтожаются исторические памятники. Обман и насилие, пьянство и наркомания захлестнули города и села. Женское тело стало расхожим товаром как здесь, так и на вывоз, за рубеж.

Больно и стыдно смотреть на наших голодных попрошайничавших стариков, замерзающих в неотопливаемых квартирах. А ведь это те, кто еще совсем недавно защитил страну от порабощения иноземцами, кто отстроил и облагородил ее.



ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Теперь многое пошло прахом, хотя мощный хор подхалимов каждый день твердит о том, что идет невиданное возведение нового здания России. Наглая ложь, но ей продолжают многие верить. Разразившийся новый экономический кризис со всей очевидностью показал, что у России совершенно искаженная сырьевая экономика, слабая социальная защищенность человека и раздавленные реформами армия и флот.

О причинах распада и уничтожения нашего Отечества, о виновных в том можно говорить бесконечно, а можно сказать коротко: «Мы все виноваты». Одни по злему умыслу, другие — из-за своей беспечности и попустительства.

Но сегодня речь о российской интеллигенции, о поводе ре народном, о ее месте и роли в бурных событиях на рубеже веков. Не о той, у которой всегда найдутся и второе гражданство, и вторая родина.

Речь о тех, кто сколько-нибудь считает себя сутью народа, его наставниками, о тех, кто вышел из глубины народа и, думаю, еще помнит и чтит своих предков, о тех, для кого патриотизм и нравственность — не пустые понятия. К людям без памяти и совести обращаться уже бессмысленно.

Российская интеллигенция, к сожалению, не смогла победить в войне мировоззрений, а в чем-то и сама стала разрушителем народной самобытности, нередко безудержно и слепо восхваляя западный образ жизни. Она забыла то, что Россия представляет собой особую цивилизацию на земле, и относиться к ней надо не только с гордостью и великим уважением, но и с большой бережливостью. Особенность и самобытность всегда раздражали недругов России, стремившихся разрушить ее, переделать по своему образу и подобию. Не получилось в открытых столкновениях — пошли на обман, на разложение цивилизации изнутри.

И здесь уместно напомнить некоторые моменты из истории, из того, как наши недруги планировали разрушить СССР в годы «холодной войны». Сначала им надо было посеять хаос, незаметно подменить наши ценности и заставить верить в фальшь, затем — добиться окончательного, необратимого угасания самосознания русского народа. Из литературы и искусства вытравить социальную сущность, отучить художников запечатлевать те процессы, которые происходят в гуще народной жизни. Литературу, театры, кино заставить изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства: распущенность, насилие, садизм, предательство, безнравственность. Честность и порядочность отбросить за ненадобностью. Проповедовать хамство и наглость, ложь и обман, распространять пьянство и наркоманию, животный

страх друг перед другом, сепаратизм, вражду между народами, ненависть друг к другу и прежде всего к русскому народу. Об этом говорилось и писалось в конце сороковых, начале пятидесятих годов. Сейчас, к сожалению, приходится признать, что многое из того, что намечалось, оказалось свершившимся фактом.

Советский Союз не удалось уничтожить войной, прямой вооруженной агрессией. Уничтожили изнутри. Нашлись и люди, своя «пятая колонна» внутренних разрушителей. Кто они? Нет сомнений, это те, кто зачистил тогда в американские, немецкие, английские представительства в Москве, так называемая демократическая элита. Они и сейчас у власти или в самой власти.

А что же российская интеллигенция? Надо сказать, что она разная. По одну сторону и, к сожалению, в меньшинстве, оказались настоящие патриоты Отечества — Николай Губенко, Валентин Распутин, Эдуард Володин, Василий Белов, Татьяна Дороница, Василий Лановой, Михаил Ножкин и другие, вокруг которых объединилось наше национальное духовное сопротивление, не позволившее окончательно втоптать в грязь самобытность России.

По другую сторону собрался беснующийся бомонд из тех, кто поддался соблазну легкой жизни, витиеватым речам младореформаторов-пустозвонов и якобы прозревших от партийного обмана великовозрастных перевертышей и приспособленцев из членов политбюро, обкомовских и цековских секретарей, а также главных редакторов и писателей, ранее восхвалявших советскую власть, а ныне ее поносящих. Бомонд, которому высветлили витрину западного общества, но не показали грязные кварталы бездомных и нищих. И вся эта огромная «творческая» толпа вдруг решила для себя, что она, дай только развалить Союз, вся будет на витрине, а не на задворках общества. Она решила на штурм, свергая и круша государственные устои, избивая свое прошлое, насмехаясь над своими родителями, старшим поколением.

Вспомним многотысячные, шумные московские митинги, пикеты и шествия, собрания и съезды, братания и поцелуи с националистами из Прибалтики, Украины и Закавказья. Вспомним выборы в президенты главного растлителя России — беспробудно пьяного Ельцина, невиданное казнокрадство и распродажу страны, нравственное разложение власти и растление общества.

Но кончился пир, демократический шабаш, многие отошли от дурмана речей и обещаний, очнулись и замерли в оценке.

Где же теперь великая страна и где сама эта интеллигенция? А она ныне — на задворках, в помойной яме, и как нищенка, стоит с протянутой рукой за куском хлеба. Ученые, технические специалисты сотнями тысяч покинули страну или пошли на вещевую барахолку, стали торговыми перевозчиками, врачи замерзают в больницах, учителя перекрывают трассы, чтобы им выдали даже ту унижительную заработную плату, которую воспетый ими ельцинский, а потом и путинский режимы издевательски определили им в благодарность за их поддержку на выборах. И вот уже пошли роптания — дескать, опять обманули, не того хотели.

Но сколько можно обманываться просвещенному гражданину, делать ставку в политике на случайных людей и шарлатанов, лицемеров и просто казнокрадов! Сколько же можно верить фальсификаторам правды и истории сванидзе и карауловым, павловским и михалковым, лакействующим «единороссам», речам двуликого Жириновского, Явлинского, Хакамады, Чубайса, для которых частная собственность превыше всего, превыше Родины и ее будущего. Правда, российского интеллигента кое-где допустили до власти, до работы в театрах, на телевидении, в газетах, на некоторые посты в министерствах и ведомствах. Но пустили только с одной целью: чтобы не столь заметной внешне была вопиющая экспансия одной нации, у представителей которой по двести родины и несколько гражданств. Чтобы эти интеллигенты, будучи ширмой, и впредь служили разрушителям государства, удерживая в смирении голодный и обобранный народ.

Дали, скажем, возможность Олегу Табакову управлять МХАТом, но тут же изгнали из оркестра русского гения Е. Светланова, а из руководства Большого театра выпроводили Васильева.

И эта интеллигенция смолчала, все снесла. Ее в большинстве своем захлестнули рвачество и боязнь за собственное благополучие. Она не протестовала против бывшего министра культуры России М. Швыдкого, одного из растлителей народа, ненавистника русской духовности и нравственности, который, как кажется, готов вместе с ему подобными вывезти за рубеж все российские культурные ценности. Ведь наша страна для них — не любимая Америка и не дорогой сердцу Израиль.

Эта российская интеллигенция в своем историческом беспомыслии, определив изъяны прошлого, не смогла или не захотела защитить справедливую и разумную, человеческую основу социализма, поднявшего с колен, вырвавшего из нищеты и невежества огромные пласты народа, который сегод-

ня опять толкают в яму, в дерьмо, называя его быдлом. Но в эту же яму медленно сползает и сама продажная интеллигенция. Она забыла то, что война настоящего с прошлым всегда вызывает потерю будущего.

Сложной оказалась судьба нашей страны в XX веке, и оценки событий не могут быть простыми, но они должны быть объективными.

К сожалению, в отражении отечественной истории интеллигенция — с подачи забугорных кукловодов и их приспешников — скатилась на зарубежные штампы, на их миропонимание, их взгляд на наше прошлое. А эти штампы — вульгарные, искаженные, они отупляют и унижают нас, русских. Начав спор с прошлым, отечественные фальсификаторы спровоцировали мощную кампанию по дискредитации России и за ее пределами.

Чем все это объяснить? Стремлением выжить на подачку иностранных спонсоров в столь сложное время? Возможно и так, но пасквили на нашу жизнь выплескивают за рубеж именно они, представители преуспевающей, зажившей «творческой» интеллигенции.

Время, конечно, все расставит по своим местам, но не хотелось, чтобы объективные оценки новейшей истории были даны через 30—40 лет.

В том, видимо, и состоят корни российской трагедии, что мы крепки задним умом, и даже тогда, когда делаем правильные выводы из прошлого, не можем или не хотим ими воспользоваться в настоящем. Так и идем — спотыкаясь, в кровь разбивая лицо, ломая руки и ноги.

В истории всегда есть параллели. Она сама рано или поздно повторяется в жизни народов, государств. Они, интеллигенты, страшному суду предают октябрьский, 1917 года, штурм Зимнего дворца, зато за проявление демократии выдают октябрьский, 1993 года, государственный переворот и расстрел Б.Ельциным Верховного Совета Российской Федерации.

Многие отдают дань уважения великому реформатору России Петру I, хотя и он трупами вымостил дорогу в Европу, построив Петербург на человеческих костях. Восхищаются им, собравшим огромную империю, и тут же аплодируют бездарному правителю Ельцину, промотавшему по пьянке и пустившему под откос великое петровское детище, достояние всего российского народа. И нет большего кощунства, чем назвать государственную президентскую библиотеку страны его именем. Именем человека невежественного, распущенного и интеллектуально убогого.

Что это? Мещанское невежество, незнание судьбы Отечества, а может, лакейство перед властью? Видимо, и то, и другое. Однако история — вещь упрямая, и ее нельзя пропалывать и кромсать по субъективному усмотрению, как это происходит последние два-три десятка лет.

Даже прекрасный в прошлом писатель В.Астафьев договорился до того, что объявил Великую Отечественную войну 1941 — 1945 годов преступной для нас войной.

Добросовестный и хоть немного знающий человек не станет повторять откровенную чушь, подброшенную нам зарубежными провокаторами, об уничтожении в советский период 100 миллионов человеческих жизней.

Но интеллигенту-мещанину вовсе не хочется напрягать память, не хочется полистать страницы книг и справочников — проще ведь повторить фальшивку, собезьянничать.

Так и продолжают они проклинать «сталинские репрессии» и «переселения народов», не желая осудить даже морально убийство почти миллиона людей на территории бывшей СССР — в межнациональных столкновениях после его умышленного разрушения, а также уничтожение русских жителей в Чечне. Не хотят признать того факта, что в начале 90-х годов прошлого века территория бывшей империи покрылась нескончаемыми потоками обездоленных беженцев.

Потому ведь не хотят, что так называемая интеллигенция — в лице михалковых, быковых, быстрицких, фатеевых, евшенков и прочих бывших звезд советской культуры и искусства — возвела под руки на государственный олимп Б.Ельцина, погрузившего потом страну во мрак, а народ в горе и нищету. Его правление обернулось для всех нас демографическими потерями в 12 миллионов человеческих жизней, откровенным геноцидом, за который надо отвечать, в том числе и нравственно, всем тем, кто так воспевал ельцинскую опричнину.

О русской интеллигенции, поводеyre народа, написано немало. Великие мыслители и писатели Ф.Достоевский, К.Левонтьев отмечали в ней одну примечательную особенность, наследственную и приобретенную, — ее лакейство перед властью. Конечно, это относится не ко всем ее представителям, но что изменилось к окончанию XX столетия, началу нового века? К сожалению, мало что или совсем ничего.

Мы вновь увидели вереницы «народных» и «заслуженных», лауреатов и соискателей, восхвалявших и льстиво взиравших на разрушителей Отечества — Горбачева и Ельцина, а потом с таким же подбострастием ставших слепо воспевать популистско-лицемерное правление Путина и получать в ответ правительственные награды.

Не в этом ли причины разложения власти, ее пороков, не в этом ли корни зла и автократии? Да, именно в этом. Ибо тираны и мерзавцы больше всего на свете бояться смелого слова, честных и великих книг, чего сейчас так не хватает России.

Нынешняя интеллигенция во многом виновата перед своим народом и прежде всего в забвении родников и корней родительских, в том, что на земле российской возникло общество без морали и нравственности.

Виновата в том, что позволила себя разобщить, отдала театры, газеты, телевидение, медицину, образование, культуру в руки тех, кто ненавидит русский народ и лишь ловко маскируется в своей ненависти к нему.

Она уже с теми, кто с умилением множит исторические фальшивки, кто выплескивает один за другим пасквили на российские армию и флот, на наш быт, на талантливый русский народ, изображая его вечно пьяным, никчемным, диким.

Требуя постоянного покаяния от народа, интеллигенция убивает в нем чувство гордости, собственного достоинства, подавляет его стремление к созиданию и подвигу, к самопожертвованию ради России.

Нынешняя интеллигенция виновата и в том, что перестала защищать униженных и оскорбленных, тех, кто кормит и обогревает страну.

Она виновата в том, что позволила надругаться над пожилыми людьми и сама участвует в нравственном и духовном растлении молодого поколения. А ведь еще великий русский историк Ключевский предупреждал, что конец Русскому государству будет тогда, когда разрушатся наши нравственные основы.

Советского Союза уже нет, а что же будет с Россией? Способна ли об этом задуматься нынешняя интеллигенция? Задуматься и над тем, что за ельцинско-путинское правление количество школьников в стране сократилось на 6,5 миллиона человек. А ведь это главный удар по нашему будущему. Но она вновь молчит, боится или не желает спросить с власти за этот чудовищный детский урон.

Она молчит о судьбах народов и страны. Ей уже не хватает просвещенности и стремления нести людям знания. Она теряет ум и такт, позволяет с экрана телевизора и с театральной сцены растлевать и втаптывать в грязь великий русский язык, без которого не будет российской государственности, погаснет родительский очаг.

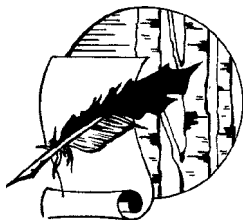
Она виновата и в том, что юноши новейшей истории уже мало что знают о Великой Руси, о Советском Союзе, об Ук-

раине и Средней Азии, не знают, где находятся Киев и Минск, Ташкент и Баку, не знают о недавнем славном прошлом своего Отечества. Нашим школьным учителям всегда был свойственен разумный, благородный консерватизм, но и он уходит в былое вместе с глубоко нравственными школьными программами по русскому языку, литературе, истории. Уже министерство Фурсенко заставляет наши школы отказываться от Лермонтова и Некрасова, но с великим рвением навязывает школьникам Бродского и Пастернака, которого еще нобелевский лауреат И. Бунин называл писателем в кавычках.

Интеллигенция столько исписала и наговорила о праве народов бывшего СССР на свободу — правда, неизвестно от кого — что русских сделала изгоями в собственном отечестве. Но теперь она как бы не замечает того, что в «свободной» Прибалтике ставят памятники солдатам СС, палачам славянства.

Конечно, нельзя обвинять во всем и тем более всю российскую интеллигенцию, но она виновата в том, что позволяет негодяям припеваючи жить в нашей стране, зачастую раболепствует перед ними и потворствует им.

А может быть, у интеллигенции и нет уже истинной интеллигентности?..



Валерий САМАРИН

ТЯЖЕСТЬ РОСЫ

ГОСУДАРЬ

Трава густа, роса тяжеловата.
Но я-то взял косу в поводыри
И так пошел — раскосо, угловато,
Как хаживали прежде косари.

Дремучим царством мне земля казалась.
Восток напоминал живую печь:
Там все сильнее солнце разгоралось,
И вся природа обретала речь.

И за косой, как предок мой за плугом,
Я шел с веселым солнечным лучом.
И было время ни о чем не думать,
И все-таки я думал вот о чем.

Пошли, как волки, дико, зверовато,
Валя народ, другие косари.
Взамен косы у них мерцает золото —
Его они берут в поводыри.

А мне дороже золотое солнце,
Что дарит свет и радость бытия.
В закатный час я вижу в нем оконце,
То, за которым ждет меня семья...

Я уходил и возвращался снова
И днем другим опять косил траву
Как будто шел из времени бывшего
В те времена, в которых я живу.

И не с того ль, болотной птице внемля,
Я слышал голоса и там и тут:

— Цари-то наши собирали земли,
А ваши кто, коль земли раздают?

Но я молчал, оглядывая царство.
И к вечеру, в сиянии зари
Собрал травинки в стог. Так государство
Столетиями, но строили цари.

И солнце у земли остановилось,
Задерживая на мгновенье хмарь.
И, по-крестьянски глянув на светило,
Я двинулся домой, как государь!

* * *

Зажег костер в ночи — и вот,
Огнем надежным подпоясан,
Уже он гасит небосвод
Веселым, неумным плясом.

И там, где плещется огонь,
Держу я так свои ладони,
Как будто предо мной гармонь —
И я играю на гармонии.

Хоть нет поблизости жилья,
Но есть костер, как свет в окошке —
И жизнь свою играю я
Прозрачно на его гармошке.

И так, как ловят божий свет,
Ловлю ее живые звуки,
В которых радость детских лет
Вдруг перешла в печаль разлуки.

Костер погас — и вновь зажглось
Небес загадочное царство...
Иду туда я, словно гость,
Земные одолев пространства.

И, словно видя чей-то взор,
Я говорю пред небом вечным,
Что был у жизни всякий сор,
Но он сгорел в огне сердечном.

ЧЕЛОВЕК

Падает на землю сонный снег,
Медленный, к мирским заботам чуждый.
И бредет по снегу человек —
Сразу видно — никому не нужный.

Вот и цели он своей достиг:
Наклонился к мусорному баку,
Роется в объедках, — в этот миг
Он похож на грязную собаку.

Выглянуло солнце — и в ответ
Снег проснулся: весело искрится!
Человек-то зряч, но божий свет
Заглянуть в глаза ему боится.

Там существованья зябкий снег
Солнечным сияньем не разбужен...
Человек тогда лишь человек,
Если он еще кому-то нужен.

О ВРЕМЕНИ

На добрый свет надежды мало.
Он вспыхнул было, но погас.
В России мгла — душа устала
От хмурых лиц, от скорбных глаз.

Неужто эта темнотища
Заполонила нас навек?
И дождь идет — как будто ищет
Тропу незрячий человек.

* * *

Я слышу: ветер в сад ворвется —
О землю так стучат плоды,
Как будто сердце чье-то бьется
В своем предчувствии беды!
Неровно, быстро, даже грозно
Стучат плоды в земную твердь.
И не с того ли жизнь серьезна,
Что ей поставит точку смерть?

ЧЕРТОПОЛОХ

Смотрю на куст чертополоха.
Цветет не хуже, чем кипрей.
Одет колючками неплохо —
И с ними выглядит храбрей...

Недавно шел в цветах кипрея,
Как в церкви среди зажженных свеч.
— Как сделать этот мир добрее? —
Сердечную их слышал речь.

Не знаю как. Пришла эпоха,
Что в душу лезет каждый год
Большим кустом чертополоха...
И он, царапая, цветет.

* * *

Тихо и внимательно от века
Солнце перелистывает дни,
Приближая к сердцу человека
Дальние вселенские огни.

Что поделать? И пускай листает.
Только мне — хоть лето, хоть зима —
В звездном небе жизни не хватает
Для души, для сердца, для ума.

Не с того ли мягко, по-земному
Память перелистывает дни,
Возвращая сердцу, словно дому,
Теплые вечерние огни?

Вот я дома. Я еще мальчишка.
Ощушаю печки благодать.
Над избою звезд раскрылась книжка —
Я букварь учусь пока читать.

За окошком месяц, словно веник,
Свет пылит из своего угла.
И не надо мне несколько денег —
Мир хорош, и печь моя тепла.

А за домом ждет меня дорога,
О которой мало знаю я, —
До любви, до женщины, до Бога,
До глубинной правды бытия.

Нина СТРУЧКОВА

ШУМЯТ САДЫ

* * *

У реки растет трава.
На траве пасутся кони.
Жизнь проста, как дважды два.
Жизнь видна, как на ладони.

Люди мы. И, глядя строго,
Утверждаем: жизнь проста.
Как дорога от порога
К перекладине креста.

* * *

Холмы за деревней неброски —
Колючки, бессмертник седой,
Да краешком поля — березки,
Да возле — полынь с лебедой.

С древнейших времен и поныне
Считается — Боже ты мой! —
Что ветка сушеной полыни
Укажет дорогу домой.

Родительский дом и ограда,
И пение звезд по ночам...
Я знаю, родня будет рада
Моим сладкозвучным речам.

И мне никого нет дороже.
Но все же — зачем сквозь года,
И душу, и память тревожа,
Я рвусь одиноко туда,

Где осень, наследница лета,
Готовит природу к зиме,
И родины сирой примета —
Бессмертник растет на холме?!

* * *

Словно ярмарка в деревне:
На калитках и на ветках,

На заборах и деревьях —
Все товары, все расцветки!

Тащат бабы для просушки
Связки с яркими платками
И атласные подушки
С необъятными боками.

Кумачовые сатины,
Рушники да покрывала,
Домотканые холстины,
Пряжу, шубы, одеяла.

Запах кожи, запах ситца
Теплой улицей несется.
Что носить — не износиться —
Пахнет ветром, пахнет солнцем...

* * *

Вот фотографии военные.
На них, еще не убиенные,
На фоне дыма и огня
Заснята вся моя родня.

Они, кто ныне упокоены,
Все были пахари — не воины.
Хранит их память много лет.
А мирных фотографий нет.

* * *

Ища спасенья от беды,
Ты снова в детство загляни-ка.
Какие там шумят сады,
Какая зреет земляника!

В лугах у ласковой реки
Стеной разросся дождик спелый.
Траву скосили мужики,
А дождик — так и не успели.

Но, чтобы высохли луга,
Трудолюбивый и летучий,

Он сам тогда сметал в стога
Свои разорванные тучи.

И свежесть каждого цветка
Все объяснит легко и просто.
Какое счастье, что пока
Еще мы небольшого роста!

И, босоногие, в поля
Вбегаем, словно по ступеням.
И красоту свою земля
Нам открывает постепенно.

Душа наполнится сама
Избытком радостного вдоха.
...До земляники — три холма
Да поле сладкого гороха.

Игорь КУНИЦЫН

МОИ ОСТРОВА

* * *

Я хочу подарить тебе озеро,
До него два коротких пути —
Хлебным полем и рощей березовой —
Выбирай, по какому идти.

Шаг за шагом, совсем уже скоро,
Ты увидишь воды оком,
Это озеро наше, в котором
Мы с тобой отразимся вдвоем.

Нам одним это место знакомо:
Ив плакучих сырая листва
В глубине твоих темно-зеленых
Глаз, похожих на острова.

* * *

Апрельский дождь. Уже я слышу
Его шаги со всех сторон,

Он с крыши прыгает на крышу,
Идет с балкона на балкон.

Срывается
 и вниз по листьям,
Перебивая птичий гам,
«Я не могу остановиться!» —
Кричит и падает к ногам.

* * *

Я городской, уж так случилось,
Но от природы вдалеке
По лесу сердце истомилось,
Истосковалось по реке.

Дождешься отпуска, уедешь
На север — к матери, к друзьям,
А по ночам Москвою бредишь,
И спать не можешь по ночам.

Идешь во двор, глядишь на небо:
Все те же звезды, да не те,
— Сегодня прямо и уеду, —
Шепчу деревьям в темноте.

— Сегодня прямо и уеду.
Я вас люблю, но мне пора.
Вчера был вторник, значит, в среду,
На скором поезде, с утра.

МЕЧ

Я не стал дожидаться, когда кончится клев,
Я боялся остаться на речке один.
Приподнял над землей невеликий улов,
И побрел за отцом — он шагал впереди.

В суете я сломал наконечник уды,
В спешке леску порвал, потерял поплавок.
Я бежал по росе, по песку, но, увы,
Я отцовского следа увидеть не мог.

Слишком темная ночь, слишком звезды малы,
Чтобы мог различить я хоть что-то вокруг,

И луны надо мной опечаленный круг
Потускнел, и уже не маячил вдали.

Я беззвучно сидел под ветвями сосны,
Вытирая остывшие слезы с лица,
И отважился выйти на берег Двины,
Лишь когда мне послышались крики отца.

Он меня не ругал, и давно все простил,
Отряхнул, и повел молча к дому скорей.
А наутро из дерева меч смастерил,
И на стол положил у кровати моей.

* * *

Траншеи, канавы, бытовки,
Отбойный держа молоток,
Стоит гастарбайтер в спецовке,
Оранжевый, как поплавок.

Висит на заборе табличка,
Написано мелом: «Ремонт».
Богатый мужчина москвичку
Красивую мимо ведет.

С обочины пыльный рабочий
Им с завистью смотрит вослед.
Он хочет... чего же он хочет?
Чего у рабочего нет?

Бытовка, работа, зарплата,
Рифленой подошвы печать
В дороге, которую надо
Сломать и построить опять.

Избитые нарды на нарах,
Закат в запотевшем окне.
Он шлет эсэмэску: «Чинара,
Отправь фотографию мне».

* * *

Если помнишь в четырнадцать лет
В девяностом году в перестройку...

Ты поштучно купил сигарет
И пошел с пацанами на стройку,

Где охранник по имени Спас
Одинокий и спившийся малый
Вечерами в бытовке для вас
Оригена читал «О началах».

И своими словами порой
Говорил о любви и бессмертье.
Вы бежали ему за второй,
Он со стула валился от третьей.

Был уволен, поставлен другой,
Отличающийся от предтечи,
Гладковыбритый, молодой,
Неподкупный, широкоплечий.

Дом достроили в том же году —
Общежитие ГПТУ,
Девятиэтажное здание.
Дискотеки, ночные свидания...

* * *

Голубиная повадка: набок голову и в перья
Клюв засунуть на морозе и нахохлившись сидеть
На полоске теплотрассы или возле самой двери
Незакрытого подъезда, лапки розовые греть.
Голубей облезлых тыщи бродят около вокзалов.
Что бомжи им, и собаки, и голодные коты?
Только братья по несчастью — этих тоже все достало,
Этим тоже все до фени, до сиреневой звезды.
Помню глупым идиотом я с такими же друзьями
Делал петельку из нитки, на асфальте хлеб крошил,
А потом ходил за птицей, трудно машущей крылами.
Ты простишь меня за это? Я бы точно не простил.

* * *

В июле ночи под Москвой
Сродни домашнему уюту,
Где ты спокоен в час любой
И счастлив каждую минуту.

И любопытство, а не страх
Тобой владеет в полушаге
От странных шорохов в кустах
И от журчания в овраге.

Колодца темное нутро,
Скамейка около колодца,
Толкнешь нечаянно ведро,
Не скоро эхом отзовется.

Ковшом медведицы черпнет
Невидимый луну и звезды,
И снова утро настает,
И спать уже ложиться поздно.

Олег ДЕМЧЕНКО

РУБЕЖИ

* * *

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькнуло крыло.

Анна Ахматова

Поля, травой заросшие, а в них — дорога дальняя.
Селения заброшены — страна многотрадальная.

Все продано, все продано,
крылом взмахнула смерть.
Готов ли ты за Родину сегодня умереть?

Путей нет к отступлению — куда ни бросишь взгляд,
в нас «прешинги» нацелены... А может быть — летят!

А вслед — в ботинках кованых каратели идут
(не в НАТО ль застрахованы коттеджи всех иуд?)

Не зря мы деньги тратили, кричит их вся урла,
и вправду демократия на землю к нам пришла.

Все предано, все продано,
крылом взмахнула смерть.
Готов ли ты за Родину, братишка, умереть?

Взлетает пыль с обочины — пыль фронтовых дорог.
Под нами — гробы отчие, над нами — только Бог.

* * *

*Светлой памяти моего деда
Ивана Борисовича Чернозубова*

Родился я в селе Самашки,
Когда была тепла земля.
Шмели шумели сквозь ромашки,
Как будто пули Шамиля.

Вершинами интеллигентно
Белел соседний Дагестан,
И речка Сунжа, как легенда,
Текла в таинственный туман.

И тем таинственным туманом
Я душу всю заполонил:
Был дед казачьим атаманом,
Героем гор мой прадед был.

Я б не склонялся к этим темам,
Но все ж меня над тем селом,
Наверно, лермонтовский Демон
Коснулся на лету крылом.

Год пятьдесят седьмой... Чечены
Вернулись — началась резня.
«Аллах Акбар!» — кривые тени
От них бросались на меня.

Жить стало там невыносимо.
Мы уезжали навсегда,
Я только помню, мчались мимо
Поля, селенья, города.

Мне было года три-четыре.
Объятая нам раскрыла Русь.
Но с той поры я, словно Мцыри,
Домой к себе куда-то рвусь.

И все ишу какой-то бури,
Какой-то доли неземной
В краю, где скачет в черной бурке
Меж гор громадных прадед мой.

ОТЕЦ

Отец согнулся — шуршит, строгают,
Ворчит устало — судьбу ругает.
А то забудется, поет чуть слышно
У верстака, под белой вишней;
Отложит в сторону свои рубанки,
Достанет гвозди из ржавой банки,
Брусок обструганный
С бруском сбивает
И за работой
Все забывает...
Июньский ветер сирень колышет.
Смеется батя, мол, все бывает!
А в волосах его снежок колымский
Который год никак не тает.

* * *

Мать мне нарвала в саду нашем сливы.
Спелые...
Как я их в детстве любил!
Может, и был я в те годы счастливым.
Может, и был...

Может быть, жил на земле не напрасно.
Я невозможного вечно хотел.
Жизнь эта, видно, и вправду прекрасна, —
верно, я в спешке ее проглядел!

Вспомню, бывает, перроны, вокзалы...
Вижу бывшее — до боли, до слез!
Может, «люблю» ты, прощаясь, сказала —
ветер признание навеки унес!

Хватит об этом!
Ведь все промелькнуло,
все прошумело, как бурный поток...
Мать поседевшая робко вздохнула:
— Что ж ты не кушаешь
сливы,
сынчик?

* * *

Там, где бор штормил — одни опилки.
Не споткнись — пеньки торчат вокруг.
Ночь придет, — осколок от бутылки
Светляком оборотится вдруг.

Не тянись к нему — поранишь пальцы.
Доброты в проезжих людях нет:
Эти проходимцы, постояльцы,
Натворят непоправимых бед.

Им-то что? Загнать бы подороже
Кубометры, горы сосняка!..
Милостыню просит подорожник —
Вся в прожилках трудовых рука.

СВЯТЫНИ

Когда народ плюет в свои святыни,
Прольется горе горькою рекой:
Нагрывает мор, и закрома пустые
Откроет смерть костлявою рукой.

И на страну слетятся иноверцы
Со всех сторон, как стаи воронья,
И вздрогнет разум, оборвется сердце
От наглых криков, подлого вранья.

Чтобы не жить среди руин в пустыне,
Чтобы друг друга нам не убивать,
Не отвергайте отчие святыни:
Другим, — поверьте, — больше не бывать!

ЗАБЫТЫЙ ХРАМ

Ступени замшелые в оспинах.
Торчат из расщелин ромашки...
Зашел я и галки — о Господи! —
Вспорхнули, черны как монашки.

И ветер, тревожный и резкий,
Внезапно рванулся наружу.
А строгие древние фрески
Сквозь вечность глядят в мою душу.

ЖУРАВЛИ УЛЕТЕЛИ...

Окончена в поле работа —
Никто до весны не придет.
Лишь пугало — средь огорода.
Кого оно, глупое, ждет?

Зачем оно осенью горькой
Стоит на холме ветровом,
Как сторож — в сырой гимнастерке,
И машет пустым рукавом...

Татьяна ШОРОХОВА

ПРОНЗАЯ СОЛНЦЕ

В ПОЕЗДЕ

Сев на полку рядышком,
Так оно — с руки,
За Россию-матушку
Пили мужики.
Русские воители
Ведали всерьез,
Чем ее обидели
Недруги до слез.
Мужики не хилые!
Всё в них — по уму:
Понимают, милые,
Что оно к чему.

...Стол рядиться стопками,
Тосты — по душам,
Только не окопные
Эти их сто грамм.

МОЙ ПЕТЕРБУРГ

Скажет кто-то в сердцах и с огрехами
Тем, кто в Питере ищет приют:
— Вы зачем к нам сюда понаехали?!
И услышит: — У вас подают...

И молодка с ребенком чернявеньким
Всё идет по вагонам метро,
А малыш симпатичный и маленький
И невинно глядит, и хитро.

В этом чьем-то суровом скитании,
Узнаю я тебя, Петербург:
В бесконечном твоём подаении —
Терпеливость сочувственных рук;
И славянская жалость привольная —
Достоянье народной души;
Сердце щедрое и сердобольное,
Что в лишениях на помощь спешит.

И другого мне счастья не надобно —
Сострадание бы только сберечь,
Где пришельцы — и этим оправданы! —
Погружаются в русскую речь.
Пусть сегодня держава свободная
Поспешает за кличем — вперед! —
Но не власть, а стихия народная,
На себя чьи-то беды берет.

РУССКОМУ БРАТУ

Малое пойми ты для начала:
Мы — народ, а не по одному!
Если в русском совесть замолчала,
Значит, имя «выродок» ему.

Жизнь вокруг — неписаная повесть.
Но умей соблазны побороть!
Если в русском замолчала совесть,
Значит, им гнушается Господь.

На Руси живем, а не в пустыне!
Упреждаю, брат, в который раз:
Если снова нас Господь покинет!..
Не дай, Боже, Он покинет нас!

КОРОМЫСЛО

Мчались быстро по трассе — и вдруг! —
Коромысло, и бабушка в силах...

Вдоль дороги Москва—Петербург
Неторопкая Русь проходила.
Ведро полные чистой воды
От колодца несла, не плеская...
И на сердце, как ветер — в сады,
Грусть волной набежала... такая,
Что припомнилось: мама идет
От криницы по росному лугу.
Я бегу к ней — и руки вразлёт! —

И мы видим, мы видим друг друга.

* * *

...Но, потеряв и скипетр, и державу,
И хлеб, и честь, и славу, и успех,
Вернем хотя бы родовое право —
Перекреститься на глазах у всех.

ЛАСТОЧКА

Не крылья — стрелами — крыла!
Я не забыла,
Как в клюве ласточка несла
Комочек ила.

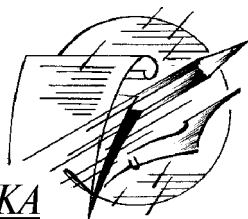
Что ей Гоморра и Содом
Партийных шишек?
Она устраивала дом
Под нашей крышей.

Она трудилась, не юля,
Гнездо лепила.
Как встарь, дарила ей земля
Горошек ила.

И я смотрела, как в зенит,
В свое оконце...
Ах, ласточка! — она летит,
Пронзая солнце.

УКРАИНСКАЯ УГРОЗА. ЧТО ДЕЛАТЬ

И в самом деле: что нам делать с марионеточным русофобским квазигосударством, возникшим после разрушения СССР на наших южных границах? Делать в условиях, когда чума украинства поразила миллионы Русских людей, охватила огромную территорию Южной России. При этом следует иметь в виду, что за прошедшее после 1991 года время в Малороссии в активную жизнь вступило несколько новых поколений, сознание которых с самого раннего детства формировалось исключительно под воздействием лживой украинской доктрины и которые ничего, кроме созданных ею русофобских мифов, не знают. Не знают своей подлинной национальной принадлежности, **не знают** истинной Русской истории, лишены воздействия настоящей русской культуры. Они уже и языка-то русского толком не знают, общаясь на примитивном украинском волапюке, который по своему невежеству именуют «родным языком». Что же нам со всем этим делать?! Как всему этому противостоять в условиях, когда каждый год численность подобных этнических ренегатов в Малороссии пополняется все новыми и новыми миллионами школьных выпускников, уже прошедших полную программу идеологического оскотления, вымуштрованных на ненависти



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ко всему русскому, с душами, отравленными ядом сепаратистской пропаганды. Что с этим делать? Какие неотложные меры предпринять, чтобы избежать братоубийственной резни, на которую так рассчитывают все враги Русской нации и особенно фанатичные последователи украинского мракобесия?..

Наверное, ответ на этот исключительно важности вопрос следует начать с формулирования того, чего делать не следует. Ведь сама успешная история украинского сепаратизма свидетельствует: те меры, которые предпринимались для его нейтрализации, на практике оказались недейственными, а, значит, и неадекватными. Тем не менее именно это «наследие» безо всякой критической переоценки взято на вооружение современными оппонентами самостийничества, особенно в самой Малороссии. Вот как представляет себе, например, политику в отношении украинства С.Н.Сидоренко, автор книги «Украина — тоже Россия» (М.: «Альтернатива», 2005). Следует сразу отметить, что даваемые им оценки украинского сепаратизма точны и верны, в том числе и культурной его составляющей. Однако предлагаемые пути преодоления самостийничества находятся в вопиющем противоречии с оценкой самого явления. Свои наблюдения С.Н. Сидоренко подытоживает следующим образом: «Исходя из предыдущего опыта, разумнее будет предоставить украинству возможность беспрепятственного развития (естественно, за счет собственных его ресурсов), чтобы украинская культура сама осознала свои пределы». Бесспорность сделанного вывода автор подчеркивает его неоднократным повторением: «Очень важно ничем не помешать украинофилам самостоятельно излечиться от чрезмерных претензий и осознать свое место, не давая при этом им поводов для всевозможных спекуляций (что их «запрещают» и «преследуют». — С.Р.)... «Даже если в будущем политическое развитие Украины пойдет по самому благоприятному для ее народа направлению (так что духовно он сможет возвратиться в ту цивилизацию, которая некогда зародилась на этой земле), нам еще долго придется иметь дело с украинством и с необходимостью проявлять к нему терпимое отношение. Ведь, к сожалению, украинство сегодня — это уже не просто безвредное поветрие, как в начале XX века, которое легко могло бы развеяться от благодатных политических перемен. Сегодня это уже сама болезнь, поразившая часть народного организма. За последний исторический период значительное число нынешних граждан Украины самым искренним образом связали с ним свои жизни, а потому борьба с этой безвредной идеологией не должна превратиться в перечеркивание жизненного

пути каждого из этих людей». Так что терпимость, терпимость и еще раз терпимость!..

Поразительно. Ведь все это уже было: **терпимость** русской власти и, особенно, русского общества к малорусским сепаратистам, надежды, что все это как-нибудь само собой рассосется и они что-то там «осознают» (тем более при совершенно очевидной абсурдности самой их идеи — превратить третью часть Русского народа в «иностранцев», другую нацию). Чуть ли не сто лет мы жили в плену этих иллюзий. И что же: рассосалось? они «осознали свои пределы», «излечились» от своих бредовых идей? Нет, полуторавековое развитие самостийничества — лучшее доказательство того, что ни в коем случае нельзя было «проявлять к нему терпимое отношение»... И почему С.Н.Сидоренко переводит все в сферу «борьбы идей»? Ведь украинство — это не только сепаратистская идея, но и выстраиваемая на ее основе практика. Разве уродование Костомаровым русской истории и ее же тотальная фальсификация Грушевским не являлись практически деянием, откровенно подрывной акцией против Русского государства и Русского народа? Алишение Малороссии родного русского языка путем насильственного навязывания украинского волапюка разве не к практическим действиям относится?

Мы уже больше ста лет поставлены в условия бескомпромиссной борьбы не только с идеологией украинского сепаратизма, но и с преступной деятельностью, провоцируемой и направляемой этой идеологией. И главная проблема как раз и заключена в том, что мы этой борьбе избегали и имевшую место преступную деятельность не пресекали... Почему-то сами сепаратисты изначально не ограничивали себя никакими моральными обязательствами в плане «перечеркивания» не только жизненной судьбы, но и самой жизни тех, кто им противостоял. Уже в первый момент своего появления на политической сцене в Галиции в 90-е годы XIX столетия они не только клеветали и доносили на своих Русских соотечественников, коверкая их жизненные судьбы, унижая человеческое и национальное достоинство, но и широко использовали против них методы физического террора, включая и убийства. Кровавые столкновения в галицких селах той поры, которые провоцировали именно «украинцы», число жертв этих братоубийственных столкновений и их моральные последствия еще ждут своего исследования. А вот о массовом убийстве русских галичан в 1914—1917 гг., осуществленном по прямому науськиванию и доносам сепаратистов и при их активном участии мы знаем достаточно. Как и о мас-

совом истреблении мирного населения бандеровцами в ходе Отечественной войны 1941—1945 гг. и еще десятилетие по ее окончании... А террор наших дней! Разве убийства и кровавые избиения православных священников и мирян, активистов русских национальных организаций в сегодняшней Малороссии не являются «перечеркиванием жизненного пути каждого из этих людей»? Почему-то сепаратисты не испытывают никаких колебаний, ломая жизни и судьбы миллионов наших соотечественников. Более того, откровенно этим бахвалятся и гордятся. И даже открыто призывают продолжать в том же духе. А мы с этим должны мириться и проявлять к ним «терпимое отношение»? Странно вообще, что к подобному «пацифизму» (в смысле ничегонеделанья!) призывает человек, сам живущий в Малороссии и имеющий полную возможность непосредственно наблюдать практику нынешних сепаратистов, которая в отношении Русских обладает всеми признаками этнического геноцида. Да и «прежний опыт» свидетельствует: «терпимое отношение» к себе они воспринимает одномерно — как нашу слабость и неопровержимое свидетельство их правоты. Надо же, наконец, представлять, с какой человеческой общностью мы имеем дело!..

Однако С.Н.Сидоренко целиком находится в русле демократической традиции. Отсюда и странная парадоксальность его выводов: «К необходимости искать способы уживаться вынуждает и то обстоятельство», что «украинцы — это не только те, кто из-за особенностей исторического пути русского народа в XX столетии попросту не знают, что они — русские (хотя таких и большинство), это также и те, **кто не желает быть русскими**». И к этому «сознательному выбору», по мнению С.Н.Сидоренко, следует отнестись с полным уважением (или хотя бы терпимо): «Несмотря на полную несостоятельность исторических построений самостийников, приходится считаться с фактом, свидетельствующим, что существуют люди, много людей, которые, несмотря ни на что, просто не желают быть русскими и не хотят принимать во внимание историческую правду». Поэтому «к приверженцам украинства правильнее будет относиться как к людям, сделавшим сознательный выбор, требуя, вместе с тем, и от них уважительного отношения к тем, чей выбор связан с продолжением традиций русской православной цивилизации»...

И снова какая-то алогичная иллюзия. Если некое количество русских людей сознательно отказываются быть русскими, то с какой стати они при этом претендуют на русскую территорию, русскую историю и все тысячелетние приобретения Русского народа (территориальные, материальные,

культурные и т.д.). Да пусть объявляют себя кем угодно, но никаких прав на наше русское наследие мы за ними не признаем. Это историческое наследство является неотторгаемой собственностью только тех, кто сохранил свою национальную Русскую принадлежность, не предал свой Русский народ и не выступал на стороне его врагов. Замечательно при этом то, что сам автор книги «Украина — тоже Россия», призывая «уживаться» с сепаратистами, тут же признает наличие **непримиримого антагонизма** между этническими ренегатами и теми, кто не отказался от своей исконной национальности: «Сегодня для Украины стало реальностью совместное существование двух, противостоящих друг другу общин... прежде единый народ оказался разделенным на две части, на два чуждых, даже **враждебных** народа»...

В принципе, сама по себе «враждебность» вполне допускает и «мирное сосуществование», но только когда к этому имеется взаимное стремление. В течение всего XX столетия именно «украинцы» на практике (а не в своей лживой и лукавой «теории»), реальными делами продемонстрировали совершенно очевидное намерение ни при каких условиях **не уживаться** ни с Русским этносом, ни с русской культурой, ни с русским языком. Даже заполучив в свои руки вождя-леннуну «самостийну Украину», они не только не стали более покладистыми к нам, но с каждым годом проявляли и проявляют все большую враждебность и агрессивность. И это при том, что все это время Русские неизменно демонстрировали как раз стремление «ужиться», даже путем принципиальных уступок сепаратистам, что вело лишь к выдвиганию новых и все более наглых требований с их стороны. Так что никакого реального результата «миролюбие» Русских не принесло. Да и не могло принести при отсутствии встречного движения противостоящей стороны, лишь еще более ослабляя позиции Русских и ведя к дальнейшей эскалации террора против них. Столетняя история самостийничества, включая и современный ее период, явила нам неисчислимое количество фактов живой действительности, подтверждающих украинскую враждебность и агрессию именно (и только) в отношении Русских. Да и сам С.Н.Сидоренко таковых приводит немало, правда, опять же, уводя из сферы «практики» в область «идеологии». Но подобный «уход от реальности» смазывает объективную картину происходящего и, естественно, лишает возможности верно определить те практические пути, которые позволили бы решить, наконец, проблему украинского сепаратизма. Решить раз и навсегда, без заведомо обреченных на провал попыток «ужиться» с ним любой ценой...

Впрочем, ошибочность выводов С.Н.Сидоренко объясняется отчасти и тем, что сам он мало верит в то, что малороссийский сепаратизм и рожденная им «самостийна Украина» вообще когда-либо могут быть ликвидированы. Его прогноз на будущее весьма пессимистичен: «Иллюзий у меня нет: я верю в украинскую государственность, верую в то, что, коль завелись у нас собственные политики и государственные деятели, государственность эту уже не выведешь никакими средствами. Что же касается народа, то, многократно обманутый всеми кому не лень, он вряд ли уже станет шевелить пальцем ради изменения своей исторической судьбы. Окончательно разуберившись во всем, в чем только можно разубериться, он верит теперь разве что в помидор, выращенный собственноручно на приусадебном участке, который, можно надеяться, не обманет, но который все же есть не более чем помидор»... Наблюдая, как сложившаяся в Малороссии система политических выборов раз за разом приводит к власти тех, кто откровенно обманывает своих избирателей, продолжая самоубийственный самостийнический курс, С.Н.Сидоренко не верит в способность Русского народа преодолеть нынешний погром России: «Тем временем у народа, на смену всем его политическим упованиям, явилась апатия и полное безразличие к тому, что делается наверху, а это значит, что рассматриваемые нами великие исторические события обратного хода иметь, скорее всего, не будут и власть имущим за установившийся в результате этих событий порядок вещей можно не беспокоиться. В этих обстоятельствах единственное, что стоит напомнить в утешение тем, кого лишили великой Родины, — это то, что в нашем случае мы имеем дело с незыблемым мировым законом, согласно которому в истории всегда побеждает варвар» ...

Насчет «незыблемости» мирового закона, на который ссылается наш автор, можно и поспорить, но главное не в этом. Мы в отличие от тех, кто считает, что «самостийна Украина» навсегда (а С.Н.Сидоренко здесь, конечно, не одинок), не только верим, но и знаем — **Малороссия снова будет воссоединена с Россией**, и со всеми проявлениями сепаратизма в ней будет покончено. Потому и попущено сегодня его торжество в Южной России, что в течение полутора столетий сами Русские отмахивались от той серьезной опасности, которую он нес, и откровенно игнорировали ее... Впрочем, и грядущее воссоединение возможно лишь при одном условии — полном отказе от былых иллюзий и ошибок...

Вот теперь и пришло время обсудить: что конкретно делать. Прежде всего, я думаю, следует ясно осознать: в случае

с «украинцами» мы имеем дело не с «народом», не с «нацией», не с «этносом», а с политическим сообществом, которое для достижения своих политических целей создало миф о существовании нации «украинцев», и уже, опираясь на этот лживый миф, стало требовать себе власть, территорию, подданных, и, наконец, государство. Историческая катастрофа, постигшая Русский народ в XX веке, позволила этому политическому сообществу достигнуть всех декларируемых целей, включая, «самостийну дэржаву» и, казалось бы, должна была перенаправить его разрушительную энергию, направленную до этого исключительно на подрыв изнутри России, в созидательное русло. Однако этого не произошло. И не могло произойти. Ибо именно в силу того, что «украинцы» — это не «народ», не «нация», не «этнос», они не являются государственниками. Их отношение к государству питается исключительно стихией разрушения и уничтожения, потому что глубинное мировосприятие «украинцев» определяется как раз не этнической доминантой, а сепаратистской. «Украинцы» — антигосударственники, потому что являются обычными сепаратистами, и не более того. Плачевное состояние их нынешней «дэржавы» демонстрирует это со всей очевидностью. И весь внешний «успех» украинского движения за истекшие полтора столетия стал возможен лишь потому, что и русская власть, и русское общество в дореволюционный период так и не нашли в себе мужества открыто признать это движение именно сепаратистским, ибо подобное признание требовало незамедлительных суровых кар для так называемых «украинофилов». В любой стране мира сепаратизм относится к **уголовно наказуемым** деяниям. Так было и в России, но за единственным исключением — украинского сепаратизма...

Больше того, именно русская власть отдельными своими мерами сама содействовала обретению украинским движением статуса «инородческого» (к чему оно всеми силами и стремилось). Об одной из таких мер писал еще С.Н. Шеголев в 1912 году: «Покойный министр внутренних дел Столыпин в циркуляре от 20 января 1910 года на имя губернаторов высказался против регистрации в России инородческих обществ, имеющих целью узкое национально-политическое самосознание. К сожалению, циркуляр объединяет в понятия «инородческих» и все украинские общества, то есть организации украинской партии. Эти общества, несомненно, — антигосударственны; они стремятся развить центробежные явления в самом теле русского народа, ведут проповедь инородческих тенденций в одной из его ветвей, а потому гораздо опаснее инородческих ассоциаций, работающих только над при-

датками к русскому народному телу или даже над вкраплениями в это тело. Деятельность украинских обществ должна быть возможно ограничиваема, с нею нужно бороться, но нужно помнить, что эти общества состоят из русских людей, распропагандированных «инородчествующими» русскими же агитаторами. Сопричисление украинских обществ к инородческим вызвало бурю сарказма в лагере украинской партии. Профессор Грушевский (сам — инородчествующий русский) восклицал, что «циркуляр следует записать золотыми буквами в истории украинского движения». Так прокладывался путь малороссийскому сепаратизму в дореволюционной России...

Отказ юридически признать «украинцев» сепаратистами был не просто роковой, но фатальной ошибкой Русской власти. Повторять ее нелепо и глупо. Этим сегодня должен проникнуться каждый Русский. Где бы он ни находился, включая и Малороссию. Уже сегодня мы должны осознать, что всякая пропаганда украинства, т.е. «инородческого» характера Южной России, ее населения, ее истории и культуры является преступлением против Русского народа, и поэтому должна преследоваться в уголовном порядке, а в криминальном кодексе Русского государства должна быть специальная статья, посвященная именно «малороссийскому (украинскому) сепаратизму», которая будет предусматривать различные сроки лишения свободы в зависимости от степени вины, определенной судом... Понятно, что в условиях нынешнего кремлевского режима о практическом осуществлении подобных мер не стоит и мечтать, но на уровне русского национального сознания и русского национального движения данный принципиальный поворот должен быть осуществлен незамедлительно. Тогда и на практике реализовать его будет значительно легче... Ведь уже и сегодня что-то реальное можно сделать. В настоящее время на территории Российской Федерации действует масса украинских обществ и организаций. Уже сам характер украинства автоматически превращает все эти организации в антигосударственные, подрывные центры. Всеми мерами следует содействовать их безусловному и скорейшему закрытию. И если этого пока нельзя сделать за «пропаганду сепаратизма», то под статью «разжигание межнациональной розни», а конкретно — ненависти и вражды к Русскому народу, подпадает любая из подобных организаций, какой бы невинной ни представлялась ее деятельность на первый взгляд. Достаточно беглого ознакомления с распространяемой этими обществами литературой, чтобы убедиться: вся она пропитана самой оголте-

лой русофобией, восхвалением предателей и врагов России, а также убогими фальшивками на темы русской истории. Этому можно и нужно положить конец...

Еще раз подчеркну: вся история украинского движения, от Кирилло-Мефодиевского братства до наших дней, позволяет сделать однозначный вывод: в главных своих проявлениях деятельность сепаратистов уже на протяжении полутора столетий являет собой непрерывную цепь преступлений против Православной Церкви, Русского народа и Русского государства. Сегодня к этим преступлениям присовокупился тотальный погром в Малороссии русской культуры. Факты исторической реальности прошлого и настоящего свидетельствуют: никакого «своего государства» они не строят, никакой «своей культуры» не развивают, а лишь громят и уничтожают все наше, русское. Только на этом и заиклена вся их практическая деятельность. Кроме того, на протяжении всего XX века во всех войнах и конфликтах, в которые была втянута Россия, они неизменно выступали на стороне наших врагов. В наступившем XXI веке их предательская сущность нисколько не изменилась: Южная Осетия — яркий пример. Надо же, наконец, покончить с этим!

Как?! — воскликнет, пожалуй, иной разложенный демократической пропагандой читатель: объявить несколько десятков миллионов «украинцев» сепаратистами и грозить этим миллионам уголовными карами! Да не свихнулся ли совсем Родина? Благими намерениями, как известно, устлана дорога в ад... О, пусть не переживают наши доморощенные демократы, если таковые еще имеются среди русских людей после тех двадцати лет, когда эта самая «демократия» уничтожала наш народ голодом, нищетой, нравственным разложением молодежи, ускоренным заселением русских земель инородцами и иностранцами. Пусть не переживают. Ни о каких «десятках миллионов» речи не идет. Нам еще только предстоит выяснить **истинное число** сепаратистов, ведь сегодня они завладели той частью России, которую почти 100 лет назад выделили им коммунисты, но это совсем не означает, что те 30—40 миллионов Русских людей, которые, не по своей воле оказались гражданами вначале «УССР», а затем уже «самостийной Украины», т.е., по сути, были сданы в плен самостийникам, — разделяют их преступную идеологию. Не все то «украинское», что провозглашается таковым сепаратистами. И не всякий, кто сегодня объявлен «украинцем» или даже сам числит себя таковым — наш враг. В большинстве случаев это как раз наш человек, только сбитый с толку и обманутый.

На неоднородность украинского сообщества обращал внимание еще В.В.Шульгин в своей работе «Украинствующие и мы»:

«Как и другие сектанты, украинствующие могут быть разделяемы на три категории.

1. Честные, но не знающие. Это те, которых обманывают.
2. Знающие, но бесчестные; призвание сих — обманывать «младшего брата».
3. Знающие и честные. Это маньяки раскола; они обманывают самих себя.

Первые две категории порой сливаются до неразличимости. Иногда никак не разберешь, почему человек юродствует: потому ли, что он ничего не знает, что он *rustikus*, как говорили римляне, и его обманывают другие; или же потому, что, очень хорошо все зная, он сам обманывает действительно незнающих.

Гораздо интереснее маньяки чистой воды. Они часто весьма образованны. Иногда по-своему честны. Если они и вскакивают изредка на Пегаса лжи, то из этого седла их легко выбить, апеллируя к их же собственным знаниям. Но маниакальная идея сидит в них глубоко. Если взорвать их идеологию бомбами несомненных фактов, они восклицают: «Тем хуже для фактов!» — и сейчас же выдумывают в подкрепление своей мании новую аргументацию. Впрочем, всякие доказательства для них только линия второстепенных окопов. Цитадель же их в утверждении: «**Хотим быть украинцами!** Хотим — и больше ничего. Пусть для этого нет никаких оснований вовне; основание — внутри нас».

Те, кого В.В.Шульгин называет «маньяками чистой воды», и являются нашим главным врагом. Это подлинные фанатики украинства. Их численность невелика, но именно благодаря их злобной и разрушительной энергии первоначальное украинство, прозябавшее на уровне литературного сепаратизма, удалось преобразовать в агрессивную политическую секту, открыто объявившую **войну** Русскому народу и его культуре, и откровенно обозначившей конечную цель данной войны: отторжение от России всего ее Юга... Первоначальным апостолам украинства вроде Кулиша, Костомарова, Антоновича и даже пресловутого Шевченко и в голову не могло прийти, чтобы общественное движение, идеологические основы которого они заложили, спустя каких-то пять-шесть десятилетий, будет открыто призывать «убивать Русских», провозглашать необходимость «войны с Россией», максимального разгрома и расчленения России, и искренне радоваться торжеству ее врагов, активно выступая на их стороне... Конечно, в этом их «незнании» имелась изрядная доля

лукавства. Ведь выдвигая идею максимальной «автономии Малороссии» и переименовывая ее население в «нерусское», они не могли не задумываться над тем, что придется делать в ситуации, если Русские не согласятся добровольно на эти дикие и нелепые эксперименты. Причем Русские самой Малороссии, где «украинцами» еще в начале 1917 года почитали себя всего-то несколько тысяч индивидуумов (что признают и сами сепаратисты). Как быть в таком случае? Ответ на этот «неудобный вопрос» они откладывали «на потом». Но их последователи (особенно в Галиции) в первой половине XX века ответили на него совершенно ясно, и не только в «теории», но и на практике, залив русской кровью Галицию, Волынь, Закарпатье и Буковину (на большее у них просто не хватило сил). К тому времени украинство уже стало не просто сектой, а сектой воистину сатанинской, ибо люди, верующие в Бога, не могут творить такого. На подобное способны лишь те, для кого не существует ни Божьих, ни человеческих законов... Впрочем, подобная метафороза украинства вряд ли должна нас удивлять. В любой идее, уже в первоначальном ее зародыше, таится весь заложенный в нее потенциал, и нужно только время, чтобы он полностью себя проявил. Иногда на это уходят многие годы, в иных случаях хватает и нескольких лет. «Украинской идее», чтобы явить свой истинный облик, понадобилось чуть больше полувека. Правда, затем, под спудом Советской власти, она вынужденно замаскировалась, но сегодня вновь раскрыла свою подлинную сущность. Погром Русской Церкви, погром русской культуры, этнический геноцид Русской нации — вот и весь заложенный в нее «потенциал». Фактов, подтверждающих это, достаточно, и сегодня никто не пытается их оспорить. Но одного этого мало — из данных фактов следует, наконец, сделать надлежащие выводы. А это значит, что уже сегодня мы должны открыто заявить: все «украинцы», в той или иной степени причастные к преступлениям против Русского народа, неизбежно понесут суровые уголовные наказания. Такие же наказания понесут и те, кто формулировал, развивал и насаждал **преступную идеологию** украинского самостийничества, приведшую к многочисленным человеческим жертвам и неоднократному разрушению Русской государственности. Ну, и наконец, следует откровенно сказать, что нашей конечной целью в «украинском вопросе» является **полная и окончательная ликвидация** идеологии и практики малороссийского сепаратизма...

Конечно, заранее можно предвидеть, что в своем большинстве фанатики украинства, эти «маньяки чистой воды», не

откажутся от своих преступных намерений в отношении Русского государства и Русского Народа, не откажутся использовать для подрыва России преступные практики украинства. И здесь заведомо бесперспективны все разъяснительные и пропагандистские усилия. В таком случае нам действительно придется отнестись к их выбору «уважительно», и стать на путь ликвидации этой «пятой колонны», внедренной в тело Русской нации. Ликвидации, конечно, в политическом смысле. В конце концов, не мы начали эту войну, ведущуюся против нас уже сто лет, и мы имеем полное право на защиту своей страны и своего народа всеми доступными нам способами...

А лобовое столкновение представляется почти неизбежным, слишком могущественные силы работают на организацию именно такого сценария развития событий. И в этом случае особую важность для нас приобретает проблема тех, кто оказался «по ту сторону баррикад» не в силу сознательного выбора, а став жертвой обмана и лживой украинской пропаганды. Таковых же среди так называемых «украинцев» — подавляющее большинство. Не по своей воле оказавшись гражданами «самостийной Украины», они за прошедшие годы подверглись тотальной «промывке мозгов», и это не могло не наложить известного отпечатка на их духовный облик, мировосприятие и мировоззрение...

В том, что труды «украинствующих» не пропадают втуне, я сам мог не один раз убедиться, встречая в Малороссии людей, совершенно далеких от политики, обычных трудяг, обремененных повседневными житейскими заботами, и, казалось бы, ни о чем другом не помышляющих, и, тем не менее, с уже очевидными следами уродливой идеологической обработки, сознанием и памятью, отравленными самостийнической пропагандой... С Валерием С., бывшим моим однокурсником, проживающем ныне в Днепропетровске, судьба свела меня в начале 2006 года. Типичный «технар», он и в университете, и после него не проявлял никакого интереса к истории или текущей политике. Как и многие из наших коллег-инженеров в постсоветской России, какое-то время влачил жалкое существование в одном из оборонных НИИ, пока, наконец, не ушел в коммерцию, где звезд с неба не хватало, но себя и семью на плаву мог поддерживать. О будущем особо не задумывался, считая, что все как-нибудь «само собою наладится». Собственно, и беседа наша не выходила за рамки обсуждения суровой «прозы жизни» да светлых воспоминаний беззаботной студенческой молодости, пока совершен-

но случайно не коснулась украинской темы, да и не ее даже, а революции 1917 года. И здесь мой совершенно аполитичный знакомый неожиданно огорошил меня заявлением, что эту самую революцию «на Украину» экспортировали «вы» — русские, навязав ее «нам», «украинцам», беспощадным террором и голодом. Разумеется, вспомнил он и расхожий укрсюжет о «голодоморе 1933-го»... Я оторопел от неожиданности. В университете Валерий никогда не отделял себя от Русских, был своим в нашей среде. И на «иностранца», даже в нелепом его украинском варианте, никак не тянул. Прошло всего девять лет, и вдруг такая перемена...

Впрочем, я тут же возразил ему: понятие «Украина», в употребленном им смысле, как раз и является порождением той самой революции, которую он столь страстно клянет, а до 17-го года никакой «Украины» ни территориально, ни тем более «этнически» не существовало. Поэтому, если уж придерживаться реалий того времени, речь следует вести о нескольких южных русских губерниях с Русским же населением, применительно к которым формулировка «экспорт из России» лишена не только оснований, но и бессмысленна. Что же касается пресловутого «голодомора», то охватил он, собственно, и не Малороссию даже, а Новороссию («Новую Россию»), Слобожанщину, Дон, Кубань, Поволжье, земли уральских казаков. А еще раньше был голод 21-го года, от которого пострадали исключительно «великорусские» губернии, и ответственность за это ложится, прежде всего, на антирусскую власть, ту самую, что превратила виртуальную «Украину» в реальный субъект новосозданного «СССР», правящие структуры которого формировались почти исключительно из инородцев. При чем же здесь Русские?..

Тут-то его и прорвало и, чем жарче становился наш спор, тем более бессвязный и алогичный вид приобретали излагаемые им версии событий давно минувших дней и дня нынешнего. Иногда казалось даже, что это и не он говорит, а некое механическое устройство внутри него, с умыслом запрограммированное чьей-то злой волей на заведомую галиматью, теперь просто озвучиваемую голосом моего собеседника. Сам же он, взрослый, семейный, здравомыслящий мужчина, помимо воли выступает в роли пассивного передатчика этой несусветной чуши...

То, что он излагал с таким воодушевлением и неподдельным пафосом свежепосвященного неопита, тайны для меня не составляло. Речь опять же шла о невероятных похождениях «украинцев» в Америке и Палестине, столь красочно описанных Черемисом и Дубиной... гениальных прозрениях

Плачинды насчет шведского флага и венерианской «мовы»... и совсем уже свежих баек Шевчука о Гетманстве, — словом, о типичном наборе украинской лжи, непроницаемым мраком покрывающей как прошлое, так и настоящее Малороссии... Я стал было возражать, но тем лишь раззадорил его на еще большие экскурсы в историю и политику. Спорить было бесполезно, да он и не умел спорить. Историю знал очень поверхностно, почти что и совсем не знал, поэтому часто заходил в тупик, путался, противоречил самому себе и, тем не менее, изрекал все безапелляционным тоном человека, наконец-то, познавшего «истинную правду», которую от него столь долго утаивали «коммунисты», «шовинисты», «сионисты» и, Бог знает кто еще... В своем украинском восторге он доходил до полного самоотрицания. Совсем не владея украинским волапуком, ничего даже не читая на нем, он, тем не менее, со странной горячностью ратовал за тотальную украинизацию в качестве радикального средства восстановления непонятно кем и когда поправной «исторической справедливости», и клялся, что уж сын-то его точно будет говорить «только по-украински»... Я пробыл у него в гостях несколько часов, общался с женой и двенадцатилетним сыном, но так и не услышал от них ни одного украинского слова. На папины планы они смотрели как на временный «бзик» и всерьез не принимали. Да и сам он все как-то не решался приступить к их активной реализации, ведь и в «украинском Днепропетровске» (а точнее, русском губернском городе Екатеринославе), где он жил, все и поныне говорят исключительно по-русски...

Наша дискуссия получилась скоротечной и быстро себя исчерпала. Спорить, в общем-то, было не о чем. Опровергать небылицы, которыми его напичкали, я считал делом бессмысленным. Он все равно никаких доводов не воспринимал и тщательно избегал обсуждения конкретных исторических, этнических или политических проблем. А точные даты и цифры вызывали в нем озлобленное раздражение. На любые мои возражения он долбил один и тот же ответ: «русские веками угнетали украинцев»... «все несчастья Украины от России»... «Россия и сегодня эксплуатирует нас и угнетает»... ну и все в таком же духе... Мне, наконец, стало скучно и грустно одновременно. Жаль его было. Та убогая и пошлая политическая доктрина, которую он теперь исповедовал, построенная на ненависти и лжи, совсем не шла к нему, — добродушному, простодушному, в иные моменты по-детски наивному человеку. И это резкое несоответствие ясно говорило, что новые «убеждения» моего товарища — всего лишь результат подлой и коварной пропаганды. Восприни-

мать Валерия в качестве «врага», сознательно находящегося «по ту сторону баррикад», было бы ошибкой, он просто временно дезориентирован. Какие уж тут споры... Интерес представлял разве что сам факт «обращения», а точнее его источники. Об этом стоило поговорить.

«Да, начитался же ты всякой мерзости за девять лет своей жизни здесь», — решил я подвести черту под нашей бесплодной перепалкой. Однако, к моему удивлению, оказалось, что по большому счету ничего-то он и не читал: о Грушевском, Крипьякевиче, Дорошенко, Полонской-Василенко, Костомарове и прочих только слышал, а из современных глашатаев украинства даже и фамилии ни одной не мог назвать... Тогда все почерпнул из «телеящика»? — предположил я. Но, как выяснилось, телевизора он почти не смотрел, разве что футбол, да изредка какой-нибудь фильм. И политики по-прежнему сторонился: на митинги не ходил, во время выборов за украинцев не агитировал (хотя исправно за них голосовал, в отличие от жены, поддерживавшей коммунистов), в общем, старался как будто подальше держаться от всей этой грязи... и в то же время по уши в ней утопал. «Кто же тогда тебя так нагрузил?» — «Да брось ты! — сразу расвирепел Валерий. — Никто никого не грузил, все это давным-давно известно, а истории, сочиненной в угоду великодержавным шовинистам, уже никто не верит». И он тут же, весьма кстати, поведал мне несколько басен из «Истории Русов», в их числе о Батурине, «сожженном вместе с жителями», и «тысячах казненных в Лебедине». «Даже фашисты так не поступали» — с полным сознанием своей правоты подытожил мой визави... «Истории Русов» он, впрочем, тоже не читал. Но где-то же должен был все это слышать!.. И здесь меня осенила догадка: радио! Ну, конечно. Я же был у него в мастерской и единственным развлечением от монотонного труда служил в ней радиоприемник. Я и обратил на него внимание лишь потому, что из его утробы раздавалась не обычная попсо-бессмысленная «композиция», а нечто похожее на «интеллектуальную передачу»... Помнится, речь шла о Киево-Могилянской академии. Это меня и удивило: обычно наши трудящиеся внимают местечковым «эфирам», расплывшимся на всем пространстве исторической России и щедро потчующих своих несчастных слушателей мерзопакостным репертуаром «звезд» типа Верки Сердючки или «Мумми троля», перемежая эту «духовную пищу» убогим набором погоды, сплетен, уголовной хроники и т.п. дребедени. А тут неожиданно передача с явной претензией на «серьезность». «От попсы уже тошнит, — коротко объяснил Валерий, — а эти бубнят себе потихоньку, фон создают, ну и ладно»...

«Фон», однако, оказался еще тот. Ведь на уккрании, как и в прочих средствах массовой информации, тон задают все те же Гнаткевичи, Чепурко, Кратко-Кутынские и им подобные субъекты, отравляющие теле- и радиоэфир Малороссии своей злопахательской ложью и мрачными квазиисторическими пасквилями, ядовитое содержание которых медленно и неуклонно проникает в массовое сознание, исподволь разрушая его способность здраво оценивать не только прошлое, но и настоящее. Подобный «фон» — далеко не безобидное дело, особенно если индивид подвергается его воздействию длительное время, на протяжении не одного года. Здесь уже начинают действовать законы манипуляции сознанием, давно доказавшие свою эффективность. Жертвой такого внешне неприметного и как будто малозначащего воздействия и оказались память и подсознание моего товарища.

Исследователям проблем манипуляции сознанием данное явление хорошо известно: «то, что в результате частого повторения прочно запоминается, действует на сознание независимо от того, вызывает ли это утверждение возражения или одобрение... Направленность реакции не существенна! Тот, кто вперился в экран телевизора, и десять раз в день слышит одно и то же сообщение, подвергается манипуляции, даже если каждый раз чертыхается от возмущения». Точно так же и человек, совсем даже и не вникающий в смысл того, что бубнит включенный для «фона» радиоприемник, пусть пассивно, но слушает его. Память-то не отключена, продолжает работать в «дежурном режиме» и на уровне подсознания автоматически снимает, казалось бы, совсем постороннюю информацию. Там же, в подсознании она накапливается, а в известный момент внезапно всплывает в виде непреклонных убеждений: «Человеку всегда кажется убедительным то, что он запомнил, даже если запоминание произошло в ходе чисто механического повторения, как назойливой песенки. Внедренное в сознание сообщение действует уже независимо от его истинности или ложности»...

Вдумайтесь только: действует независимо от истинности или ложности! Иными словами, человек, как самостоятельная сущность, исчезает. Его место занимает сконструированный современными политехнологами биоробот, зомби, в сознание которого искусно внедряются разрушительные, самоубийственные доктрины, выхолащивающие историческую память и адекватное восприятие наблюдаемой действительности. Так создается идеальный объект для манипуляции. Почему на ампутацию исторической памяти народа и были обращены после 1991 г. основные усилия нынешних

хозяев России. Вспомним только, какому тотальному очернительству за последние двадцать лет подверглась русская история, даже в своем урезанном советском варианте. В ней не осталось ни одного исторического деятеля, события, эпохи, которых бы не оболгали, не смешали с грязью, и все это с одной целью: убедить Русских в том, что в их прошлом нет ничего, достойного гордости, даже никаких светлых просветов, а лишь сплошной мрак, пьянство и кровавая взаимная резня. Так цинично и нагло «освобождалась» народная память от ненужного патриотического «хлама», а затем в образовавшийся вакуум целенаправленно стали внедряться доктрины, призванные побудить Русских к полному самоотрицанию и самоуничтожению, чтобы окончательно и бесповоротно утвердить господство над Русским народом нынешнего компрадорского режима.

В Малороссии этот процесс аннигиляции исторической памяти Русских приобрел еще более грандиозный размах. Здесь их вообще подменили иным виртуальным народом, придумав последнему название, историю и даже смысл существования, заключающийся единственно в смертельной борьбе... с Русскими! Ничего более гениального подобному самоедству нельзя было и выдумать. Валерий С., успевший за девять лет «поменять» не только национальность, но и мировоззрение, далеко не единственная жертва этого русофобского трюка. И это при том, что сама технология оболванивания исключительно примитивна. Вся украинская пропаганда как раз и строится на принципе тупого «механического запоминания», буквально, нескольких убогих тезисов, остальное — их неисчислимые вариации. К реальной истории они не имеют никакого отношения. Копните любого «украинца», и вы убедитесь: он совершенно не знает истории Малороссии. Более того, он ею и не интересуется. Из тысячелетней истории края он апеллирует буквально к нескольким событиям (в историческом измерении совершенно ничтожным и второстепенным), но, идя по лекалам, состряпанным для него украинскими идеологами, именно на них и строит «теорию» о «вековом противостоянии» Русских и «украинцев». Это же «противостояние» переносится им на любые события современности, которые и оцениваются исключительно с «конфликтной» точки зрения. Но что примечательно: доводить ее до логического завершения он под всякими предлогами избегает. Таковой оказалась и позиция моего товарища: он тоже не хотел договаривать до конца, иными словами, делать те самые выводы, которые сами собой напрашивались в качестве итога его обличительных филиппик. Я

решил ему помочь и задал прямой вопрос (который неизменно задаю каждому из таких вот обманутых простачков): «Так, значит, будем воевать?.. Ты готов воевать с Русскими?.. Чтобы сын твой, например, пошел на «войну с Россией»?»...

Вопрос Валерию откровенно не понравился и даже видимо смутил. На некоторое время он смешался. Наконец, после тягостной паузы проронил: «Да нет, никто не собирается воевать... Да и с какой стати нам воевать?»... Я наугад, по памяти, процитировал ему высказывания тех самых «украинских патриотов», за которых он регулярно отдает свой голос на выборах и которые уже сегодня рассуждают о неизбежности «войны с Россией». Возможно, в будущем именно они окажутся у власти, в том числе и благодаря его личной поддержке. Уж тогда-то проблема военной конфронтации наверняка из теоретической сферы переместится в практическую. Ющенковская власть немало сделала для развития ситуации именно в таком конфликтном направлении, взяв хотя бы войну в Южной Осетии или провокации против Черноморского флота. И подобных примеров можно приводить сотни... «А вы не лезьте в наши дела, и конфликтовать тогда будет незачем». — «Мы лезем в ваши дела? Разве не вы воруете нашу историю, наш газ, запрещаете Русским пользоваться русским языком и воспитываете своих детей в жгучей ненависти к России? И при этом еще сидите на нашей шее и наших дотациях, заявляя: не лезьте в наши дела!» Он снова начал было спорить, но без прежней горячности, скорее по инерции. Видимо мой вопрос о войне затронул в нем какие-то глубинные струны и требовал более четкого ответа, чем очередное пережевывание темы, кто кого «угнетал» и «объедал»... «Не переживай, я всегда буду против этого!» — в его голосе прозвучало убеждение, но меня он не убедил. «Возможно, ты и будешь против. Да только кто же тебя будет спрашивать: начинать или не начинать?.. Разве ты не знаешь, что все принципиальные решения, хоть внутренней, хоть внешней политики Украины, принимаются даже не в Киеве, а в Вашингтоне или Брюсселе. А там ты и миллионы таких же, как ты, воспринимаются лишь в качестве безгласного «пушечного мяса». Да и местным самостийникам вы нужны лишь на начальной стадии, для обеспечения их полноценной власти над вами. После достижения этой цели ваше мнение уже никого не будет интересовать и ни на что не сможет влиять. Твое «против» будет что-то означать лишь для тебя, и вот тогда-то придется окончательно определяться: на чьей ты стороне. Здесь уж: или — или. Или там, с ними, сепаратистами, или на стороне Русского народа, к которому ты принадле-

жишь и по крови, и по происхождению, и по вере. Третьего не дано»... Он уже ничего не стал мне возражать. Да и у меня не было желания продолжать диспут. До главного вопроса мы добрались, а дальше каждый должен определяться самостоятельно. Ибо время выбора уже на исходе, впереди — время ответственности за сделанный выбор...

Ни одному «украинцу», хочет он того или нет, не удастся избежать этого однозначного выбора, в том числе и тем, кто, как мой знакомый Валерий С., числится пока в рядах все еще не определившегося **большинства**. Но время, отпущенное им, неумолимо тает. Примечательно, что даже С.Н.Сидоренко, призывающий нас предоставить украинскому сепаратизму возможность «беспрепятственного развития», да еще и при «терпимом отношении» к нему, тем не менее, осознает неизбежность для «украинцев» окончательного выбора между «русским» и «украинским»: «Тем на Украине, кому прежняя коммунистическая власть написала в паспортах «украинец», предстоит, наконец, определиться и решить для себя, кто они: украинцы или все-таки русские, малороссы, и что является их родиной: вся Россия — от Польши до Тихого океана или обособленная (и переименованная) ее юго-западная часть; какой исторический опыт считать своим и в русле какой культурной традиции им развиваться дальше. Быть ли наследниками великой русской культуры, одной из величайших мировых культур, в создании которой немалая заслуга принадлежит и выходцам из Малой Руси?.. Или подключиться к мероприятиям по изготовлению, распространению и утверждению в качестве безальтернативной, новой — украинской — культуры, отличной от русской и стремящейся к максимальному от нее отдалению, мероприятиям, которые всегда осуществлялись в интересах и при поддержке внешних враждебных России сил с целью обосновать отторжение Малой Руси от Великой?»...

Так что высказать свое «за» или «против» придется каждому из нынешних «украинцев». И никуда от этой дилеммы не деться. Мы же, имея на практике дело с этим украинским большинством, должны исходить из следующих соображений. Первое. Никогда не забывать, что перед нами наши единоплеменники, в головы которым преступная сепаратистская пропаганда вбила, что они не только нерусские, но и извечные враги Русских. Наша задача объяснить им лживость этого мифа, убедить их, что главная его цель стравить Русских между собой, и, воспользовавшись этой усобицей, завладеть их территорией и ресурсами, а самих превратить в ра-

бов, рабочее быдло. Второе. Мы никогда не согласимся с отторжением от России исконных русских земель, из которых и составлена ныне так называемая «Украина». Понятно, что в условиях нынешнего кризиса русской государственности говорить о скором возвращении отнятых у нас территорий не приходится. Но все в мире, и «украинцы» в том числе, должны знать: украинскую юрисдикцию над территорией Юго-Запада России мы признаем лишь в качестве временной. Поверженная Германия после 1945 года тоже оказалась разделенной. Два немецких государства даже заключали между собой «международные договора», оба являлись членами ООН, и тем не менее в обеих частях разделенной Германии осознавали правомочность и неизбежность воссоединения немецкой нации в едином государстве, слияние всех немецких территорий в одно целое. Что и произошло полвека спустя. Нам, наверное, с учетом позиции «международного сообщества», достигнуть этого будет намного сложнее. Возмочно, что свои территории мы будем возвращать частями, а не все сразу. Вариантов множество. Одно следует помнить: этим достигаются те цели, ради которых государство и народ готовы преодолеть любые препятствия и понести любые жертвы. Возвращение Малороссии в состав России — именно такая судьбоносная для Русской нации цель... И, наконец, третья. Открыто провозгласив конечную цель, мы так же откровенно должны заявить и о конечной судьбе всего украинского движения и исповедуемой им политической программы. Не нужно при этом лукавить с «украинцами», в том числе и с их колеблющимся элементом, прямо объявив, что ни при каких условиях Русский народ и Русское государство не согласятся с существованием украинского сепаратизма в любой его форме: литературной, языковой, политической или какой-либо еще. Снова обмануть нас сказками о «культурной автономии», «языковой самобытности», «этнической специфике» и им подобных сепаратистских увертках не удастся. Вся территория нынешней «Украины» после присоединения будет по своим обязанностям, правам и административному делению соответствовать любой другой Русской территории...

Понятно, что живая практика всегда вносит существенные коррективы в любую теоретическую модель, но если эта практика не будет иметь четких руководящих ориентиров, тех самых принципов, которыми нельзя поступаться, она будет совершенно безрезультатной. Поэтому, прежде чем приступить к делу, мы должны ясно представлять, чего именно хотим достигнуть и какими именно средствами. И тут следу-

ет обозначить еще и четвертый фактор, заставляющий нас ставить «украинский вопрос» в качестве первоочередного. Вся полуторавековая история малороссийского сепаратизма, бесспорно свидетельствует: **подлинный, реальный «украинец» — всегда ненавистник и злобный отрицатель всего русского. Собственно, быть «украинцем» и означает быть неприимимым врагом Русского народа, Русского государства, русской культуры. И ничего больше.** Само явление на свет Божий «украинца» в качестве определенного человеческого типа как раз и было вызвано этой враждебностью, ибо «украинец» ненавидит Россию и Русских по определению: **«...родившись Русским, он не чувствует себя Русским, отрицает в самом себе «русскость» и злобно ненавидит все русское»...**

Причины, эту ненависть питающие, совершенно надуманы и абсурдны и тем не менее она — каждодневная, бытовая реальность современной «Украины». Ею пронизана вся атмосфера жизни украинского общества, его культура, образование, политика, профессиональные и социальные отношения. Она заложена в подсознании «украинца», пронизывает каждую его мысль, каждый его поступок, все его мировосприятие, не нуждаясь в каком-либо рациональном обосновании. «Я ненавижу русских потому, что я — украинец» — для всякого самостийника такое объяснение самодостаточно. Таково сознание всякого «украинца». Таково сознание всего того идейно-политического сообщества, которое ныне с апломбом именуется «украинской нацией». Та же русофобская доктрина возведена в ранг государственной политики «Украины» — и не только внутренней, но и внешней. И об этом мы не должны забывать. Именно УКРАИНСКАЯ УГРОЗА может представлять для нас наибольшую опасность, причем не только по линии дипломатии, экономики, политики, но и в военной области. Грядущим военным противостоянием с Россией грезят не только многие самостийники, но и их кукловоды в Вашингтоне и Брюсселе. А это значит — данная опасность вполне реальна...

Конечно, сама по себе украинская ненависть никак не гарантирует готовности к войне. Состояние украинской экономики и науки таково, что о создании современных вооруженных сил говорить не приходится. «Украинская армия» — такой же мыльный пузырь, как и «древнейший в мире украинский язык» или пресловутое открытие Америки «украинцами». Сам ее феномен родился буквально два десятилетия назад, да и то лишь благодаря материально-технической базе Советской Армии, которая практически вся разворована и приведена в негодность. Говорить о наличии каких-либо ис-

торических традиций также не приходится: они ограничены преклонением перед партизанщиной вояк вроде Петлюры, Бандеры или Шухевича. В организации военного дела «украинцам» никогда не дотянуться даже до уровня батьки Махно. Да они и сами это прекрасно понимают. Недаром же наиболее воинственные из них загода готовятся именно к партизанской войне и диверсионной деятельности. Это — потолок украинской военной доктрины.

Но в грядущей войне с Россией «украинцы» и не рассчитывают на собственные вооруженные силы. «Заграница нам поможет!» — вот суть их военной доктрины. Их наглая агрессивность — следствие твердой убежденности в том, что по первому же призыву вся военная мощь Запада обрушится на ненавистную им Россию. Украине достаточно выступить в роли застрельщика-provokatora, а для этого хватит одной пехотной дивизии, даже вооруженной трехлинейками. И следует прямо признать: эти украинские ожидания совершенно обоснованны. Уже сегодня творцы «нового мирового порядка» откровенно подчеркивают, что в их планах по уничтожению России как великой мировой державы «Украине» отводится центральная роль, она — тот ударный таран, посредством которого Запад намерен окончательно развалить Россию и похоронить любые надежды на ее возрождение.

Об этом, например, откровенно пишет З.Бжезинский: «Украина является ключевым государством постольку, поскольку затрагивается собственная будущая эволюция России»... «Появление независимого государства Украины не только вынудило всех россиян переосмыслить характер их собственной политической и этнической принадлежности, но и обозначило большую геополитическую неудачу Российского государства. Отречение от более чем 300-летней российской имперской истории означало потерю потенциально богатой индустриальной и сельскохозяйственной экономики и 52 млн. человек, этнически и религиозно наиболее связанных с русскими, которые способны были превратить Россию в действительно крупную и уверенную в себе имперскую державу»...

Проводимая самостийной «Украиной» внутренняя и внешняя политика однозначно свидетельствует: она услужливо готова выполнять отведенную ей роль «троянского коня» Русского мира, став передовым форпостом блока НАТО в его продвижении к границам России. Уже сегодня достигнута договоренность о подготовке украинских офицеров в учреждениях альянса, приведении вооружения и оснащения украинской армии в соответствие с натовскими стандартами и ряд других. А это означает, что на границах Ростовской, Кур-

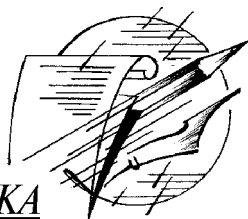
ской, Воронежской областей будут стоять натовские танки, ракеты и самолеты, и любая натовская дивизия сможет достичь Москвы в течение какой-нибудь пары часов... Впрочем, не исключено, что «Украина» так и не получит членства в Североатлантическом альянсе, если мировая закулиса сочтет, что прямая конфронтация «НАТО—Россия» менее выгодна, чем прямое противостояние «Украина—Россия». Натовская военная мощь и в данном случае будет направлена против России, но в этом случае натовские стратеги получат поля для маневра и время, необходимое для максимального разжигания «украино-российского конфликта» и поддержания его в стадии «нескончаемой войны», гарантирующей максимальное истребление Русских по обе стороны фронта...

На фоне подобной перспективы продолжать себя тешить прежними иллюзиями в отношении «украинцев» есть непреходимая глупость, а распространять миф о том, что их русофобия — не более чем словесная мишура, преступление. Каждый Русский человек должен четко усвоить: мы имеем дело с беспощадным и непримиримым врагом, и относиться к нему следует подобающим образом...

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РАВВИН ВОЛЬФ МЕССИНГ

Мессингом я заинтересовался в 2000 г., когда начал работу над книгой «Гипноз и моровоззрение», и, изучив немалый объем материалов, пришел к выводу, что Мессинг обычный эстрадный фокусник, коих было много. Но ему повезло с журналистом, который сделал ему имя. Это известный московский журналист Михаил Хвастунов, писавший под псевдонимом «М. Васильев». Первая афиша в ДК железнодорожников Варшавы звучала так: «Раввин с Горы Кальвария. Святой человек читает мысли и предсказывает будущее». Обычное эстрадное шарлатанство. Со Сталиным он никогда не встречался и в Кремле не был. Ташкентское НКВД в 1942 г., подержав в тюрьме «медиума», вытряхнуло из удачливого дельца миллион рублей на помощь фронту. В газете «Правда» Сталин поблагодарил в числе других жертвователей и товарища артиста Госконцерта Мессинга.

Эстрадный гипнотизер и фокусник Мессинг, благодаря СМИ, превращен в самого могучего и непревзойденного чародея. Раздутая популярность Мессинга, как и многих других «великих», зачастую кроется не столько в их способностях, сколько в их этнической принадлежности.



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Краткая биография Мессинга, которую ему написал М. Васильев, в разных источниках звучит с разными подробностями и акцентами, но обобщенно выглядит следующим образом.

Вольф Мессинг родился в 1899 г. близ Варшавы в глубоко религиозной еврейской семье. Родители отправили его в школу по подготовке раввинов.

Перспектива стать раввином не устраивала Вольфа, и, проучившись в школе два года, он сбежал оттуда. Денег на дорогу не было, а потому он залез в вагоне поезда под скамейку. Кондуктор, проверявший билеты, обнаружил «зайца». Нервы у Вольфа были на пределе, и он, инстинктивно подняв с пола какую-то грязную бумажку, всей силой своей мысли захотел, чтобы кондуктор принял ее за билет. «Что ж ты, парень, — удивился тот, — с билетом едешь, а забрался под скамейку?»

Так в поисках счастья юный Вольф прибыл в Берлин, где чуть не умер от голода. Однажды он упал в обморок посреди улицы. Тело стало холодным, дыхания не было, пульс не прощупывался. Мальчика отвезли в морг, и там кто-то случайно заметил, что его сердце бьется. Вольф находился в летаргии. Только через три дня известному специалисту, доктору Абелю, удалось вывести его из этого состояния. «С улыбкой Абеля мне стала улыбаться жизнь», — позднее вспоминал Мессинг.

В 15-летнем возрасте Вольф поступил на работу в цирк, с которым объездил всю Европу. Его амплуа — отгадывание мыслей, поиск спрятанных вещей, предсказание будущего. Слава о нем распространяется по всей Европе. Он знакомится с Альбертом Эйнштейном и Зигмундом Фрейдом, которые восхищались его способностями. С Фрейдом (в еврейских кругах Фрейда называли «светским раввином») он проводит несколько совместных экспериментов.

Скопив изрядную сумму денег, Мессинг возвращается в Польшу. К нему за консультацией обращаются президент Пилсудский и крупнейший магнат князь Чарторийский. Последнему он помогает вернуть похищенные у него фамильные драгоценности стоимостью в миллион злотых. Отказавшись от материального вознаграждения, он вместо этого попросил князя использовать свое влияние для отмены закона, ущемлявшего права евреев.

В 1937 г. Мессинг предсказал неизбежный крах Гитлера. После оккупации Польши войсками нацистской Германии за его голову была назначена премия в 200 000 марок. Однажды в Варшаве Мессинга опознал на улице немецкий пат-

руль. В полицейском участке он усилием воли заставил всех охранников собраться в своей камере, после чего спокойно вышел на волю.

Через Южный Буг Мессинг бежал в СССР. Во время гастролей в Белоруссии Мессинга прямо со сцены увели двое офицеров НКВД, которые доставили его в Москву, в Кремль, к Сталину. Лучший друг советских артистов милостиво побеседовал с представителем оригинального жанра, а затем предложил ему в подтверждение своих выдающихся способностей пройти в Кремль без пропуска. К удивлению Отца народов, Мессинг сумел сделать это. Выполнил он и другой «номер», заключающийся в том, чтобы по чистому листу бумаги получить в Госбанке 100 000 рублей. Правда, в этом случае не обошлось без трагедии: при возвращении денег кассира поразил инфаркт.

Поверить в такую романтическую биографию и все эти байки может только очень недалекий человек. Это похоже на рассказы миллионеров, которые начали свой бизнес с найденной стодолларовой купюры или поломощика в банке, давшего ценный финансовый совет главе банка. Непонятно, почему сын сбегает из религиозной семьи, занимающей неплохое социальное положение, т.к. отдать на обучение в школу раввинов своего ребенка могла, видимо, не каждая еврейская семья. Затем — все эти душещипательные истории о голодном обмороке и счастливой случайности весьма неубедительны и больше похожи на умышленную романтизацию биографии. Ну а фокусы с проходом через охрану Кремля и получением денег в банке по чистой бумажке вообще несостоятельны.

Во-первых, как для прохода в Кремль, так и для получения денег в банке, при жесткой сталинской системе, недостаточно просто бумажки, необходимо было предъявлять документы, удостоверяющие личность и расписываться в соответствующих документах. Во-вторых, необходимо было подвергнуться тщательному обыску. В-третьих, в том и другом случаях, надо было загипнотизировать не одного человека, а сразу несколько. Ни один честный, профессиональный гипнотизер в эти байки не поверит.

Дело дошло до того, что в СМИ уже говорят не о загипнотизированной охране Сталина, а о том, что Мессинг загипнотизировал самого Сталина! Дело в том, что Мессинг никогда со Сталиным не встречался! Это исторический факт! Если бы Сталину захотелось встретиться с «магом», он мог бы пригласить куда более известного и профессионального гипнотизера — московского врача Н.А. Смирнова, извест-

ного под сценическим псевдонимом Орнальдо. Дочь Смирнова была женой главы Министерства государственной безопасности Виктора Абакумова.

Теперь об охоте немцев на Мессинга. Всем известна байка о том, что Гитлер объявил личным врагом диктора советского радио Левитана и обещал повесить его первым после взятия Москвы. Эта сказка гуляла более 50 лет, пока не была публично опровергнута в 2000 г. работниками радио. Но миф жил, и его всегда подогревали, пересказывая и перепечатывая. Так же обстоит дело и с охотой немцев на Мессинга.

Конечно, Мессинг владел техникой гипноза, но она ничем не отличалась от классических методов, т.к. других просто не существует. Удачное использование гипноза требует определенных условий, тем более по отношению к людям, которые никогда не подвергались гипнозу или слабовнушаемым. Эстрадные и цирковые гипнотизеры работают только с гипнабельными зрителями; опытный гипнотизер может выбрать таких людей даже без применения тестового отбора. Будь Мессинг не из еврейской семьи, о нем говорили бы не больше, чем о сотнях других гипнотизерах, ушедших в небытие.

Другой «раскрученный» брат Мессинга — Гари Гудини. Гари тоже из еврейской семьи и поимел славу в США. Он также оброс легендами в России, удивительно похожими на легенды о Мессинге. Гудини якобы беспрепятственно покинул закрытую камеру известной московской «Бутырки» и вышел на волю. Нечто аналогичное он проделал и в питерских «Крестах». Правда, есть в биографии мага один неприятный случай. Присутствовавший на выступлении Гудини американский полицейский, который наблюдал, как волшебник легко открывает замки со связанными руками, предложил магу открыть наручники. Гудини не смог открыть обыкновенные полицейские наручники! Пресса, выступившая в защиту Гудини, объяснила это тем, что маг не успел подготовиться... Гудини похоронен в Нью-Йорке на еврейском кладбище. Для американцев он остался «непревзойденным магом и волшебником».

Двойной стандарт оценки способностей людей в зависимости от их национального происхождения остается реальностью и наших дней. Об этом не принято говорить, но говорить надо. Среди лауреатов Нобелевской премии доминируют евреи. Никто не умаляет интеллектуальных способностей евреев, но их практический вклад в мировую науку далеко уступает русским, немцам, англичанам, французам. За полвека существования мононационального государства Израиль его ученые ничего практического не выдали в мир науки.

Но, благодаря мистификации со стороны СМИ, все выглядит совершенно иначе. Поэтому школьники и студенты знают «в лицо» практически малозначительного ученого Эйнштейна и не знают, как выглядел великий немецкий ученый Вильгельм Конрад Ренген (1845—1923), благодаря изобретению которого спасены миллионы жизней. Признаком гениальности стала фраза, гуляющая в кино и литературе: «умный, как Эйнштейн» или «ну ты Эйнштейн!». А почему не Менделеев или Циолковский? Да потому, что признание в науке и популяризация ученого давно уже стало частью политики. Тема эта обширная и требует отдельных исследований.

...От внимательного читателя Николая Подпорина я получил письмо после публикации моей статьи о Мессинге в газете «За Русское Дело». Николай Павлович был свидетелем и участником выступлений Мессинга в городе Свердловске. Перед началом выступления формировалось жюри, которое должно было контролировать поступающие записки, в которых содержалось задание для «великого мага», и точность их выполнения. То есть Мессинг должен был угадать содержание записки, держа за руку ее автора. Как только было предложено пяти «добровольцам» составить жюри, на сцену рванулось пять человек, но один замешкался, и Николай Павлович опередил его. «Я опередил его буквально на 2—3 секунды. Меня пытались отодвинуть, но я настоял на своем и добился участия в жюри». Далее счастливый обладатель места в жюри увидел, как четверо участников жюри активно отбирали записки для Мессинга, ища нужные «от своих людей». «Все шло у них гладенько, пока я не настоял на выполнении задания, выбрав записку по своему усмотрению. В записке говорилось: «Подойдите к столу, стоящему на сцене. Выньте пробку из графина и ударьте пробкой три раза по графину. Врач-психиатр Чеботарев». Я вызвал автора записки на сцену, Мессинг взял его за руку и начал метаться по зрительному залу. Но ничего угадать ему не удалось. Я несколько раз останавливал Мессинга, говоря, что его действия совсем не соответствуют заданию. Он потребовал прочесть содержание записки в слух. Я прочел, и он гневно и свирепо начал упрекать меня и врача, обвиняя нас в непорядочности, шипя: «Вы что вытворяете!» После выступления Мессинг любезно попрощался с четырьмя членами жюри, пожал им руки, но мне руки не подал и испепелил меня гневным и злобным взором». Вот вам и «великий из величайших». В хорошо отрепетированный спектакль вмешался слушай, и фокус не удался...

Валерий Мишаков в газете «Московский комсомолец в Питере» от 23.08.2006 г. подтверждает мои изыскания по Мессингу:

«Михвас, как называли журналиста Михаила Васильева в московских кругах, заперся с телепатом на подмосковной даче и попытался выжать из него хоть какие-то сенсационные воспоминания.

Однако, к великому разочарованию, таковых не оказалось. Подлинная биография артиста никак не соответствовала имиджу человека-загадки. Надо было срочно изобретать новое блистательное прошлое. И Михвас постарался на славу. В фальшивых воспоминаниях жизнь Мессинга наполнилась сногшибательными встречами. Оказалось, что писатель Шолом-Алейхем, отец психоанализа Зигмунд Фрейд, гений физики Альберт Эйнштейн пророчили маленькому Вольфу большое будущее. Юноша якобы успел объездить весь мир, подружился даже с Махатмой Ганди. В 1937 г. ясновидец будто бы предсказал гибель Гитлеру, если тот пойдет войной на Восток. После чего за голову Вольфа гестапо назначило награду в двести тысяч марок. Он был арестован, но благодаря сверхъестественным способностям совершил побег. В СССР ясновидец стал ни много ни мало советником Сталина.

Литературную стряпню Хвастунова стали печатать отдельными главами в журнале «Наука и религия».

В 1955 г. издательство «Советская Россия» объявило о том, что на следующий год книга о Мессинге выйдет огромным тиражом. Но не тут-то было... Компетентные органы наложили запрет на эту ахинею. Однако история фальшивки получила продолжение. В середине шестидесятых годов в Москву из США приехали две ученые дамы — Шейла Острендер и Линн Шредер. Они намеревались разузнать, как обстоит дело с исследованиями по парапсихологии в СССР.

Особых тайн они, конечно, не открыли, но в 1970 г. в издательстве «Бентем Бук» вышла их книга, в которой целая глава была посвящена Мессингу. Надо ли говорить, что это был дословный перевод комикса Хвастунова из журнала «Наука и религия». Ведь сам телепат от встречи с американками отказался.

Потом книгу перепечатали в Германии, и она пошла гулять по свету, выдержав восемь изданий. Вот откуда черпают информацию нынешние российские СМИ, когда пытаются рассказать нам «правду» о величайшем медиуме XX века».

РАССКАЗЫ

РОДНИКИ

Москвич Володя Зубарев укоренился в липецком черноземном краю нежданно-негаданно — и для себя, и для других. После службы в Афганистане работал в строительно-монтажном управлении бульдозеристом и на одном из объектов познакомился с маляром Дашей Труновой, липчанкой, приехавшей в столицу искать счастья. Через полгода они сыграли свадьбу, в кафе, где Володина мама, Антонина Николаевна, работала буфетчицей; продолжение торжества решили перенести на родину Даши; так будет по-человечески, рассудили Труновы-старшие и Антонина Николаевна; надо же уважить родичей невесты, которые не могли оставить свою живность и приехать в столицу. Зубарев, не раз бывавший в Подмоскovie, — в пионерлагере, в доме отдыха с мамой, — но видевший глубинную Россию только из вагонного окна, разомлел душой в старинном селе; ходил, говорил с людьми как бы слегка хмельной, но хмельной не от спиртного, от выпитой одной-другой рюмки, а от виданного и слышанного им; от сочного посвиста иволги в приречных лозняках и многоголосого пересвистывания дроздов в ольшанике, зеленой стеной стоявшем за огородом Труновых. Как будто кто-то нарочно, к его приезду сюда, придумал такое живое кино — вон



ПРОЗА

там, на излучке речки, стоит по колено в воде белая цапля, а вон там мерцают чуть седеющие нивы, а правее — малахитовые свекловичные поля... А в саду тяжеленные белые плоды антоновки, красно-полосатые грушовки, сизо-фиолетовые гроздья слив... А пройдишь взглядом по грядкам!.. Огурцы, помидоры, перцы, всякая зеленуха!..

Черноземный край сразил Володю, как говорится, наповал.

Вот так и остался он здесь, с Дашенькой, с Иваном Макаровичем, ее отцом, и Марией Акимовной, ее матерью, остался навсегда.

Работать Зубарев пошел в ремонтные мастерские, не раздумывая. Во-первых, там лет тридцать токарил его тесть, значит, проще обвыкнуться с людьми и с делом. Во-вторых, тракторная и автомобильная техника — его стихия. Володе сразу понравилось новое место работы. Длинное кирпичное здание, крашенное снаружи синькой, полутемное пропахшее машинным маслом его нутро, абажуры с яркими лампочками над токарными и слесарными станками, натертый до темного блеска рукавами рабочих телогреек длинный стол в красном уголке, где в обеденный перерыв мастера перекусывали, чем Бог послал, поигрывали в картишки, иногда выпивали. Да и народ здесь понятный ему: подковыристый, как все технари, но беззлобный. Молодых и друг друга старшие называли по именам. Молодые старших — по отчеству. «Вась, а ключ...», «Палыч, как думаешь...»

Ежедневно после работы Володя шел с тестем домой через Васильеву пасеку, старый сад, окруженный высоченными ясенями и вязами, или, если случался у кого-то день рождения, канун праздника, — в чайную, где они в дружеском окружении выпивали кружки по три-четыре пива.

Вечером, передевшись, помогали, по выражению Ивана Макаровича, «женскому племени»: носили воду из колодца для полива грядок, кололи дрова, катали в коляске маленькую Лиду по улице.

Так вот и шла будничная жизнь Володи Зубарева.

Летней порою, по субботам, Иван Макарович и Володя, прихватив инструмент — штыковые лопаты, топорик, — а также обед — кусок сала, хлеб, несколько вареных яиц и бутылку самогона — отправлялись в путь по тропинке вдоль речки. И тропинка эта, выбитая когда-то коровьими копытами, вела их и вела неспешно по лугу... Вот Иван Макарович машет рукой: направо, мол... Еще несколько шагов — и стоп! Тут из-под бугра бьет, переливается на солнце серебряными кружочками родник... И вот два доброхота берутся за

лопаты и бережно раскапывают его вширь. Вода на глазах мутнеет, и уже не видать на дне пульсирующих, шевелящихся песочек водяных жилкок... Пока они ходят к речке и рубят лозняк у берега, вода очищается, светлеет, и вновь играют на солнце серебряные пятячки... Вокруг дна обновленной ямки они вбивают сучковатые колышки и ведут по ним маленький пахучий плетень из гибких прутьев. И вновь берутся за лопаты; надо углубить ложе родникового ручейка, чтобы бежал к речке быстро и весело.

— Ну, вот и все, вершина нашего дела! — Иван Макарович нахлобучивает на зеленокорый колышек эмалированную кружку (их у него в сарае, на полке десятков — не меньше!). — А теперь, Володенька, обед!

...Лежат, разомлевшие, никому ничем не обязанные, улыбаются, слушают бляенье кружащего в поднебесье бекаса, смотрят на прозрачно-синих стрекоз, толкущихся над родником... Славно!

— Знаешь, Володька?.. — Тесть привстает, садится, протирает очки — толстенные линзы — мятым платочком; смотрит, часто помаргивая, вдаль. — Знаешь, годов через двадцать кто-нибудь спросит: а кто такой Иван Макарович был? И кто такой этот вот Володька? А ему скажут: да это они для мира старались, родники благородили, ты что!.. Речке силу давали! Ты что!..

Иван Макарович, довольный своей придумкой, тихонько смеется. Володя улыбается: «...благородили»!..

Теперь, когда тестя уже нет в живых, Зубарев ходит обустроить родники один. Подкупил еще эмалированных кружек, поставил на сооруженную тестем полку — и берет по одной. Мастерские поутихли, и работающих стало меньше, но моторы и агрегаты в бывшем колхозе (ныне товариществе) и в соседних хозяйствах не перевелись вконец. Правда и то, что, по словам одного местного шутника, село «малость подзагорело», то есть там и сям, то в одном конце села, то в другом, появляются выходцы с Кавказа и из Азии. Промысел у них простой: загружают трейлеры местной дешевой картошкой или яблоками и гонят их в Москву.

Володя Зубарев — уважаемый в селе человек. Поначалу дивились на него: во, мол, дает! Как же: «из самой Москвы» уехал! А теперь — свой. Вопросов нет. И Даша рада, что так все сложилось. А то бы осталась на Мичуринском проспекте жить, ходила бы в толпе не нужная никому, не видная никому. А тут она — человек человеком. И за Володю рада: что бы он делал там, в Москве, после работы? Смотрел бы телевизор или пил с соседом водку. И Мария Акимовна не нарадуется

на семью, на зятя. Идет из магазина, смотришь, то один ей, то другой скажет:

— Счастливая ты, Акимовна. И дочь путевая, и внуки хорошие, и зять работающий, смиренный. Не то, что мой... Зальет глаза — и пошел куролесить! Смиренный, хороший зять!

— Смиренный, — соглашается Акимовна.

Смиренный, смиренный... Так и прилепилось к нему прозвище — Смиренный. Володька Смиренный. Раньше, бывало, по-другому его кликали: Володька Москвич. А теперь вот... Но смиренный — вовсе не значит, что он невеселый, тихонький. Случается им на свадьбе какой гулять с Дашей или на родинах... Распоется народ, распляшется... Тут уж и Смиренный выходит в круг. Прихлопнет, притопнет — и пошел! Руки птицами летают, ноги так и сяк выделывают коленца!

— И где ты только плясать по-нашему научился? — спросит кто.

— А она сама меня носит! — улыбается, отряхивается Володька. А кто — «она»? Не израсходованная душевная сила? Земля? Цепкая мгновенная память? Или перешло к нему это умение от его воронежского деда? Такого же, как и он, долговязого, жилистого, черноусого. Но то, что «она» добрая, щедрая, родная — несомненно.

...Идут, идут они — Володька и Алешка, Зубарев-младший, — по еле заметной травянистой тропинке, поглядывая то в теплое небо, то на заливной луг. На дали дальние.

— Папа, а кто там, на небе, «ме-ме» кричит? Овечка?

Володька ставит на землю сумки, втыкает лопату в тугий дерн.

— Да какая овечка!.. Бекас. Птица такая, блеет. М-ме, м-ме!..

Пятилетний сынишка недоверчиво смотрит отцу в глаза.

— Птица такая?

— Да вон там... Выше, выше смотри... Видишь?

— Вижу, — неуверенно отвечает Алешка.

— А вон там, на лугу, цапли... Белые... видишь? Мы их прошлый раз видели, помнишь?

Зубарев доволен. Так вот, мало-помалу, как он сам когда-то, осваивает его сын вольную сельскую окрестность. А любопытен стервец, работящ, во всяком домашнем деле помощник.

Далеко он с сынишкой не ходит, мал Алешка еще. А сам-то он километров за пять вдоль речки уходил. Сколько их, родников, оберегаемых Зубаревым? Десятка полтора, пожалуй.

Обновив осевшую за год округность родника и ложе его стока, плетут из пахучих прутьев лозняка круглый низенький плетень. Отдыхают и вновь принимаются за дело... Ну вот и

все!.. Зубарев споласкивает в ручейке руки, накрывает на стареньком Алешкином одеяльце нехитрый обед, а сынишка, держа одной рукой за свежеструганный колышек, ловит другой поднимающиеся со дна выпуклые зеркальца живой воды...

«Благородили...» Царствие тебе Небесное, Иван Макарович!

И вот, отведав простой домашней еды, взявшись за руки, лежат на траве «благородные люди», большой и маленький, глядят в небо нескончаемое, и мнится Володьке, будто легко-легко воспаряют они над землей, над холмами, над речкой, над их родниками, и так светло вокруг, так воздушно...

КОСМОНАВТ ПАВЛОВ

— Вы когда-нибудь видели шторм в океане?

— Нет. Не приходилось.

— А извержение вулкана, скажем, на Камчатке? Когда земля под ногами ходуном ходит?..

— Не посчастливилось.

— Не посчастливилось... — Космонавт Павлов, крепкий телом мужчина лет пятидесяти пяти в черном пиджаке и черной же водолазке, крупнолицый, чуть курносый, усмехается и крутит загорелыми пальцами рюмку с водкой. — Не посчастливилось... Не видели — и, думаю, не стоит о том жалеть. Беспомощной пылинкой или травинкой себе кажешься.

Полутемный зал Нижнего буфета ЦДЛ (Центрального Дома литераторов) тих и прохладен. И всего-то здесь три живые души: он, я да средних лет буфетчица-блондинка за освещенной стойкой.

— Когда мы с Егорычем в первый раз на орбиту поехали, я, знаете, все видел, ощущал, как, наверное, все побывавшие там. Ракурс небывалый, конечно! Но, как говорится, экскурсия закончилась, началась плановая работа. Детали, думаю, не нужны?.. А вот в следующий раз...

Павлов нервно постукивает пальцами левой руки по столешнице.

— Выпьем?

— Ваше здоровье!

Долька лимона настолько кисла, что я невольно морщусь.

— Небось, покрепче водки показалось? — Павлов по-свойски подмигивает, откидывается на спинку стула и смеется. — А?..

— Точно.

Павлов снова опирается локтями на стол.

— А в следующий раз... Опять же с Егорычем... Просыпаться я — как будто кто-то так легонько толкнул внезапно — и

мурашки по коже... Не вижу, чувю: на меня — не Егорыч же! — или сквозь меня, или вокруг меня? — кто-то смотрит. Не в иллюминатор, а — вообще, отовсюду. И я, человек сугубо атеистически-коммунистического воспитания, мысленно и, наверное, помимо воли, вопрошаю: «Это Ты, Господи?» И через секунду-другую по рукам, по спине, по ногам разливается такое тепло!.. Я цветком себя почувствовал!.. Бабочкой!..

Тихонько наполняю Павлову рюмку.

— Так вот — о штормах и вулканах... Мне казалось когда-то, что от них, от их грозной силы должны дрожать степи, пустыни, леса и реки! Вся Земля-матушка! А тут, знаете, плывет она в необъятном просторе космоса этакой круглой невеличкой, с ее океанами и штормами, с исхоженной-неисхоженной тайгой, Гоби и Сахарой, с шумящими белыми березами, плывет, несется... Куда? Зачем? Несется под чьим-то великим приглядом. И я понял, что я маленький, что мне хочется, как хочется порой большущему дяде, стоящему у своей старой колыбельки, прилечь в нее, укутаться ее теплом, так мне захотелось вернуться в мой привычный мир, ступить ногами на твердь земную, вернуться и сказать: «Благодарствуй, Господи!» Благодарствуй. За этот маленький, великий мир.

— Поднимем?

— Поднимем.

Павлов стремительным росчерком надписывает мне свою книгу «Свет», и мы выходим на улицу, где во всю ширь сияют синева и золото.

Сентябрь!

ПРИХОД

Батюшка, отец Василий, человек неунывающий, как, впрочем, и положено христианину, а тем более — пастырю. Идет по деревенской улице, неспешно осматривается по сторонам, на лице — легкая улыбка, видно, что рад всякому встречному.

А вот и Михайловна! Сидит у своего палисадника на лавочке. Увидела отца Василия, встрепенулась. Охлопала легонько пестрое платье, убрала седую прядь под темный плавок, спешит навстречу.

— Благословите, батюшка!

— Как здоровье, дочь моя? — Отец Василий знает, что у Лидии Михайловны последнее время побаливали ноги. Однако ж стоит всю службу, виду не подает.

— Слава Богу, батюшка, слава Богу!

— А дети, внуки часто пишут?

— Пишут, батюшка, пишут... Все хорошо у них.

— Значит, в радости живешь. В храме часто бываешь, мо-
лодежь жива-здорова, трудишься, вижу, постоянно. Вон как
цветы ухожены!..

Услышала разговор соседка Михайловны, Надя, несет
литровую банку молока и большую белую чашку.

— Молочка, батюшка, попейте. Парное!

Отец Василий пил недавно с матушкой чай, и молоко вро-
де бы ему ни к чему. Но как не уважить Надежду? Семья ве-
рующая. Муж ее, Петр, с сыновьями раным-рано укатил на
свое фермерское поле косить клевер; сама день-деньской с
дочерью по хозяйству хлопочет. Люди с совестью, работа-
щие. Как тут не уважить?

— Ну, коли парное... — Отец Василий неторопливо пьет
молоко. Действительно, вкусное!.. Он вытирает тыльной сто-
роной ладони русые усы и бородку. Глаза-васильки, кажет-
ся, стали еще ярче. Соседки любят себя своим батюшкой. И
лицом светел, и благообразен... Лидии Михайловне он чем-
то напоминает сына Виктора, а Наде — брата Никиту, офи-
цера-подводника. А душевный какой!.. Не во всяком селе
есть такой батюшка! У них — самый лучший!..

Батюшка сворачивает в переулок, идет по травянистой
тропке. Мягко ступать, хорошо... Под пышным кустом бу-
зины стоят два молодых мужика: Самохин Николай и Сум-
цов Владимир. Сумцов пьет из горлышка какое-то вино.
Щетинистый кадык вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз...
Торопится. Эх, Володька-Володька!..

Увидели отца Василия, замерли. Ни здравствуйте, ни до
свидания... Отец Василий остановился невдалеке, смотрит,
молчит.

— Да мы того... — не выдерживает молчания Самохин. —
У Володьки день рождения... недавно... был. Ну и...

— День рождения? Ну-ну... — Батюшка опускает голо-
ву. — Ну-ну... — Потом поднимает на них взгляд потемнев-
ших васильковых глаз. — Жены-то ваши ведрами воду для
полива таскают, руки, наверное, себе оборвали... У вас же
семьи!.. А вы все в парнишек играете...

И идет дальше.

Навстречу бегут девчонки. Эта, впереди, Кузиных, а те —
Федякиных и Бушиных...

— Купаться, что ли? — кричит повеселевший отец Василий.

— Купаться! — И несутся стайкой к реке.

— Стрекозы!

С отцом Василием я знаком года три-четыре. А увиделись
мы впервые у моего товарища, художника Дугина, постро-

ившего дом-мастерскую на крутом берегу Оки, километрах в пятнадцати от Лехова. Батюшка приезжал посмотреть новые работы Володи.

Леховский храм пришелся мне сразу по душе, с первого взгляда. Белый, с двускатной крышей и голубеющим над храмом куполом; такой же купол, только маленький. Венчает стройную колокольню. Вокруг церкви — ограда из серого песчаника да несколько высоких сосен. А живая панорама — на десятки километров обзор! Зеркальная (в тихую погоду) или изрешеченная (в ветреный день) длинная гладь Оки... леса... деревеньки... луга...

— Видишь, сколько селений! Да все небольшие... Тяжело людям, прихожанам, к церкви добираться. Особенно — в непогоду. Скажем, когда метели или другая непогода... Но ничего, с Божьей помощью, ладный приход собирается. А раньше было... Знаешь, как-то осенью дожди зарядили... Начал вечерню и молю Господа: пошли мне хотя бы одного прихожанина, душу живую!.. Глаза опускаю, глядь, жаба к алтарю прыгает. А псаломщик увидел ее, ногой отталкивает: вон, мол!.. Оставь, говорю, ведь она тоже тварь Божия! И даже святой водой окропил. Не дело, конечно, это... А с другой стороны...

Батюшка широко разводит руки.

— Красиво! Хорошо, а?

Я тоже взглядываюсь в заокские дали, и сами собой выдыхаются светлые слова:

— Отче наш...

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

МЕНТ

Тучный майор милиции протиснулся в дверь купе, оставил у входа вещи и подошел к окну — помахать жене и сыну, провожавшим его в далекую командировку.

— Не скучайте, вернусь! — улыбнулся и изобразил руками, что с большим кругом домашней колбасы, который везет с собой, ему тоже не будет скучно.

Поезд тронулся.

Майор неторопливо повесил на крючок пуховик, вынул из сумки спортивный костюм, переоделся, разложил на столе продукты, поставил банку пива, затем убрал сумку под сиденье. «Дней десять таскаться придется, — подумал. — Пока во Владимире заберешь этого идиота, пока сдашь его в Москве... Да обратная дорога... И какого черта бегают из лагерей! Сидел бы да сидел, раз достукался, все равно же поймают».

Он откупорил пиво, и с благодарностью к отцу, приславшему аж восемь килограммов настоящей домашней колбасы, от которой запах-то, запах! — налил пиво в стакан и принялся за еду. «Вот же по-дурацки человек устроен, — усмехнулся. — Дома перед дорогой поел, здесь ем... Куда лезет?» Но колбаса так манила чес-



ПРОЗА

ночным духом, так заранее ощущалось во рту настоящее мясо с жирком да перчиком, что Филатов позабыл обо всем и наслаждался редкостным деликатесом.

Вошел проводник, подал белье.

— Угощайтесь, — майор пригласил его к столу.

— С удовольствием! — облинулся тот. — Если можно, белье разнесу и вернусь.

— Да, пожалуйста.

Майор ел, поглядывал в окно, ожидая проводника, и тот вскоре вернулся и даже не один — с какой-то женщиной, одетой для дороги чересчур броско.

— Простите... — проговорил проводник, — вы один в купе... Дама не хочет ехать с тремя соседями. Размещайтесь, — пригласил ее.

— Сюда-а? — женщина взмахнула руками, блеснув бриллиантом. — В такую вонь? Тут же чесноком пахнет!

— А ты кто такая? — окрысился майор.

— Я депутат областной Думы! Устроили тут ресторан! Немедленно чтобы убрали колбасу и проветрили купе!

Но у майора по-бычьему выкатились глаза:

— А-аа, ты еще будешь указывать, что мне е-есть! И так жизни от вас не стало, так еще в рот будете заглядывать, куски считать!..

— Вы что себе позволяете?! — Депутатша угрожающе шагнула к нему.

— Что?! На старухах да стариках выезжаете! Кто за тебя голосовал? Они! За бутылку просроченного постного масла, которую ты им кинула перед выборами. Что ты им обещала, а? А что дала? А? Для себя стараешься, чтоб за границу смыться, как наш губернатор. У него семья уж десять лет в Цюрихе, а он, ха-ха, российской губернией правит! Миллиардер!

— Что такое, прекратите сейчас же! Проводник, позовите начальника поезда!.. — закричала депутатша и стала похожа на армянскую торговку.

— Чтоб духу твоего тут не было! Налезли! Хозяевами жизни нашей заделались!

— Прекратите! — взвыл проводник, хоть полностью был на стороне скандального пассажира. — Прекратите, не то милиции сдать!

Майор шагнул к двери, залез рукой во внутренний карман пуховика и подал ему свое удостоверение. Депутатша, увидев, кто перед ней, предпочла дальше не связываться, и, потянув проводника за рукав, дала понять, что согласна возвратиться на прежнее место.

Они удалились, майор показал вслед им фигу, сел к столу, и с аппетитом продолжил трапезу.

Нет, скажите, почему я должен заботиться и думать о ком-то? Покажите хоть одного человека, который заботится и думает обо мне! Покажите, кто взял бы да позабыл свои личные интересы. Правильно, нет таких.

Но почему же я в таком случае «плохо» руковожу городским музеем? Я кого-нибудь притеснил в своем коллективе? Они делают что хотят! Начало работы в девять часов, они появляются к десяти и сразу садятся за чай. С часу у них обеденный перерыв, потом «занятия с населением». В пять они на работе, в пять тридцать идут домой.

Я не могу выспаться, когда они «заняты с населением»? Не могу прогуляться, куда захочу? Чем я хуже бухгалтерши? Она не вылезает из магазинов, хоть ноет, что у нее нищенская зарплата. Все они ноют! «Не забочусь о них, не думаю, не выбиваю поощрений и премий». Себе-то с грехом пополам выбиваю.

Недавно пригрозили настротчить на меня жалобу в департамент. А почему пригрозили? Потому что потребовал от них настоящего дела. Не понра-авилось! Шушукаться стали, бегать куда-то, кому-то звонить... «Нет, — думаю, — я от вас быстрее избавлюсь, чем вы от меня».

И вот прихожу на работу, сажусь за компьютер, где у меня незаконченная статья о достоинствах топинамбура, — вдруг заявляются. «Что такое? — кричу. — Кто позволил без разрешения?!» А бухгалтерша: «А-аа, рационализаторство не по профилю? — и лезет к компьютеру. — Про топинамбур толмачите? А про мышей, как перевести всех без остатка, уже дописали? А сценарий фильма для Голливуда? Так вот: или вы уберетесь отсюда и дадите нам нормально работать, или мы на вас в суд подадим!»

Распоясались! То я не знаю, что они вытворяют. Торгуют переданными в музей наградами фронтовиков — вот чем!

«Вон отсюда! — кричу. — Хоть бы я даже стихи сочинял — все равно я развиваюсь и двигаюсь. А вы? Где ваши научные труды, научные сотрудники?»

Тут они такой хай подняли!

— Вы тоже, кроме директорской ставки, имеете ставку научного сотрудника. А где ваше научное обоснование масленицы? Мы уже тряпичных кукол нашли, мы блинов напечем — нам будет чем встретить детей!

Представляете? В музей ходят одни только школьники, да и те по приказу РОНО.

— Делать масленицу, — говорю, — надо по-настоящему. Поставить во дворе ледяной столб, сверху привязать петуха,

красные сапоги, самовар. Кто из детей долезет, тот и схватит, чего захочет. Вот она, настоящая научная разработка! Коль уж просите, могу на бумаге выдать.

Поджали хвосты. К порогу отступать начали. Неохота в снегу бродиться.

— Кстати! — притопнул ногой. — Кто из вас выдумал учить детсадовских ребятишек «музейному делу»? Вам лишь бы с работы смыться!

— Неправда! Им нравится, нравится, мы в детсады ступу и лапти носим!

— А чугунные бюсты передовиков производства, гордости нашего города, почему не носите? Чтобы носили!

У древней старухи со стеклянным глазом — научной сотрудницы на полставки — остекленел второй глаз. Старший научный сотрудник беззвучно трясся. Бухгалтерша рвала и металла. Две хранительницы неизвестно отчего захихикали.

— Вот так! — подытожил я. — Больше ко мне без разрешения не входить.

СЫЧ

Из школы Игорь нес домой два пакета: с мукой, сахаром, маслом и яйцами — в честь восьмого марта мальчики решили сделать девочкам чаепитие. Игорь единственный в классе имел свидетельство УПК «повар-кондитер», поэтому ребята собрали продукты и вручили ему.

«Торт будет башней, — придумывал Игорь. — по нижнему ярусу пушу поздравление, верхний украшу розами, а промежуточные просто покрою кремом».

Дома он надел поварской колпак, фартук, и попросил мать, чтобы в кухню без нужды не входила. Тесто взбивал венчиком, чтобы пышнее, руки устали, но Игорь, захваченный изготовлением шедевра, лишь на минутку давал им отдых. Вот девочки-то удивятся!

— Может, помочь тебе? — пожалела мать.

— Потом. Когда коржи выпекую. Кстати, про сгущенку забыли, у нас есть сгущенка?

— Есть. И ванилин есть, и коньяк. А почему вы торт в магазине не заказали?

— Да хотелось, чтобы как-то особенно...

— Понимаю.

Пришел одноклассник Игоря Сергей Бородин. Пряча глаза, потоптался у порога, затем подал пакетик.

— Тут мама вот собрала... Мука, масло, сахар. Только яиц нет.

— И так хватит яиц, — успокоил Игорь.

Сергей разделся, без приглашения прошел на кухню и сел за стол. Игорь его недолюбливал за скупость и мелочность. «Видать, боится, что продукты себе присвою», — поморщился.

— Мама с ночной смены сегодня, — сказал Сергею, — завтра у нее выходной, пообещала мне помочь крем приготовить.

— А мы с отцом в гараже были. Замок меняли, а то машина дорогая, а этот замок ненадежный.

Игорь включил газ, слегка разогрел духовой шкаф и поставил на выпечку первый корж.

— Хватит муки-то? — поинтересовался Сергей.

— Хватит, хватит.

— Жарко здесь, надо бы форточку открыть.

— Что ты! Бисквит опадет! Выйди на улицу, если хочешь.

Но Сергей предпочел париться.

Через полчаса Игорь вынул из духовки корж, полюбовался, каким получился пышным, и поставил второй.

— Все перепеку, и мама кремом займется.

Он пек, Сергей наблюдал, и когда с коржами было покончено, сын пригласил мать.

— Ну, теперь помогай, я минут на сорок прилягу. — Он устал, по его разгоряченному лицу катился пот.

Мать сменила его на кухне, и он в чем был, упал на диван.

— Тебя дома-то не потеряют? — спросила Сергея Елена Григорьевна. — Первый час ночи.

— Да нет, привыкли.

Она распахнула форточку. В кухню влетел весенний ветер, и неожиданно в ее памяти всплыло давнее-давнее! Тогда Леночка Жукова училась в десятом классе, они с братом допоздна проиграли в шахматы, открыли окно освежить головы, и вот, как сейчас, в комнату ворвался влажный упоительный ветер! Под фонарем на улице отблескивал снег в ледяной корочке, с крыши свисали сосульки — и какие-то странные чувства она испытала тогда: тревоги, щемящей радости, желания уйти в этот ветер... Перевесилась через подоконник, глядя на грязные кочки по краям дороги, и вдруг, потеряв реальность, действительно «пошла» по дороге далеко-далеко, вбирая в себя весну!

Улыбнувшись воспоминанию, Елена Григорьевна повернула ручку оконной рамы, чтобы хоть на секунду вернулась юность с ее непонятным трепетом, но Сергей подскочил, как ужаленный:

— Что вы делаете! Я же простыну, тут такая жара была!

Дальше они молчали. Елена Григорьевна взбивала крем, Сергей следил за расходом продуктов, и когда крем был приготовлен, посмотрел на свои часы:

— Пожалуй, пойду, а то действительно поздно.

— Тут сахар остался, немного муки, два яйца, масла немного, ты это возьми себе. — Хозяйка сложила продукты в пакет.

Сергей взял. Улыбнувшись подкупающе-добродушной улыбкой, пожелал ей спокойной ночи.

Она не стала тревожить утомленного сына, сама разрекла коржи, пропитала коньячным сиропом, обмазала кремом, и лишь цветочки да поздравление оставила Игорю: «Пораньше разбужу его, и уснет».

ДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОР

Осенний вечер. На улице дождь, он падает на карниз лоджии и стекает через дыру между рамой в оцинкованное ведро: буль, буль, буль. Продрогшая рябина верхушкой припадает к стеклу и просится в дом, где светит лампа под абажуром, а муж с женой, сидя в креслах перед журнальным столиком, смотрят по телевизору фильм «Есенин».

— Хороший фильм. За это надо выпить, — говорит муж. Разливает водку и подает жене ее стопку.

— Сашка Устюгов стекло выбил, — не отрываясь от экрана, проглатывает она. — В отместку за двойку. Не признается. Дай мне стекольщика?

— Куда это он поехал?

— Кто?

— Есенин. Ну и кабинет! Красное дерево кругом. Выпьешь еще?

— Нет, больше не хочу. У вас в конторе этих стекольщиков...

— Ну, пусть стоит.

— Кто?

— Стопка. Пусть, говорю, налитой стоит.

Редактор бакинской газеты рассказывает Есенину о подвиге двадцати шести комиссаров и сетует, что всё еще нет об этом ни одной поэтической строчки. Есенин остается ночевать в редакции, и утром редактор получает поэму в сто семьдесят строк.

— Некому стеклить. Ну, сделай ты в качестве шефской помощи?

— Вот гений-то, а? За одну ночь написал! Захотел — и написал. И сразу прославился. И будут его помнить сотни лет.

— А потом — забудут!

— Потом конечно забудут.

Есенин просит у Чагина по рублю за строчку, но тот говорит, что это дорого.

— Такой дождь на улице, такое стекло громадное! Деньги соберу с класса, а кто стеклить будет?

— А вот у нас сторож был, он мог не спать по трое суток. Гений! Его тоже сотни лет не забудут. Я тоже впервые видел, чтобы по трое суток не спали.

— А у нас повариха сахар подмачивала!!! Тринадцать лет подмачивала, и никто не знал!!! Ведро с водой у мешка поставит, и всё!!!

— Вот сволочь. Таких убивать надо. О! Смотри! Прямо за столом стихи сочинил. Шашлык ест и с полным ртом стихи сочиняет. Вот гений! А этот Чагин тупой.

— Это не Чагин, это Киров.

— Нет, Киров в Ленинграде, его уже застрелили. Не будешь пить? Ну, тогда я сам выпью.

Чагин говорит: «Сергей Миронович, вы помните?..»

— О! Киров ведь тоже Сергей Миронович.

Киров аппетитно ест шашлык и что-то рассказывает о Каменеве. Есенин читает «Шаганэ ты моя, Шаганэ».

— Помоги ты мне со стеклом, черт бы тебя побрал!

— Какое стекло, где? Нет, ты посмотри! Гений! Вот, что значит гений! Захотел, и написал. И сразу прославился. Сотни лет его будут помнить!

— А потом — забудут!!!

...На улице дождь. Капли громко шлепаются в ведро, продрогающая рябина скребет ветками по стеклу и, как человек, просится в дом, в тепло.

ПЛЕЧИКИ

Ночью мне приснилось, будто у нашей кошки отпал хвост. Такая гадость! Хвост у нее темно-серый в полоску, красивый, и смотреть теперь на ее голый зад было противно. Так и проснулся с ощущением гадости на душе.

После завтрака решил сходить за пивом, стал снимать с плечиков пиджак, заметил, что они погнулись, начал выпрямлять, и пластмасса сломалась. Запасных не было. Получается, опять гадость.

— В каком магазине плечики продают? — спросил жену.

— А зачем тебе?

— Да, видишь, — показал ей обломки.

— Везде продают.

День был погожий, я шел по улице, поглядывая на небо, на газоны в зеленых плешинах, — и вижу, у шашлычной Петя Нефедов стоит. Мы с ним как вышли на пенсию, еще не встречались, а раньше в одной лаве работали. Ну, обнялись, взяли бутылку, по шашлыку и сели за стол.

— Как тебе пенсия? — спрашиваю. — Я скоро от скуки схохну. Телевизор да телевизор: «Миси-писи, муси-куси, джяба-дряба». Папуасы одни!

— А ты дачу себе заведи, — отвечает. — У меня дача, так скучать некогда.

— А где она у тебя?

— На реке. Роскошное место! Хочешь, грядки копай, хочешь, рыбу лови.

Бутылочку усидели, взяли еще одну. Я вспомнил, что надо поискать плечики. Нефедов говорит:

— Чего их искать? Они, наверно, тридцатку стоят. Поедем сейчас на дачу, я тебе дам, у меня там до черта разного барахла; натаскал, и сам не знаю, зачем.

В дачном поселке, оказалось, одни шахтеры. Загорают, хоть снегу еще полно. Нашлись и приятели, а шахтерская дружба почти фронтовая. Выпили — и я проснулся только на следующей неделе. То есть за плечиками ушел в среду, а в понедельник проснулся, и что интересно, дома! Глаза открываю, жена бабах мне ботинком по голове!

— Сдурела, что ли? — аж подскочил.

— А ты не сдурел? Ты где был? Ты в чем явился? Это чьи ботинки?

Правда, вижу, что не мои. Разбухшие, подошвы отходят. Значит, махнулся с кем-то из дачников...

— А плечики я принес? — спрашиваю.

— Принес! Из металлического прута!

— Ну и чем ты еще недовольна? Не погнутся и не сломаются. И бесплатно, заметь, достались. И вообще — ведешь ты себя, прямо тебе скажу, не по-людски!

АПОКАЛИПСИС (Письмо в редакцию)

Уважаемый редактор!

Я никогда не думал, что прописаться в собственную квартиру равносильно самоубийству. Вот прочтите, что со мной приключилось.

— Мы не имеем права прописать вас без заявления вашей жены, — отрезали мне в паспортном столе.

Пришел домой, белый как полотно, говорю жене:

— Драгоценная! Двадцать лет мы прожили бок о бок, а теперь нас с тобой разводят.

Она на дыбы: да кто посмел, да в чем дело?

— А вот, — говорю, — в паспортный стол пойдем, и тебе там всё объяснят.

Ладно, на другой день являемся вместе, она спрашивает, что происходит, а ей отвечают:

— Вы купили квартиру только на ваше имя.

— Да разве можно купать на два имени сразу?

— Садитесь и напишите, что вы согласны на прописку вашего мужа.

Ну, села в коридорчике, написала: «Согласна, не возражаю».

— Оставьте паспорт вашего мужа и приходите через три дня.

Приходим через три дня. Объявляют:

— Ваша квартира не зарегистрирована. Без свидетельства регистрационной палаты оформить прописку не можем.

— Но я-то прописана, — доказывает жена. — Прописана без регистрации?

— Это к делу не относится.

Палата поблизости, идем туда, получаем справку, что с регистрацией все в порядке, приносим в паспортный стол, а там:

— Документ не на ваше имя. Куда вы смотрели?

— Куда в палате смотрели?

— Об этом у них спросите.

Бежим в палату, а там уже отвечают:

— Обращайтесь в бюро технической инвентаризации.

Нанимаем такси, летим в БТИ, оно на другом конце города, и что вы думаете?

— Заплатите триста рублей, мы выдадим вам новый технический паспорт.

— Зачем?

— Такое положение.

Сгоняли в сберкассу, заплатили, отдали в БТИ квитанцию, спрашиваем:

— Всё или нет?

— Нет. Будем осматривать вашу жилплощадь. Через три дня в пять часов вечера ожидайте.

Явились, удостоверились, что стены, пол, потолки на месте. Говорят:

— За техпаспортом придете через полмесяца.

— С бланка на бланк списать надо полмесяца?

— Соответственно положению.

Через полмесяца получаем техпаспорт. Обрадовались, а тут:

— Заверьте его в регистрационной палате и возвратите нам.

— Зачем?

— Порядки устанавливаем не мы.

Мчимся в палату, а там говорят:

— Заверить не можем, поскольку ваш личный паспорт, дорогой гражданин, старого образца. Получите паспорт нового образца и тогда приходите.

За новым паспортом я бегал больше недели. Выдали, наконец. Всё!

Ан, нет!

— Принесите справку, что вы действительно сдали паспорт старого образца и получили паспорт нового образца.

— В дурдом вас, в рубашки смирительные! — кричу.

— Просим не оскорблять!

Сходил, получил и представил.

— Теперь все в порядке. Но для выдачи свидетельств у нас установлены сроки. Трехдневный срок двести рублей, двухнедельный сто тридцать, месячный восемьдесят.

Отвечаю, что согласен на двухнедельный.

— Оплатите в сберкассе сто тридцать рублей и принесите квитанцию.

Оплатил и принес.

Через полмесяца выдают мне какое-то извещение. Читаю и узнаю, что днем раньше палата отправила письменный запрос в паспортный стол, так как в документах имеются расхождения паспортных данных, и на этом основании выдача свидетельства отодвигается на месяц.

Со мной истерика. Кричу, размахиваю руками:

— До паспортного стола два шага! О чем вы думали все это время?! Деньги берете за скорость, а где она? Сам пойду, если так нужна эта справка!

— Вам на руки не дадут.

Я пошел и принес.

Заявляют, не моргнув глазом:

— Свидетельство будет через три дня.

Домой я полз, как отравленный таракан, спотыкаясь на ровном месте. Через три дня зазвонил телефон; поднимаю трубку, и... о, нечистая сила!

— Регистрационная палата уведомляет вас, что регистратора не будет до второго августа.

Уважаемый редактор! Я понимаю: волокита — не порок, а умственное коллективное вырабатывание социальной истины. Так говорил Андрей Платонов. И все же... прошу опубликовать историю моего горького опыта. Пусть тот, кто захочет прописаться в собственную квартиру, заготовит сер-

дечные капли, успокоительные порошки, прибор для измерения давления... пусть запасется железным ломом, чтобы постоять за себя!

ЕДИНСТВЕННОЕ СРЕДСТВО

Едва проснувшись, Петр Сергеевич идет в ванную и встает под холодный душ. Покрякивает, порыкивает, потом запирает «собачку» и наливает воду в ведро.

Дважды окатившись с макушки до пят, он уверен, что не только закалил свой организм и укрепил нервы, но и «просветлился мозгами».

«Я вот соберусь и напишу о себе в газету», — раздумывает он. — С самого начала прямо начну. Как грипповал каждую зиму, как психовал, когда не выдавали по полгода зарплату, и вообще, как убивал себя. Ведь человек со слабыми нервами — самоубийца, у него мозги направлены не туда, куда следует. Вспомнить страшно, сколько народу полегло, когда случился дефолт! Я тоже едва не умер. Иду по улице, а навстречу Тонька Фокина, и кричит мне: «Скорее беги в сберкассу, снимай все деньги, покупай продуктов! С завтрашнего дня цены повысятся в десять раз!»

Да неужто, думаю? Кто-то утку пустил. Куда им еще повышаться, и так в месяц повышаются по два раза. Ан, глядь, народ, как из муравейников, разбегается из многоэтажек в разные стороны. Тьфу, думаю, неужели Тонька правду сказала? И как только подумал об этом, тут же и вспомнил, что на сберкнижке у меня всего десять рублей — по советскому курсу это копейки три.

А дома-то были денежки. Прибежал, схватил все, выстоял очередь в продуктовом и купил два ведра гречки. В аккурат денег хватило. А курильщики-то что вытворяют, смотрю! Ларьки с сигаретами готовы перевернуть. На мах скупают всё. Ну, видать, есть у людей сбережения, раз на сигареты расходуют.

А только месяца через два народ помирать начал. Как раз вот они, курильщики. Видать, последнее на курево извели. Кто не помер, те ждали, когда же проклятый дефолт закончится. А он и не думал кончаться. И вот тут я почувствовал, что сердце мое стало колоть, как иголками. И бьется оно, особенно к ночи, то сильно-сильно, а то замрет. Я уж за пульс хватаюсь: на месте ли? Но чую, что и он куда-то уходит.

И вот однажды (Бог, наверное, надоумил), встала я под ледяной душ. Впрочем, не Бог, забыл, а про Порфирия Иванова показали по телевизору. И с тех пор я каждый день обливаюсь.

Не на улице, как Иванов, дома: трудно на улице, мне же за шестьдесят, «чокнутый», скажут. Порфирий-то мог стерпеть, когда его чокнутым обзывали, а я не смогу — я морду набью.

Но главное, которые обзываются, те и страдают. Убавили в декабре отопление — они сразу за сердце: ах, как же дети? А надо всем под ледяной душ! Детям, родителям... Никакой холод не будет страшен, и можно даже на снегу спать. Закрыли в городе пульмонологию — да шут бы с ней. Вставай под душ! Можно бы и терапию закрыть, все равно с нее никакого толку. Кладут человека, а он свои лекарства носи, одеяло, подушку, белье, халат... Терапию закрыть, а все матрасы оттуда передать в хирургию, пусть по два на кровати будут, один-то матрас насквозь просвечивает.

Я спокоен. У меня нервы крепкие. А те, кто не обливается, они от всего паникуют. В бессрочный отпуск выгнали — паникуют; работы нет — паникуют... Ну, а что тебе даст эта паника, кроме могилы? Да и злиться не надо. Смотри ты, как злятся на всё. Даже на День народного единства! А что он? Хороший день, память о прошлом, когда все были едины: и рабочие, и директор. Так не-ет, кричат: «Какое единство, с кем? С нашими гробокопателями?!» А всё от туманности в голове, оттого, что холодной водой не хотят обливаться. А я настолько уже просветился, что совершенно точно могу сказать: скоро будет громадный пожар! А почему? Да потому что психованных развелось сильно много — они с четырех сторон запалят страну!»

— Надо спасать отечество, — вслух объявил себе Петр Сергеевич. — Пусть срочно и повсеместно отключают горячую воду!

Он вышел из ванной, отыскал в ящике кухонного стола авторучку и тетрадный листок и тут же в кухне изложил на нем свои мысли.

— Пошлю в «Аргументы и факты».

СКАЗКИ

На лавочке у подъезда под сенью черемухи, на которой после химзаводского выброса большие уродливые цветы, а ягоды похожи на тараканов, сидят две старушки. Одна в свалывшемся сиреновом парике, другая с естественными сединами; обе в халатах. Делать старушкам нечего, о политике они давно переговорили, о смерти тоже, и вот теперь «сиреновая» заводит о сказках.

— Сейчас народ сказки не любит, а раньше-то не так было. Если кто сказку начнет, окружают, разиня рот слушают!

— Да-а, Люба, раньше совсем по-другому было. Я до сих пор многие сказки помню, от бабушки своей слышала. Одну особенно. Про царя и слугу. Спал он, этот слуга, и никогда снов не видел. Царь говорит: «Неужто тебе ничего не снится? Обманываешь, поди?» Слуга ему: «Вот те крест, батюшка! Хоть коротенький бы какой сон!» — «А может, тебе подушку мою отдать?» И велит царь отдать слуге свою подушку. Ну, и отдали. А утром царь спрашивает: «Ну, верный слуга, что приснилось?» — «Ничего, батюшка, темень одна». — «Врешь! На моей подушке не может такого быть!» И велит царь побить слугу. Били его, били, били, били, чуть живу оставили. И подействовало: в ту же ночь ему сон приснился. Побегал он к царю, да прямо с порога и выкладывает: «Снилось, батюшка, будто я в раю живу. Все радостные там. И так любят своего царя, что готовы жизнь за него отдать!» Царь удивился. Говорит: «И мне на моей подушке такое же снится! Выходит, тебя бить надо?» Повернулся к слугам, да и махнул рукой: «Всыпьте ему!»

— Да, интересная сказка, — кивает «сиреневая» Люба.

— А это не сказка, — внезапно вырастает из-за ее спины внук. — Это про нашу жизнь.

— Много ты понимаешь! — кипит рассказчица. — Мне скоро восемьдесят, а я от бабушки своей слышала!

— По радио сказали, что вам пенсию повысят на семь процентов.

Старушки подсказывают, как ужаленные:

— Когда?

— Через два месяца.

— А-ах-и! Все продукты завтра в цене подпрыгнут!

— И квартира!

— И свет!

— И вода!

— Да нет, — парень пытается успокоить, — говорили только про пенсию, своими ушами слушал.

— Сказки они говорят, милый, сказки... Повеситься, что ли? Всем, кто на пенсии, сговориться, и враз повеситься. Хоть работяги от нас отмаются: им ведь не повышают зарплату.

— Эй, бабки! — весело подходит к ним почтальонка. — Чего расшумелись? Опять про экологию?

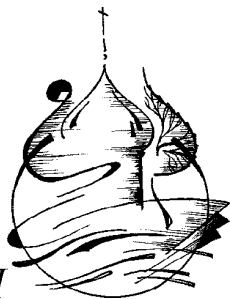
— Да нет, про пенсию...

— А я думала, про экологию. Газета вот вышла: зря кричим. Две комиссии проверяли, московская и областная, — хорошая у нас экология.

СТАЛИНСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Мне довелось, очевидно, быть последним журналистом, взявшим интервью у Александра Сергеевича Панарина. Беседа состоялась в мае 2003 года на московской квартире его жены Натальи Николаевны Зарубиной и была затем опубликована в газете «Гудок» (в двух номерах), еженедельнике «Трибуна», перепечатана рядом других изданий, широко прошла по сетевым СМИ, попав даже в «Компромат ру.», хотя в ней, разумеется, не было ничего разоблачительного. Интервью началось вопросом, ради которого я, собственно, и пришел к выдающемуся философу:

— Александр Сергеевич, в спектре партийных идеологий России пустует ниша христианского социализма. Виктор Аксютин в начале 90-х годов хотел сформировать у нас аналог западных ХДС—ХСС — христианско-демократическую партию, но это новообразование не оказалось жизнеспособным. Однако до сих пор никто не предпринял даже попытку организовать политическое движение, провозгласившее своей целью соединить два главных пути, которыми отмечена история России, — путь православного царства и путь социалистической сверхдержавы.



ОСОБЕННЫЙ ПУТЬ РОССИИ

Возможна ли в России партия христианского социализма и каковы ее перспективы?

Вопрос мой вызвал достаточно сдержанную реакцию. Я получил ответ, смысл которого состоял в том, что в России была традиция, способная дать христианскую интерпретацию социализма. Собеседник вспомнил вышедший в 1902 году сборник «Проблемы идеализма», имена Сергея Булгакова, Петра Струве. К сожалению, традиция эта была пресечена, поскольку социализм достался нам в наследство от большевизма как радикальное светское учение ярко выраженной богоборческой направленности. Хотя, отметил Панарин, «в социализме есть и то, что сближает его с христианским учением: идея сочувствия нищим духом — слабым, униженным, угнетенным».

Что касается политической партии христианского социализма, то Александр Сергеевич задал мне встречный вопрос: «Может ли в России сегодня возникнуть реальная оппозиционная сила, кроме коммунистической»? И сам же ответил: «Боюсь, что нет».

Панарин, видимо, чувствовал незавершенность данного им ответа. Во время нашей последней встречи (я принес ему свежий номер газеты с опубликованным материалом) он назвал ошибкой отрицание ценностей социалистического государства монархической составляющей русского патриотического движения, сказал, что не считает полезным разделение на красных и белых, причем антикоммунизм последних вызывал в нем активное неприятие. Мы потом перезванивались, и мыслитель говорил, что теме христианского социализма он уделил недостаточно внимания, и ее нужно прорабатывать. Договорились еще раз увидеться и продолжить наш разговор («Гудок» во времена Янина был многотиражной патриотической газетой, и Александр Сергеевич, чувствуя, что времени ему отпущено мало, ценил возможность высказываться в массовой прессе). Но, увы, болезнь быстро делала свое дело. Панарин вскоре лег в больницу, и увидеться нам больше не пришлось.

Потом, мысленно продолжая наш первый разговор, я задался вопросом, суть которого сводится к следующему: если синтез христианской и советской России возможен, то должно же в нашем историческом процессе, пусть подспудно и эпизодически, но проявляться движение к осуществлению этого синтеза. И тогда возникал следующий вопрос: когда мы были ближе к этому синтезу — во времена СССР или теперь? Ответ неожиданно для себя я получил от самого Александра Сергеевича Панарина.

В статье «Кем был советский человек? Или чего нет и не будет у либеральной России?» философ, размышляет, в частности, о том, к каким результатам в СССР и в Соединенных Штатах привело, по существу, одно и то же явление — сплошная грамотность: «Научившиеся читать, — говорится в статье, — могут поглощать бесчисленные комиксы, детективы и «супердетективы», «маленькие тексты с большими картинками» (особенно порнографического содержания). Все это мы видим на примере американской массовой культуры, сегодня заполонившей мир. Труднее объяснить тот факт, что юноши и девушки (в СССР. — В.С.), усвоившие грамотность в первом поколении, стали читать Пушкина, Толстого, Достоевского — уровень, на Западе относимый к элитарному».

«Как объяснить, — продолжает автор статьи, — что миллионы провинциальных девушек-подростков идентифицировали себя с Татьяной Лариной, а миллионы юношей — с Печориным и Онегиным? Усилиями идеологии этого объяснить нельзя — она, напротив, выставляла свои заграждения вокруг данных типов, дотошно разъясня их классовую ограниченность. Но нация «провела» идеологию: она совершила прорыв к родной классике, воспользовавшись всеми возможностями нового идеологического строя: его массовыми библиотеками, массовыми тиражами книг, массовыми формами культуры, клубами и центрами самодеятельности... Если сравнить это с типичным чтивом американского массового «потребителя культуры», контраст будет потрясающим... Где, в самом деле, вырос советский человек: на фабрике, в переполненных коммунальных квартирах, в системе политучебности или — в дворянской усадьбе, где мучились мировыми вопросами героини Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Чехова, Толстого?»

«Мировые вопросы, поставленные русскими классиками, были вопросами отношения человека к Богу. Отличие нашей литературы XIX века от западной (и корень ее величия) состоит в том, что она не существовала вне религиозного контекста, вне евангельской проблематики. Входящий в пространство русской классической литературы и уже в силу специфики восприятия художественного текста идентифицирующий себя с главным героем произведения, вступает в эту проблематику. Таким образом система образования была для советского человека дверью, через которую он, несмотря на все препоны атеистической пропаганды, проникал в мир православных ценностей, в мир характеров, сформированных христианством — Маши Мироновой, Петра Гринева, Татьяны Лариной, Тараса Бульбы... Так на индивидуальном, читательском уровне намечался синтез России старой, ос-

нованной на началах веры, и России, строившей новое общество. Да и советская литература в высших ее проявлениях от Шолохова до Распутина стала органическим продолжением литературы XIX века. И то, что СССР был самой читающей державой в мире, страной самых больших тиражей высокохудожественной литературы, свидетельствует о характере и степени воздействия христианской традиции на общество, не говоря о том, что было немало непосредственных продолжателей этой традиции.

Нация, действительно, «провела» идеологию. Но при этом следует принять во внимание то, что идеологическая надстройка советского государства никогда не была неизменяемой и однородной величиной. Доказательством служит сама ее эволюция — от диктатуры до саморазрушения — явление, не знающее исторической параллели. Война партии с христианской традицией велась с разной интенсивностью и знала периоды перемирия. Конечно, мы знаем о массовых репрессиях в среде духовенства буквально с первых дней советской власти. Но монолит идеологической настройки периодически давал трещины, в которых проглядывала национальная почва. Вот выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 11.11.39 г.:

«Вопросы религии. В отношении к религии, служителям Русской Православной Церкви и православно верующим ЦК постановляет:

1. Признать нецелесообразным впредь политику органов НКВД СССР в части арестов священнослужителей русской православной Церкви, преследовании верующих.

2. Указания товарища Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 года за № 13666-2 «О борьбе с попами и религией», адресованное пред. ВЧК тов. Дзержинскому и все соответствующие инструкции ВЧК — ОГПУ — НКВД, касающиеся преследования служителей русской православной Церкви и православно верующих, — отменить.

3. НКВД провести ревизию осужденных и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительской деятельностью. Освободить из-под стражи, заменить на наказание, не связанное с лишением свободы, осужденным по указанным мотивам...

4. Вопрос о судьбе верующих, находящихся под стражей и в тюрьмах, принадлежащих иным конфессиям, ЦК вынесет решение дополнительно.

Секретарь ЦК И. Сталин».

Протокол этот привел отец Димитрий Дудко в статье «Он был верующим» (Наш современник. 1999, №12). Обратим

внимание на орфографию и стилистику данного документа. Не ленинские «попы и религия», а «православно верующие», «священнослужители Русской Православной Церкви», которая уважительно пишется с прописной буквы, как признанное государством учреждение. Последний пункт протокола свидетельствует о том, что Сталин обеспокоен прежде всего положением православных (не только священнослужителей, но и мирян): судьба «принадлежащих иным конфессиям» будет решена во вторую очередь. С одной стороны, «безбожная пятилетка» по Губельману-Ярославскому, а с другой — такое решение ЦК... Возвращаясь к цитате из Панарина, хочется спросить: может быть, все таки «нация провела идеологию» при прямом попустительстве товарища Сталина? Вспомним, как в школы Советской России возвращались традиции старой гимназии, в армии вводилась форма, напоминая времена царской армии, как возрождались исторические науки, как стране потребовались византологи и слависты...

Можно, конечно, говорить об эволюции взглядов Сталина, но в отношении церкви нельзя отказать ему в определенной последовательности (или в странной для марксиста непоследовательности) по отношению к церкви. В цитированной уже статье отца Димитрия Дудко приводится выписка из еще одного протокола Политбюро, датированного 12 сентября 1933 года.

«В период с 20 — 30 гг. в Москве и на территориях прилегающих районов полностью уничтожено 150 храмов. 300 из них (оставшихся) переоборудованы в заводские цеха, клубы, общежития, тюрьмы, изоляторы и колонии для подростков и беспризорников. Планы архитектурных застроек предусматривают снос более чем 500 оставшихся строений храмов и церквей. На основании изложенного ЦК считает невозможным проектирование застроек за счет разрушения храмов и церквей, что следует считать памятниками архитектуры и русского зодчества. Органы Советской власти и рабоче-крестьянской милиции обязаны принимать меры вплоть до дисциплинарной ответственности по охране памятников архитектуры древнерусского зодчества. Секретарь ЦК И. Сталин».

От этих двух документов — прямой путь к знаменитой встрече вождя с православными иерархами в сентябре 1943 года в Кремле. По сути дела, она знаменовала новый статус РПЦ. Церковь становилась структурной частью советского общества.

Легче всего объяснять историческую ночную беседу Сталина и Молотова с митрополитами Сергием (Страгородским),

Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) соображениями политической конъюнктуры: она-де была нужна Сталину накануне его встречи с Черчиллем и Рузвельтом, но совершенно очевидно, что это поверхностный взгляд. Сторонники данной версии забывают, что Тегеранская конференция лидеров трех стран не имела предварительно оговоренной повестки дня, то есть обсуждение положения церкви в СССР на ней не предполагалось. Да и разве оно могло предполагаться на фоне событий тех дней. Только что окончилось крупнейшее танковое сражение на Курской дуге, мировая война еще в разгаре. Союзники по антигитлеровской коалиции встречаются, чтобы обсудить военные вопросы и наметить контуры послевоенного мироустройства. Наивно предполагать, что открытие второго фронта они могли поставить в зависимость от открытия храмов в стране, которая несла главное бремя войны. К тому же политический вес Страны Советов и авторитет ее вождя едва ли позволяли руководителям западных держав задавать вопросы, касающиеся наших внутренних дел. Лозунг прав человека еще не был взят на вооружение американской идеологией. Упомянутая точка зрения является, скорее, наложением кальки сегодняшних отношений нашей власти с «вашиingtonским обкомом» на события 65-летней давности.

Логичнее выглядит другой тезис: советское руководство использовало политическую конъюнктуру для того, чтобы скорректировать курс государства по отношению к РПЦ. Сталин получил возможность в условиях войны продолжить стратегическую линию, начатую им еще за 10 лет до упомянутой встречи. Как явствует из записки руководителя Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР Г.Г. Карпова, Сталин, принимая трех иерархов, сказал: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку Правительства во всех вопросах, связанных с ее организационным укреплением и развитием внутри СССР». Развитие церкви при всесторонней поддержке государства — это уже совсем не марксизм. Это курс, при котором в социализм встраиваются традиционные ценности русского национального бытия.

А если говорить об эволюции взглядов Сталина, стоит привести выдержки из знаменитой статьи Александра Панарина «О Державнике-Отце и либеральных носителях «эдипова комплекса»: «Сама его политическая биография — это процедура открытия российских фактов, не укладывающихся в западную марксистскую схему. Великие учения настолько репрессировали здравый смысл, что для того, чтобы стать на его сто-

рону в условиях перманентного идеологического давления, требуется недюжинная воля. Сталину пришлось более или менее «нелегально» и интуитивно привлекать старую русскую идею, поначалу начисто изгнанную со сцены» («Завтра», 23.04.2003). Если нелегально, то, по сути дела, Сталин, выражаясь панаринским языком, тоже «провел» (то есть обманул) официальную идеологию, так же как это сделала нация.

Идеология не простила ему этот обман и по сей день, будучи уже выразительницей антимарксистских взглядов, беспощадно мстит вождю. Налицо полярное отношение к Сталину. На одном полюсе — обездоленная нация, на другой — власть. Попытки последней повлиять на восприятие широкими массами личности вождя в сторону, благоприятную для правящей элиты, приводит к прямо противоположным результатам. Иначе и не может быть в условиях огромной социальной пропасти, разделяющей «верха» и «низы». Кстати, на беспристрастный анализ сталинизма в таких условиях рассчитывать невозможно. Чем сильнее происходит поляризация общества, чем большим становится разрыв между бедными и богатыми, тем настойчивее одни будут демонизировать, другие — боготворить создателя красной империи. Можно, конечно, налагать взыскания на игумена Евстафия за икону «Матрона и Сталин» в храме св. княгини Ольги, можно говорить о том, что визит Сталина к блаженной Матронушке, как и то, что он исповедался и причастился перед кончиной, — миф. Но даже если все примут эту точку зрения, стояние большинства за Сталина не прекратится.

Миф — это ведь не сказка. Наука определяет мифологию как «обобщенное восприятие действительности». Почему возникло такое восприятие — вот важнейший вопрос. Ответ на него напрашивается сам собой: народ простил бывшему ученику Тифлисской духовной семинарии его грехи: у Сталина есть что прощать, но и есть — за что прощать. Нация увидела в нем защитника отечества и народного заступника. В определенном смысле в противоречивой и сложной личности вождя наметился, а в восприятии его национальной памятью — осуществился синтез исторической и советской России. Хозяева глобалистского идеологического дискурса не прощают ему именно этого.

Возьмем нынешнюю реформу образования. Если выстроенная во времена Сталина советская средняя школа была родственницей царской гимназии (с естественным для сверхдержавы, нуждающейся в инженерах и ученых, приоритетом физико-математических наук), то нынешняя ориентируется на западные стандарты, методики, учебники, деньги. И что

весьма существенно: русская литература превращается сегодня в необязательный предмет. Валентин Осипович Осипов в статье «Методика антилитературы» («Наш современник» №9, 2009 г.) пишет: «Еще один мракобесный (именно так! — В.С.) замысел был утаен. Было разработано и лишь ждало через месяц после своего обнародования подписанное министром «Положение о государственной итоговой аттестации» с таким вот приговором: «Литература переходит из раздела обязательных в предмет по выбору». Такова ампутация — безжалостная и ничем не мотивированная — русской традиции: литература есть предмет базовый, образующий и воспитывающий».

Итак, если литература в советской школе соединяла времена, создавала единое культурное пространство, давая на территории огромной страны ее юным гражданам общие нравственные уроки, то нынешняя реформа образования ведет к разрыву духовно-исторической преемственности, усечению корней национального бытия, фрагментации и выхолащиванию ценностных установок, получаемых молодежью.

Антисталинской, антигосударственной и антинациональной она является не только в отношении литературы и гуманитарных предметов в целом. Обучение физическим и специальным наукам приобретает все тот же глобалистский вектор, игнорирующий традиции отечественной инженерной и исследовательской мысли, готовящий студентов не к творческой деятельности, изобретениям и открытиям, а к прикладной, по сути, — механической работе.

Характерны слова ректора Московского института стали и сплавов Д.В.Ливанова, дающие программную установку профессорско-преподавательскому составу своего учреждения: «Перед нами стоит задача изменения содержания технического образования. Готовить надо не разработчиков технологий, а специалистов, которые могут адаптировать заимствованные технологии». «Сталинский академик», отец советской металлургии Иван Павлович Бардин в гробу бы перевернулся, услышав такие слова. СССР был мировым лидером в этой отрасли и по объемам производства, и по уровню технологии. Советскому Союзу принадлежит здесь приоритет в ряде важнейших открытий, в их числе — кислородно-конверторный способ и метод непрерывной разливки стали, на которых основано все современное металлургическое производство. А сегодня руководитель ведущего вуза страны по подготовке инженерных и научных кадров в области производства металлов и металловедения ведет студентов к жалкой роли посредников между западными корпорациями-

производителями оборудования и покупающими их отечественными компаниями.

Между прочим, Ливанов — ректор, что называется, непροстой. Дмитрий Викторович находится в составе первой сотни резерва управленческих кадров под патронажем президента РФ. В МИСиС, который с 2009 года называется Национальный исследовательский технологический университет и входит в высшую лигу вузов страны, он пришел с должности заместителя Фурсенко и, следовательно, является активным проводником генеральной линии министра образования и науки. Это линия на разрыв с историческим опытом отечественной науки, на полное пренебрежение интеллектуальным потенциалом народа. Низкопоклонство — наша старая болезнь — сегодня стала официальной политикой. А раньше власть в союзе с научно-технической интеллигенцией умела ее лечить.

«Обычно мы недооценивали свое и переоценивали иностранное, — писал Сталину академик Капица 2 января 1946 года. — Сейчас нам надо усиленным образом поднимать нашу собственную технику. Успешно мы сможем делать это только, когда наконец поймем, что творческий потенциал нашего народа не меньше, а даже больше других, и на него можно смело положиться».

9 февраля 1946 года Сталин заявит: *«...особое внимание будет обращено... на широкое строительство всякого рода научно-исследовательских институтов, могущих дать возможность науке развернуть свои силы. Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны»* (Цитирую по статье В.В. Кожина «Темное» ли наше прошлое и что надо делать для светлого будущего», журнал «Фактор» №7, 2000 г.). Вот какую генеральную линию проводил национальный лидер. Разумеется, можно говорить о влиянии письма ученого на вождя, но независимо от переписки с Петром Леонидовичем Капицей, эта линия была для Сталина стратегической, в том числе — военно-стратегической.

Апрель 1944 года. Враг еще не изгнан за пределы родины, а Сталин как председатель Государственного Комитета обороны СССР подписывает приказ о создании Центрального научно-исследовательского института черной металлургии. Там под руководством академика Бардина создается база мощнейшей школы металловедения, без которой страна не смогла бы отправлять в космос ракеты, поднимать в небо реактивные самолеты, спускать на воду атомные подводные лод-

ки. Сегодня новации главы Минобрнауки и его бывшего зама грозят лишить эту школу каких бы то ни было перспектив.

Странным является сам по себе факт существования учреждения, смешавшего под одной крышей вопросы научно-технической деятельности с воспитанием детей, опеку и попечительство с развитием высоких технологий. При Сталине этими вопросами занимались три ведомства: Госкомитет по науке и технике СССР, Министерство высшего и среднего специального образования и Министерство просвещения. Для чего же теперь, заклеив централизованное государство, создали такую громадную бюрократическую машину? Не для того ли, чтобы полностью контролировать процесс денационализации научного, культурного и интеллектуального багажа страны, ликвидировать саму возможность появления в элите страны национально ориентированного слоя, сделав необратимым процесс разрыва духовно-исторической преемственности не только с советской, но и с Российской империей. При этом данный процесс камуфлируется перзахоронениями останков императрицы и лидеров белого движения, заигрыванием с главой дома Романовых и другими претенциозными пропагандистскими акциями. Их цель — создать видимость того, что нынешняя российская элита является преемницей власти, существовавшей в России до октябрьского переворота. В действительности же, сегодняшнюю РФ с государством Рюриковичей и Романовых связывает только Русская Православная Церковь, хранящая под своим аморфом пространство Российской империи.

Отношения РПЦ и светских властей сегодня носят союзнический характер. Вопрос, является ли этот союз равноправным, обусловлен ли он теми или иными обязательствами, требует отдельного рассмотрения; ограничимся констатацией: те, кто руководит церковной жизнью, поддерживает правительство, а те, кто определяет государственную политику, покровительствует церкви. Это покровительство позволяет церкви открывать новые храмы, добиваться определенных уступок, налоговых льгот и т.п. В свою очередь, власть заинтересована в том, чтобы ее поддерживал авторитет Церкви, легитимность которой ни у кого, даже у самых закоренелых атеистов, не вызывает сомнения в отличие от легитимности самой власти.

Но отношения государства и церкви всегда подразумевают еще одно действующее лицо — народ. Знаменитая формула графа Уварова это учитывала: равновесие в обществе достигается, когда диада (православие, самодержавие) пре-

вращается в триаду: ее неслиянным и нераздельным элементом становится нация. Но если в условиях николаевской Руси с «народностью» проблем не было: все крестьяне были христианами (чего нельзя сказать о тогдашней правящей верхушке), то сегодня народ состоит из верующих и неверующих. Последних, увы, большинство: даже по весьма оптимистичным оценкам священника Владимира Вигилянского православных в стране не более 30 процентов («Церковный вестник» 20.5.2005). Найдут ли дорогу в храм остальные — во многом зависит от деятельности РПЦ. И здесь очень важно, чтобы народ увидел в церкви свою заступницу перед лицом растущего социального и национального унижения.

В 2001 году РПЦ приняла социальную доктрину — документ, определяющий ее позицию в обществе и отношении к происходящим в нем процессам. То, что церковь заявила о своем социальном статусе, — факт сам по себе безусловно положительный. Но важно, чтобы этот документ не остался ее внутренним делом. Есть определенные ожидания народа в отношении Церкви. В условиях, когда его интересы, по существу, оказались попранными, он рассчитывает, что РПЦ окажется солидарна с чаяниями простых людей и что не без ее содействия понятие справедливости, изгнанное из социально-экономической практики современной России, снова займет подобающее место. Но оправдаются ли эти ожидания?

В достаточно объемном документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» нет слова «социализм». Его авторы не анализируют типы экономических отношений, ограничиваясь лишь констатацией: «Церковь признает существование многообразных форм собственности... Церковь не отдает предпочтения ни одной из этих форм». Принцип одинаковой удаленности, позволяет воздержаться от оценочных характеристик в вопросах присвоения результатов труда и поставить знак равенства между всеми типами социально-экономических конструкций: «При каждой из них возможны как греховные явления — хищение, стяжательство, несправедливое распределение плодов труда, так и достойное, нравственно оправданное использование материальных благ».

Разумеется, это так, но несправедливость несправедливости рознь. Если сравнить распределение плодов труда при социализме и в наши дни, сравнение будет явно не в пользу победившего капитализма. Да, стяжательство было и раньше, но разве оно принимало нынешние чудовищные и при этом безнаказанные формы? «Духовное благополучие и самосохранение общества, — говорится далее в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», —

возможны лишь в том случае, если обеспечение жизни, здоровья и минимального благосостояния всех граждан считается безусловным приоритетом при распределении материальных благ». И это не вызывает возражений: лозунг «всем хотя бы по минимуму» реалистичнее, чем «каждому по потребности». Однако возникает вопрос: как реализуется заявленный приоритет, да и реализуется ли? Сегодня даже по официальным данным каждый пятый житель нашей страны живет за чертой бедности, то есть получаемые им доходы ниже установленного правительством прожиточного минимума. Но при социализме в это понятие входило еще и бесплатное жилье, минимальная квартплата, низкая стоимость коммунальных услуг, оплачиваемая профсоюзом путевка в санаторий и многое другое, что нынешней экономике просто не по силам. Похоже, что советский прожиточный минимум и был тем самым «минимальным благосостоянием», которое имеют в виду «Основы социальной концепции». Таким образом, если говорить о «нравственно оправданном использовании материальных благ», то СССР был к нему гораздо ближе нынешней Российской Федерации.

Итак, распределение конечного — потребительского — продукта при социализме гораздо более справедливо, чем при капитализме. А, собственно, почему? Какова природа этого явления? Одна из главных причин заключается в том, что само производство этого продукта, по всей цепочке технологических переделов — от добычи сырья до получения готового изделия — в Советском Союзе также было «нравственно оправданным». Капиталистическое, рыночное производство, как известно, основано на законе конкуренции. Нет ничего более далекого от заповеди «возлюби ближнего твоего», чем этот закон. Не случайно, что не богоборческая идеология Страны Советов, а эгоизм «экономического человека» Адама Смита привел к постхристианской цивилизации, к которой сегодня усиленно приобщают нашу страну. Социализм отрицает хозяйственную деятельность, движущей силой которой являются корыстные интересы. Его экономика основывается на принципе солидарности.

Как это ни непривычно звучит, но хозяйственные отношения в бывшем Союзе базировались на субординации, копиравшей иерархию, основанную на христианских представлениях о миропорядке. Земное устройство по подобию небесного было основой государственного строительства еще в Византии. Третий Рим Москва нес на себе печать преемственности константинопольской империи, а Советская Россия не смогла до конца «преодолеть» это наследство.

Социалистическая экономика строилась на двух основных заповедях. Первая требовала от хозяйственника абсолютной приверженности высшей силе, организующей хозяйственный процесс (ее «небесами» была Старая площадь). Вторая заповедь имела отношение к «ближнему».

Кто есть мой ближний в системе хозяйственных отношений? На языке экономики — это смежник (для которого я, хозяйствующий субъект, являюсь поставщиком продукции), работник предприятия, стоящего в технологической цепочке вслед за моим. Если я добываю руду, мой смежник — доменщик, если получаю чугун — сталевар, затем — прокатчик, машиностроитель и так далее, пока цепочка не приведет к конечному продукту: автомобилю, холодильнику, тарелке супа... Социалистическая экономика через систему Госплана и Госснаба создала сеть кооперационных связей, то есть «назначила ближних». Она руководствовалась не только соображениями экономической целесообразности, но и стратегическими интересами государства, необходимостью решения социальных задач. Эта сложная сеть, по сути дела, превращала все предприятия страны в один огромный завод или в «единый большой крестьянский двор», как определяет советское народное хозяйство Сергей Кара-Мурза. Таким образом традиционный для старой крестьянской России общинный принцип был поднят на общегосударственный уровень и стал основой социалистического строя. Пока данный принцип оставался неизменным, Страна Советов была непобедима, что наглядно продемонстрировала Великая Отечественная война. Только устранив его, можно было приступить к ликвидации СССР.

Главный удар по системе взаимоотношений между предприятиями нанес Закон о государственном предприятии, принятый в 1987 году и одобренный в новой редакции Верховным Советом в 1990 году. Трудно понять, чем руководствовался глава Совмина Николай Иванович Рыжков, ведь данный акт выводил заводы из подчинения министерств и разрывал управленческую вертикаль в промышленности. Позднее он признает этот закон ошибочным, но где же было его понимание основ экономики, да просто элементарный инстинкт хозяйственника? Ни с того ни с сего отказаться от всего, чем ты руководишь, обескровив еще вчера могучие министерства?.. Вторая редакция закона рвала горизонтальные связи: выход на внешний рынок заставил руководителей предприятий забыть советского «ближнего» и полюбить заокеанского «дальнего». Вывозить нефть, уголь, металл,

удобрения на экспорт оказалось много выгоднее, чем поставлять на внутренний рынок. Упадок машиностроения, наукоемких отраслей, сельского хозяйства, превращение нашей страны в энергетический и сырьевой придаток западных стран восходит к тому самому закону. А в конечном итоге страдаем мы с вами: Россия, самая большая и самая холодная страна в мире, снабжает весь мир углеводородами, при этом каждый договор на прокладку очередной экспортной трубы выдается за нашу крупную победу. Вспомним апостола Павла: «Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного».

Таким образом, в сравнении с капиталистической, социалистическая форма собственности являет собой пример более нравственно оправданного использования материальных благ. Отмеченное Александром Панариным сочувствие нищим духом — слабым, униженным, угнетенным, — сближающее социализм с христианским учением, имеет, как видим, и четкую экономическую предпосылку.

Истории было угодно, чтобы революция в России совершилась не как революция религиозная, какой ее ожидали авторы упоминавшегося сборника «Проблемы идеализма». Шанс такой был: П.Б.Струве, Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков и С.Л.Франк, совершившие переход от марксизма к идеализму, надеялись оказаться в числе ее духовных лидеров. Исследователи обращают внимание и на тот факт, что первым вождем революции 1905 года стал священник Георгий Гапон, создавший массовую организацию «Собрание фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». Тем не менее шанс этот не был реализован. Победил социализм, основанный на атеистической идеологии, отрекавшийся от имперского наследия царской России.

Но полностью отречься не удалось. Больше того, логика развития СССР вела его по пути все более широкого включения в надстроечную конструкцию государства важнейших элементов традиционной христианской культуры, при том что принципы хозяйствования при социалистическом способе производства ближе к православной этике, чем при частнокапиталистическом, существовавшем в дореволюционной России. В этом особенность советского варианта модернизации. Как заметил Сергей Кургинян, «Сталин, проводя модернизацию, не разрушил традиционное общество, а укрепил его». Однако на пути наметившейся конвергенции, синтеза СССР и дореволюционной империи, который после смерти вождя шел отнюдь не ровно, встала команда Горбаче-

ва, связанная с мировой закулисой. Историю страны еще раз рубанули топором: на нашем временном отрезке появилась так называемая Новая Россия, которая отстоит от имперской гораздо дальше, чем Россия социалистическая.

Однако задача осуществить синтез православной империи и социалистической державы отнюдь не снята с повестки дня. Больше того, чем дальше будут отодвигаться сроки этого синтеза, тем более призрачным становится будущее Российской Федерации. Лишенная идеологии, которая объединяет ее граждан (а христианский социализм как раз и может стать русской — да и не только русской — идеей, органически вытекающей из истории нашего тысячелетнего государства), она обречена на рост национализма, сепаратизма окраин. Отказавшись от внятной экономической политики, от стратегического видения исторической перспективы, РФ обречена на роль сырьевого придатка. Но по мере вымывания природных ресурсов страны даже эту унижительную роль ей будет играть все труднее.

Возможно ли осуществить такой синтез? Казалось бы, если уж в начале прошлого века христианский социализм как массовое общественное движение и идеология не состоялся, хотя к тому были определенные предпосылки, чего можно ожидать сегодня? И все же Господом было попущено, чтобы революционные изменения в России в начале прошлого века прошли под красными знаменами, а не под христианскими хоругвями. Быть может, потому, что деятели вроде Гапона, какими бы благими ни были их намерения, могли принести беды не меньшие, чем революционеры-атеисты. Представим, что Церковь возглавила либеральное движение, неизбежно в тогдашних условиях принимавшее все более радикальные формы. Для христианского сознания это было бы, пожалуй, опаснее, чем большевистские гонения. Господь, прежде всего, охраняет Свою Церковь. По Божьей воле Россия в XX веке приобрела огромный, трагический, ни с чем не сравнимый исторический опыт. Игнорировать, перечеркивать его мы не имеем права. Думается, что этот опыт, как раз служит той почвой, в которой прорастут семена новой идеологии, синтезирующей православие и социализм. Создать такую идеологию и опираться на нее не означает ли пойти навстречу высшему замыслу о России? Не единственный ли это путь, на котором может длиться ее дальнейшее бытие?

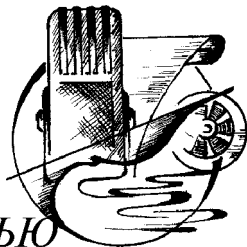
НАМ НУЖНА СКРОМНОСТЬ...

— Дорогой батюшка! Я столько раз брал у вас интервью, что, кажется, мы переговорили обо всем на свете. В этот раз я хотел бы построить нашу беседу иначе: я выбрал мысли и некоторые советы святых отцов и старцев наших дней и хочу вас попросить разъяснить на примерах некоторые из них, не вполне понятные мне. Итак, вопрос первый: *«Какая бы ни постигла тебя скорбь, не обвиняй в ней никого, кроме себя, и говори: это случилось со мной за грехи мои»*. Но вот меня ограбили автобандиты. Есть ли в этом моя вина?

— На все Промысл Божий. Господь говорит: *«У вас же и волосы на голове все сочтены...»* (Мф. 10. 30) А Промысл в чем заключался? Наверное, следовало тебя научить: во всем должно быть строгим. Едешь на машине, слышишь — что-то хлопнуло сзади: остановись, посмотри... Увидел, что дело плохо, — сразу вызывай милицию и представителей страховой компании, чтобы они разобрались в твоём деле. А ты попался на бандитскую удочку, пустился с ними в беседы...

— А не видны ли тут духовные корни, батюшка? Может быть, к деньгам своим неправильно отношусь?

— Есть и духовные корни. Я же просил тебя пожертвовать на монастырь,



НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

а ты пожалел... Вот дело-то в чем... Бывает, что за жену Господь мужа наказывает. Оба вы не выполнили того, что вам было сказано! А вообще-то по Божьему попущению и на святых угодников разбойники нападают... Вот на преподобного Серафима... Поймали батюшку, побили, кости ему сломали... А судиться-то он с ними и не стал!

— Батюшка, Православие говорит, что судиться православным нельзя...

— Это так, но тут тоже мудрость нужна. Сутяжничать, по судам бегать — нельзя. Для ветхого человека такое простиительно, а нам Господь Новый Завет дал. Но, с другой стороны, — надо и пресекать злодеев, а как тут без суда обойтись? Иди в суд и засвидетельствуй!

— Да не вызывают пока!

— Вот и хорошо.

— Вот второй мой вопрос: *«Люби молчать более, нежели говорить: от молчания ум сосредотачивается в себе, от многословия он впадает в рассеянность»*. А сейчас от мобильных телефонов прохода нет, даже в метро звонят. Тишину украли у Бога...

— Русская пословица говорит: «Молчание — золото, а слово — серебро». Бывает, правда, что хорошее слово скажешь и тем пользу людям принесешь. Бывает такое... Но разве мы сами своим словам судьи? Где же нам понять, какое из наших слов будет полезно, а какое — нет? Ты помни: были некогда молчалники, которые упражнялись в богомыслии, так они-то вошли в сонм святых угодников Божиих.

— Тогда третий вопрос. *«Родители не только за свои грехи наказаны будут, но и за детей своих, если их в благочестии не воспитывают»*. Помните, я рассказывал вам о письме матери, у которой сын-наркоман заразился ВИЧ-инфекцией? Она прочла мою былинку о том, как я отношусь к подобным людям (а я плохо к ним отношусь, честно скажу) и обвинила меня в нелюбви к ближним. Но разве она не видела, что ее сын становится наркоманом?

— Господь наказывает плохих родителей: не только простых людей, но и священников. Ты, наверное, читал о священнике Илие в Ветхом Завете? Сам-то Илий был человек добрый, богобоязненный, но вот детей своих распустил. *«Сыновья же Илия были люди негодные; они не знали Господа»* (1 Цар. 2, 12). Они ели хорошие части жертвенного мяса, а на всеожжение отдавали плохие... Ты должен помнить это! И что же? Илий был наказан Господом за то, что детей не воспитывал! Наказан смертью! Вот она, жалость-то родительская: ты не накажешь детей, так Господь тебя накажет.

— Четвертый вопрос: *«Бойся любопытства — это исследование чужих дел, за ним следует осуждение ближнего, а за осуждением казнь вечная во аде»*. Батюшка, а как же быть журналистам, собирающим сведения для материала? А я вообще грешен в осуждении других, но бороться с этим грехом очень трудно.

— А у разумных журналистов это не осуждение, а рассуждение: они рассуждают, как нам не впасть в плохие дела. Плохие поступки мы должны осуждать — это обязанность наша. Но, осуждая, рассуждай, чтобы твои слова пошли человеку на пользу, а не во вред. Вот писатель Лев Толстой: как он любил осуждать людей! И даже священников, и даже саму Святую Церковь!.. А что из этого вышло: теперь похоронен в Ясной Поляне рядом с собакой, и крестика над его могилкой нет...

— Говорят, что старцы видели, как его бесы в ад волокли...

— Но тут тоже нельзя в осуждение впадать. Писатель он был великий. Порой такие слова находил, просто слезы на глазах, когда читаешь. И как иногда правильно, мудро рассуждал! Но вот споткнулся на осуждении: решил, что раз он такой умный, то может любого осудить... Смотри на его печальный пример и думай: плохие дела журналисту можно описывать, — и даже плохие дела священников, монахов, — но без гордости, без самоуверенности, и с одной лишь мыслью — как бы людям не навредить.

— Пятый вопрос послушайте: *«Враг шепчет: надо скопить на черный день — кому вы будете нужны в старости?»* Ладно, не будем копить хоть понемногу... Но сейчас власть имущие заговорили о том, чтобы отменить пенсии по старости. Что же тогда делать старикам без накоплений?

— Что-то я такой новости не знаю. Я слышал, что Путин напротив — хочет повышать пенсии... Я тебе так скажу: новостей мы слышим много, из самых разных источников, и по глупости своей хорошего не хотим слушать, а худое нам так и западает в уши. А что касается накоплений, то премудрый сын Сирахов так прямо и говорит: *«Не отдавай другому имения твоего, чтобы раскаявшись, не умолять о нем. Доколе ты жив и дыхание в тебе, не заменяй себя никем; ибо лучше, чтобы дети просили тебя, нежели тебе смотреть в руки сыновей твоих»* (Сир. 33. 20-22). Есть очень хорошая притча: отец раздал сыновьям имущество и остался один, никому не нужен. А у него была шкатулка, наполненная медяками и закрытая на ключ... Тяжелая такая шкатулка... Как-то одна невестка увидела эту шкатулку: *«Это что в ней за тяжесть?»* *«Это, — говорит отец, — я скопил золота на черный день»*. И стали дети о нем заботиться, стали наперебой к себе звать: *«Может*

быть, у нас поживешь, папочка?» А когда умер отец и вскрыли шкатулку, то увидели, что в ней одни медяки, да записка: «Когда умру, раздайте это нищим!» Так что копить на старость не грешно. А вот если кто хочет духовного совершенства, тот пусть послушает Господа: *«Все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах»* (Лк. 18, 22). В древности юноша Антоний, когда услышал в церкви на евангельском чтении эти слова, не стал размышлять, подобно богатому юноше, а сразу все раздал — и стал Антонием Великим, отцом православного монашества.

— Вот шестой вопрос: *«Не открывай мыслей своих перед всеми, чтобы это не послужило причиной претыкания для ближнего твоего, но только тем, кто может спасти душу твою — духовным отцам»*. А я, вы знаете, батюшка, со всеми откровенен, и с вами особенно, и в книгах искренне пишу, и поделаться с собой не могу ничего.

— В первые века христианства была общая, всенародная исповедь, и у отца Иоанна Кронштадтского... Господь такую исповедь принимал. Но то были времена особые. Рассказывать все, что ты сделал, надо только духовнику, чтобы не знали люди. Грехи — страшная вещь. Что доброго, если они через твои уста расплзутся по миру? Почему тайна исповеди-то существует? В старое время, если духовник открывал исповеданное, то полагалось вытаскивать у него язык через шею! Это страшно. Вот я тебе расскажу о тайне исповеди. Это давно было. Один убийца исповедал свой грех священнику, а ночью пришел и свой окровавленный топор подкинул к нему же на двор! Когда убийство обнаружилось, стали улики искать, и нашли топор у батюшки. Тут бы священнику и рассказать о том, кто настоящий преступник, — а он молчит, не хочет исповедь раскрывать. С тем и в Сибирь пошел. А у него дома матушка с детьми осталась. Правда, владыка местный верил в невиновность батюшки и деньги семье его посылал постоянно, и детей учиться устроил. А потом у настоящего убийцы душа пришла к покаянию... Вернули батюшку из Сибири, и все село его как святого встречало...

— Мне почему-то вспоминается другой случай, когда один священник, уже покойный, явился во сне другому священнику, весь черный, и говорит: «Брат, ради Бога, помоги! Я записки-поминания не читал, затыкал их по углам... Достань их, ради Бога, и помолись за всех — и за меня тоже»... А вам, батюшка, мешками записки приносят..

— Ну, где ж я могу всех помянуть? Воздохну за Литургией: «Спаси Господи, всех сих людей, имена же их Ты Сам Господи еси!» А когда в Печерах бывал?.. Там же целые стопы, кипы

записок... Сидим и поминаем, поминаем — тысячи и тысячи имен... И слава Тебе, Господи: молятся православные, значит мир стоит — и еще долго простоит. Пока молитва идет, пока совершается Божественная Литургия, Господь нас сохраняет. И Россия будет сохранена, пока будет совершаться безкровная жертва и молитва непрестанная. Ведь у нас как? — в Петербурге вечером смолкает молитва, а на Камчатке уже утро — там молитва начинается: так Россия наша и спасается.

— Батюшка, а у вас нету ощущения начала конца? Все больше по миру землетрясений, катаклизмов...

— Господь говорит: *«О дне же том, или часе, никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец»* (Мк. 13. 32). Поэтому лучше просто просить у Господа: «Да будет воля Твоя, как на небе, так и на земле». Вмешиваться в промысел Божий мы не будем. Господь призывает нас к тому, чтобы мы были сосредоточены на молитве и на добрых делах, а не на угадывании сроков.

— Вопрос такой: *«Веселость — не грех, она усталость отгоняет, а от усталости уныние бывает, и хуже его нет»*. Но ведь хохот и громкий смех — это уже не веселость?

— Да, это уже праздность... Апостол Павел говорит, что у христианина и лицо всегда должно быть радостное. Эта радость оттого, что Господь искупил нас драгоценною Своею кровью. Апостол прямо советует: *«Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе»* (1 Фес. 5. 16-18) «Радутесь, праведные, о Господе, праведным подобает похвала», — слышим мы в прокимне. Когда человек радостный идет — и тебе самому легче становится жизненный крест нести. Как солнышко просветило! Как-то шли мимо меня туристы-иностранцы... Я улыбнулся, перекрестил их — так они даже просияли!

— Я вам, батюшка, не завидую, а просто радуюсь за вас: вы всегда в добром расположении... Как вы этого добиваетесь? А у меня этого нет. Я и грублю, я резко говорю, а потом каюсь.

— Если не слушают, надо и побранить... Иной раз надо по головке погладить, а иной раз...

— Очень тяжело прощения просить после этого. В Интернете нахамил одной женщине, а потом нашел в себе силы и попросил прощения. Но трудно было, честно скажу.

— Это по гордыне трудно.

— Да люди-то разные!.. Бывало, прошу прощения у человека, а он: «Ну, так уж и быть, принимаю!»

— А ты бы в ответ: «Спаси Христос!»

— Мне-то хочется, чтобы он понял и оценил мой подвиг.

— Он оценит. Он сразу не оценил, а потом оценит. Главное, чтобы ты от души прощения попросил: «Деточка, прости, я тут немного вспылал, характер у меня такой вспылчивый».

— Еще вопрос: *«Хотя грехи прощены посредством исповеди, но всю жизнь надо о них помнить и скорбеть, чтобы сохранить сокращение»*. А вы запрещаете упоминать об исповеданных грехах.

— Правильно. Когда операцию делают, то остается шов... Вот у меня палец, смотри — сколько лет со шрамом хожу! Это в Отечественную войну было. К празднику 7 ноября заставили нас командиры еловые ветки плести в гирлянду. А рукавиц-то не давали, — все голыми руками делали! А я тогда молоденький был и так накололся этими елками... Стою на посту, и палец у меня раздулся, как свекла... Кричу.. Меня быстро на «скорую помощь» — и в госпиталь... И прошло больше 60 лет, а рубец остался. Так и от греха: рубец на душе остается. Зачем его снова беспокоить? Раз уже покаялся, то все — прощаю и разрешаю! Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Благодать Святого Духа призвана на твою рану — и она целит, эта благодать! А сокращаться мы должны, конечно, но так, без воспоминаний о грехе, просто чувствовать в сердце, что много в жизни нагрешили, — прости нас, Господи!

— Даже милостыню надо давать с милостью в сердце. А это не милостыня же будет, когда ее швыряешь...

— Да... Мне один описывает: «У меня даже зло на этих нищих! Подаю им доллар, а душа так и кипит... Что они здесь стоят?! Чего требуют?!» Один пьяница отдал свою последнюю рубашку нищему, а потом раскаялся: «Что ж я приду домой голый?!» И взор устремил к небу, — а там уже ангелы несут его рубашку к Престолу Божию! Люди бедные, люди больные — им не только помощь нужна, но и ласка, участие. Почему хорошие врачи всегда спросят: «Ну, как там, Александр Григорьевич, чувствуешь себя?» — «Хорошо, спасибо, доктор!»

— Да не говорят они так! Сидят, в бумаги уткнувшись...

— Это плохо. Когда во время войны мне на руку гипс положили, сколько там вшей завелось под гипсом! Это же мучение было! А доктор не верил: «Ну что ты, Ваня, какие бредни! Что ты все чешешься?» А потом, когда все выяснилось: «Как ты мог только терпеть это?» Поэтому я и говорю, что доктор, как пастырь, должен быть внимательным. Ласковое слово наполовину исцелит.

— А я вам все хочу рассказать один случай. На Невском в переходе к Садовой безрукий инвалид сидит. А у меня куча мелочи была. Ну, думаю, отдам ему! И вывалил я ему эту мелочь на колени. А он со словами: «Гривенники мы не бе-

рем», — ловко так култышкой — шелк-шелк-шелк! — и все мои гривенники выкинул на асфальт. Больше я к нему не подходил. Вот, какой случай был... Ну, теперь еще один вопрос. *«О проводящих жизнь без скорбей Святое Писание говорит: горе им — они забыты Богом и не дети Божию»*. А в молитве Господней «Отче Наш» мы просим: «И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

— Это совсем другое. Испытания от лукавого — это подстрекательство ко греху, а скорби посылаются для очищения нашей совести. Одна барыня пришла к старцу Оптинскому и говорит: «Батюшка, меня Господь забыл! Столько лет у меня никаких скорбей не было!» Не было у нее никаких скорбей, вплоть до того, что индюшка ее вывела много индюшат, и ни один из них не погиб, и она скорбела, что Господь ее забыл совсем. Вот, какое у нее было глубокое понимание духовной жизни. Бывает очень много скорбей одному, как праведному Иову; а другому Господь дает благосостояние, после трудов великих дает тишину. Как и в море бывает: то заволнуется волнами, а то тишь и гладь, Божья благодать. В мире так все и идет потихонечку.

— *«Всегда помни, что нет никого, кто бы не требовал советника, создавшего премудрость»*. Я ваше духовное чадо 12-й год, и всегда пытаюсь в трудном положении угадать: «Это батюшка благословит, это нет, а об этом и думать нечего!..» Но не могу сказать, что мои догадки были правильными. Часто даже совсем неправильными! Я прошу триста поклонов для серьезно провинившегося работника, а вы говорите — один! Я удивляюсь, а работник от одного поклона исправляется. Нет, отец Иоанн, без духовника не прожить и дня.

— Потому что мы на себя очень надеемся. И с поклонцами так же: одна раба Божия делала по пять тысяч поклонов, а когда духовник дал ей 15, то она не смогла это послушание выполнить...

— А я вот авву Дорофея не могу прочитать, батюшка!.. Вы меня благословили и епитимью наложили, но не могу и все...

— Надо авву Дорофея читать, надо — и новоначальным и монахам: очень полезно. А поклоны... Я помню, мне как-то дали пять поклонов. А я в сердце подумал: «Десять сделаю!» И на десятом поклоне у меня нога-то и вывернулась! Не встать никак. Вот я и подумал: «В другой раз сколько тебе сказано, столько и делай, не своевольничай».

— Так как же мне, батюшка быть: я же не всегда могу дозвониться до вас или увидеть вас...

— А ты просто воздохни: «Господи, как мне плохо!» — Господь сразу и откроет...

— Я пытаюсь — не получается... Что же выходит: столько лет и ничему я от вас не научился?

— Значит, я плохой духовник, что не научил ничему.

— Это я плохое чадо... Но вот следующий вопрос: *«Мы не так радуем диавола, когда грешим, как радуем его, когда отчаиваемся»*. А сколько раз я плакался вам, что газета погибла! Но вы всегда утешали и молились, и все выправлялось. Значит, я слабый...

— Раз ты считаешь себя слабым, Господь сделает тебя крепким. «Господь крепость людям Своим даст, Господь благословит люди Своя миром». Главное — охраняй мир в душе. И если будет мир, то все в тебе будет — и смирение, и кротость.

— Следующий вопрос, батюшка: *«Долги — хуже грехов. В грехах покается человек, и Бог его простит, а за долги будет истязать не только в настоящей, но и в будущей жизни»*. Это о каких долгах речь? О долге перед родителями? Или еще о чем?

— А о всяких... *«И остави нам долги наши, как и мы оставляем должником нашим»*. Я часто говорю всем: не лезьте в долговую яму! Сейчас всякие ипотеки, кредиты... Одна женщина взяла полмиллиона... Прошло три года — она ко мне бежит: «С меня требуют уже полтора миллиона, батюшка!» Я говорю: «Деточка, сколько раз я вам говорил в церкви — не лезьте в долговую яму!» Поэтому, когда у меня просят, я даю и даже не спрашиваю, отдадут или нет. Дадут — спасибо, а не отдадут — тоже спасибо.

— Значит, если тебе не отдадут книгу, не надо ее требовать назад?

— Не надо. Только помолись за него: «Господи, пусть эта книжка (или, скажем, копейка) поможет ему! Исправь его, Господи!» И у тебя на душе спокойно будет, что ты помог человеку. Но самодовольство тоже развивать не надо: что ты будешь кичиться своей добротой?

— Ну, гордыня, она воспитывается везде, при любом случае... Вот другой вопрос: *«Если христианин и все исправит, а ближнего не пользует, то не войдет в царствие небесное»*. А помните, батюшка, как я настойчиво пытался привести маму в храм, а вы запретили мне это делать?

— Невольник — не богомольник.

— Больше ничего не скажете? Что ж... Далее: *«Приучайте себя всячески к тому, чтобы больше радоваться, когда с вами презрительно обходятся, укоряют и даже обижают, нежели когда ласкают и приветствуют. В этом самый надежный путь к смирению»*. И вы меня учите «Мертвый будь, когда тебя хвалят или ругают». Но у меня плохо получается, особенно, когда ругают...

— Вот ты сам и ответил. Будь мертвым — вот и все.

— Трудно это, батюшка...

— Очень хорошо, что трудно!

— Язык-то быстрее выскакивает, чем подумать успеваешь... Далее: *«Следует удаляться от предмета соблазна. Чего не видит глаз, то не приходит на мысль, а чего нет в мысли, то не трогает воображения и не пробуждает страсти»*. А вот вы, батюшка, не позволили мне побывать в Польше, где я провел часть детства. Решительно говорили: «Эк тебя лукавый подталкивает!» Я все равно хотел ехать, но Бог остановил. А почему нельзя побывать на месте своего детства? Или есть другая причина?

— Я не был на месте своего детства 60 лет... 60 с лишним лет... Не так давно мы с отцом Валерианом Жиряковым поехали туда. И не нашел я ни фундамента того дома, ни школы... И храма того не нашел, в который я ходил молиться...

— Расстроился?

— Не расстроился... Я привез оттуда цветов красивых. Помолится там же в годы войны погибли тысячи и тысячи... И в церкви помолитесь мы с отцом Валерианом о их упокоении. Все было хорошо, но лучше, конечно, не приезжать... Я даже на приходы свои прежние никогда не возвращаюсь. Воспоминания — они и горькие бывают...

— Но ведь не убежишь от воспоминаний-то, батюшка, особенно в старости. Все равно вспоминаются и детство, и юность, и хорошее, и плохое... Причем, плохое меньше вспоминается: мозг человеческий имеет такую особенность...

— Да, детское все кажется хорошим. Хотя и голод был, и холод, но мы, детки, все пережили спокойно...

— *«Для большинства людей скорби за грехи посылаются Богом через их домашних»*. Я в этом убедился. Но когда позвонила дочь, я не стал с ней разговаривать, а вы сказали: «Надо бы поговорить, Саша...» Тут я совсем запутался: вы же не благословили с ней общаться...

— Господь велит вопрошающему отвечать. А раз она вопрошала, значит, хотела что-то у отца узнать или, может быть, благословение от тебя получить — самой или на детей...

— Душа болит о ней, батюшка...

— Обо всех должна болеть.

— При переживании скорбей, болезней, напастей и истощении духовных сил советуется часто причащаться. Вы знаете, батюшка, у меня бывает такой шум в голове, что я становлюсь в церкви безчувственным. И ноги в храм не идут...

— Господь приводит нас в чувство... Сядь, помолись, если стоять не можешь... Почитай молитвы... Пусть у тебя ничего

в мыслях не осталось, но как один говорил старец: «Если грязный сосуд часто окунать в воду, то он будет чистый. А чистый сосуд Господь в любое время может наполнить благодатью». Так и ты: главное, омывай себя молитвой, но считай себя недостойным пред Господом, безчувственным, как чурбан. А Господь сам, когда надо, вольет благодать Свою.

— *«Не желайте никаких видений, ни снов — это очень опасно; желайте лишь одного откровения: «Господи, дай мне зрети мои прегрешения».* А я часто рассказываю вам свои сны — и вы иногда объясняете мне их смысл...

— Есть сны, а есть сновидения — видения во время сна. Помнишь, как Иосиф разгадал фараоновы сновидения?

— Да я Ветхий Завет плохо знаю...

— Сон и сновидения — это большая разница. Помнишь, как некий инок разгадывал братьям сны? Нечистый посылал им сны, а тому монаху внушал, как их следует толковать. И все его предсказания сбывались! И так этот «провидец» уверился в своей всегдашней правоте, что вскоре нечистый его и запнул: показал ему во сне, что все христиане во главе с апостолами идут во ад, а иудеи — в рай. Ну, тот и поверил, потому что до сих пор никогда не ошибался. Поверил, принял иудейство, обрезание... Потом его черви живым съели. Вот как пагубно верить снам.

— Но разные ведь сны бывают... Бывают и от Бога...

— От Бога — сновидения. Поэтому будем надеяться на Господа: надеющийся на Господа, как гора Сион, не подвижется вовек. Надо — Господь сам откроет.

— *«Чтобы ваши мысли всегда были чисты, выберете для себя одну какую-нибудь краткую молитву и повторяйте ее. Она будет освящать ваши чувства».* Мне очень нравится по четкам молиться: «Господи помилуй» — почти непрерывно. Но иногда молитва ни за что не идет...

— Нет настроения на молитву — это когда согрешил, или что... А нет настроения, так надо принудить себя. *«От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его»* (Мф. 11. 12). Надо заставить себя. Вот сейчас мы заставили себя и беседуем. А не заставил бы я себя? — «Ну что там за вопросы, к чему на них отвечать?..»

— Конечно, интервью — это работа.

— Вот! Так и духовная работа над собой должна быть.

— *«Будем избегать во всем (одежде, пище, мебели и пр.) излишества и не преступать пределы наших нужд, ибо мы должны будем дать отчет за все Господу».* Я вам привез из Греции теплые тапки с помпончиками, как у них принято, а вы их отрезали. Отрезали за ненадобностью? Ведь красиво...

— Мы не привыкли к таким украшениям... Нам надо, чтобы скромность была в одежде... А у греков даже солдаты с такими помпонами в почетном карауле перед парламентом вышагивают. Раз мода такая у них — что тут же сделаешь? У каждой нации свои порядки, а мы, русские, — скромные.

— Да, много лишнего сейчас у нас, мирян, много лишнего покупаем за ненадобностью.

— Вот я читал: немецкие дамы по два-три платья только имеют в году: одно выходное, одно домашнее, одно для больших праздников... Как и императрица наша святая Александра Федоровна: она все приходы-расходы расписывала...

— Она же немкой была...

— Нам нужна скромность, скромность и скромность. Скромность никого не портит. И в обстановке, и в одежде. А приходишь к епископу, а там мягкие кресла, все точеное-золоченое... Может быть, это и хорошо: у него же всякие бывают люди, и президенты даже... Но мы знаем, что у святителя Филарета Московского очень скромная была келья.

— А я владыку Иоанна (Снычева) вспоминаю... Его кельюшка настолько скромная была, кроватушка чуть ли не солдатская, шкаф с книжками...

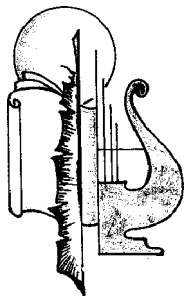
— Вот! А мне митрополит Григорий (Чуков) вспомнился. Какая была скромность у него! А нас, студентов, он как родной отец принимал. Ну, кто сейчас будет так же нянчиться с нами?

— А вот вы нянчитесь, батюшка!

— Я уже старый. Что я могу еще сказать? Бог да благословит и помилует всех.

ПОСТМОДЕРНИЗМ: ГЛУБИНА ПУСТОТЫ

Мы живем в эпоху тотального наступления пошлости во всех сферах нашей жизни: политической, общественной, бытовой — и, разумеется, культурной. И, может быть, в первую очередь культурной: стереотипы и моды, которые навязываются современными культовыми деятелями, напористо «раскрученными» в соответствующих СМИ, постепенно становятся элементами нашего каждодневного бытия. Создается впечатление, что этот процесс (организация вторжения пошлости в нашу жизнь и культуру) кем-то даже контролируется. Иначе чем объяснить тот факт, что миллионнотиражный (и не без оснований считающийся солидным!) еженедельник «Аргументы и факты» реанимировал несколько лет назад известность скандального пошляка Вл. Сорокина, предоставив ему практически целую полосу для интервью. И со страниц «АиФ» сей деятель *русской* литературы смел порицать Льва Толстого за то, что он дает несовершенные образы Наташи Ростовой (не живописуя читателю, как она писает) и Анны Карениной (не упоминая о запахе ее подмышек). Так был дан старт очередного витка «раскрутки» этой одиозной фигуры, ставшей ныне главной на шахматном поле манипуляций нашим с вами культурным сознанием.



ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Увы, именно сорокины с их интересом к *низкому* правят нынче бал в современной российской культуре; во всяком случае, именно их «произведения» имеют *хороший сбыт на рынке*.

Впрочем, вопрос о рыночном сбыте — это вопрос, требующий особенного рассмотрения: в любом обществе во все времена существовали и существуют маргинальные (в духовном смысле) потребители кунштшюков такого рода авторов. Опасность в том, что сорокины агрессивны (как и полагается бизнесменам, делающим «бабки» в культуре, в данном случае — на самых низких людских несовершенствах и пороках) и пытаются распространить свое «искусство» за естественные пределы маргинальности. Это выдается за поиски новизны, «самобытности взгляда на проблему» и проч. Приемчик не нов, но действен.

Когда-то малоизвестный живописец Малевич закрасил черной масляной краской очерченный им на холсте квадрат, забрал холст в рамку, назвал сию картину незатейливо: «Черный квадрат» — и выставил ее. Опешившие от такого нахальства художественные критики затеяли скандал, из-за которого «Черный квадрат» и подобное ему приобрели обвальную популярность. Безымянный Малевич стал мировой знаменитостью. Так появился очередной модернистский «изм»: супрематизм. Так появились и умножились «невиданные доселе глубины постижения действительности» и т.п. О таких «глубинах» Гегель ещё в начале XIX века писал: «Если это и глубина, то глубина пустоты».

В конце семидесятых, когда этот «Черный квадрат» впервые открыто выставлялся в Москве, в Манеже, многие культурные деятели и эстеты, тонко чувствующие стиль, отходя прочь, со скорбным выражением на лице пожимали плечами и произносили: «Чёрт знает что!»

Воистину: *черт знает что!*

Эта эмоциональная присловица поневоле приходит на ум, когда глядишь на шагаловских уродов с вывороченными ступнями, летящих над уродливым, словно привидевшимся в болезненной галлюцинации Витебском (или каким-то другим селением). Этим же «черт знает что» отзывается душа любого нормального человека, прочитавшего, скажем, такой пассаж литературного критика А.Немзера, «обслуживающего» постмодернистов: «Тяжкий бред уходит — чистота бестелесности, бездумности, бездуховности (два последних слова здесь должны пониматься без привычных отрицательных интонаций. — **Н.Б.**) безвластно властвуют над тем, что только казалось мирозданием». Или: «Черная пустота как немыс-

лимый синтез культурных языков... Поэтика тайны. Скрытая динамика сюжета, разрешающаяся в игровое ничто. Значимое как незначимое. Случайное как двигатель смысла...» И т.д. Такая «постмодерновая» критика! «Безвластно властвуют...» Господи, пронеси.

Вырисовывается картина вполне безрадостная. Не безнадёжная, а пока еще безрадостная. В душе рождается праведный протест: доколе, Господи?! Неужто люди не понимают, что они в действительности творят? Неужто Сорокин, мечтающий оказаться в известную минуту рядом с ночным горшком Наташи Ростовской и «посмотреть», не понимает, что пожирание его персонажами собственных экскрементов не несет в себе никакого положительного культурного смысла и представляет собою лишь мерзость гадостную, которая разрушает культуру?! Неужто Пелевин, при его образовании и таланте, не знает, что его целлюлоидная проза лишена жизненного тепла и, следовательно, к подлинной культуре не относится? Неужто А. Немзер не ведаёт, что использование в литературной критике таких терминов, как интертекстуальность, автометаописание, орфографический плюрализм, недоцитата, архетипы в сновидениях, полисемия, аграмматизм и т.п. — это не что иное, как ложное глубокомыслие, ничего общего не имеющее с подлинной интеллектуальностью, а сильно смахивающее на насмешку над российским читателем, на издевательство над ним, и, опять-таки, не строящее культуру, а разрушающее ее?!

Каждый благоразумный человек задается вопросом вопросов, ответ на который все расставляет по своим местам. Этот вопрос прост и ясен: **зачем?** Зачем творится все это? Зачем читать Сорокина? Зачем читать Пелевина? Зачем читать Немзера? Что чтение их текстов даст душе? Разумного ответа на эти простые вопросы (кроме ответа «ничего» на последний) нет. За этими «творцами положительного содержания не маячит. Они творят не культуру, а акультуру, или антикультуру, или паракультуру (у интеллектуала Немзера надо бы спросить, он дока в подобной терминологии) — словом, нечто, лежащее *вне* культуры. «Черт знает что».

Но если спросить самих творцов-постмодернистов, зачем они делают то, что делают, ответ будет столь же прост, как и вопрос: *делаемое ими востребовано на рынке.*

Куплено у подобных творцов все на корню: и рукопись, и вдохновение (пожалуй, не для их бумагомарания это высокое пушкинское слово). Доллар! — пригвождает их к позорному столбу продажности творческого дара, если таковой

имеется хоть в малейшей степени. Доллар! — подпитывает как на дрожжах рост их популярности и культурной лжезначительности.

Но самое печальное: у сорокиных есть читатель.

Вот что тревожно. Бедный наш всеядный российский читатель, чаще молодой, в очередной раз обманутый крикливой рекламой! Вот что требует осмысления. Но это уже, увы, не литературный факт. Это уже должна анализировать другая наука — социология.

Модернизм с постмодернизмом существуют не сами по себе и родились не сегодня (и не совсем в России, скажем так). По всему миру бушует эта проказа, будь она неладна. Началась она невинными «черными квадратами» и «голубыми периодами», продолжилась дурацкими «дыр-бурщыл»-ами и летающими уродами, развивается и укореняется различного рода ядовитыми интертекстуальностями, насекомостями и тресканьем литературного кала. Но все эти разнородные явления (к которым относится, кстати, сделавшаяся привычной и малозамечаемой от частого употребления — но исподтишка действенной! — агрессивная пошлюга рекламных роликов: неперменная составляющая нынешнего быта) имеют в себе что-то объединяющее — тот набор «культурных» (а на деле антикультурных) ценностей, которые нынче навязываются нам в качестве обязательных для употребления, «новых», «престижных», «модных» и пр.

«Глубина пустоты». А постмодернисты в ответ: «свобода самовыражения», «я так вижу», «демократизм мнений. И сорокины с пелевиными твердят: «как хочу, так и пишу». И проходимцы от шоу-бизнеса зарабатывают миллионы на гнусной, зомбирующей молодежное сознание попсе, говоря при этом: «как хочу, так и пою», «что хочу, то и пою». И — хором: «Раз нам платят, значит, мы нужны». (Замечание в скобках: прежде чем выколачивать прибыль от сбыта, надо оплатить «раскрутку». Вопрос в скобках: кто оплачивает их «раскрутку»?) Так в долларовых страстях сливаются вместе уличная попсово-демократическая глобалистская культура и творчество наших «интеллектуалов»-постмодернистов, порождая монстра антикультуры.

«Черт знает что».

Мы вполуха, морщась от брезгливости, слушаем попсу и рекламные слоганы — а тем временем «тьмы низких смыслов» прут наверх, на свет, верша свою непотребную «культурную революцию».

Да, антикультура, в основе которой лежит идеология всеобщего злобного разрушения и опошления подлинных ценностей. Идеология — отравляющая сознание и с особой силой воздействующая на незрелые умы. Такая культура» в XXI веке станет самонаказанием человечества, это первый звонок духовного вырождения в примитивов. Увы, это не преувеличение. Беда стучится в ворота! Это очень важно. Это суперважно!

И это совсем не так безобидно, как кажется. Например, связан ли с насаждением антикультуры рост (длительный, уже почти век длящийся) наркомании? Очевидно... Анализируя происходящее в современной культуре, приходится оглядываться на социологию. Выросло **целое молодое поколение — без идеологии, без культуры, с большим сознанием** (среди них, как свидетельствует статистика, высок процент просто больных людей: алкоголиков, наркоманов, психически нездоровых).

Господство антикультуры — стволовой больной нерв современной культурной ситуации в России! Следуя ему, необходимо пристально и пристрастно рассматривать уродливые ответвления от него, рахитичные, но многочисленные и опасные своей многочисленностью нервики, пронизавшие и изъязвившие плоть нынешней российской культуры. Имена «творцов», попавших в намагниченное долларовым притяжением поле «культуры пустоты», у всех ныне на слуху: В. Пелевин, Д. Пригов, Вик. Ерофеев, В. Сорокин и др. Массмедиа нарастили и приумножили их «творческую бездну» в виртуальной реальности лжи. Поэтому необходим пристрастный культурологический анализ постмодернизма, развенчивающий при ярком свете истины ложную многозначительность его современных апологетов.

МГНОВЕННЫЙ ВЗГЛЯД

САМЫЙ СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ

Много раз я встречался и беседовал с теми, кто помнил последний мирный день перед Великой Отечественной войной, и все говорили, что он был необыкновенно ясным и солнечным. А ведь люди жили в разных концах страны и, естественно, погода на таком огромном пространстве не могла быть одинаковой. Скорее всего, им этот день таким представился, ибо потом наступило поистине черное время.

Так же очевидцы говорили и о дне, когда они узнали, что война окончилась. Он тоже был светлым и солнечным. Неужели везде? Едва ли такое могло быть. Вероятно, Победу люди отождествляли со светом и солнцем.

Впрочем, почему бы и нет? Почему Бог не мог послать в тот радостный день благодать всему народу-победителю?..

ТАК АУКАЕТСЯ ВОЙНА

Великая Отечественная война и спустя шесть с лишним десятилетий после ее окончания аукается в памяти уже послевоенных поколений.

Рассказывает уроженец белгородского села Проходное Николай Найдёнов:

— Мать мне рассказывала, что мои дядя Петр и Михаил пропали без вести в



ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

сорок первом году. Когда фронт стал приближаться к нашему селу, им, подросткам призывного возраста, поручили отогнать колхозный скот к Острогожску. Назад дядя не вернулся. С тех пор об их судьбе ничего не известно.

А не так давно я узнал историю о герое-танкисте — Петре Найдёнове, который в бою под Прохоровкой, будучи водителем танка, получил тяжелое ранение глаз и, уже не видя, управлял машиной, руководствуясь указаниями командира, давил гусеницами фашистов. Подумалось: а не мой ли дядя это был? Та же мама говорила, что наш Петро с детства увлекался техникой, на тракторе работал. Может быть, отогнав скот, он попал в армию, стал танкистом, воевал в родных местах, и даже совершил подвиг? Или герой-танкист всего-навсего однофамилец? Сейчас ищу документы, кем же все-таки был тот Найдёнов.

ПОДМЕНА

Этот монолог я услышал не от гуманитария, а от тридцатилетнего финансиста, отчего сказанное им приобретает еще более актуальный смысл.

Я записал его слова.

— Мне кажется, сейчас происходит подмена всего естественного искусственным. Одежда — из тканей, изготовленных при помощи «химии», то, чем питаемся, — плоды генной инженерии. Мы уже редко говорим слово «друг», чаще — приятель, а ведь дружба и приятельство далеко не одно и то же... Любовь постепенно уходит из жизни, остается брак, а то и вовсе секс.

Даже денег реальных сейчас нет. То есть они существуют, но в основном на карточках, сосредоточены в банках. Вроде бы вкладчики имеют определенный капитал, но расчеты постепенно переводятся на «безналичку», и поддержать деньги в руках удастся не всем их имеющим. А уж о тех, кто живет на кредиты, и говорить нечего.

Я понимаю — технический прогресс, цивилизация. И все-таки жаль чего-то уходящего, исчезающего навсегда. Ведь как ни красивы газоны с посаженными цветами и скверы с подстриженными деревьями, — луга с ромашками и васильками, естественные леса привлекательней — душа радуется, а не только глаза улаждаются.

ПЕРЕПЛЁТЧИЦА

У нее умелые руки. После окончания школы обучилась профессии переплетчицы, работала много лет в небольшой

полиграфической фирме. Переплетала книги, делала папки, памятные адреса, да и все, что требовалось, выполняла. Но финансово-экономический кризис — будь он неладен! В фирме сокращение работников. Женщину предупредили: ищи новое место.

Просмотрела газеты. Переплетчицы не нужны: кто нынче книги покупает и читает? А вот фирме по оказанию ритуальных услуг требуется работник — цветы неживые делать. Пошла. Попробовала. У нее получилось. Взяли на работу. Теперь она своими ловкими пальцами цветы клеит, к венкам их прилаживает. Заработок хороший и постоянный. Заказов много. Нынешнее время этому способствует.

ЕСЛИ НЕ ПОМНИТЕ «ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ»...

Так сказать, продвинутой молодой преподаватель объясняет школьникам, как здорово уметь пользоваться компьютером.

— Ребята, у вас в руках мощнейший источник информации. Ну, к примеру, забыли вы стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье...» Но хоть строчка-то в голове осталась! Набрали ее на компьютере, и он выдаст полный текст. Видите, какая польза!

Вот ведь как, оказывается, нынче все просто! Не надо учить бессмертные стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, обязательно знать нашу классическую литературу, да и вообще школьную программу. Зачем? Можно просто-напросто научиться тыкать пальцем в клавиатуру компьютера — и пользуйся чужими знаниями! Только что после такого тыканья останется в голове?

Впрочем, этот вопрос скорее риторический. Тотальная компьютеризация надвигается все агрессивней.

ТРИ ОКУРКА

Ясный еще довольно теплый осенний день. Фонтан возле местного Госуниверситета. Оригинальные скамейки с отдыхающими студентами.

Присаживаюсь на одну из них. Смотрю вниз. На цветной плитке — три окурка. Сигареты с белыми фильтрами. Тонкие, дорогие. На «бычках» — следы губной помады.

Урна — рядом, около другого конца скамейки. Но прекрасным курильщицам, по-видимому, лень было подняться. А скорее всего, они и не подумали бросить окурки в урну.

Подходит пожилая женщина с веником и совком, молча подбирает «бычки».

ДЕРЕВО ДЕТСТВА

Дерево моего детства — черемуха. Высокие с толстыми стволами и раскидистыми ветвями, тонкие гибкие кустарниковые заросли весной покрывались белопенным цветом, и мы, мальчишки, любили играть под ними, осыпаемые нежными лепестками. А еще была примета: зацветает черемуха — начинает клевать карась. Самое время идти на рыбалку.

С момента цветения мы начинали ожидать, когда же появятся черемуховые плоды. Сначала они бурели, а потом становились черными, и тогда мы забирались на деревья и лакомились терпко-сладкими горошинками. Порой наедались до оскомины, показывая друг другу языки: черный? А зимой наши матери и бабушки пекли пирожки с черемухой, заготовленной впрок. Вкуснее тех пирожков, кажется, я ничего не едал.

Уже будучи взрослым, я переехал из дальневосточного города, где прошли мои детство и юность, на Белгородчину и был удивлен: черемуха здесь почему-то не плодоносит, и дети не знают ее вкуса. Решил: наверное, сорт какой-то особенный, пустоцветный. И когда однажды жена поехала в Новосибирск к родственнице, которая работает в ботаническом саду, я попросил привезти куст черемухи самого лучшего сорта.

Почти пять тысяч километров проехало деревце, тщательно обмотанное влажной тряпкой, чтобы корни не засохли. Мы посадили его на дачном участке осенью, а весной оно зазеленело, выбросило несколько цветущих кисточек.

За лето кустик окреп, подрос, а следующей весной цвета на нем было значительно больше. Стали ждать плодов, и они появились — по несколько штук на кисточке и то не на каждой.

Прошло более десятка лет. Черемуха стала высоким деревом с густой широкой кроной, но как следует она так и не плодоносит, а немногочисленный урожай еще до созревания склевывают птицы.

Другая земля. Другое небо. Другой воздух. Но я всё жду...

ДНЕВНИК РУССКОГО

1989 г.

18 февраля

Л.М. Леонова очень заинтересовало сообщение в телепередаче «600 секунд» из Ленинграда, где было сказано, что многие жители окрестностей Ленинграда и Петрозаводска (а также Финляндии и Швеции) видели в небе НЛО (неопознанный летающий объект), который менял свою форму, делаясь похожим то на шарообразное облако, то на грушу. Из НЛО исходило четыре луча. Комментируя это сообщение, Леонов сказал, что он давно убежден в существовании иной цивилизации. Характерно, что в качестве безусловного авторитета, с мнением которого по этому вопросу он очень считается, Леонов назвал болгарку Вангу. Она говорила ему, что для инопланетянина мы являемся «подопытными», что их цивилизация несравненно выше нашей.

На днях у Леонова был в гостях знакомый болгарин, который и переводил Леониду Максимовичу воспоминания о Ванге, написанные ее племянницей и опубликованные в болгарском журнале «Литературен фронт». Болгарский профессор Лозанов за многие годы работы с Вангой задал ей около 20 тысяч вопросов, среди которых есть вопросы и об НЛО. Больше всего Леонова заинтересовали от-



ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

веты Ванги, как она видит умерших. Оказалось, что она их видит как бы прозрачными, являющимися как бы отражением на воде. При появлении умершие «называют» Ванге свои имена. Суммируя, могу засвидетельствовать, что тема ясно-видения, желание «заглянуть» в незнание, находящееся по ту сторону доступного нам, является у Леонова естественным продолжением и развитием того, что Достоевский называл «соприкосновением иным мирам». Хочу подчеркнуть, что Леонов не повторяет Достоевского. Это является сутью обоих писателей, «настроенных» на одну «волну» едва ли не с детства, а точнее — с самого рождения.

В журнале «Вопросы литературы» (1989, №1) опубликована беседа литературоведа Лысова с Леоновым. Леонов дал мне почитать эту публикацию, названную «Человеческое, только человеческое...», и сказал о своем собеседнике добрые слова, как о человеке умном, образованном. Беседа между ними состоялась летом прошлого, 1988 года.

Тема пушкинского «Пророка», можно сказать, является у Леонова едва ли не самой любимой в последние годы. И сегодня он опять говорил о «Пророке», анализируя каждое слово. По Леонову, «томление» художника «духовной жаждою» является куда интереснее, чем сам процесс — «глаголом жги сердца людей». Леонов со свойственным ему сарказмом говорил, что и Пушкин, и Гоголь, и Достоевский, и Толстой до того усердно «жгли сердца людей», что всё насквозь прожгли. Так что за нынешнее «медицинское состояние» человек в ответе все русские классики.

Чтобы все-таки «оправдать» пророков, Леонов как опытный «драматург» примирительно заметил:

— Впрочем, мы не знаем последнего акта...

Этими словами Леонов как бы подвел черту и «сомкнулся» с известным умозаключением Пушкина: «Ум человеческий не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из ононого глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая — мощного, мгновенного орудия Провидения».

После ужина слушали по радио музыку Эдварда Грига. Я спросил мнение о нем Леонова. Оказалось, что Григ кажется Леонову слишком простым. На мой вопрос, как бы Леонов «выстроил» ряд любимых композиторов, он назвал Баха («Страсти по Матфею»), Генделя, Гайдна, Шуберта, Рахманинова... Однако заметил, что опера «Алеко» ему не нравится.

Георг Фридрих Гендель (1685—1759) — гениальный мастер ораторий, главным образом на библейские темы («Саул», «Израиль в Египте», «Мессия», «Самсон», «Иуда Маккавей»

и др.). «Будьте утешны...» — так начинаются слова «Мессии», оратории, которую часто слушает в записи Л. М. Леонов. «Он был презрен... Аллилуия... Амен...»

Я передал Леонову приглашение посетить Троице-Сергиеву лавру. Оказалось, что он уже был там в нынешнем году по приглашению своего знакомого монаха. Когда я сказал Леонову, что у него есть возможность встретиться в Лавре со старым схимником-ясновидцем, то Леонид Максимович ответил, что разговор может не состояться, ибо монахи в своих беседах, как правило, не выходят за рамки ортодоксии. Из этого я понял, что Леонов, съездив в январе с. г. в Лавру, уже «обжегся» и второй раз не хочет делать этого.

Леонид Максимович просил меня при случае посмотреть в библиотеке книги по истории Эдуарда Гиббона (1737—1794), где есть якобы упоминание о том, что Александр Македонский, взяв в 333 году до н. э. город Тир, казнил много людей.

— Две или двадцать тысяч? Не помню, забыл, — сказал Леонов и добавил: — У меня есть книги Гиббона по истории, но они так заставлены, что теперь я до них не смогу добраться.

Придя домой, я посмотрел Энциклопедический словарь Брокгауза и другую литературу. Оказалось, что город Тир при Александре Македонском имел население 35 тысяч человек. Во время осады и взятия города погибло 8 тысяч человек. Эти данные я сообщил Леонову, которому это нужно, как я понял, для «Мироздания».

23 февраля

Когда я пришел к Леонову, он еще не закончил работу и диктовал Ольге Яковлевне. Буквально выбежав из кабинета, он попросил меня подождать и сунул мне в руки «Мелкого беса» (1907) Федора Сологуба (1863—1927). Позже, когда мы пошли гулять, я спросил у Леонова его мнение о романе Сологуба. Оказалось, что гротескно-сатирическое изображение автором русской провинциальной жизни во многих отношениях не устраивает Леонова.

Как и в прошлый раз, гуляя, Леонов много говорил об НЛО. Последнее сообщение об НЛО он вычитал в «Литературной газете» (1989, 22 февраля). На этот раз НЛО появилось над Израилем в районе порта Хайфа. НЛО имел форму сигары и светился неоновым светом. Его наблюдали в течение 15 минут. Меня поражает та острота, ненасытность познания, с которой Леонов относится к жизни. Он часто повторяет, даже сетует, что ему не придется досмотреть «последнего акта» жизни. Можно не сомневаться, что в своем «Мироздании по Дымкову» Леонов,

конечно, изложит свои ответы и прогнозы о будущем человечества, ибо до конца дней он — «духовной жаждой томим».

Вчера Леонид Максимович ездил в Глазной институт, где его принимал один из сподвижников академика Федорова. Диагноз неутешительный: левый глаз видит плохо, правый тоже сильно сдает. Леонову грозит слепота... Однако никакой трагедии из этого он не делает.

«...стану жить. Хорошо бы собаку купить». Этими стихами Бунина, не без иронии в свой адрес, закончил Леонов рассказ о неминуемости жизни.

Сегодня к Леонову приходила внучка Горького Марфа Пешкова (1925 г. р.). Она приносила старую фотографию и просила опознать, кто изображен на ней. Леонов предположительно «опознал» среди окружения Горького бывшего замнаркоминдела Уманского. Сам Леонов на этой, ни разу не публиковавшейся фотографии стоит в сторонке, в дверях.

По Би-би-си передавали известие о скандале в связи с публикацией в английском издательстве «Пингвин» антиисламского романа Салмона (Соломона) Рушди «Сатанинские суры». В романе брошена густая «тень» на пророка Мухаммеда и его жен и таким образом вбит клин в отношения между Западом и исламским миром. Я высказал предположение, что это, быть может, наша «работа». Леонов был удивлен таким предположением и ответил, что в нынешнем нашем положении у нас нет таких людей, которые могли бы организовать подобную акцию. Чтобы «подтолкнуть» автора к созданию «Сатанинских сур» в расчете на конфронтацию Запада и стран исламского мира, надо быть крупной личностью. Таких личностей в русском Генштабе и среди царских дипломатов раньше было в достатке. Теперь же, по Леонову, мы оскудели до нельзя. Как бы в подтверждение этого Леонов указал на выступление М. Горбачева в Киеве, передававшееся по ЦТ. Президент страны долго перечислял наши недостатки, говоря о невыполнении плана «по яйцам, шерсти, молоку...» Леонов отметил в речи Горбачева низкий «удельный вес» мысли, перечислительность, поверхностный объективизм. Речь М. Горбачева быстро наскучила Леонову, и он выключил телевизор.

Продолжая свои рассуждения, Леонов говорил о насущной необходимости поднятия уровня образования в стране. В качестве одной из неотложных задач он считает введение повсеместного изучения латинского языка.

— На месте Горбачева я ввел бы изучение латыни в первый же день своего правления, — сказал Леонов и как бы в подтверждение этого прочитал на латинском языке отрывок из речи Цицерона (106—43 до н.э.) против Катилины (ок. 108—62 до н.э.).

Я для себя заметил, что римский политический деятель, претор Катилина в 66 — 63 годах до н. э. пытался захватить власть, привлекая недовольных обещанием кассации долгов. Заговор был раскрыт оратором и писателем Цицероном. Какую силу имели писатели!

6 марта

Я был немало удивлен и обрадован, когда, придя к Леонову, застал его за работой. Ведь еще позавчера он был «на краю» — дважды терял сознание, падая, ударился головой, провел несколько неприятных часов в больнице, продрог и плохо спал ночью, а сегодня, лежа в кровати, диктовал и на слух правил роман. Ольга Яковлевна сказала мне, что работа эта адски трудная. Поскольку Леонов читать роман страницу за страницей не может, то он слушает, удерживая в памяти каждую фразу, а потом, прослушав страницу, возвращается к прочитанному и начинает «утрамбовывать» текст, обогащая его мысль, при этом зорко следя за формой изложения и эмоциональной окраской каждого абзаца.

Позже, когда мы ужинали, сидя в столовой, зашла речь о Хемингуэе (1899—1961). Я сказал, что в свое время (в начале 1950-х годов) на меня произвели впечатление «Снега Килиманжаро», «Симплонский тоннель» и другие рассказы Хемингуэя. Леонов выслушал меня и, настроившись на заданную «волну», легко и непринужденно начал «набело» диктовать рассказ в духе Хемингуэя. Я невольно вспомнил при этом М.А. Булгакова, которого в 1925 году Леонов буквально поразил своим умением «делать» рассказы. А ведь именно тогда, в 1920-е годы, как признавался позже сам Хемингуэй, он учился писать у Андрея Платонова (1899—1951). Думается, что неслучайно Хемингуэй упомянул среди своих учителей именно Платонова, а не Леонова, которого за рубежом переводили не меньше, чем Платонова. Зато никто иной, как сам Булгаков признал, что Леонов как рассказчик работает на зависть здорово и красиво. (Любопытно, что все трое — Леонов, Платонов и Хемингуэй — ровесники.)

И вот теперь, уже совсем на закате, Леонов, говоря о Хемингуэе и его апологетах, и вовсе не выпячивая достоинства той литературы, к которой он сам принадлежит, заметил:

— Может быть, это такое поветрие?

За этим вопросом нельзя было не расслышать убеждение Леонида Максимовича, что у русской литературы свое предназначение — глубокое, философское осмысление сути жизни, напряженные, мучительные поиски художником истины вселенской охватности. Как бы продолжая эту мысль, Лео-

нов говорил, что искусство — это когда весь огромный мир сфокусирован под крупной линзой и можно не спеша рассмотреть и любоваться им, обдумывая его связи, закономерности и возможные «ходы».

Памятуя совет Леонова, который он неоднократно повторял, хочу еще раз заметить, что ход леоновской мысли всегда непрост, поэтому я не настаиваю на дословности его речи. За общее же содержание мысли могу поручиться.

После ужина Леонов опять лег на кровать. Я сел в кресло рядом и специально не заводил никаких разговоров, чтобы дать ему отдохнуть. Он лежал на спине и напряженно о чем-то думал. Я тем временем разглядывал книги в шкафу: Пушкин, Достоевский, Гоголь, Паскаль, Мильтон... Старинные издания, таких сейчас днем с огнем не сыщешь. Леонов повернулся в мою сторону и стал рассказывать, какие книги и как ему достались. И грустно стало от его рассказов, как после революции родовые библиотеки, собранные за столетия, шли с молотка, распродавались оптом и в розницу, вагонами отправлялись за границу.

Пришла навестить отца Елена Леонидовна. Чтобы как-то оживить беседу, перевести ее в иную плоскость, она стала недоумевать и даже укорять меня за то, что я в свое время (в 1979—1980 годах) возбудил вопрос о постановке памятника на могиле «ниспровергателя» русской художественной традиции К.С. Малевича (1878—1935). Дело в том, что недавно в газете «Московский художник» и журнале «Декоративное искусство» появились заметки по этому поводу, где упомянулась моя фамилия как инициатора «воскрешения» Малевича. Я рассказал, что в результате моих переговоров с дочерью художника Анной Казимировной ее отец был «подзахоронен» в могилу ее матери, которая находится в ограде церкви, что в селе Ромашкове. Могила и прах художника были в свое время (в 1940-е годы) уничтожены, поэтому православный священник совершил обряд (условного!) предания земле К.С. Малевича и еще раз отпустил ему «вольные и невольные грехи». А грехов у Малевича действительно было много. Он, пожалуй, как не многие другие, поусердствовал, когда громил Академию художеств, выбрасывал на улицу античные слепки, резал полотна старых мастеров на холстики для этюдов своих студентов. И все-таки я не раскаиваюсь в «содеянном». Милосердие и милость к падшим... Малевич был сыном католика и православной — простой украинской крестьянки, крещен он был по католическому обряду. Жена Казимира Севериновича была православной, дети — тоже. Чтобы положить ко-

нец всяким домыслам о якобы еврейском вероисповедании К.С. Малевича, мы с Анной Казимировной и решили прибегнуть к помощи православного священника. Когда я рассказал обо всем об этом, Леонов выступил в роли третейского судьи, и Елена Леонидовна, кажется, урезонилась. Вскоре она ушла и в знак примирения пригласила меня в мастерскую.

Леонов обратил мое внимание на старую фотографию, хранящуюся им в книжном шкафу. Зарядье сфотографировано там с колокольни, с самого Ивана Великого. Причем резкость изображения такая, что позволяет рассмотреть все дома и переулки, где прошло детство Леонова.

— В лупу можно рассмотреть даже Николу Мокрого, где отпевали деда, — сказал Леонид Максимович и вдруг неожиданно спросил: — Я похудел?

— Нет, Леонид Максимович, ничуть...

Леонов попросил меня включить музыку. Слушали запись Ростовских звонов, сделанную мною в 1963 году.

— Сколько вы получили за организацию записи Ростовских звонов? — спросил Леонов, когда мы уже прощались.

— Ни копейки, — ответил я, — лишь партийное взыскание... за посев «опиума» для народа.

— Вот так у нас во всем, — сказал Леонов. — А за границей платят шесть процентов с каждой пластинки. Могли бы безбедно жить и работать, к чему есть призвание.

Из последних газетных новостей большое впечатление произвела на Л.М. Леонова опубликованная в «Правде» (1989, 27 февраля) беседа с известным американским экономистом лауреатом Нобелевской премии, иностранным членом АН СССР Василием Леонтьевым. Леонов особо отметил слова Леонтьева, с которыми он полностью солидарен: «Фактор заинтересованности — вот что чрезвычайно важно, чтобы люди хорошо работали... Надо задействовать рыночный механизм... Вы не должны допустить роста розничных цен, это опасно для перестройки... В этой связи надо строго контролировать цены, не допускать необоснованного их роста, что очень важно с политической точки зрения, в плане поддержки перестройки народом. Тут дело обстоит сложнее, чем с введением гласности. Плоды гласности люди вкусили сразу, особенно интеллигенция. С преобразованием экономики труднее. Я бы сделал главным приоритетом поддержание уровня жизни».

— Интересно, встречался ли Горбачев с Леонтьевым? — сказал Леонов, имея в виду разговор, который мог бы между ними сложиться.

10 марта

Тайное стало явью, в гнев всколыхнувшей Россию. Два месяца назад заведующий лабораторией Института литосферы АН СССР Ф.Я. Шипунов, выступая в Загорске во Дворце культуры им. Ю.А. Гагарина, сказал, что уровень радиации в Загорском районе из-за выброса на промплощадке загорского отделения Московского научно-производственного объединения «Радон», занимающегося захоронением радиоактивных отходов (РАО), превышает допустимую норму в 5 — 7 раз. Вслед за выступлением Ф.Я. Шипунова появился ряд статей в загорской газете «Вперед» (9 и 11 февраля 1989 г.) и в газете «Московский литератор» (17 февраля 1989 г.), в которых шла речь о деятельности МОСНПО «Радон» и об экологической опасности, нависшей над Загорском. Сегодня по этому поводу мне позвонил Л.М. Леонов. Он убежден в несомненной преднамеренности захоронения радиоактивных отходов именно в непосредственной близости от святыни русского народа — Троице-Сергиевой лавры.

Конечно, ничего подобного не могло произойти ни в каком другом месте паломничества — ни в Мекке, ни в Медине, ни в Лхасе, ни в Риме. Только в России такое стало возможным. Началось это давно и, что сыграло определяющую роль, по личному указанию В.И. Ленина: недрогнувшей рукой он подписал приказ о вскрытии раки с мощами преподобного Сергия Радонежского и разоблачении «надувательской сущности «всех подобных «кукол». То, что Сергей в христианской, крестьянской Руси почитался патроном русского народа, молитвенником за него пред троном Вседержителя, Ленину было не только чуждо, но вызывало у него злость и раздражение, ибо он яро ненавидел «идиотизм деревенской жизни». Дело Ленина достойно продолжал с 1925 года председатель Союза воинствующих безбожников Е.М. Ярославский (Миней Губельман). Троице-Сергиева лавра, окрестные монастыри, скиты, сельские церкви с древними погостами — все это стало на долгие десятилетия своеобразным «полигоном» по отработке приемов и способов атеистической «пропаганды», «сигналом» ко всеобщему наступлению на этом «фронте» послужило переименование в 1930 году Сергиева Посада в Загорск в честь В.М. Загорского (Лубоцкого), бывшего секретаря Московского комитета партии, убитого в 1919 году. Во всей истории переименования городов в России трудно найти пример большего оскорбления и попрания национального достоинства. Переименование древнего города, являющегося религиозным центром и святыней русского народа, в честь гонителя Православия, сына «резака» еврейс-

кой синагоги — все это было закономерным следствием политики партии, звеном в цепи мероприятий года «великого перелома» по уничтожению российской деревни, тотальному искоренению «идиотизма деревенской жизни». Продолжая эту тенденцию, власти в 1961 году подписали постановление о создании близ Лавры кладбища радиоактивных отходов и таким образом превращения в будущем самой Лавры в кладбище.

С годами радиоактивных отходов близ Сергиева Посада накопится столько, что они не только сделают невозможным проживание коренных жителей, но и не позволят паломникам приходить и приезжать к Троице. Вот тогда ленинская идея и осуществится — с «идиотизмом деревенской жизни» будет покончено бесповоротно.

— Кто поверит после этого в отсутствие преднамеренности захоронения радиоактивных отходов близ Лавры? — возмущался Леонов. — Другого места не могли найти. Так что все идет по плану...

В связи с тем что Леонову трудно стало читать, он попросил меня рассказать ему, что нового пишут в газетах. Я обратил его внимание на статью писателя Григория Калюжного «Забытая моя деревенька», опубликованную сегодня в «Комсомольской правде» (10 марта 1989 г.). В наше время экологических катастроф, — пишет Калюжный, — незнание материальной части страны, ее истории и природы равносильно преступлению... Вот почему по инициативе московских писателей и ученых ВАСХНИЛ сегодня создается «Энциклопедия российских деревень» — общественно-научная организация с правами просветительской и экономической деятельности. Цель общества состоит в изучении, сохранении и развитии культурно-исторического наследия крестьянства России и издании энциклопедического свода информации о деревенском мире... О масштабах истинной народной трагедии говорит тот факт, что только за 10 лет, с 1959 по 1969 год, в нашей стране погибло 236 тысяч сельских поселений — в 3,5 раза больше, чем за всю Великую Отечественную войну!

— Пахотные земли зарастают кустарником, а они все мелиорацией занимаются. Скоро из России пустыню сделают, — заключил Леонов.

Договорились, что если Леонид Максимович будет сносно себя чувствовать, то на Благовещение мы поедем к Троице.

12 марта

Раньше Л. М. Леонов неоднократно повторял, что не собирается печатать роман при жизни, и пояснял: «По личным мотивам». Потеря сознания («звонок», как он сам сказал),

падение и травма — все это явилось своеобразным толчком для принятия им решения начать печатать роман. Сегодня Л. М. позвонил и спросил мое мнение по этому поводу. Я решительно поддержал его, сказав, что публикация первых глав дает стимул для продолжения работы. К Леонову должен приехать главный редактор журнала «Москва» М. Н. Алексеев, и они договорятся о сроках сдачи материала и его объеме.

13 марта

Л. М. Леонов с интересом ждет предстоящий Пленум ЦК КПСС, который должен открыться 15 марта. Поэтому обсуждение проблем экономической жизни было сегодня в центре его внимания. Леонов на этот счет настроен пессимистично — слишком долго, считай целый век, мы упустили, и теперь догнать США, Японию, Западную Европу не удастся. В доказательство Леонов привел откровенное признание Ленина, опубликованное в газете «Известия» 9 марта 1989 года (№ 69) в статье В. Сироткина, доктора исторических наук. В статье сказано, что Ленин в самом конце 1923 года продиктовал своим секретарям следующее: «Конечно, мы провалились. Мы думали осуществить новое коммунистическое общество по шучьему велению. Между тем это вопрос десятилетий и поколений. Чтобы партия не потеряла душу, веру и волю к борьбе, мы должны изображать перед ней возврат к меновой экономике... как некоторое временное отступление. Но для себя мы должны ясно видеть, что попытка не удалась, что так вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни нельзя...»

Если мы «провалились» уже к концу 1923 года, то в какой яме находимся сейчас? С утопическим «развитым» социализмом, как считает Леонов, покончено бесповоротно, а вот что «светит» нам в будущем, одному Богу известно.

Позже, когда мы вернулись с прогулки (первой после болезни) и слушали радио, Леонов, глядя на современный радиоприемник и продолжая нить предыдущего разговора, рассказал своеобразную притчу. В 1923 году (после выхода в свет двух его книг!) Л. М. купил детекторный радиоприемник. На задней стенке приемника была наклеена бумажка с предостережением, что «вскрытие» радиоприемника грозит уголовной (!) ответственностью. Любопытство Леонова было таково, что он пренебрег предостережением и разобрал приемник. И что же? Внутри он нашел пару катушек с магнитом (колебательный контур) — и больше ничего! Для того чтобы приемник работал и было слышно в головные наушники, надо было совместить два «магических» кристаллика — и все дела. С тех давних пор техника далеко шагнула вперед, а вот «пси-

хология людей, навыки их вековой жизни» меняются не вдруг и неспешно движутся своим обычным ходом.

Чтобы понять эту простую истину, вовсе не обязательно заглядывать в ученые труды Маркса—Энгельса. Достаточно было полистать всего лишь одну книгу — Писание. «Иже глубинами мудрости человеколюбиво вся строя, и еже на пользу всем подавая...» — закончил свою притчу Леонов словами древнего «Канона за единоумершего».

Сегодня Л.М. чувствовал себя неважнецки, поэтому я не стал долго задерживаться у него. Из замечаний Леонова в ходе нашей беседы хотелось бы выделить лишь одно. Говорили о Евгении Евтушенко и его публикации в газете «Советская культура» (кажется, за 11 марта 1989 г.). Леонов сказал, что Евтушенко — человек лукавый, криводушный, он ему не верит и народ, судя по всему, тоже не верит.

Пришла Наталья Леонидовна и пригласила меня в гости. Между прочим, она сказала, что у нее хранятся два письма Ванги с ответами на вопросы Леонова. Попрошавшись с Леонидом Максимовичем, я пошел к Наталье Леонидовне и просидел у нее за разговорами об НЛО до глубокой ночи. Оказывается, основную информацию об НЛО Леонов получает от дочери, которая на эту тему собрала массу газетных и журнальных публикаций, книг, отчетов и пр. Из публикаций известно, что в США уже в конце 1940-х годов был создан музей НЛО, потерпевших катастрофы, аварии. В музее есть и замороженные (заспиртованные) трупы инопланетян.

16 марта

Позвонил Л.М. Леонов и спросил, как мог быть одет Мефистофель, можно ли сказать, что на нем была альмавива? Я ответил, что альмавива — короткий плащ специфического покроя. Мы же привыкли видеть Мефистофеля, в том числе шаляпинского, в длиннополом плаще. Леонов поблагодарил и сообщил мне, что вчера у него был М.Н. Алексеев и забрал первые тридцать страниц «Мироздания».

Слава Богу! Лед тронулся.

18 марта

Николай Бердяев в книге «Смысл истории» (Опыт философии человеческой судьбы) пишет: «В исторической судьбе человечества можно установить четыре эпохи: варварство, культура, цивилизация и религиозное преображение... Религия не может быть частью жизни, загнанной в далекий угол... Но русскому сознанию дано понять кризис культуры и трагедию исторической судьбы более остро и углубленно, чем

более благополучным людям Запада. В душе русского народа, быть может, сохранилась большая способность обнаруживать волю к чуду религиозного преобразования жизни. Мы нуждаемся в культуре, как и все народы мира, и нам придется пройти путь цивилизации. Но мы никогда не будем так скованы символикой культуры и прагматизмом цивилизации, как народы Запада. Воля русского народа нуждается в очищении и укреплении, и народ наш должен пройти через великое покаяние. Только тогда воля его к преобразению жизни даст ему право определить свое призвание в мире».

Нет ничего удивительного в том, что философ Николай Бердяев и писатель Леонид Леонов, будучи русскими людьми, прошедшими через горнило революции, каждый по-своему и независимо друг от друга приходят к главной, изначальной мысли всякого духовного преобразования: «Покаяния мы отверзи двери...»

Читая воспоминания В.В. Шульгина «1920-й год» (Л.: Прибой, 1926), зримо представляешь время, когда Л.М. Леонов в составе 15-й Инзенской дивизии участвовал в разгроме Врангеля. Спустя без малого полвека судьба свела меня с людьми, стоявшими по разные стороны Перекопа — с писателем Л.М. Леоновым и бывшим членом Государственной думы России В.В. Шульгиным (1878—1976), принявшим 2 марта 1917 года отречение от престола императора Николая II. Узнав, что В.В. Шульгин живет с женой во Владимире, я в 1967 году без звонка и письма заявился к нему в гости. Он меня любезно принял. Мы говорили без свидетелей. Шульгин подарил мне очерк, напечатанный в журнале «Вопросы истории», и пригласил заходить к нему. Шульгину тогда было примерно столько лет, сколько сейчас Л.М. Леонову. Они чем-то похожи.

Вечером позвонил Л.М. Леонов, просил напомнить, в каком памятнике литературы есть рассказ, как инок летал на бесе в Иерусалим к заутрене. Как звать инок, из какого монастыря? Я ответил, что о подобном событии рассказывается в «Повести о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим» — памятнике литературы XV века, посвященном Новгородскому архиепископу Иоанну, жившему в XII веке. В повести использован легендарный мотив поимки заключенного в сосуде беса, довольно распространенный в памятниках житийной литературы. Я предложил Л.М. Леонову имеющуюся у меня «Хрестоматию по древнерусской литературе» Н.К. Гудзия (М.: Просвещение, 1973), где в сокращенном варианте есть «Слово о великом Иоанне, архиепископе Великого Новаграда...». Леонов поблагодарил и сказал, что полученной информации ему достаточно.

Поехать завтра со мной в Троице-Сергиеву лавру (и на вечер, посвященный 70-летию со дня смерти В.В. Розанова) Л.М. не сможет, так как боится, что не хватит сил и на дорогу, и на впечатления...

19 марта

Рано утром, когда я уже собирался уходить из дому, чтобы ехать в Троице-Сергиеву лавру, позвонил Л.М. Леонов. Мы поздравили друг друга с праздником. Леонов попросил меня узнать у монахов, как называется ларь, в котором хранятся свечи в церкви. Я ответил, что свечи в церкви хранятся в свечном ящике. Леонов усомнился в этом. Я обещал уточнить и позвонить ему из Лавры. Положив трубку, я еще раз подивился целеустремленности и жизненной энергии Леонова, неукротимому желанию его работать над романом буквально до последнего вздоха.

20 марта

Позвонил Л.М. Леонову и сказал, что, будучи у раки Сергия, я поставил свечу и помолился за всех, за близких и друзей, и за него — писателя Леонида Максимовича Леонова. Старику Леонову было приятно, что за него пред Сергием — поклон и молитва: «Преподобный отче Сергие, моли Бога о нас».

Монахи, которых я расспрашивал, просили передать писателю Леонову, что у них свечи в храме хранятся в свечном ящике и никак иначе.

Леонов спросил меня, как прошел вечер памяти В.В. Розанова. Я коротко рассказал и добавил, что после вечера мы уже в сумерках ездили в Черниговский монастырь, где некогда бывал и он, Леонов. В потемках в полуразрушенном монастыре помянули В.В. Розанова и К.Н. Леонтьева, похороненных друг возле друга. Надгробие ни того, ни другого не сохранилось. Всё порушили...

Я до сих пор корю себя, что не съездил на могилу В.В. Розанова с его дочерью Татьяной Васильевной (1895—1975), с которой был знаком. Она бы хоть место захоронения отца мне показала, а то ведь теперь мы ищем по описаниям. Как быстро мы всё растеряли.

«Всякая любовь прекрасна. И только она одна и прекрасна. Потому что на земле единственное «в себе самом истинное» — это любовь. Любовь исключает ложь... Гаснет любовь — гаснет истина...» (В.В. Розанов).

Продолжение следует